

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 1 (11)

САРАНСК
2009

У ч р е д и т е л и:

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

*Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

Основан в 2006 году

Главный редактор

В. А. Юрченков

Заместитель главного редактора

Г. А. Куршева

Ответственный секретарь

Т. И. Кильдюшкина

Р е д к о л л е г и я:

Е. Н. Бикейкин, Е. В. Глазкова, Т. М. Гусева, О. В. Зарубина,
И. В. Зубов, Д. Ф. Ильин, А. Н. Келина, И. Г. Кильдюшкина, В. А. Ломшин,
Л. И. Никонова, Е. Г. Скворцова, А. В. Чернов

Адрес редакции:

430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, каб. 304

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Гераськина И. Н., Кильдюшкина И. Г. Бенчмаркинг как инструмент стратегического управления	9
Бибина Н. М. Кооперативная деятельность: сущность и современное нормативно-правовое регулирование	17
Ишаева Е. В. Развитие отечественной потребительской кооперации	25
Инюткина Л. В. Связь в Республике Мордовия: исторические этапы создания и современные тенденции развития	35
Липатова Л. Н., Тингаева М. В. Сравнительный анализ уровня бедности в России и Мордовии	41

ИСТОРИЯ

Видяйкин С. В. Налогообложение мордовского населения Арзамасского уезда в первой трети XVII в.	54
Шкердина Н. О. Правовое регулирование земельных отношений в Среднем Поволжье по материалам российского законодательства первой половины XVIII в.	60
Сафонова Н. В., Гусева Т. М. Деятельность В. И. Кубанцева как руководителя Саранской городской думы: государственная служба провинциального предпринимателя в середине XIX в.	66
Гусева Т. М., Сафонова Н. В. Промышленное развитие уездных городов Среднего Поволжья в 60-е гг. XIX в.	71
Айзатов Р. Р. Воспроизводство населения на территории мордовского края второй половины XIX — первой четверти XX столетия	77
Юрчёнков В. А. Мордовия в период Гражданской войны и «военного коммунизма»: проблемы историографии	84
Сальникова Э. Ю. Деятельность партийных и советских органов Мордовии по реализации тыловой оборонительной стратегии 1941 — 1942 гг.: Сурское спецукрепление	114
Задкова Т. Ю. Демографическая динамика сельского населения Мордовии в середине 1950-х — первой половине 1960-х гг.	119
Бикейкин Е. Н., Самуйлова И. Н. Система образования в Мордовии и ее роль в социокультурной жизни региона (1960-е — середина 1980-х гг.): историография проблемы	126
Юрченков Р. В. Нормативно-правовая база пенитенциарной системы в СССР в 1960-е — начале 1990-х гг.	138

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Булавин А. В.</i> К вопросу об истоках формирования имперского сознания в России	142
<i>Рузавин Л. Н.</i> Регионализм как принцип территориальной организации государства (на примере стран Европы)	147
<i>Афоница В. М.</i> Интернет и политика в современном мире	154
<i>Ивлиев С. А.</i> Формирование этнического сознания: политико-идеологический аспект	160

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Спицина О. В.</i> Обычное право как основа семьи и семейных отношений	166
<i>Кириллова Е. А.</i> Сельское жилище русских в Мордовии	170
<i>Аксенова Т. В.</i> Обряды русского населения Республики Мордовия, связанные с жилыми и хозяйственными постройками	179
<i>Комарова И. В.</i> Монастырская пища в системе жизнеобеспечения (по материалам монастырей Республики Мордовия)	188

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Гурьянова Л. А.</i> «...Цветы мордовские цветы на русском сарафане...»	192
<i>Сокорова И. П.</i> Семантика мотивации в конструкциях вывода—обоснования, представленных синтаксической формой бессоюзного сложного предложения (на материале мокшанского языка)	198
<i>Цыплякова О. Ю.</i> Сложноподчиненные предложения с придаточными причины и следствия в эрзянском языке	202
<i>Шеянова И. И.</i> Роман-сказание К. Г. Абрамова «Пургаз». Влияние сказовых начал	207
<i>Кирдяева Т. Д.</i> Общность финно-угорских литератур и пути ее изучения	214
<i>Шаронов А. М.</i> О своеобразии эрзянской эпико-героической поэзии	221
<i>Пивкина С. В.</i> Велень озкс в традиционной обрядности мордвы	229

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Бикейкин Е. Н., Захаров А. В.</i> Стабильность и кризис как состояния в развитии систем	236
<i>Куршева Г. А.</i> Становление педагогического образования в Мордовии и культура речи	241
<i>Моисеев А. К.</i> Этноконфессиональная ситуация в Республике Мордовия на современном этапе	245

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	251
АРХИВЫ	254

CONTENTS

ECONOMICS

Geraskina I. N., Kildjushkina I. G. Benchmarking as an Instrument of Strategic Management	9
Bibina N. M. Cooperative Activity: Essence and Present-Day Legal Regulation	17
Ishaeva E. V. Development of the Domestic Consumer Cooperation	25
Injutkina L. V. Communication in the Republic of Mordovia: the Historical Stages of Formation and Modern Progress Trends	35
Lipatova L. N., Tingaeva M. V. Comparative Analysis of the Poverty Level in Russia and Mordovia	41

HISTORY

Vidjaikin S. V. Taxation of the Arzamass District Mordovian Population in the First Third of the XVII Century	54
Shkerdina S. V. Legal Regulation of Land Relations in the Middle Volga Region Based on Materials of the Russian Legislation of the First Half of the XVIII Century	60
Safonova N. V., Guseva T. M. V. I. Kubantsev's Activity as the Head of the Saransk Town Duma: Civil Service of a Provincial Entrepreneur in the Middle of the XIX Century	66
Guseva T. M., Safonova N. V. Industrial Development of District Chief Towns of the Middle Volga Region in 60s of the XIX Century	71
Ajzatov R. R. Reproduction of Population in the Territory of Mordvian Land of the Second Half of the XIX — the First Fourth of the XX Century	77
Yurchenkov V. A. Mordovia in the Period of the Civil War and «The Military Communism»: Problems of Historiography	84
Salnikova E. Yu. The Party and Soviet Organs of Mordovia Activity for Realization of the 1941 — 1942 Rear Defense Strategy: Sura Special Fortification	114
Zadkova T. Yu. Demographic Dynamics of Rural Population of Mordovia in the Middle of 1950s — the First Half of 1960s	119
Bikejkin E. N., Samuilova I. N. The Education System in Mordovia and Its Role in Sociocultural Life of the Region (1960s — the Middle of 1980s): Historiography of the Problem	126
Yurchenkov R. V. Legal Base of the Penitentiary System in the USSR in 1960s — the Beginning of 1990s	138

POLITICAL SCIENCE

<i>Bulavin A. V.</i> To a Question of the Sources of the Imperial Consciousness Formation in Russia	142
<i>Ruzavin L. N.</i> Regionalism as the Principle of Territorial Organization of a State (Based on the Example of European Countries)	147
<i>Afonina V. M.</i> Internet and Politics in the Modern World	154
<i>Ivliev S. A.</i> Formation of Ethnic Consciousness: Political and Ideological Aspect	160

ETHNOGRAPHY

<i>Spitsjna O. V.</i> Common Law as the Foundation of a Family and Family Relations	166
<i>Kirillova E. A.</i> Rural Dwelling of the Russians in Mordovia	170
<i>Aksenova T. V.</i> Rites of Russian Population of the Republic of Mordovia Connected with Dwellings and Household Buildings	179
<i>Komarova I. V.</i> Cloister Food in the Life-Support System (Based on Materials of Monasteries of the Republic of Mordovia)	188

PHILOLOGY

<i>Gurjanova L. A.</i> «...Mordovian flowers were in blossom on Russian sarafans...»	192
<i>Sokorova I. P.</i> Semantics of Motivation in Conclusion—Substantiation Constructions, Represented with the Conjunctionless Compound Sentence Syntactic Form in the Mordovian (Moksha) Language	198
<i>Tsypljakova O. Yu.</i> Compound Sentences with Adverbial Clauses of Cause and Result in the Erzya Language	202
<i>Shejanova I. I.</i> Novel-legend «Purgaz» by K. G. Abramov. Influence of the Saga Beginnings	207
<i>Kirdjaeva T. D.</i> Commonness of Finno-Ugric Literatures and Ways of Its Study	214
<i>Sharonov A. M.</i> About the Uniqueness of the Erzya Epic-Heroic Poetry	221
<i>Pivkina S. V.</i> Velen Ozks in Traditional Ritualism of the Mordvins	229

CULTURAL THEORY AND HISTORY

<i>Bikejkin E. N., Zakharov A. V.</i> Stability and the Crisis as States in the Systems Development	236
<i>Kursheva G. A.</i> Formation of Pedagogical Education in Mordovia and Standard of Speech	241
<i>Moiseev A. K.</i> Modern Ethnic and Religious Situation in the Republic of Mordovia	245

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	251
ARCHIVES	254

С момента своего создания в 1932 г. Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (ранее НИИСК, НИИЯЛИ, НИИЯЛИЭ) имел свои периодические издания. В 1935 г. вышли в свет «Известия» НИИ, в которых были помещены статьи по истории, литературоведению и мордовскому языкознанию. Позднее они были преобразованы в «Труды» института, которые выходили по мере накопления исследовательского материала. Со временем они стали выпускаться по сериям: «Экономика», «Языкознание», «Литературоведение», «Фольклор», «История, археология и этнография». К сегодняшнему дню вышли 125 томов «Трудов» института. Они получили признание и широкую известность в научной среде. Интерес к ним возрос, когда «Труды» стали носить тематический характер и включать в себя подборку статей по той или иной проблеме. Их стали заказывать ведущие библиотеки России, США, Великобритании, Франции, Германии, Австрии, Финляндии, Венгрии. Однако серьезным недостатком «Трудов» института стало отсутствие периодичности. В 1990-е гг. они вообще не выходили. Научное сообщество перестало получать информацию о деятельности института, что косвенно отразилось на престиже Республики Мордовия.

В 2001 г. НИИ языка, литературы, истории и экономики был реорганизован в Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Одной из главных задач реорганизации явилось возобновление издания «Трудов» института. Уже в 2002 г. вышел первый том обновленных «Трудов», тематически он был посвящен проблемам взаимоотношений власти и общества в XX в. В том же году увидел свет второй том — «Рябовы: pro et contra». 2003 г. ознаменовался публикацией третьего тома — «Региональная экономика: проблемы эффективности и безопасности», 2005 г. — четвертого — «Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре». Пятый том — «Общество и власть. XX век», вышедший в 2006 г., ознаменовался возвращением к тематике взаимодействия общества и власти. Одновременно был подготовлен и издан шестой том — «Экономика переходного периода». Позднее увидели свет труды, в которых анализировались проблемы провинциальной культуры, литературного процесса и т. п. К сожалению, выпускаемые раз в два года «Труды» не смогли отразить всего многообразия исследовательских наработок и подходов, которые сложились в институте за последние годы. Поэтому Ученый совет института принял решение о создании на базе выпускавшегося институтом с 2003 г. альманаха научно-публицистического журнала «Центр и периферия». С 2008 г. он выходит с периодичностью раз в квартал. Проект оказался настолько значимым с научной точки зрения, что в его включился Институт российской истории РАН, войдя в состав учредителей журнала.

С 2006 г. НИИ гуманитарных наук стал выпускать периодический сборник работ аспирантов и докторантов института «Од вий» («Молодая сила»), который

первоначально выходил два раза в год, а с 2008 г. — четыре раза. Постепенно расширялась проблематика публикаций, стали печататься не только аспиранты, но и имеющие большой опыт исследователи, сборник постепенно трансформировался в журнал.

В 2009 г. Ученый совет института принял решение о создании на базе сборника «Од вий» периодически издаваемого журнала «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия». При этом ставилась задача системного оповещения научной общественности о наработках отделов института и введения в оборот материалов региональной гуманитарной науки. В связи с этим были определены направления материалов, представляемых вниманию читателей:

- региональная экономика;
- отечественная история;
- политология;
- археология;
- этнография;
- языкознание;
- литературоведение;
- фольклористика;
- теория и история культуры.

Журнал планирует помещать дискуссионные материалы, проблемные статьи, проводить «круглые столы». Он ставит перед собой задачу содействия установлению прочных связей между учеными центра и регионов, развития регионального гуманитарного знания, подъема исследований по истории и культуре народов России.

ЭКОНОМИКА

УДК 658.5

И. Н. Гераскина, И. Г. Кильдюшкина
I. N. Geraskina, I. G. Kildjushkina

БЕНЧМАРКИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

BENCHMARKING AS AN INSTRUMENT OF STRATEGIC MANAGEMENT

Ключевые слова: бенчмаркинг, стратегический бенчмаркинг, бенчмаркинговая стратегия.

В статье систематизированы основные виды бенчмаркинга по критериям: длительность цикла, возможные партнеры-эталоны, предполагаемые результаты. Рассмотрено применение стратегического бенчмаркинга при внедрении новой автоматизированной системы управления в практике промышленного предприятия электротехнической отрасли.

Key words: benchmarking, strategic benchmarking, benchmarking strategy.

In the article the main kinds of the benchmarking are systematized according to the following criteria: the duration of the cycle, possible partners-standards, supposed results. The application of the strategic benchmarking in view of introduction of the modern automated control system in practice of the industrial enterprise of the electrical branch is considered.

Развитие мировой экономики и ужесточение конкуренции на локальных и глобальных рынках стали не только предпосылками возникновения новых подходов к системе управления, но и катализатором качественно новых методов и инструментов менеджмента, позволяющих оценить эффективность работы компании на уровне отдельных бизнес-процессов и проводить их оптимизацию. Одним из инструментов управления является бенчмаркинг — метод сравнительного анализа эффективности реализации бизнес-процессов с наилучшими результатами в данной области. Учитывая его широкую распространенность и достигнутые успехи в зарубежных компаниях, достаточно актуально оценить перспективность использования бенчмаркинга российскими предприятиями.

В значительном количестве определений категории «бенчмаркинг», имеющих сегодня в экономической терминологии, обращает на себя внимание присутствие ключевых слов: «систематический», «непрерывный», «измерение», «конкуренция», «процесс», «стратегические цели», «практика», «интеграция», «место на рынке». Одни авторы считают бенчмаркинг продуктом эволюционного развития концепции

конкурентоспособности, другие — программой по улучшению качества, третьи причисляют его к экзотическим продуктам японской бизнес-практики [4].

Учитывая это, а также эволюцию понятия, обусловливаемую развитием бизнес-среды и теории маркетинг-менеджмента, найдем общий знаменатель, к которому можно привести различия в его дефиниции: «Бенчмаркинг — это непрерывный процесс поиска, изучения и реализации передовых технологий работы наиболее успешных компаний, подразделений, отдельных специалистов»¹. Кроме того, бенчмаркинг как один из методов маркетинг-менеджмента несет в себе не только экономическую, но и философскую смысловую нагрузку, раскрывающую его суть — учиться у других: «Быть достаточно умным, чтобы признавать: всегда есть кто-то, кто в чем-то лучше Вас», «Быть достаточно мудрым, чтобы учиться у него, а затем догнать и перегнать учителя».

Необходимо учитывать, что существуют различные виды бенчмаркинга в зависимости от объекта (предмета) сравнения², которые в практике маркетинг-менеджмента применяются как отдельно, так и в сочетании (комбинации). Можно сравнивать отдельные его виды по таким критериям, как длительность цикла, возможные партнеры-эталоны, предполагаемые результаты, которые сведены нами в таблицу.

Таблица

Сравнительная характеристика видов бенчмаркинга

Вид бенчмаркинга	Определение	Длительность цикла, мес.	Партнеры по бенчмаркингу	Ожидаемые результаты
1	2	3	4	5
Внутренний	Соотнесение с тем лучшим, что есть в самой организации; подразумевает сравнение между различными подразделениями компании	2 — 4	Внутри организации (подразделения, сотрудники)	Значительное улучшение качества работ/услуг, снижение затрат
Конкурентный	Сравнение с лучшими конкурентами; технология его проведения достаточно сложна по причине конфиденциальности информации	3 — 12	Все конкуренты	Лучше конкурентов
Функциональный	Соотнесение с организациями, не относящимися к внутриотраслевым конкурентам, но осуществляющим подобную функциональную деятельность	3 — 6	Партнеры по бизнесу	Лучше партнеров

¹ При этом подчеркиваются важные его характеристики: непрерывность сравнительных исследований, обязательность изучения передовых методов и приемов работы на разных уровнях, этапах и видах бизнес-процессов. Именно поэтому нами дополнительно выделяется существенная категория в определении — «технология работы».

² В перечне основных типов бенчмаркинга большинство ученых-экономистов солидарны, придерживаясь стандартного списка, в котором обязательно указывают: внутренний, конкурентный, функциональный.

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
Общий	Сравнение с самым лучшим (эталон) вне зависимости от отрасли и вида рынка	3 — 14	Все существующие компании	Творческий прорыв
Консультативный	Соотнесение организации с другими, используя консультативную службу, которая может действовать независимо, собирая и анализируя информацию без отвлечения персонала от производства	6 — 24	Любые в зависимости от цели	Получение интересующей информации
Ассоциативный	Сравнение организаций, состоящих в узком бенчмаркинговом альянсе	6 — 12	Любые в зависимости от цели	Генерирование положительного опыта
Стратегический	Сопоставление стратегических решений и условий их реализации с целью выявления в компании таких областей, при воздействии на которые можно изменить модель ведения бизнеса	3 — 6	Партнеры по бизнесу либо компании одной отрасли	Разработка либо внедрение заимствованной стратегии (стратегических решений)
Глобальный	Расширение стратегического бенчмаркинга, включающего в себя ассоциативный	6 — 24	Любые предприятия любой отрасли мировой экономики	Лучший в своем классе

Таблица составлена по: **Анн Х.** Маркетинг : учеб. для вузов / Х. Анн, Г. Л. Багиев, В. М. Тарасевич. под общ. ред. Г. Л. Багиева. 3-е изд. СПб., 2005; **Брю Г.** Шесть сигм для менеджеров / Г. Брю ; пер. с англ. В. Н. Егорова. М., 2004; **Михайлова Е. А.** Основы бенчмаркинга / Е. А. Михайлова. М., 2002; <http://kiev-security.org.ua/box/11/140.shtml>; <http://www.advertology.ru/print32828.htm>

Кроме обозначенных, совокупность видов бенчмаркинга нами расширена и упорядочена путем систематизации по определенным критериям, представленным на рис. 1.

По нашему мнению, в целом управление процессом бенчмаркинга и программы по внедрению передового опыта на отечественных предприятиях должны стать императивом для организаций любого масштаба, поскольку управление сложной системой изменений в турбулентной среде подразумевает выработку нового стиля менеджмента, основанного на систематическом использовании бенчмаркинга.

Наибольший интерес представляет стратегический бенчмаркинг, охватывающий широкий круг проблем от выработки стратегии ведения бизнеса до момента распределения ресурсов предприятия. Проведение его перед началом стратегического планирования позволит повысить эффективность управления и осуществить проекты, основанные на результатах бенчмаркинга с учетом главных направлений и ближайших перспектив развития компании. Мы считаем, что «стратегический бенчмаркинг — это совмещение процесса бенчмаркинга и методологии стратегического

Рис. 1. Классификация видов бенчмаркинга

управления с целью выявления уникальных возможностей для достижения стратегических целей и завоевания предприятием конкурентных преимуществ».

Итак, возникает объективная необходимость разработки бенчмаркинговой стратегии для промышленных предприятий. В общем виде стратегия в сфере бизнеса представляет собой выражение перспективных намерений организации, направленных на достижение заранее выбранных целей путем распределения ограниченных ресурсов (по организационным единицам, функциям, регионам, продуктам или технологическим признакам и др.).

Поэтому, на наш взгляд, *бенчмаркинговая стратегия — перспективное направление деятельности компании в области непрерывного поиска лучших (эталонных) методов организации и ведения бизнеса (бизнес-процессов) с целью достижения корпоративных целей и конкурентных преимуществ.*

Бенчмаркинг плавно интегрируется в систему стратегий организации, пронизывая все ее уровни в зависимости от вида: корпоративный — стратегический; деловой — конкурентный; функциональный — внутренний.

Бенчмаркинг и стратегия компании тесно взаимосвязаны, влияя друг на друга: с одной стороны, сравнительный анализ бизнес-процессов уточняет, корректирует стратегию организации, а с другой — ее стратегия и миссия определяют набор ключевых показателей проведения сравнительного анализа бизнес-процессов. Как один из фундаментальных бизнес-процессов современной компании и важнейшее структурное «технологическое звено» в системе современного маркетинг-менеджмента, бенчмаркинг позволяет эффективно обнаруживать риски и возможности бизнеса, требующие учета при построении бизнес-стратегии в условиях современного рынка.

За последнее десятилетие бенчмаркинг стал одним из эффективных и признанных инструментов совершенствования бизнеса. Только в 2000 г. 88 % европейских и 76 % американских компаний в том или ином виде применяли эталонное сопоставление [6]. Многие российские предприятия давно занимаются деятельностью, аналогичной бенчмаркингу, без использования непосредственно термина «бенчмаркинг». Топ-менеджеры, вступая в неформальные отношения с партнерами или конкурентами, часто перенимают друг у друга лучшие достижения, адаптируя и внедряя их в собственный бизнес. Что же касается «открытого» бенчмаркинга, то его применяют пока единицы, в основном это — представители крупного бизнеса, имеющие деловые контакты с зарубежными партнерами.

Некоторые передовые предприятия электронной отрасли России сегодня поставили перед собой задачу проведения масштабных бенчмаркинг-проектов (ОАО «Ангстрем», ОАО «НИИМЭ и Микрон», ОАО «Орбита») и выполнению работ по освоению новейших типов изделий на базе современных технологий, так как в условиях острой конкурентной борьбы на рынках изделий электронной техники, связанной с предельно коротким циклом появления новых решений и снижением уровня топологических норм, конкурентоспособны лишь те компании, которые регулярно выводят на рынок инновационную продукцию.

В 2007 г. в «НИИМЭ и Микрон» реализована технология 0,18 мкм французской компании STMicroelectronics; в 2008 г. на том же оборудовании освоена 0,13 мкм; в 2009 г. предполагается переход к уровню 90 нм. С целью достижения конкурентного преимущества «Ангстрем», получил государственные гарантии для инвесторов и интенсивно работает над созданием нового производства с технологическим разрешением порядка 0,18 мкм. Технологический уровень продукции ОАО «Орбита», на наш взгляд, не позволяет конкурировать даже с названными предприятиями, не говоря уже о зарубежных, так как устаревшая технология основана на топологических нормах 4 мкм, вследствие чего завод имеет неустойчивые рынки сбыта.

Рассмотрим процесс применения стратегического бенчмаркинга в ОАО «Орбита» при внедрении новейшей автоматизированной системы обработки данных. В результате проведенного анализа внутренней среды предприятия была выявлена проблемная зона в области автоматизированной системы управления (АСУ). С 1985 г. в компании функционировала система MSM, которая на тот период решала основные задачи управленческой деятельности. Трансформационная экономика выдвинула более жесткие требования к организации АСУ на предприятиях, поэтому специалистами профильного отдела ОАО «Орбита» она постоянно совершенствовалась: лишний функционал исключался, новый — добавлялся. В итоге достигли предела возможностей, и завод оказался перед выбором новой АСУ, следовательно, возникла объективная необходимость в разработке стратегических решений по внедрению лучшей АСУ обработки данных.

Необходимо отметить, что основополагающей целью АСУ, имеющей огромное значение в деятельности каждой компании, является своевременное обеспечение руководителя необходимой достоверной и качественной информацией. На многих предприятиях сведения, получаемые менеджерами для принятия решений, базируются на двух видах отчетности: 1) налоговая и финансовая, наличие которых законодательно требуется от всех субъектов хозяйствования (данные формы отчетности подробно определены и имеют единый вид для всех организаций); 2) внутренняя, или

управленческая, не регламентируемая законодательством, причем компания обладает полной свободой ее ведения и выполнения.

Под управленческой отчетностью на ОАО «Орбита» понимается единая система предоставления руководству информации (справки, отчеты, записки и др.) обо всех аспектах его деятельности, дающая возможность менеджерам принимать конструктивные управленческие решения. Ввиду того, что выбор АСУ требует серьезного системного подхода, нами было принято решение использовать бенчмаркинг как стратегический инструмент управления с целью сокращения времени и средств на ее поиск.

На первоначальном этапе выбора необходимой АСУ был осуществлен комплексный анализ сфер, нуждавшихся в автоматизации, и разработан общий алгоритм действий (рис. 2). Заметим, что начинающей фирме, с одной стороны, легче выбирать АСУ, так как отсутствует необходимость переноса информации из старой системы, с другой — нет нужного опыта эксплуатации подобных систем, следовательно, в перспективе могут проявиться проблемы. ОАО «Орбита» в этом плане имело опыт, что было ее преимуществом, однако предприятию придется столкнуться с серьезными затратами на перенос данных и параллельное сопровождение автоматизированных систем (новой и старой).

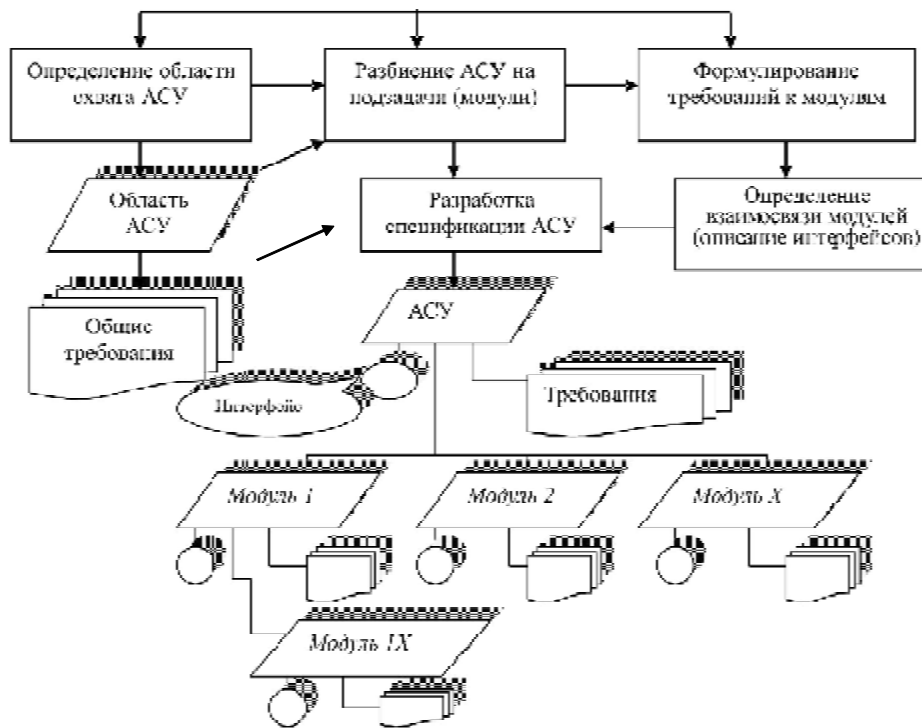

Рис. 2. Алгоритм системы автоматизации предприятия

Так как на предприятии должна существовать четкая картина бизнес-процессов, начиная от бухгалтерии до производства, то первое, что мы сделали для выбора АСУ на ОАО «Орбита», — определили область автоматизации. Затем разбили эту область на составляющие части — модули — по логическим связям (рис. 3). Третьим шагом был переход к созданию требований (спецификаций) по каждому модулю. Четвертым — формирование схемы (форматов и стандартов) возможной передачи данных между модулями. После проведения всех указанных действий мы приступили к анализу рынка соответствующего программного обеспечения. Анализу подверглись многие из существующих АСУ: «Галактика», «BAAN», «БЕСТ ПРО», «Парус», «IT Предприятие» и «ИТРП Производство» и др.

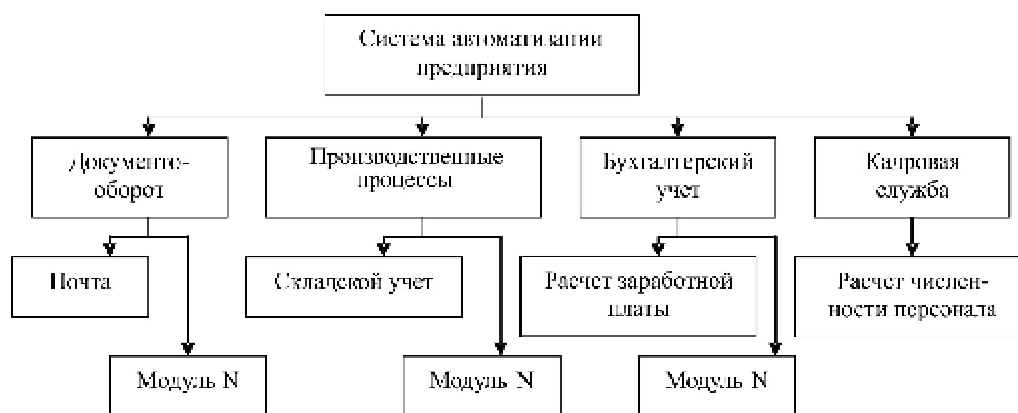

Рис. 3. Пример разделения области охвата автоматизированной системы предприятия на модули

Ознакомившись с опытом внедрения АСУ на некоторых крупных заводах как Республики Мордовия (ОАО «Саранскабель», ОАО «Резинотехника», ОАО «ВКМ — Сталь», ЗАО «Конвертор»), так и соседних регионов (ОАО «Саратовский электроприборостроительный завод им. Серго Орджоникидзе», ОАО «Саратовский подшипниковый завод», ОАО «Ишлейский завод высоковольтной аппаратуры», ООО «Промис» и др.), мы остановились на «ИТРП Проф» на базе «1С». Критериями выбора были заявлены функциональные возможности промышленного предприятия, масштаб, опыт внедрения, цена. Констатируем, что данный продукт — «коробочный», является открытой системой, а также имеются средства для разработки и написания собственных модулей.

По причине того, что его внедрение собственными силами не представлялось возможным из-за отсутствия опыта работы с данным программным обеспечением, то пришлось обратиться к специализированным фирмам г. Саранска, где столкнулись с той же проблемой: требовалась не просто настройка «коробочного» продукта, а учет индивидуальных особенностей завода. В результате обращения за помощью в одну из фирм г. Саратова по вопросу проведения автоматизации на базе данного программного обеспечения, предприятие потеряло время и средства, придя к выводу, что, несмотря на схожесть бизнес-процессов различных компаний

в технологии бенчмаркинга всегда остается место для уникальности каждой из них. Крайняя степень уникальности достигается посредством самостоятельного создания АСУ внутри компании.

При реализации стратегического бенчмаркинга на ОАО «Орбита» нами были выявлены следующие аспекты:

— отсутствие у поставщиков и производителей систем одинаково глубокого уровня знаний во всех областях корпоративной деятельности³;

— уход от использования государственных стандартов при автоматизации управленческой отчетности⁴;

— отсутствие на рынке АСУ производственным циклом и его планирования⁵.

Для автоматизации управленческой отчетности собственными силами была выбрана система Caché — продукт компании InterSystems Corporation [8]. Данная открытая система позволила использовать опыт, накопленный специалистами отдела АСУП в области управленческой отчетности. Система поддерживает различные языки и инструменты программирования: Visual Basic, Delphi, Active X, Java, C++, SQL, COS и HTML, что очень важно для программирования. Многомерное представление данных на сервере Caché способствует ускоренному выполнению длительных операций, например по объединению сложных таблиц, расчету заработной платы крупного производственного подразделения и др. Важным для пользователя является то, что скорость доступа к данным в Caché практически не зависит от размера его базы.

В частности, скорость обработки большой номенклатуры и значительных объемов данных по операциям является важным критерием производительности ОАО «Орбита»: если расчет заработной платы в «1С» одного цеха длился около 30 мин, то в настоящее время он осуществляется в течение 3 мин. Кроме того, такая АСУ базами данных поддерживает разные операционные системы, поэтому в некоторых случаях заводу не придется приобретать дорогое программное обеспечение от Microsoft (эффективное вложение средств). Новая АСУ позволит упорядочить все первичные данные, сформировать сводные отчеты, получатель которых сможет принять правильное управленческое решение и проследить источник происхождения данных до первичного документа.

³ Соблазн приобретения готового «коробочного» решения у потребителя всегда велик. При этом экономический расчет прост: «коробочное», тиражируемое решение стоит дешевле уникального «заказного». Однако это не совсем верно. При таких рассуждениях обычно не учитывают, насколько оно будет подходить бизнесу, а значит, настолько велика стоимость изменений под систему в самой компании. Плюс он вынужден платить за избыточную функциональность тиражной системы, которая порой оказывается не нужной заказчику.

⁴ Проблемы автоматизации управленческой отчетности в России «кроются» в уходе от использования государственных стандартов в основных направлениях деятельности. Попытки компаний упростить и усовершенствовать бизнес-процессы привели к их индивидуализации. Если ведение бухгалтерской отчетности осталось под контролем государства, то тут проблем не возникает и как бы разработчики программного обеспечения не старались стандартизировать и автоматизировать бизнес-процессы на предприятии — универсального решения так и нет.

⁵ Здесь можно поспорить, но мы думаем, что речь идет о разном уровне сложности производства. Внедрение же «тяжелых» иностранных систем в России обычно связано либо с амбициями собственников, либо с повышением стоимости компании для последующей продажи.

Инновационные тенденции распространяются по всему миру благодаря применению компаниями бенчмаркинга, который способствует развитию критического отношения организации к существующим бизнес-процессам, активизирует процесс обучения в организации и создает мотивацию для перемен к лучшему, позволяет отыскать новые источники совершенствования и приемы труда и т. д.

Таким образом, топ-менеджеры ОАО «Орбита» используют бенчмаркинг в своей деятельности для непрерывного совершенствования методов работы и повышения деловой репутации организации в условиях жесткой конкурентной среды. В целом бенчмаркинг как инструмент стратегического управления способствует реализации конструктивных стратегических решений компании.

Литература

1. **Анн Х.** Маркетинг : учеб. для вузов / Х. Анн, Г. Л. Багиев, В. М. Тарасевич ; под общ. ред. Г. Л. Багиева. 3-е изд. СПб., 2005.
2. **Брю Г.** Шесть сигм для менеджеров / Г. Брю ; пер. с англ. В. Н. Егорова. М., 2004.
3. **Михайлова Е. А.** Основы бенчмаркинга / Е. А. Михайлова. М., 2002.
4. **Шоттмиллер Дж. К.** Руководство по бенчмаркингу / Дж. К. Шоттмиллер // Деловое совершенство. 2005. № 4.
5. <http://kiev-security.org.ua/box/11/140.shtml>
6. <http://www.benchmarkingnetwork.com>
7. <http://www.advertology.ru/print32828.htm>
8. <http://www.intersystems.ru/casestudies/index.html>

Поступила 05.06.2009. г.

УДК 334.73.021

Н. М. Бибина

N. M. Bibina

КООПЕРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: СУЩНОСТЬ И СОВРЕМЕННОЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

COOPERATIVE ACTIVITY: ESSENCE AND PRESENT-DAY LEGAL REGULATION

Ключевые слова: кооперация, принципы, кооперативы, интеграция, АПК, кооперационные связи, кооперативное движение, члены-пайщики, частное и публичное право.

В статье рассматриваются современные проблемы кооперативной деятельности. На основе нормативно-правового регулирования вопросов, связанных с развитием отечественной кооперации, предлагается авторский подход по процессам обеспечения сбалансированности социально-экономических интересов в кооперативах.

Key words: cooperation, principles, cooperative societies, integration, agricultural sector, cooperation contacts, cooperative movement, shareholders, Private and Public Law.

Present-day problems of cooperative activity are considered in the article. On the basis of legal regulation of the questions, connected with the development of domestic cooperation, author's approach to the processes of guaranteeing the balance of social and economic interests in cooperative societies is proposed.

Реорганизация агропромышленного комплекса на современном этапе актуализирует вопросы установления и поддержания устойчивых экономических связей между хозяйствующими субъектами, а также снабжения материальными ресурсами вновь созданных предприятий с целью их самостоятельного развития в условиях нарастающей рыночной конкуренции, что, на наш взгляд, возможно путем налаживания кооперационных связей между ними, а также стимулирующей позиции государства.

Несмотря на продекларированные в национальном проекте «Развитие АПК» действия, направленные на кооперирование хозяйствующих субъектов АПК (в том числе льготное кредитование перерабатывающих отраслей), по-прежнему ощущается недостаток мер социально-экономического и организационного характера, способствующих формированию и развитию системы кооперации в региональном АПК. Основными причинами, сдерживающими развитие сельскохозяйственной кооперации, являются: несовершенство нормативно-правового и экономического регулирования взаимоотношений между ее участниками, отсутствие системной государственной политики по развитию кооперационных связей (именно здесь есть резервы активизации процесса создания потребительских кооперативов. Материальная поддержка государства должна иметь адресную форму в виде выделения финансовых средств организуемым потребительским кооперативам. — Н. Б.).

Между тем регулирование взаимоотношений между субъектами системы кооперации должно быть направлено на мотивацию формирования и развития многоуровневой системы кооперации посредством обеспечения сбалансированности их социально-экономических интересов. Это вызывает необходимость углубления работ по концептуальным аспектам проблемы, анализа накопленного опыта в этой области, проведения конкретных научных исследований прикладного характера в целях выработки необходимых методических подходов к развитию кооперационных связей в системе регионального АПК и практических рекомендаций по регулированию кооперативных взаимоотношений между его субъектами.

В настоящее время в странах с развитой рыночной экономикой используются различные подходы к формулированию и реализации на практике принципов кооперации (рочдейлский, традиционный, пропорциональный и современный) [6, с. 84]. Таким образом, базовые принципы кооперации нельзя считать окончательно установившимися. С развитием общества идет поиск оптимального состава принципов, ценность которых проверяется возможностью их практической реализации и соблюдением интересов и потребностей участников кооперационных связей.

Слово «кооперация» (от лат. «сотрудничество») употребляется в нескольких различных значениях: 1) при разговоре о сотрудничестве вообще, о взаимодействии или координации деятельности в той или иной области; 2) объединение труда нескольких людей или коллективов, участие в трудовых операциях и процессе нескольких произ-

водственных подразделений или хозяйственных предприятий; 3) совокупность специфических общественно-хозяйственных организаций людей, называемых кооперативами [7, с. 18].

Кооперативы представляют собой: 1) объединения, создаваемые людьми по собственной инициативе для достижения определенных экономических и социальных целей и, прежде всего, улучшения условий жизни и труда, повышения материального и культурного благосостояния; 2) добровольные самодеятельные и самоуправляемые ассоциации, действующие на основе вырабатываемых и принимаемых их организаторами письменных уставов; 3) добровольные самодеятельные и самоуправляемые общественные организации, ставящие целью содействие улучшению условий жизни и труда своих членов и осуществляющие наряду с общественно-массовой хозяйственную деятельность в форме предприятия, основанного на коллективной собственности и действующего в качестве юридического лица [1, с. 60].

Цели, с связи с которыми люди объединяются в кооперативы, не могут быть достигнуты в одиночку — необходимы соединение усилий и взаимопомощь многих лиц. При этом кооперативы осуществляют свои функции на основе материального (в форме денежных и других взносов) и трудового участия сотен и тысяч граждан, являясь одной из форм взаимопомощи и сотрудничества людей с целью достижения определенных их уставом целей, удовлетворения собственных потребностей и интересов общими усилиями членов-пайщиков на основе взаимопомощи, вступительных и паевых взносов в денежной и натуральной форме, участия в хозяйственных операциях, а также совместного труда. При этом создаются различные хозяйственные предприятия.

Понятие «кооператив» тождественно термину «кооперация» и употребляется для обозначения целостности существующих или их части: а) видов кооперативов (потребительская, производственная, кредитная и т. п.); б) объединяющих представителей определенных социальных слоев (рабочая, крестьянская и т. п.); в) ведущих деятельность в разных районах (городская и сельская); г) разных отраслей народного хозяйства (сельскохозяйственная, торговая, транспортная и т. д.).

Анализ научных взглядов, существующих в области развития кооперации, позволил сделать вывод об отсутствии четких разграничений вертикальной кооперации и интеграции [1, 3, 5 — 7]. Вертикальная кооперация хозяйствующих субъектов часто отождествляется с интеграцией. Если отождествление понятий «кооперация» и «интеграция» допустимо с семантической точки зрения, то с позиции организации этих процессов, безусловно, необходимо рассматривать их отдельно. На наш взгляд, практическая реализация выделенного «принципа вертикального построения системы кооперации» акцентирует внимание на организационных особенностях кооперации, что позволит выявить различия и оценить преимущества данной формы организации производства по сравнению с другими.

Результаты проведенного исследования по вопросам развития кооперативов в АПК свидетельствуют о несовершенстве экономических взаимоотношений между хозяйствующими субъектами АПК, которые осуществляются между участниками кооперации в форме обмена продуктами их деятельности в стоимостном выражении. Поэтому регулирование подобных вопросов в системе кооперации должно основываться прежде всего на совершенствовании ценовых пропорций между предприятиями различных отраслей.

На наш взгляд, диапазон отношений при распределении полученного от совместной деятельности дохода может варьироваться от простой координации ценовой политики до различных форм поддержки производителей сырья. Но исходный методический принцип и наиболее объективный критерий обеспечения эквивалентности обмена заключаются в получении соответствующих доходов на равнозатраченный капитал. В связи с этим в качестве варианта, способного обеспечить баланс интересов всех звеньев кооперативного объединения, можно рекомендовать регулирование обменных отношений в аграрно-промышленных формированиях через корректировку механизма распределения денежной выручки, включающей в себя два этапа: 1) распределение денежной выручки кооперативного формирования между сферой производства и переработки сельскохозяйственной продукции; 2) распределение соответствующего объема денежной выручки между сельскохозяйственными товаропроизводителями непосредственно.

Как отмечалось выше, анализ функционирования субъектов системы АПК Республики Мордовия свидетельствует о несовершенстве организационно-правового и экономического регулирования их кооперационных связей. Решение проблем основывается, как правило, на формально-логических принципах кооперации, реализуемых без учета региональных особенностей. В связи с этим целесообразна разработка концептуальных основ стратегии развития региональной системы кооперации субъектов АПК с акцентированием, прежде всего, вопросов регулирования кооперационных связей между его участниками.

Под понятием «кооперативное движение» необходимо иметь в виду конкретную преобразующую деятельность людей, их экономическое и историческое творчество, самодеятельность, организационно-массовую, общественно-политическую, культурно-просветительную и иную деятельность в форме пропаганды кооперативных идей и принципов, агитацию в пользу кооперативной формы организации хозяйства, разработки проектов кооперативных законов и уставов, а также материальное и трудовое участие в создании и развитии кооперативов, их союзов и предприятий, различных кооперативных учреждений.

Главным общим признаком кооперативов всех видов является то, что они представляют собой одновременно общественную организацию и хозяйственное предприятие. Первая создается ее участниками-членами добровольно для целей нехозяйственного характера (политических, социально-экономических, культурных, научных и т. д.) и осуществляет их в интересах своих членов. Как правило, они не ведут непосредственно экономическую деятельность, не создают и не эксплуатируют хозяйственные предприятия. Кооперативы организуются добровольно для достижения социально-экономических императивов. Вместе с тем кооператив как хозяйственное предприятие, обладающее имуществом в виде средств производства и обмена, что является главным отличием, из которого вытекают все специфические общие признаки, свойственные любым кооперативам [4, с. 68].

Демократическое управление и контроль в них осуществляются следующим образом: 1) обязательное условие добровольности и самодеятельности создаваемой «снизу» организации по инициативе самих граждан; 2) выбор и подотчетность всех руководящих органов перед общим собранием пайщиков или их уполномоченными делегатами; 3) действие правила голосования на общих собраниях, независимо от количества паев (один член — один голос); 4) материальное участие членов в об-

разовании средств (фондов) как путем уплаты членских взносов (вступительных, паевых, целевых и безвозмездных), постоянного активного участия в хозяйственной жизни организации, так и трудового участия его работников в производственных и других кооперативах.

Активное и постоянное участие членов в хозяйственных операциях — непременное условие его жизнеспособности. Материальная ответственность по обязательствам его членов ограничивается одним, несколькими или частью пая, либо бывает неограниченной (на все имущество). Как правило, базой успешной хозяйственной и общественной деятельности различных видов кооперативов служат материальное участие всех членов, а также демократическое управление и контроль. Сотрудничество кооперативов различных видов может осуществляться на двусторонней основе и в рамках совместных организаций и предприятий одного или их различных видов как на национальном, региональном, так и международном уровнях [6, с. 17].

В ходе кооперативного движения, хозяйственной и общественной деятельности разновидных кооперативов вырабатываются определенные организационно-политические, экономические и социально-культурные принципы деятельности, провозглашенные в уставах кооперативов и их союзов, декларациях, в устных и письменных выступлениях ученых и идеологов кооперации. Идеи коллективного ведения хозяйства, совместного труда, общественной собственности на средства производства и обмена, равноправного участия людей в руководстве общественной и хозяйственной жизнью, а также в пользовании материальными и духовными благами, находящимися в основе «кооперативных принципов», выдвигались прогрессивными мыслителями-утопистами XVI — XVII вв. задолго до возникновения кооперативного движения [1, с. 8].

Современные кооперативные принципы представляют собой модель поведения, алгоритм действия членов кооператива и его выборных органов. Они касаются каждого кооператора: статус членства, характер управления и контроля, порядок распределения прибыли, соответствующие виды общественной деятельности, подлежащие обязательному выполнению, коммерческое и иное сотрудничество между кооперативами [6, с. 70 — 72].

На юбилейном XXXI конгрессе Международного кооперативного альянса (г. Манчестер, 1995 г.) был принят следующий перечень основных кооперативных принципов, в последующем ставших стратегией и тактикой кооперативов, их союзов и хозяйственных предприятий, источником жизнеспособности и уникальности как социально-ориентированных экономических организаций [Там же, с. 82].

1. *Добровольное и открытое членство.* Кооперативы как добровольные организации открыты для всех людей, без дискриминации по социальным, расовым, политическим или религиозным мотивам, кто в состоянии пользоваться их услугами и нести ответственность, связанную с членством в них.

2. *Демократический контроль, осуществляемый его членами.* Кооперативы как демократические организации, контролируемые своими членами, активно участвуют в формировании ее политики и принятии решений; выборные представители, мужчины и женщины подотчетны общим собраниям пайщиков; члены первичных кооперативов имеют равные права при голосовании (один член — один голос); кооперативные объединения других уровней организованы на демократических началах.

3. *Участие членов кооператива в экономике.* Члены кооператива на равных и демократических началах контролируют капитал; по условиям членства обычно получают ограниченную компенсацию на паевой капитал; принимают участие в распределении прибыли: а) на развитие кооператива; б) между членами пропорционально их вкладу в хозяйственную деятельность; в) на поддержку других видов деятельности, одобренных его членами.

4. *Автономия и независимость.* Кооперативы как автономные организации самопомощи контролируются своими членами; заключают соглашения с другими организациями, включая правительственные; пополняют свой капитал из внешних источников только при условии сохранения за его членами прав демократического контроля и кооперативной автономии.

5. *Образование, повышение квалификации и информация.* Кооперативы обеспечивают образование и повышение квалификации своим членам, выборным представителям, наемным управляющим и работникам с целью более эффективного содействия развитию своих организаций; информируют общественность, молодежь и политических деятелей о природе и преимуществах кооперации.

6. *Сотрудничество между кооперативами.* Развивая сотрудничество в рамках местных, национальных, региональных и международных структур, кооперативы более эффективно обслуживают собственных членов, в целом укрепляя кооперативное движение.

7. *Забота о местной общине.* Кооперативы заботятся об устойчивом развитии местных общин, однако основное внимание при этом фокусируют на нуждах и пожеланиях своих членов с одновременным приложением усилий для устойчивого развития местной общины в районе их действия.

Указанные кооперативные принципы имеют и чисто практическое значение — кооперативы во многих странах, строго их соблюдающие, получают льготы по налогам и кредитам. Они как некий живой организм изменяются в соответствии с общими сдвигами в экономике и общественной жизни, что в основном характерно для стран с развитой рыночной экономикой.

Таким образом, кооперативные принципы — это сложившиеся правила организации и управления социальными ориентирами в обществе кооператоров при распределении прибыли и в их инвестиционной политике, базирующиеся на фундаментальных морально-этических ценностях: само- и взаимопомощь, свобода, демократия, социальная ответственность, забота о ближнем, честность, справедливость, интернационализм.

Однако допускаемая органами управления и наукой недооценка принципов кооперации, на наш взгляд, сдерживает и снижает значимость объединения хозяйствующих субъектов АПК, что, в свою очередь, требует выделения «принципа вертикального построения системы кооперации» как основополагающего условия ее формирования и развития. Согласно данному принципу иерархическая структура системы кооперации формируется, исходя из потребностей в развитии кооперативных взаимоотношений субъектов первого уровня (К(Ф)Х, ЛПХ, сельхозпредприятий и других субъектов предпринимательства). Кооператив последующего (второго) уровня создается субъектами первого уровня и т. д. В соответствии с законодательством последние устанавливают правила деятельности вновь созданного кооперативного объединения. По нашему мнению, в целях формирования перспективной системы кооперации представляется необ-

ходимым обеспечить эффективное развитие первичного звена и налаживание устойчивых связей между кооперирующимися субъектами АПК.

Необходимо учитывать, что кооперативная деятельность как экономико-правовое явление формируется и регулируется правом на различных уровнях. На первом уровне оно должно обеспечивать экономическую активность кооперативов, предоставлять им необходимые формы и гарантии на осуществление экономической и общественной деятельности, в том числе обеспечивать равенство правового положения ее членов, свободу принятия решений и ответственность за их результаты, ответственность за причиненный вред, недопустимость обогащения за счет действий, нарушающих нравственные требования общества, и т. п. На втором уровне кооперативная деятельность рассматривается как социально-экономическое явление, когда для определения и применения адекватного правового регулирования должны быть четко определены цели и пределы его влияния на кооперацию, обозначены возможности и средства государственного воздействия, контроля и ее поддержки, построена система органов, не только регламентирующих, но и оказывающих действенную помощь в реализации подобных мероприятий [7, с. 104].

Одним из действующих лиц рынка в экономике, построенной на конкурентных началах, является кооператор, который проводит куплю-продажу, производит товары и доводит их до потребителя, организуя его движение на различных стадиях оборота; оказывает услуги гражданам и своим членам; приводит в движение финансовые и фондовые рынки; мобилизует интеллектуальные ресурсы общества; в определенной степени содержит государство как налогоплательщик.

Государство, в свою очередь, должно быть заинтересованно в создании гражданам благоприятных условий для занятия кооперацией: во-первых, предоставление возможности саморегулирования отношений в сфере кооперативной деятельности (ввиду отсутствия нормативных актов, предусматривающих всевозможные варианты поведения, целесообразные во всех ситуациях); во-вторых, принятие мер охраны кооперативов как активных участников рыночных отношений от злоупотреблений недобросовестных лиц и действий административных и налоговых органов, защиты более слабой стороны, принуждения в необходимых случаях к соблюдению общественных интересов.

Совместная общественная и хозяйственная кооперативная деятельность в целом ориентирована на удовлетворение материальных и иных потребностей своих членов, выполнение работ, а также на обслуживание и оказание услуг населению.

Правовое регулирование кооперативной деятельности строится на частно- (база правопорядка, основанная на рыночной организации хозяйства) и публично-правовых (имеют большую степень употребления в рыночных условиях экономики) началах. Первую сферу регулирования кооперативной деятельности отражает гражданское право, нормы которого обеспечивают юридическое равенство и самостоятельность участников, членов-пайщиков, неприкосновенность их собственности, свободу договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в чьи-либо дела, независимую судебную защиту нарушенных прав и интересов членов кооперативов. Частноправовые начала должны ограничиваться с целью исключения монополизма и недобросовестной конкуренции, защиты прав членов-пайщиков и т. д., что устанавливается нормами публичного права, отражающими интересы общества и государства [3, с. 8].

Сравнивая частное и публичное право, можно выделить их основные отличительные признаки:

1) частное право — совокупность юридических норм, охраняющих и регулирующих отношения частных лиц (граждан, юридических лиц, членов-пайщиков кооперативов и кооператоров); публичное право образует нормы, закрепляющие порядок деятельности органов государственной власти;

2) частное право — область свободы и личной инициативы; публичное — сфера власти и подчинения;

3) частное право включает нормы гражданского, трудового, семейного, жилищного и предпринимательского права; публичное — конституционного, административного, финансового, налогового и уголовного права.

Основными критериями отнесения тех или иных норм к частному или публичному праву являются:

— *интерес*: частное право призвано регулировать частные интересы, а публичное — общественные, государственные;

— *субъективный состав*: частное право регулирует взаимоотношения частных лиц (в данном случае членов кооперативов между собой), а публичное — членов кооперативов и их организаций с государством либо между государственными органами;

— *предмет правового регулирования*: частное право использует диспозитивный метод, благодаря которому субъектам отношений предоставляется альтернативная возможность выбора вариантов поведения в рамках закона (как правило, диспозитивный метод применяется в гражданском праве, в тексте правовой нормы содержится оговорка: «если иное не предусмотрено договором»; в соответствии с диспозитивной нормой риск случайной гибели или случайного повреждения имущества несет его собственник, если иное не предусмотрено законом или договором [2, с. 118]), а публичное — императивный, т. е. метод властных предписаний, содержащий нормы (запреты) (императивный метод характерен для уголовного и административного, нежели для гражданского права; императивные нормы содержат единственное правило поведения — «только так и не как иначе», в ином случае для участников соответствующих отношений по предусмотренному договору эта договоренность будет иметь ничтожное право из-за отсутствия базы правовых последствий) [5, с. 4, 6].

В целом потребность в развитии потребительской кредитной кооперации особого типа в сельской местности, на современном этапе связана с необходимостью приведения к формальной цивилизованной форме финансовых отношений между предприятиями аграрной сферы. В практике среднего, малого, а часто и крупного бизнеса происходит процесс кредитования через различные схемы передачи и возврата займа. Сельские кооперативы, как правило, становятся основой развития других форм кооперации, которые могут разрешить проблему сбыта и переработки продукции, производимой в хозяйствах населения.

Благодаря трансформациям, происходящим в последнее время через организацию кредитных кооперативов, доступ к государственным кредитным ресурсам получила большая часть ранее дееспособных сельхозтоваропроизводителей, что послужило не только включению в полноценный производственный процесс большой доли основных средств сельскохозяйственного назначения, но и сохранению и расшире-

нию материально-технической базы производственного обеспечения на региональном и федеральном уровнях.

Литература

1. **Бондаренко Н. В.** История и теория кооперации : учеб. / Н. В. Бондаренко, Р. М. Куштерев, З. Р. Кочкарова. Ставрополь, 2001. 312 с.
2. Гражданский кодекс РФ (части первая, вторая и третья). М., 2003. 560 с.
3. **Евдокимов Ф. И.** Кооперативное право : учеб. пособие / Ф. И. Евдокимов, С. Н. Заикина. Чебоксары, 2008. 412 с.
4. **Куштерев Р. М.** История и теория кооперации : учеб. для студентов кооп. вузов / Р. М. Куштерев [и др.]. Ставрополь, 1997. 128 с.
5. **Николаев В. Н.** Законы о кооперации : сб. / В. Н. Николаев, К. И. Вахитов, Ф. И. Евдокимов. Чебоксары, 2005. 190 с.
6. **Сахарова Д. Б.** История и теория кооперативного движения : учеб. пособие / Д. Б. Сахарова, И. С. Котов. Минск, 2005. 248 с.
7. **Теплова Л. Е.** Кооперативное движение : учеб. пособие / Л. Е. Теплова, Л. В. Уколова, Н. В. Тихонович. М., 2003. 304 с.

Поступила 20.09.2009 г.

УДК 334.73

Е. В. Ишаева
E. V. Ishaeva

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

DEVELOPMENT OF THE DOMESTIC CONSUMER COOPERATION

Ключевые слова: кооперативная деятельность, потребительская кооперация, структура экономической системы, торговое обслуживание сельского населения, заготовительная сеть, снабженческо-сбытовые кооперативы, перерабатывающие кооперативы, кредитные кооперативы.

В статье показана роль одного из старейших видов кооперативной деятельности в России – потребительской кооперации. Путем анализа процессов создания и работы сельскохозяйственных потребительских кооперативов на территории Республики Мордовия автором выявлены некоторые проблемы, тормозящие успешное функционирование кооперативных организаций, а также доказана их экономическая и социальная миссия, требующая совершенствования вопросов государственного регулирования.

Key words: cooperative activity, consumer cooperation, business system structure, trade services of rural population, stocking network, supply and sales cooperatives, reprocess cooperatives, credit cooperatives.

The role of consumer cooperation as one of the oldest forms of cooperative activity in Russia is discovered in the article. Analyzing the processes of agricultural consumer cooperatives creation and functioning in the territory of the Republic of Mordovia the author reveals some problems, slowing down successful work of cooperative organizations, and also proves their economic and social mission, which requires the improvement of government control matters.

В 2009 г. российской кооперации исполнилось 178 лет — достойная дата для всестороннего осмысления накопленного опыта с целью умелого его использования с учетом современных условий и определения перспектив дальнейшего развития.

Одним из старейших видов кооперативной деятельности в России является потребительская кооперация, у истоков которой стояли декабристы, создавшие в 1831 г. первое в Иркутской губернии кооперативное общество «Большая артель». Забытая государством в начале 1990-х гг., брошенная на произвол судьбы в жесточайших условиях рынка, она успешно выдержала шоковую терапию реформ и сохранилась как целостная система, делом доказавшая свою полезность, необходимость, устойчивость и значимость. Поэтому именно потребительская кооперация может и должна стать партнером власти в решении как социальных, так и экономических проблем при осуществлении приоритетных национальных проектов Российской Федерации.

Потребительская кооперация России по широте охвата населения в социальной и хозяйственной деятельности — самая организованная и мощная структура, выступающая как органичный элемент экономической системы страны в товарно-денежных потоках между городом и деревней. Государству для снятия социального напряжения необходима современная система торгового обслуживания сельского населения, которая способна полно и качественно удовлетворять потребности жителей села в товарах и услугах. Интересы потребительской кооперации аналогичны по причине ее исторической миссии по осуществлению этой деятельности. Однако без эффективного взаимодействия и реальной поддержки государства решить столь сложные задачи невозможно.

Заготовительная сеть потребительской кооперации при соответствующих поправках в действующие законы может полностью взять на себя реализацию части приоритетного национального проекта «Развитие ЛПХ», касающейся закупок сельскохозяйственной продукции ЛПХ и К(Ф)Х и организации работы сельскохозяйственных рынков в городах и районах. Успешная деятельность личных подсобных и фермерских хозяйств невозможна без ускоренного развития всех форм кооперативов, в первую очередь снабженческо-сбытовых и кредитных. Однако мелкотоварные производители до сих пор в таких кооперативах задействованы незначительно, поскольку недоверчиво относятся к структурам, создаваемым сверху, и становятся их пайщиками, только убедившись в личной выгоде.

Тем не менее в 2006 — 2009 гг. в Республике Мордовия отмечен рост численности как снабженческо-сбытовых и перерабатывающих, так и кредитных кооперативов. С начала реализации приоритетного национального проекта в республике организованы 245 кооперативов, в том числе 9 кредитных. Для их развития в качестве ассоциированного пайщика привлекается ОАО «Россельхозбанк» — финансовое учреждение, ставшее ассоциированным членом СКПК «Агро-кредит» Атюрьевского района, СКПК «Надежда» Торбеевского, СКПК «Изосимовский» Ковылкинского района и т. д. Паевой взнос и другие средства использованы на выдачу кредитов

сельскому населению республики. Только за 2008 г. созданные сельскохозяйственные потребительские кооперативы закупили ЛПХ населения и реализовали перерабатывающим предприятиям Республики Мордовия более 8 315 тыс. т молока, более 454 т мяса и 91 т овощей. Сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы для развития К(Ф)Х и ЛПХ Мордовии выдали займов на сумму более 25,6 млн руб.

Анализируя процессы создания и работы сельскохозяйственных потребительских кооперативов на территории Республики Мордовия, можно выявить ряд проблем, к числу которых относятся следующие:

- затрудненный доступ к кредитным ресурсам из-за отсутствия залогового обеспечения;
- слабая материальная база (нехватка холодильного оборудования, автотранспорта, тары для сбора и транспортировки продукции), что сдерживает развитие перерабатывающих кооперативов;
- отсутствие федерального закона, регламентирующего порядок реализации сельскохозяйственной продукции;
- отсутствие субсидирования части затрат на уплату процентов по кредитам, направленным на приобретение перерабатывающего оборудования;
- нежелание граждан, ведущих ЛПХ, К(Ф)Х, предпринимателей вступать в члены кооператива из-за нехватки свободных финансовых средств;
- отсутствие эффективного механизма финансово-кредитной и инвестиционной поддержки сельскохозяйственных потребительских кооперативов;
- отсутствие региональных и районных гарантийных фондов поддержки сельской потребительской кооперации;
- повышенный риск невозврата кредитов из-за сезонности аграрного производства, роста цен на энергоносители и низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию.

В числе значимых вопросов сегодня находится поиск источников финансирования деятельности потребительских обществ и роль в этом процессе государственного регулирования. Успешному функционированию кооперативных организаций содействует сотрудничество с органами власти всех уровней. С одной стороны, потребкооперация заинтересована в получении организационной и финансовой поддержки государства для осуществления хозяйственной деятельности, с другой — в целях реализации потенциальной возможности получения прибыли потребкооперации требуется расширить объемы деятельности.

В соответствии с Указом Президента РФ № 795 «О мерах по стабилизации обеспечения сельского населения товарами и услугами» от 31 мая 1996 г. государственная поддержка оказывается организациям потребительской кооперации, пайщиками которых являются сельскохозяйственные производители и пенсионеры, проживающие в сельской местности; организациям потребительской кооперации совместно с органами местного самоуправления рекомендовано осуществлять комплекс мер по привлечению потребительских обществ к торгово-бытовому обслуживанию граждан, проживающих в сельской местности, не являющихся пайщиками потребительских обществ, в том числе инвалидов, пенсионеров, детей и других социально нуждающихся лиц, а также пересмотреть размеры паевого взноса и сроки их внесения, учитывая при этом, что членство в потребительских обществах должно быть доступным для

всех сельских граждан. Во исполнение данного указа принято Постановление Правительства РФ № 730 «О мерах по стабилизации обеспечения сельского населения товарами и услугами» от 24 июня 1996 г.

Принятый в 1997 г. Закон «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» стал не только хорошей правовой базой возрождения потребительской кооперации, ее реформирования в соответствии с проводимыми в стране демократическими преобразованиями, но и открыл новый этап в развитии кооперативного движения в России. В частности, в ст. 3 закона государство гарантировало выделение целевых льготных кредитов регионам, которые распределяются региональными органами власти сельским товаропроизводителям, в том числе сельскохозяйственным кооперативам и потребительской кооперации в лице региональных потребсоюзов. Кроме целевых льготных кредитов государство предоставило потребкооперации льготы по налогообложению. Разрешено за счет издержек обращения создавать фонд развития потребительской кооперации, производить внутрихозяйственные отчисления, уплачивать меньшие налоги с прибыли по сравнению с другими субъектами хозяйствования.

Но это лишь малая часть поддержки со стороны государства. Потребительская кооперация кроме экономической функции выполняет также и социальную роль с целью создания лучших условий жизнеобеспечения населения, предоставляя возможность удовлетворять потребности пайщиков в экономических благах и услугах.

Сегодня наиболее остро проявились социальные функции потребительской кооперации в отдаленных деревнях и селах регионов. Она содержит убыточные магазины, несет огромные транспортные расходы по завозу товаров, содержанию автолавок, обслуживающих дальние населенные пункты, снабжающих население малоприбыльными товарами повседневного спроса, т. е. сознательно берет на себя запланированные убытки. Однако если эти функции не возьмет на себя потребительская кооперация, то другие хозяйствующие субъекты ее не заменят, что в свою очередь потребует от государства решать возникшие проблемы (в дореволюционной России государство способствовало развитию кооперации во всем многообразии ее форм: кооперативы уплачивали 10%-ный налог от распределяемой прибыли; сейчас кооперативы как и другие субъекты хозяйствования (кроме индивидуальных предпринимателей) уплачивают 30%-ный налог с валовой прибыли, после чего погашают задолженность, пени по платежам во внебюджетные фонды, а оставшаяся прибыль подлежит распределению (во многих кооперативах распределять уже нечего. — *Е. И.*).

Необходимо отметить и общие интересы потребительской кооперации и местных администраций. Например, районные органы власти заинтересованы как в качественном торговом обслуживании сельских жителей, особенно отдаленных деревень, так и в пополнении местных бюджетов за счет лучшей собираемости налогов и сборов. Но часто руководители районных администраций оказываются не осведомленными об экономическом положении местных организаций потребительской кооперации, а руководители кооперативных организаций не считают нужным обсуждать подобные проблемы с органами власти. Из этого можно заключить, что сотрудничество с органами власти всех уровней способствует сохранению целостности потребительской кооперации, решающей важные государственные задачи по обеспечению сельского населения товарами и услугами. Роль государства в этом случае

важна с позиции создания благоприятной инвестиционной среды для развития экономики в целом и потребительской кооперации, в частности.

Решение вопросов, возникающих в процессе развития сельскохозяйственных потребительских кооперативов, многие эксперты видят как в расширении направлений субсидированного кредита, а также в разработке и принятии в регионах постановления «О залоговом фонде для малых форм хозяйствования в сельском хозяйстве».

В целом можно положительно оценить влияние приоритетного национального проекта «Развитие АПК» на сельскохозяйственную потребительскую кооперацию. На наш взгляд, для ее дальнейшего развития необходимы следующие меры законодательно-нормативного и финансового характера:

1) доработать законодательную базу, устранив противоречия, существующие в федеральных законах «О сельскохозяйственной кооперации» и «О потребительской кооперации (потребительских обществах и их союзах) в Российской Федерации»;

2) принять федеральный закон «О кредитной кооперации», в котором предусмотреть субсидирование из федерального бюджета части затрат на уплату процентов по кредитам для кредитных кооперативов, поскольку действующий порядок субсидирования через Министерство экономики и торговли РФ малоэффективен;

3) снизить банковскую ставку для сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов до 6 % годовых;

4) внедрить механизмы, позволяющие потребительским кооперативам сформировать собственную материально-техническую базу;

5) разработать и принять детальные нормативно-подзаконные акты и методические рекомендации по созданию кооперативов;

6) активнее стимулировать расширение сети кредитных кооперативов;

7) увеличить перечень целей и сроков субсидированных кредитов.

Следует отметить, что кредитные кооперативы, которые обслуживают сельских жителей в Республике Мордовия, охватывают, как правило, фермеров и мелких предпринимателей. Средства, полученные мордовскими аграриями через сельскую кредитную кооперацию, направляются главным образом на развитие мясо-молочного животноводства, проведение сезонных работ. Кредитные потребительские кооперативы (КПК), занимающиеся кредитованием сельхозпроизводителей, в республике существуют сегодня практически в пяти районных центрах. Сельская кооперация охватила чуть более 3 % сельских жителей Мордовии (это неплохой показатель, однако у сельской кредитной кооперации имеются огромные резервы роста. — *Е. И.*).

Особенности услуг, предоставляемых сельскими кредитными кооперативами Республики Мордовия, и размер выдаваемого кредита зависят от ряда условий. В каждом кооперативе, работающем с сельхозпроизводителями, они несколько различаются, но в целом схожи. По результатам исследования, проведенного на региональном уровне, было выявлено, что наиболее значимым фактором кредитования выступает способность заемщика его обеспечить, т. е. у заемщика должно быть достаточно средств или он должен иметь стабильный доход для своевременного погашения выданного ему кредита (это является решающим условием при выдаче кредитов практически во всех кооперативах региона. — *Е. И.*). Часто кредиты выдаются также на основании хорошей кредитной истории заемщика или высокой оценки эффективности организованного аграрием производства, а также доверия, которым пользуется человек.

В целом льготные кредиты оформляются, как правило, под залог, который должен быть оценен в сумму, не менее чем в 1,5 раза превышающую сумму выдаваемых денежных средств. Подобным залогом может выступать сельскохозяйственная техника, инвентарь, будущий урожай. Для оформления кредита требуется также наличие поручительства со стороны еще нескольких членов данного кооператива, которые обязуются обеспечить погашение кредитного договора заемщика своими средствами в случае, если тот окажется не в состоянии лично выплатить необходимые суммы.

Руководство большинства мордовских КПК уверено, что у их структур существует ряд преимуществ в сфере кредитования сельского хозяйства по сравнению с банками, заключающихся прежде всего в следующих факторах:

- высокая степень надежности в смысле выполнения взятых обязательств как со стороны кредитора, так и со стороны заемщика;
- быстрое и неформальное рассмотрение заявок на получение кредита;
- непосредственное право принимать участие в управлении КПК у членов кооператива;
- территориальная близость структуры КПК от потенциальных клиентов.

Немаловажным фактором развития мордовских кредитных потребительских кооперативов, специализирующихся на кредитовании сельхозпроизводителей, является наличие серьезной поддержки со стороны региональных и местных властей. Руководство региона и муниципальных районов республики заинтересовано в формировании и дальнейшем позитивном развитии сельской кредитной кооперации на «своей» территории. Во многом это связано с «наполняемостью» бюджетов различных уровней — от муниципального до регионального. Поэтому местная администрация способствует развитию сельских кооперативов, создавая для этого благоприятную нормативно-правовую основу на местном уровне, осуществляя лицензирование КПК, проводя специальные «тренинговые» проекты для обучения персонала КПК.

Деятельность сельскохозяйственных кооперативов не ограничивается исключительно финансовой составляющей. Наряду с основным направлением — кредитованием сельхозпроизводителей — региональные СПКК реализуют комплекс мероприятий, так или иначе содействующих развитию крестьянских фермерских хозяйств и мелкого предпринимательства на селе: проведение бесплатных консультаций по юридическим и финансовым аспектам ведения ЛПХ и КФХ; организация специальных тренингов по обучению сельхозпроизводителей; помощь в реализации сельскохозяйственной продукции; предоставление различного рода информационных услуг и др. (хотя подобные услуги своим членам большей частью оказывают крупные сельскохозяйственные кооперативы).

Общеизвестно, что малый бизнес испытывает постоянную потребность в дополнительных финансовых ресурсах как для открытия новых предприятий, так и для развития уже существующих. По нашему мнению, для решения задач повышения эффективности деятельности потребительской кооперации необходимы рост платежеспособности сельского населения за счет увеличения его доходов, увеличение оплаты труда, создание на определенный период режима наибольшего благоприятствования для потребительской кооперации, прежде всего путем частичной компенсации объективно высоких затрат и издержек обращения, субсидирования торговой деятельности, связанной с обслуживанием слабо защищенных слоев сельского насе-

ления и социальных объектов, облегчения доступа к кредитам, оптимизации налогов и платежей. В связи с этим стимулирующее воздействие на развитие КПК оказывает Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сырья и продовольствия на 2008 — 2012 гг., предусматривающая обеспечение доступа малых форм хозяйствования на селе (ЛПХ граждан, К(Ф)Х, сельскохозяйственных потребительских кооперативов), индивидуальных предпринимателей к кредитным ресурсам финансовых организаций.

Основными финансовыми источниками для предприятий малого бизнеса являются собственные средства и привлеченный капитал — средства банков и других организаций или частных лиц. Однако в России, как показывает практика, достаточно сложно получить кредит. Общая потребность малого бизнеса в финансовых ресурсах удовлетворяется лишь на 16 %. Проблема доступа малого бизнеса к банковским и иным кредитным ресурсам существует практически во всех странах мира. Основным аргументом, мотивирующим отказ кредитных институтов в предоставлении субъектам малого предпринимательства финансовых средств, — дееспособность субъекта малого предпринимательства надлежащим образом обеспечить возврат предоставленного кредита. Помощь государства в предоставлении гарантий через гарантийные фонды во многих странах мира позволяет решить эту проблему.

Исследования, проведенные в рамках Программы развития ООН, позволили выделить основные принципы деятельности, которыми руководствуются гарантийные фонды и общества (их около 2,3 тыс. в 85 странах мира), у которых получили в настоящее время поддержку более 7 млн предпринимателей (за рубежом они созданы в различных организационно-правовых формах — акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью, фонд, учреждение, но они всегда являются некоммерческими организациями. — *Е. И.*):

1) размер гарантий (поручительств), предоставляемых ими, никогда не достигает 100 % от суммы кредита, причем в разных странах он варьируется в пределах 50 — 80 % от суммы кредита;

2) определенная часть кредита должна быть обеспечена самим кредитополучателем, гарантии (поручительства) в пределах 60 — 70 % от суммы кредита считаются привлекательными и выгодными с точки зрения кредитополучателя и одновременно оптимальными для безопасности гарантийного фонда;

3) они, как правило, не обеспечивают уплату процентов по кредиту и штрафных санкций;

4) их деятельность ориентирована на определенный круг субъектов малого и среднего бизнеса. При предоставлении гарантии субъекту малого бизнеса учитывается его соответствие определенным показателям, среди которых статус (физические лица, некоммерческие организации, кооперативы), количество наемных работников, соотношение в уставном фонде отечественного и зарубежного капитала, целевое использование финансовых ресурсов (инвестиции, реконструкция, производство) и др.;

5) гарантии (поручительства) предоставляются на платной основе — плательщиком является либо кредитное учреждение, предоставляющее финансирование, либо субъект малого предпринимательства. Плата за пользование гарантией (поручительством) устанавливается в твердой сумме или в процентах от суммы выданной гарантии (поручительства), ее размер зависит от суммы гарантии (поручительства) и

срока, на который предоставлена гарантия (поручительство) (в Румынии, например, плата за выдачу гарантии составляет 1,0 % от стоимости выданной гарантии, в Венгрии в зависимости от срока предоставления гарантии — 0,8 — 5,0, в Финляндии — 0,4 — 2,0, в Польше — 0,5 — 2,0 %);

б) источник исполнения обязательств гарантийных фондов по предоставленным гарантиям (поручительствам) — гарантийный капитал гарантийных фондов — обособленная сумма денежных средств, размещенная на депозитах, открытых в банках-кредитодателях, при этом источники формирования гарантийного капитала различны, но, как правило, это средства государственного бюджета (включая местные) и банков (в некоторых государствах источниками гарантийного капитала выступают средства международных донорских организаций);

7) деятельность осуществляется с использованием принципа мультипликатора капитала — гарантийный фонд гарантий (поручительств) может превышать размер гарантийного капитала в несколько или даже в несколько десятков раз (например, гарантийный фонд, владеющий гарантийным капиталом в 1 000 тыс. руб., может выдать гарантий (поручительств) на сумму 5 000 тыс., 8 000 тыс. руб. или на большую сумму в зависимости от договоренностей, достигнутых между гарантийным фондом и банком-кредитором, на депозите которого размещается гарантийный капитал гарантийного фонда), данный принцип базируется на показателе невозврата банковских кредитов, который, согласно мировой практике, колеблется в пределах 5 — 8 %. Предоставление малому и среднему бизнесу гарантий (поручительств) по кредитам осуществляется гарантийными фондами в тесном сотрудничестве с банками-кредиторами на основе соглашения о сотрудничестве;

8) в случае выполнения обязательств по предоставленным гарантиям (поручительствам) они имеют право взыскать имущество субъектов малого предпринимательства, в пользу которых были предоставлены гарантии (поручительства) с целью компенсации своих расходов в связи с необходимостью возврата банковских кредитов за счет средств гарантийного капитала (в государствах с созданными за счет средств государственного и (или) местного бюджета гарантийными фондами, указанные расходы компенсируются его учредителями).

Денежные средства, размещенные на банковском вкладе (депозите), направляются на погашение задолженности субъекта малого предпринимательства по распоряжению гарантийного фонда либо он предоставляет право их списания в счет погашения задолженности банку в пределах лимита ответственности гарантийного фонда, установленного договорами гарантии (поручительства). Для обеспечения каждого кредита заключается отдельный договор.

Кроме настоящих положений соглашение о сотрудничестве предусматривает основные условия договоров гарантии (поручительства), заключаемых между банком и фондом, и условия предоставления кредитов субъектам малого бизнеса. Причем процедура выдачи гарантии в разных странах имеет свои особенности, но в целом сводится к следующему: 1) субъект малого предпринимательства обращается в банк с заявлением о предоставлении кредита, на основе которого выносится решение о его оформлении и выдаче соответствующего документа при условии дополнительного обеспечения; 2) предприниматель подает заявление в гарантийный фонд о предоставлении ему гарантии по кредиту; 3) гарантийный фонд выносит решение о предоставлении гарантии; 4) предприниматель вносит плату за предоставление га-

рантии; 5) банк и гарантийный фонд заключают договор гарантии (поручительства); 6) банк и субъект малого предпринимательства заключают договор кредита.

Механизм деятельности гарантийных фондов и обществ в постсоциалистических странах широко используется для поддержки малого бизнеса. Как и в России главным препятствием его развития здесь выступает низкий уровень капитализации, связанный со значительными трудностями в доступе к коммерческим кредитам. Основными источниками финансирования для субъектов малого предпринимательства становятся собственные сбережения граждан, займы у родственников и друзей, доходы от продажи товаров и услуг. Почти 90 % малых предприятий не могут получить кредиты из-за их высокой стоимости и отсутствия залоговых возможностей. В случае доступа к кредитным ресурсам они вынуждены выплачивать банку более высокие проценты по кредитам, чем крупные предприятия, поскольку банки стараются максимально снизить свои риски.

Именно с целью поддержки малого бизнеса и в первую очередь для расширения его доступа к кредитам коммерческих банков в начале 1990-х гг. практически во всех странах были созданы гарантийные фонды как эффективный инструмент поддержки данной сферы экономики, использование которого может активизировать предпринимательство на селе в России. Анализ их деятельности в восточно-европейских странах показал, что для их эффективности нужны: во-первых, поддержка государства в создании и деятельности фонда, а также в образовании гарантийного капитала; во-вторых, их сотрудничество с банками-кредиторами; в-третьих, наличие нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок образования и их деятельности; в-четвертых, платная основа их функционирования; в-пятых, использование принципа мультипликатора капитала; в-шестых, контроль за использованием средств.

Уникальной особенностью потребительской кооперации всегда была ее способность сочетать экономические и социальные начала. Являясь по сути одним из главных инструментов выживания российской «глубинки» и самозащиты сельского населения в условиях реформирования, когда большинство сельских жителей оказались за чертой бедности, потеряли работу и были вынуждены кормиться за счет доходов от своих подворий, такое качество обрело новую ценность. Кооперативный магазин в новейшей истории России превратился в центр хозяйственной и социальной деятельности сельской потребительской кооперации, тесно сотрудничающий с каждым подворьем.

Степень развития кооперации в стране служит показателем нравственного уровня ее населения, которая не только является частью экономики, но и одной из сфер общественной жизни со своими нормами, принципами и традициями. Сегодня чувствуется опасность разрушения российских корней и исторических ценностей. Потребительская кооперация страны, мобилизуя производственный и интеллектуальный потенциал, встала на защиту сельского человека, протянув ему руку помощи и социальной поддержки.

По решению Учредительного собрания Ассоциации кооперативных организаций России (АКОР) от 9 июня 1998 г. Центросоюз РФ стал главным координатором деятельности всех видов кооперации в России. Сегодня в состав АКОР входят Центральный союз потребительских обществ РФ, Агропромышленный союз России, Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов,

Некоммерческое партнерство объединенных производственных кооперативов, Союз сельских кредитных кооперативов, Московский союз жилищных, жилищно-строительных кооперативов и иных некоммерческих самоуправляемых обществ, общественная организация «Союз старателей России», союз потребительских кооперативов «Лига кредитных союзов», некоммерческая организация «Общенациональная Ассоциация организаций финансовой взаимопомощи», Союз садоводов, Российский аудиторский союз сельскохозяйственных кооперативов «Чаянов» и др.

Основным назначением АКОР являются координация деятельности кооперативных организаций России, содействие развитию и защита их интересов в органах государственной власти, оказание информационных, правовых и иных услуги.

Научные и методические центры потребительской кооперации в стране — это высшие учебные заведения, располагающие высококвалифицированными научными кадрами. В университетах потребительской кооперации сформирована система непрерывного образования (довузовская подготовка, среднее профессиональное образование, высшее образование, послевузовская подготовка), подготовка научно-педагогических кадров в аспирантуре и докторантуре, дополнительное профессиональное образование, повышение квалификации руководителей, работников и специалистов, функционируют диссертационные советы по присуждению ученых степеней докторов и кандидатов наук по экономическим, финансовым и техническим специальностям.

Таким образом, несмотря на имеющиеся проблемы, кооперация продолжает развиваться, расширяя и диверсифицируя свою деятельность, создавая новые рабочие места, повышая тем самым занятость населения и сокращая уровень сельской безработицы, в целом подтверждая жизнестойкость и перспективность. Потребительская кооперация является созидательной силой, направленной на выполнение поставленных Президентом России задач — борьба с бедностью и преобразование российского села.

Литература

1. **Голубев А.** Кризис и АПК: угрозы и возможности / А. Голубев // АПК: экономика и управление. 2009. № 2. С. 3 — 12.
2. **Едренкина Н. М.** Решение проблем развития малых форм хозяйствования в рамках приоритетного национального проекта «Развитие АПК» / Н. М. Едренкина // Достижение науки и техники АПК. 2008. № 4. С. 11 — 13.
3. **Лишанский М. Л.** Финансы сельскохозяйственных предприятий / М. Л. Лишанский, З. А. Круш, И. Б. Маслова, Л. С. Шохина ; под ред. М. Л. Лишанского. М. : КолоС, 2003. 376 с.
4. **Назаркин Д.** Сельская кредитная кооперация в Волгоградской области / Д. Назаркин // Агро страхование и кредитование. 2008. № 12 (43). С. 42 — 44.
5. **Першукевич П. М.** Кооперативно-потребительский сектор Сибири / П. М. Першукевич // Достижение науки и техники АПК. 2008. № 4. С. 19 — 24.
6. **Ткач А. В.** Роль потребительской кооперации в реализации приоритетных национальных проектов / А. В. Ткач // Достижение науки и техники АПК. 2008. № 2. С. 17 — 19.

Поступила 10.06.2009 г.

УДК 338.46(470.345):621.39

Л. В. Инюткина

L. V. Injutkina

СВЯЗЬ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

COMMUNICATION IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA: THE HISTORICAL STAGES OF FORMATION AND MODERN PROGRESS TRENDS

Ключевые слова: услуги, связь, информатизация, фиксированная связь, сотовая связь, электронные АТС, инновационные технологии, цифровые системы передачи данных, мобильные коммуникации, стандарты сотовой связи.

В статье рассмотрены этапы развития отрасли телефонной связи в РМ, основные компании, оказывающие данные услуги, приведено сравнение характеристик существующих стандартов сотовой связи и специфики их реализации; отдельно рассмотрены особенности функционирования систем мобильной сотовой связи, а также внедрение новейших технологий связи на рынок телекоммуникационных услуг.

Key words: services, communication, informatisation, fixed communication, cellular communication, electronic exchange, innovation technologies, digital data-transmission systems, mobile communications, standards of cellular communication.

Stages of the telephone communications branch development in the Republic of Mordovia, main companies, which provide these services, are considered in the article. The comparison of the present standards of cellular communication characteristics and peculiarities of their realization is also given here. The special features of mobile communication systems operation as well as modern communication technologies introduction into the telecommunication services market are considered separately.

Стремительно развивающееся человеческое общество все более нуждается как в полной и достоверной информации, так и в инновационных средствах коммуникации, поскольку связь сегодня является неотъемлемой частью не только государственной политики, но и деловой и культурной жизни людей.

История развития связи как отрасли в Мордовии приближается к 100-летнему рубежу. Если Мордовии как административной единицы в составе Российского государства до начала 1930-х гг. не существовало, а многие ее современные районы в разные годы относились к Пензенской, Симбирской, Нижегородской и Тамбовской губерниям, то с образованием Мордовского округа (1928 г.) была создана Мордовская окружная контора связи с центром в г. Рузаевке, позднее переведенная в г. Саранск.

Первое упоминание об устройстве телеграфа в Саранске относится к 1875 г.: оно сохранилось в личной переписке жены Н. П. Огарева с дочерью. В 1910 г. в отчете Саранской уездной земской управы было зафиксировано сообщение о действии

городской телефонной сети со стозначным коммутатором, насчитывавшим 57 абонентов. В 1917 г. на территории Саранского уезда уже функционировал и 5 телефонных станций и 18 аппаратов Морзе, а спустя два года открылась приемная радиостанция.

Как отрасль народного хозяйства связь в республике сформировалась после 1917 г., подразделяясь на почтовую и электрическую (телефонная, телеграфная, телевизионная, радиосвязь). С преобразованием Мордовского округа в Мордовскую автономную область (январь 1930 г.) Мордовская окружная контора связи была переименована в Мордовское управление связи. В 1934 г. здесь в его составе действовали 5 почтовых отделений связи и агентств, а также 1 720 радиоточек и ряд почтово-телеграфных контор.

Первая АТС (на 2 000 номеров) в столице Мордовии начала функционировать только в 1948 г. В 1960 г. заработали сельские АТС (первая из них в с. Оброчное Ичалковского района). В следующем году состоялся ввод в эксплуатацию Саранского телецентра с регулярными телепередачами, несколько позднее была смонтирована междугородная телефонная станция, с вводом которой не только городские жители, но и население райцентров республики получило возможность пользоваться услугами автоматической междугородной телефонной связи, что явилось новым этапом в развитии средств связи.

В целом начало цифровизации внутризональной сети связи в Мордовии характеризовалось тем, что вновь строившиеся линии связи оснащались цифровыми системами передачи. Кроме того, параллельно велась реконструкция существовавших систем передачи данных на цифровые.

На конец 1980-х гг. приходятся сразу несколько важных событий в развитии средств связи в республике: в 1989 г. в Саранске впервые заработала электронная АТС-55 (МТ-20) на 10 тысяч номеров, проложен первый волоконно-оптический кабель связи, установлено оборудование цифровой системы передач «Соната» для межстанционных соединений телефонной сети, начата эксплуатация подвижной радиосистемы «Алтай» в городе. Только в 2004 г. была произведена замена аналогового оборудования радиотелефонной системы «Алтай» на электронное с программным управлением «Квант-Е».

Комплексный подход к модернизации республиканских городских сетей позволил резко улучшить качество предоставляемых услуг связи и разрешить проблему установки телефонов населению. Кроме того, важными этапами истории развития отрасли в Мордовии стали техническое перевооружение, цифровизация и модернизация телефонных сетей, появление в городах и районах республики электронных АТС нового поколения.

Необходимо отметить, что за последние двадцать лет в телекоммуникационной сети Республики Мордовия были введены в эксплуатацию исключительно электронные АТС и цифровые системы передачи данных с применением оптических кабельных линий связи. Интенсивное развитие телефонной сети региона на базе внедрения электронных станций позволило не только многократно увеличить количество телефонов, но и поднять на более высокий уровень качество работы телефонной связи. Ввод электронных и цифровых АТС содействовал внедрению на рынок услуг связи быстро развивающихся технологий мирового уровня, таких, например, как цифровая сеть с интеграцией служб ISDN, предлагающая абонентам десятки новых информационно-сервисных услуг. В их числе высокоскоростной доступ к информационным

ресурсам глобальной сети Интернет, видеотелефония, конференц-связь, объединение локальных сетей и создание систем электронного документооборота и др. Иными словами, цифровые технологии ISDN способны переносить любой тип информации, предоставляя клиентам возможность передачи речи, текста и изображения по одной и той же телефонной линии.

С развитием современных инновационных технологий телефон из обычного средства общения превратился в орудие обмена информационными ресурсами, предлагая пользователям следующие услуги речевой почты: речевые автоинформаторы, речевые доски объявлений и телеконференции. К сервисным телефонным услугам можно отнести и телемедицину. Благодаря видеосвязи в настоящее время в Республике Мордовия стало возможным проведение учебных циклов по кардиологии в учреждениях здравоохранения и научных семинаров для работников агропромышленного комплекса, студентов и учителей.

В регионе успешно функционирует услуга электронной цифровой подписи. После подписания тройственного соглашения между Удостоверяющим центром ekey.ru, филиалом в Республике Мордовия ОАО «ВолгаТелеком» и Управлением Министерства по налогам и сборам появились первые корпоративные пользователи, сдавшие по телекоммуникационным каналам связи налоговые декларации, которые заверил «электронный нотариус». С появлением подобной услуги у абонентов появилась уникальная возможность сдачи налоговых деклараций в электронном виде.

ОАО «ВолгаТелеком», созданная в 2002 г. в рамках реструктуризации отрасли электросвязи, объединив под своим началом 11 телекоммуникационных операторов Приволжского федерального округа, в том числе Республики Мордовия, стала крупнейшей телекоммуникационной компанией Поволжья со значительным комплексом услуг телефонии, фиксированной и сотовой связи, Интернета и передачи данных, телевидения и радиовещания.

Автоматизированная система расчетов с потребителями позволила полностью перевести имевшиеся операции по расчетам с клиентами на электронный документооборот. Являясь центральным пунктом по приему платежей, расчетно-сервисный центр ОАО «ВолгаТелеком» ежедневно принимает около 1 тыс. клиентов. Теперь рабочие места операторов оснащены по последнему слову техники, что не только увеличило пропускную способность документооборота, но и сократило время обслуживания посетителей. Совсем недавно все поступающие от абонентов первичные документы заполнялись вручную и на их оформление уходило до двух недель, сегодня эти операции выполняются специальной программой, занимая не более нескольких минут. Подобная автоматическая расчетная система пока действует в Лямбирском и Чамзинском районных узлах электросвязи.

На базе междугородной телефонно-телеграфной станции в Республике Мордовия создан Центр технической эксплуатации, осуществляющий следующие виды услуг:

- внедрение и интеграцию средств и систем управления сетевыми элементами различных производителей, построение единой среды управления сетью связи;
- единый мониторинг первичных и вторичных сетей связи, обработка событий реального времени с целью поиска и локализации ее неисправностей;
- подключение к контролируемым объектам с целью сбора, обработки, анализа, хранения и предоставления данных о текущем состоянии, конфигурации, параметрах качества, пересечении порогов измеряемых параметров и авариях.

Ввод электронных АТС в Республике Мордовия послужил мощной основой внедрения новейших технологий связи на рынок телекоммуникационных услуг и дальнейшего повышения качества услуг связи в республике. Активизация этого направления позволила занять ведущие позиции ОАО «ВолгаТелеком» по показателю «Удельный вес монтированной емкости электронных станций в общей монтированной емкости телефонных станций местной сети» среди предприятий связи.

Следует обратить внимание на то, что коммуникации являются наиболее динамично развивающейся отраслью мировой экономики. Поэтому предоставление услуг телефонной связи ОАО «ВолгаТелеком» через цифровые автоматические станции обеспечивает выход абонентам как на территории республики и России, так и на все страны мира. Однако мобильные коммуникации по сравнению с остальными установками «телекома» развиваются опережающими темпами и значительную конкуренцию предприятию в пределах региона составляют компании — операторы мобильной сотовой связи.

Мобильная связь представляет собой вид телекоммуникаций, при котором голосовая, текстовая и графическая информация передается на абонентские беспроводные терминалы, не привязанные к определенному месту или территории (например, спутниковая, сотовая связь и т. д.). Наиболее распространенным видом мобильной связи является сотовая, услуги которой предлагаются абонентам компаниями-операторами.

Сегодня в Республике Мордовия действуют три федеральных оператора сотовой связи с предоставлением набора услуг, к которым относятся МТС, «БиЛайн» и «МегаФон». Впервые звонок в сети GSM на территории республики прозвучал 26 марта 1998 г., именно тогда зарегистрирован первый сотовый оператор стандарта GSM 900/1800 ЗАО «Волжский GSM», впоследствии представивший «МегаФон-Поволжье» в Мордовии. Значительно позднее (с 27 сентября 2003 г.) на ее территории появился оператор сотовой связи «Билайн», составив конкуренцию действующим компаниям, предлагая набор интересных тарифов и услуг. 14 декабря 2004 г. ОАО «Мобильные ТелеСистемы» объявило о начале обеспечения собственных услуг мобильной сотовой связи в регионе и посредством эффективной ценовой политики практически сразу охватило около 37 % всего населения. Следует отметить, что спектр и качество современных телекоммуникационных услуг у разных операторов связи мало отличаются.

Кроме перечисленных в республике существуют и зарекомендовали себя многочисленные локальные операторы — как дочерние структуры «большой тройки», так и самостоятельные компании: ЗАО «РТКОМ», ОАО «Смартс-Саранск-GSM», ЗАО «Сотовая связь Мордовии», «МСС-Поволжье», Филиал в Республике Мордовия ЗАО «НСС». Имеется и множество стандартов сотовой связи, так или иначе используемых в работе названными компаниями-операторами.

Стандарты NMT и AMPS, которые принято относить к первому поколению систем сотовой связи, появились в России осенью 1991 г. и предусматривали передачу данных в аналоговой форме, что не позволяло обеспечить должный уровень защищенности от несанкционированных подключений и помехоустойчивости. В дальнейшем у них появились усовершенствованные за счет использования цифровых технологий модификации в виде DAMPS (первая буква аббревиатуры расшифровывается как digital – «цифровой»).

Таким образом, все настоящие стандарты сотовой связи можно условно разделить на аналоговые и цифровые. В частности, аналоговые принято считать стандартами первого поколения, а цифровые — второго (так называемого 2G). К последним относятся GSM, IS-95, IMT-МС-450 и др., изначально созданные на основе цифровых технологий, которые превосходили стандарты первого поколения по качеству звука и защищенности, а также по заложенным в них тенденциям развития. У каждого стандарта, кроме буквенного обозначения, имеется еще и цифровое (например, GSM-900, GSM-1800, GSM-1900). Цифра в названии стандарта обозначает рабочую частоту (GSM-900 действует на частоте 900 МГц или, что является более точным, то в частотном диапазоне 890 — 960 МГц). К этому можно добавить, что уже появились сети третьего поколения (3G). Основное отличие стандартов, на которых построены 3G, от их предшественников заключается в расширенных возможностях скоростной передачи данных, позволяющее реализовывать в таких сетях новые сервисы (например, видеотелефонию) (можно указать преобладающие позиции GSM как стандарта сотовой связи в регионе по причине его предпочтения у более чем 90 % абонентов. — *Л. И.*).

Несмотря на многочисленность компаний, существующих стандартов сотовой связи и многообразии специфик их реализации, построение и алгоритм функционирования таких систем во многом близки. Станции компаний-операторов обеспечивают доступ к сети на ограниченной территории, а перекрывающиеся зоны покрытия создают структуру, аналогичную пчелиным сотам (отсюда происхождение термина «сотовая связь»). При перемещении абонента его телефон может обслуживаться то одной, то другой базовой станцией, причем данное переключение (смена соты) совершается в автоматическом скоростном режиме и незаметно для абонента, что никоим образом не влияет на качество услуг. Подобный подход разрешает при употреблении радиосигналов небольшой мощности покрывать сетью мобильной связи большие территории, обеспечивая данному виду коммуникаций, кроме эффективности, еще и относительно высокий уровень экологичности.

При этом действующая компания-оператор не только технически обеспечивает мобильную связь, но и вступает в экономические взаимоотношения с абонентами, которые приобретают у нее некоторый набор основных и дополнительных услуг. Из-за значительного количества современных видов сервисов расценки на них объединены в комплекты, именуемые тарифными планами. Вычислением стоимости оказанных каждому абоненту услуг занимается программно-аппаратная биллинговая система, которая ведет учет предоставленных абоненту услуг и сервисов, а также взаимодействует с аналогичными системами других компаний, дающих абоненту услуги (например, роуминг, т. е. возможность пользования мобильной связью в других городах и странах). Оплату за мобильную связь, в том числе в роуминге, абонент осуществляет оператору, являющемуся для него единым расчетным центром.

Инновационные коммуникационные технологии позволяют абонентам, находящимся в роуминге сохранять свой телефонный номер, продолжая пользоваться сотовым телефоном, а также совершать и принимать звонки подобно домашней сети. Все необходимые для этого действия, включая межоператорский обмен трафиком и привлечение по мере необходимости ресурсов других коммуникационных компаний

(например, обеспечивающих трансконтинентальную связь), производятся автоматически и не требуют от абонента дополнительных действий (если компании-операторы на разных территориях предлагают собственные услуги связи в разных стандартах, то роуминг одинаково потенциален, поскольку абонент на время поездки получает другой аппарат, сохраняя при этом личный телефонный номер и автоматически маршрутизируя звонки. — *Л. И.*)

При разработке первого стандарта сотовой связи 25 лет назад никто не мог предположить, что телефон из предмета роскоши превратится в объект первой необходимости и помощника в различных ситуациях. Если в середине 1990-х гг. сотовый телефон был доступен только представителям относительно обеспеченных слоев населения, то сегодня мобильной связью может воспользоваться практически каждый. Активное развитие операторами рынка услуг связи привело к географической широте и росту покрытия сетей.

В целом внедрение высокотехнологичных проектов дало возможность поднять качество связи на более высокий уровень, сэкономить время и средства клиентов путем предложения им широкого спектра современных услуг связи: местной, междугородной и международной телефонной, сети Интернет, пейджинговой, подвижной радиотелефонной, документальной (телеграф, телекс, факс), передачи данных и предоставления в аренду каналов связи, физических цепей, трансляции программ по сети проводного и эфирного радиовещания.

Чтобы понять величину изменений, совершившихся в развитии связи более чем за два десятилетия, стоит лишь вспомнить трудоемкость процесса предоставления междугородного телефонного разговора несколько лет назад: звонок телефонистке, длительное ожидание, ограниченность времени. Сегодня автоматическое телефонное соединение с другими городами, регионами и странами стало привычным и обыденным делом для каждого жителя Мордовии. Сложнее стало представить человека, не имеющего сотового телефона. Для многих молодых людей он является не только средством коммуникации, но и своего рода атрибутом имиджа, элементом досуга и отдыха.

Сегодня практически всеми операторами и большинством современных аппаратов поддерживаются следующие сервисы:

- SMS — Short Message Service — передача коротких текстовых сообщений;
- MMS — Multimedia Messaging Service — передача мультимедиа-сообщений (фотографий, видеороликов и т. п.);
- автоматический роуминг;
- определение номера звонящего абонента;
- голосовая почта — сохранение голосовых и текстовых сообщений, переданных в то время, когда абонент находился вне зоны доступа;
- заказ и получение различных средств персонализации непосредственно по каналам сотовой связи;
- выход в Интернет и просмотр специализированных (WAP) сайтов;
- загрузка рингтонов, картинок, информационных материалов со специализированных ресурсов;
- передача данных с помощью встроенного модема (осуществляется по различным протоколам в зависимости от технологических рамок поддержки конкретного аппарата).

Трудно переоценить значение связи и информатизации в жизни общества. Интеграция в информационное пространство требует интенсивного развития, прежде всего, телекоммуникационных технологий и от развития связи в значительной мере будет зависеть дальнейшее развитие экономики, науки и культуры, а также степень информатизации общества в целом. При введении в строй цифровых технологий нового поколения жители Республики Мордовии уже получили возможность пользоваться самыми последними достижениями в области связи. Поэтому в ближайшем будущем основным вектором развития сотовой мобильной связи будет конвергенция, т. е. обеспечение абонентским терминалам автоматического переключения с одной сети на другую с целью наиболее эффективного использования возможностей всех коммуникационных систем.

Поступила 20.06.2009 г.

УДК 364.22(470.345):311

Л. Н. Липатова, М. В. Тингаева
L. N. Lipatova, M. V. Tingaeva

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УРОВНЯ БЕДНОСТИ В РОССИИ И МОРДОВИИ

COMPARATIVE ANALYSIS OF POVERTY LEVEL IN RUSSIA AND MORDOVIA

Ключевые слова: абсолютный уровень бедности, относительный уровень бедности, объем прожиточного минимума, текущее потребление, минимальные потребности, распределение доходов, среднедушевой доход населения.

В статье рассматривается состояние доходов населения России и Республики Мордовия, осуществляется сравнительный анализ основных индикаторов уровня жизни населения, показателей заработной платы. Наряду с этим представлены динамика структуры денежных доходов населения по источникам их формирования, а также показатели дифференциации доходов населения, основные показатели пенсионного обеспечения и структура использования денежных доходов и потребительские расходы населения.

Key words: absolute poverty level, relative poverty level, value of the living minimum, current consumption, minimum needs, incomes distribution, average per capita incomes of the population.

In the article the condition of incomes of the population of Russia and Republic Mordovia is considered, the comparative analysis of the basic indicators of a standard of living of the population, parameters of wages is carried out. Alongside with it in clause dynamics of structure of monetary incomes of the population on sources of their formation, and also parameters of differentiation of incomes of the population, the basic parameters of a provision of pensions and structure of use of monetary incomes and consumer charges of the population is presented.

Быстрый рост уровня бедности в начале 1990-х гг. в России был обусловлен сокращением занятости, появлением безработицы, отсутствием эффективной системы социальной защиты населения. Сегодня уровень бедности в стране сохраняется высоким, а для некоторых слоев населения проблема жизнеобеспечения даже обострилась. Бедность особенно распространена среди занятых в бюджетном секторе экономики, жителей сельской местности и малых городов, больших семей и семей с неполным составом.

Высокая абсолютная бедность в стране сочетается с большим неравенством в распределении денежных доходов и имущества между богатыми и бедными, а следовательно, с высокой относительной бедностью. Уровень абсолютной бедности определяется сопоставлением минимальных потребностей, которые должны быть удовлетворены, и размера ресурсов, необходимых для их удовлетворения. Люди считаются бедными, если их доход ниже стоимостной оценки минимальных потребностей, и жизненно важные потребности не удовлетворяются в достаточной степени. Уровень относительной бедности определяется минимально необходимым доходом, как долей от уровня медианы (или средней) распределения эквивалентного дохода домохозяйств. На определение уровня бедности при таком подходе сильно влияет выбор шкалы эквивалентности.

В отличие от абсолютного уровня бедности относительный уровень повышается с ростом совокупных доходов, поэтому данный подход чаще используется для сравнения социально-экономического развития в различные периоды в одной и той же стране. В США, например, граница относительной бедности определяется на уровне 40 % медианного дохода, во многих странах Европы и в рамках Люксембургского международного исследования доходов — 50 %. В скандинавских странах, где развита система социальной поддержки, граница бедности определяется величиной, равной 60 % медианного душевого дохода.

Бедность означает не просто низкий уровень текущего потребления, но и низкое качество жизни вообще, обусловленное и низкой имущественной, прежде всего жилищной, обеспеченностью людей. На уровень бедности влияют экономические и культурные факторы, исторические условия развития общества, а также плохое здоровье, недостаточное образование и вытекающая из этого низкая конкурентоспособность на рынке труда, низкое качество семейной жизни, социальные патологии, психические особенности людей и другие обстоятельства.

Специфической чертой российской бедности является высокий удельный вес в составе бедного населения занятых в экономике. В Мордовии, например, эта доля превышает 60 %.

Ежегодный мониторинг уровня жизни населения показывает закрепление положительной динамики роста денежных доходов населения РМ, но, несмотря на это, по размеру среднедушевых доходов населения в 2006 г. регион находился на 81-м месте среди других субъектов РФ. Соотношение среднедушевого денежного дохода в Мордовии по отношению к соответствующему среднероссийскому, выраженному в процентах, колебалось от 54 % в 2002 г. до 48 % в 2006 г. Данные табл. 1 свидетельствуют о значительном отставании среднедушевых доходов в Мордовии от аналогичных показателей по России в целом, причем сближение наблюдалось лишь в 2000 — 2002 гг.

Динамика темпов роста реальных располагаемых денежных доходов населения РМ и РФ в целом положительна. В России наиболее высокие темпы роста данного

показателя были в 2003 г. (115 %), в Мордовии — в 2007 г. (113,7 %). В 2000 г., 2003 — 2006 гг. темпы роста реальных доходов населения в Мордовии отставали от среднероссийских. В 2001 — 2002 гг. данный показатель в Мордовии был немного больше среднероссийского, в 2007 г. превысил среднероссийский показатель на 2,7 процентных пункта.

Таблица 1

Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения в РФ и РМ в 2000 — 2007 гг.*

Год	Денежные доходы населения (в среднем на душу населения в месяц), руб.	Реальные располагаемые денежные доходы населения, % к предыдущему году	Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума**, %	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения
<i>Российская Федерация</i>				
2000	2 281,1	112,0	188,5	29,0
2001	3 062,2	108,7	204,1	27,5
2002	3 974,1	111,1	218,3	24,6
2003	5 170,4	115,0	244,8	20,3
2004	6 410,3	110,4	269,8	17,6
2005	8 023,2	111,0	268,8	17,7
2006	10 196,0	113,0	297,6	15,2
2007	12 551,0	111,0	327,5	13,4
<i>Республика Мордовия</i>				
2000	1 128,4	105,1	101,0	52,9
2001	1 570,2	108,9	124,3	48,5
2002	2 124,2	111,3	132,6	43,7
2003	2 719,9	112,0	150,2	36,1
2004	3 266,3	104,3	160,6	31,9
2005	4 134,2	109,7	168,4	29,8
2006	4 878,5	106,3	175,1	28,3
2007	6 150,0	113,7	195,9	24,7

* Таблица составлена по: Мордовия : стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2006. С. 129; Мордовия : стат. ежегодник / Федеральная служба гос. статистики по РМ. Саранск, 2008. С. 125; <http://www.gks.ru>

** Механизм установления черты бедности заложен в Федеральном законе № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24 октября 1997 г. Прожиточный минимум — это стоимостная оценка потребительской корзины (минимального набора продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности), а также обязательные платежи и сборы.

Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в РФ увеличивается существенно быстрее, чем в РМ. Так, в целом по стране в 2000 — 2006 гг. среднедушевые денежные доходы населения в 2 — 3 раза превышали величину прожиточного минимума. В регионе в начале анализируемого периода данные показатели были примерно равны, в 2007 г. среднедушевые денежные доходы приблизились к двум прожиточным минимумам. Несмотря

на положительную динамику достичь среднероссийского уровня доходов республике пока не удается.

Важным показателем, характеризующим уровень бедности, является численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. За 2000 — 2007 гг. как в России, так и в Мордовии доля бедного населения сократилась в 2 раза. Однако в РМ на протяжении анализируемого периода этот показатель был в 1,6 — 1,8 раза больше, чем в среднем по стране, причем с годами ситуация не улучшается.

Денежные доходы распределяются в обществе не равномерно. Для России и Мордовии характерно усиление дифференциации доходов (табл. 2). В РМ уровень неравенства в распределении доходов значительно ниже, чем в целом по стране. Так, коэффициент фондов в 2007 г. в Мордовии был в 1,6 раза ниже, а коэффициент Джини — в 1,2 раза ниже, чем в России*.

Таблица 2

**Основные показатели дифференциации доходов населения
в России и Республике Мордовия в 2000 — 2007 гг.***

Показатель	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Российская Федерация</i>								
Денежные доходы, всего, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе по 20%-м группам населения:								
первая (с наименьшими доходами)	5,9	5,7	5,7	5,5	5,4	5,4	5,2	5,1
вторая	10,4	10,4	10,4	10,3	10,1	10,1	9,9	9,8
третья	15,1	15,4	15,4	15,3	15,1	15,1	15,0	14,8
четвертая	21,9	22,8	22,7	22,7	22,7	22,7	22,6	22,5
пятая (с наибольшими доходами)	46,7	45,7	45,8	46,2	46,7	46,7	47,3	47,8
Коэффициент фондов, в разах	13,9	13,9	14,0	14,5	15,2	15,2	16,0	16,8
Коэффициент Джини	0,395	0,397	0,397	0,403	0,409	0,409	0,416	0,422
<i>Республика Мордовия</i>								
Денежные доходы, всего, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе по 20%-м группам населения:								
первая (с наименьшими доходами)	6,9	7,0	7,2	7,1	7,2	7,0	6,9	6,7
вторая	11,8	11,9	12,1	12,0	12,0	11,9	11,8	11,5

* Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) характеризует степень социального расслоения, определяемый как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10 % населения с самыми высокими доходами и 10 % населения с самыми низкими доходами. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема денежных доходов населения от линии их равномерного распределения. Величина коэффициента может варьироваться от 0 до 1, при этом чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы в обществе.

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
третья	16,5	16,5	16,7	16,7	16,7	16,6	16,5	16,3
четвертая	23,1	23,1	23,1	32,1	23,1	23,1	23,1	23,0
пятая (с наибольшими доходами)	41,7	41,5	40,9	41,1	41,0	41,4	41,7	42,5
Коэффициент фондов, в размах	9,7	9,5	9,1	9,2	9,1	9,4	9,7	10,4
Коэффициент Джини	0,345	0,343	0,336	0,338	0,336	0,341	0,346	0,356

* Таблица составлена по: Мордовия. 2006. С. 144; Мордовия. 2008. С. 141; <http://www.gks.ru>

Как в России, так и в Мордовии основную часть доходов населения составляет оплата труда (табл. 3). В 2006 г. в РФ этот источник обеспечивал 40 % совокупных денежных доходов населения, в РМ — 48 %. За рассматриваемый период структурная доля этого вида доходов выросла в обоих случаях, причем в Мордовии весьма существенно. Увеличилась и доля доходов от собственности. В РМ это происходило более быстро, но для жителей республики этот источник доходов был и остается гораздо более значимым, чем для других россиян.

Таблица 3

Структура денежных доходов населения в России и Республике Мордовия в 2000 и 2006 гг.*, процент от общего объема денежных доходов

Регион	Доходы от предпринимательской деятельности		Оплата труда		Социальные выплаты		Доходы от собственности		Другие доходы (включая скрытую заработную плату)	
	2000	2006	2000	2006	2000	2006	2000	2006	2000	2006
РФ	15,4	11,1	36,5	39,5	13,8	12,0	6,8	10,0	27,5	27,4
РМ	18,0	9,9	39,5	48,2	20,2	22,1	2,3	4,0	20,0	15,8

* Источник: <http://www.gks.ru>

Показательно сокращение удельного веса доходов от предпринимательской деятельности в РФ и в РМ, что, на наш взгляд, можно объяснить слабым развитием данного сектора экономики, опережающим ростом других статей дохода, а также ростом издержек производства, вызванных увеличением выплат по ссудам, как зарубежным, так и отечественным банкам и другим кредитным институтам, низкой эффективностью прямых инвестиций, недостаточным ростом производительности труда, падением фондоотдачи, высокой капиталоемкостью производства, связанной с нерациональными структурными сдвигами в экономике, относительно высокими темпами инфляции, вызвавшими удорожание факторов производства, отсутствием прогрессивных сдвигов в экономике.

Примечательно и то, что доля социальных выплат в России сократилась, а в РМ увеличилась. Этот источник доходов для населения Мордовии гораздо более значим, чем доходы от предпринимательской деятельности и собственности вместе взятые.

Поскольку заработная плата — основной, а часто и единственный источником доходов, изучение уровня и дифференциации оплаты труда является одной из актуальных задач экономического анализа. По данным Росстата, в 2000 г. средняя номинальная начисленная заработная плата в РМ была более чем вдвое ниже, чем в среднем по России (табл. 4). В последующие годы этот разрыв имел достаточно устойчивую тенденцию к сокращению. В 2007 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в РМ была на 40 % меньше среднероссийского показателя. В 2001 — 2007 гг. темпы роста номинальной начисленной заработной платы в Мордовии были выше средних по России, максимальный прирост данного показателя наблюдался в 2002 г. — почти 50 %.

Таблица 4

**Начисленная заработная плата по России и Республике Мордовия
в 2000 — 2007 гг.***

Год	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата		Реальная начисленная заработная плата, % к предыдущему году	Соотношение среднемесячной начисленной заработной платы с величиной прожиточного минимума, %
	руб.	% к предыдущему году		
<i>Российская Федерация</i>				
2000	2 223,4	—	121,0	168,0
2001	3 240,4	145,7	120,0	199,0
2002	4 360,3	134,6	116,0	222,0
2003	5 498,5	126,1	111,0	239,0
2004	6 739,5	122,6	111,0	259,0
2005	8 554,9	126,9	113,0	263,0
2006	10 663,9	124,7	113,0	288,0
2007	13 527,4	126,9	116,0	325,0
<i>Республика Мордовия</i>				
2000	1 107,6	142,4	113,1	99,1
2001	1 635,8	147,7	117,1	129,5
2002	2 444,1	149,4	126,0	152,6
2003	3 251,6	133,0	118,0	179,5
2004	4 013,6	123,4	109,1	197,3
2005	5 060,7	126,1	111,5	206,1
2006	6 358,4	125,6	115,6	228,2
2007	8 103,0	127,4	117,3	258,1

* Таблица составлена по: Мордовия: 2006. С. 129, 134; Мордовия. 2008. С. 125, 130; <http://www.gks.ru>

Что касается темпов роста реальной начисленной заработной платы, то самого высокого значения данный показатель достиг в 2002 г. — 126 % к предыдущему году, что несколько выше, чем в среднем по России. В 2003 г. рост реальной заработной платы в Мордовии также был более высоким, в 2004 — 2005 гг. реальная заработная плата в РМ отставала от среднероссийской. Но в 2006 и 2007 гг. данный показатель вновь стал превышать среднероссийский уровень. Положительную тенденцию имеет и соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в РМ по отношению к РФ. В 2000 — 2007 гг. оно увеличилось более чем на 10,0 процентных пунктов.

Динамика соотношения среднемесячной начисленной заработной платы с величиной прожиточного минимума в РМ также свидетельствует о низком уровне заработной платы в регионе и недостаточных темпах ее роста. Так, в 2007 г. данное соотношение в республике было ниже среднероссийского в 2004 г.

Различия в оплате труда по отраслям экономики Мордовии весьма существенны. В 2000 г. в таких отраслях, как сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство, добыча полезных ископаемых, оптовая и розничная торговля, гостиницы и рестораны, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг среднемесячная номинальная начисленная заработная плата была ниже среднереспубликанского уровня.

Такая ситуация сохранялась на протяжении всего анализируемого периода. В 2001 г. из этого списка вышли предприятия, занимающиеся добычей полезных ископаемых. В данной отрасли за 2000 — 2007 гг. средняя заработная плата была ниже среднереспубликанского уровня лишь в 2000 и 2005 гг. Обрабатывающие производства попадали в «черный список» дважды: в 2002 и 2006 гг., а операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг — в 2002 и 2007 гг. Наиболее высоко оплачивается труд в финансовой сфере, средняя заработная плата работников этой отрасли превышает средний по республике показатель почти в 2 раза [1, с. 135; 2, с. 131].

В РФ ситуация аналогичная: заработная плата в сельском хозяйстве была более чем в два раза ниже среднего показателя по экономике в целом. Заработная плата в обрабатывающих производствах в 2005 — 2007 гг., несмотря на экономический рост в стране, была ниже, чем в среднем по экономике России. В таких отраслях народного хозяйства, как оптовая и розничная торговля, гостиницы и рестораны, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг, уровень заработной платы за анализируемый период был ниже среднероссийского. В то же время средняя заработная плата в финансовой сфере была выше среднероссийской более чем в 2 раза в 2000 — 2007 гг. [3]. В РМ разрыв в оплате труда между работниками различных отраслей в то время сохранялся (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций по видам экономической деятельности со среднереспубликанским уровнем по РМ*, %

Отрасль	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Всего в экономике	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	54,1	56,9	56,5	55,4	59,1	58,7	64,5	64,1
Рыболовство, рыбоводство	57,3	61,5	60,5	46,1	63,4	59,5	48,6	52,0
Добыча полезных ископаемых	90,8	124,8	101,1	102,5	107,6	89,1	110,5	130,4
Обрабатывающие производства	104,8	107,2	99,0	103,1	103,7	100,2	98,1	101,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	154,6	155,6	137,1	130,0	150,2	155,2	146,8	137,0
Строительство	107,3	122,8	146,5	130,5	120,4	128,4	126,8	120,9

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	70,9	82,7	76,2	95,5	88,6	75,0	83,1	88,9
Гостиницы и рестораны	60,1	57,6	59,2	60,0	66,4	65,9	66,5	67,7
Транспорт и связь	154,1	139,0	139,7	144,8	145,7	141,3	131,9	130,5
Финансовая деятельность	232,1	280,2	273,6	249,5	206,3	211,4	194,9	187,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	105,9	101,1	96,7	105,6	113,5	115,2	110,8	98,4
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение	189,6	170,9	156,7	158,3	143,3	152,4	152,9	148,3
Образование	66,1	64,8	76,6	65,6	65,9	65,5	65,4	66,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	69,2	65,6	79,9	68,4	70,4	70,4	74,5	70,7
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	71,7	72,1	79,7	78,4	73,7	76,6	73,6	73,5

* Таблица составлена по: Мордовия. 2006. С. 138; Мордовия. 2008. С. 134.

Так, тенденция роста соотношения среднемесячной заработной платы работников отрасли со среднереспубликанским уровнем наблюдалась в следующих сферах экономической деятельности: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, добыча полезных ископаемых, строительство, оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, гостиницы и рестораны, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг. В таких отраслях, как обрабатывающие производства и операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, за анализируемый период уровень заработной платы был примерно равен среднему по республике.

Снижение соотношения средней номинальной начисленной заработной платы работников по сравнению со среднереспубликанским уровнем характерно для сфер рыболовства и рыбоводства, производства и распределения электроэнергии, газа и воды, транспорта и связи, финансовой деятельности, государственного управления и обеспечения военной безопасности, обязательного социального обеспечения.

Темпы роста номинальной начисленной заработной платы в РФ и РМ за анализируемый период были примерно одинаковыми. Только в 2002 г. данный показатель в Мордовии существенно превысил среднероссийский — на 14,7 процентных пункта.

Анализируя темпы роста заработной платы по отраслям экономики, можно отметить, что в таких отраслях, как сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, строительство,

гостиницы и рестораны, транспорт и связь темпы роста заработной платы в 2001 — 2007 гг. были выше среднероссийских. Самые высокие темпы роста и в России, и в Мордовии наблюдались в 2001 — 2002 гг. В последующие годы темп роста этого показателя в экономике замедлился [1, с. 135; 2, с. 6, 131]. Необходимо отметить, что наиболее высокий уровень оплаты труда среди городов и районов Мордовии характерен для предприятий г. Рузаевки, Рузаевского района и г. Саранска. Но в 2007 г. на 1-м месте по уровню заработной платы оказался г. Ковылкино. Самая низкая заработная плата за анализируемый период наблюдалась в Большеигнатовском, Дубенском и Атюрьевском районах [1, с. 137; 2, с. 133].

Другая важная статья совокупных доходов — социальные выплаты. В Мордовии этот источник формирует более 22 % доходов населения. Статистические данные 2000-х гг. свидетельствуют о повышении денежных доходов пенсионеров Мордовии (табл. 6).

Таблица 6

**Основные показатели пенсионного обеспечения в России
и Республике Мордовия в 2000 — 2007 гг.***

Год	Средний размер назначенных пенсий (в месяц), руб. (без учета компенсации)		Реальный размер назначенных пенсий, % к предыдущему году	Соотношение среднего размера назначенной ме- сячной пенсии с величи- ной прожиточного мини- мума, %
	руб.	% к предыдущему году		
<i>Российская Федерация</i>				
2000	694,3	—	—	76,0
2001	1 023,5	147,4	121,4	90,0
2002	1 379,0	134,7	116,0	100,0
2003	1 637,0	118,7	105,0	102,0
2004	1 915,0	117,0	106,0	106,0
2005	2 364,0	123,4	110,0	98,0
2006	2 726,0	115,3	105,0	100,0
2007	3 086,0	113,2	104,0	101,0
<i>Республика Мордовия</i>				
2000	765,0	—	—	68,5
2001	1 055,5	138,0	115,3	83,6
2002	1 344,9	127,4	107,8	84,0
2003	1 597,0	118,7	109,0	88,2
2004	1 827,0	114,4	97,8	89,8
2005	2 304,0	126,1	115,8	93,8
2006	2 561,6	111,2	102,9	91,9
2007	3 332,5	130,1	115,8	106,1

* Таблица составлена по: Мордовия. 2006. С. 129; Мордовия. 2008. С. 125; <http://www.gks.ru>

Согласно статистическим данным, пенсии в Мордовии немного ниже, чем в целом по стране. Это же в целом можно сказать и о реальном размере назначенных пенсий, существенно превысившем средний по России, а также величину прожиточного минимума пенсионера (несмотря на положительную динамику анализируемого периода) лишь в 2007 г. В России же данное соотношение было ниже 100 % лишь в 2000, 2001 и 2005 гг.

Кроме того, для характеристики уровня жизни населения важное значение имеют показатели использования денежных доходов.

Данные статистики свидетельствуют, что доля расходов населения на обязательные платежи и разнообразные взносы, а также на приобретение недвижимости как в России, так и в Мордовии увеличивается. Большую часть денег люди расходуют на приобретение товаров и услуг — 70 % в РФ и 63 % в РМ (2007 г.). За анализируемое время доля этой статьи семейных бюджетов уменьшилась в обоих случаях, в Мордовии — в большей степени. Немного сократился и удельный вес второй по значимости статьи расходов — денежных доходов, направляемых на приобретение финансовых активов. Обращает на себя внимание тот факт, что бедное население Мордовии тратит на эти цели 25 — 32 % своих доходов — это существенно больше, чем в России, в 2 раза и более опережающей Мордовию по величине среднедушевых доходов. Существенно различаются и структуры финансовых активов в РФ и РМ. В Мордовии большая часть таких средств остается на руках у населения, хотя за 2000 — 2007 гг. их доля значительно сократилась. В России, напротив, этот показатель немного увеличился, составив в 2007 г. 26 % от суммы годового прироста финансовых активов (табл. 7).

Таблица 7

Структура использования денежных доходов населения в РФ и РМ*, %

Показатель	2000		2005		2006		2007	
	РФ	РМ	РФ	РМ	РФ	РМ	РФ	РМ
Покупка товаров и оплата услуг	75,5	68,9	69,6	58,7	69,0	61,2	69,6	63,0
Обязательные платежи и разнообразные взносы	7,8	4,7	10,1	8,9	10,5	10,0	11,8	11,1
Приобретение недвижимости	1,2	0,5	2,5	0,8	3,3	0,7	3,9	1,2
Прирост финансовых активов	15,5	25,9	17,8	31,6	17,2	28,1	14,7	24,7
В том числе прирост, уменьшение (–) денег на руках у населения	2,8	20,1	1,5	17,4	3,4	14,9	3,8	13,1

* Источник: <http://www.gks.ru>

И в России, и в Мордовии выросла структурная доля расходов, связанных с обязательными платежами и взносами: в РФ — в 1,5 раза, в РМ — в 2,4 раза. В результате к концу 2007 г. показатели почти сравнялись. В обоих случаях увеличился и удельный вес расходов на приобретение недвижимости: в РФ — в 3,3 раза, в РМ — в 2,4 раза. Но пока эта статья остается незначительной — соответственно 4 и 1 % (2007 г.).

Анализ структуры потребительских расходов населения показывает произошедшие существенные изменения как в России, так и в Мордовии. Если в 2000 г. основную долю составляли расходы на покупку продуктов питания, то в 2007 г. основная часть потребительских расходов населения приходилась на непродовольственные товары. Однако у наименее обеспеченных россиян доля расходов на питание по-прежнему высока — 48 %, в то время как у наиболее обеспеченной части населения эти затраты не превышают 13 % от всей суммы потребительских расходов. За 2000 — 2007 гг. почти в 2 раза выросла доля расходов на оплату услуг, а расходы на алкогольные напитки сократились (табл. 8).

Таблица 8

**Структура потребительских расходов домашних хозяйств
в России и Республике Мордовия в 2000 — 2007 гг.**
(по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств)*, % к итогу

Показатель	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
<i>Российская Федерация</i>								
Потребительские расходы, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе на:								
продукты питания	49,4	48,4	44,1	40,7	39,5	36,1	34,1	31,2
непродовольственные товары	34,3	34,4	36,2	37,3	37,2	38,5	38,8	41,7
алкогольные напитки	2,5	2,4	2,2	2,2	2,1	1,9	1,9	1,7
оплату услуг	13,8	14,8	17,5	19,8	21,2	23,5	25,2	25,4
<i>Республика Мордовия</i>								
Потребительские расходы, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе на:								
продукты питания	53,3	49,0	46,1	45,3	40,9	40,7	35,5	33,3
непродовольственные товары	32,0	35,3	36,8	35,4	40,2	38,1	41,4	43,4
алкогольные напитки	2,5	2,2	2,1	2,2	1,9	1,5	1,8	1,5
оплату услуг	12,2	13,5	15,0	17,1	17,0	19,7	21,3	21,8

* Таблица составлена по: Мордовия. 2006. С. 141; Мордовия. 2008. С. 139; <http://www.gks.ru>

В целом на протяжении рассматриваемого периода доля потребительских расходов на продукты питания и непродовольственные товары в Мордовии была выше, чем в среднем по России, хотя разница была небольшой. В 2007 г. по сравнению с 2000 г. доля потребительских расходов на продукты питания в России сократилась на 18,0 процентных пунктов, а в Мордовии — на 20,0 пунктов, а доля расходов на непродовольственные товары за тот же период выросла в РФ — на 7,0 процентных пунктов, в РМ — на 11,0 пунктов. Удельный вес расходов на алкогольные напитки и оплату услуг в республике ниже, чем в среднем по стране. Следует также отметить, что доля затрат на оплату услуг и в России, и в Мордовии повысилась почти в 2 раза. Это обстоятельство, как и уменьшение структурной части расходов на продовольствие, свидетельствует о росте уровня жизни населения. Снижение затрат на продукты питания позволило увеличить потребление непродовольственных товаров, в том числе предметов длительного пользования. Сокращение доли расходов на алкогольные напитки также говорит об улучшении качества жизни и большей уверенности в завтрашнем дне.

Для оценки изменения качества жизни населения важное значение имеют показатели наличия в домашних хозяйствах предметов длительного пользования. Обеспеченность такими товарами и в России, и в Мордовии за анализируемый период имела тенденцию к росту (табл. 9). Следует отметить, что данные показатели в республике ниже среднероссийских. Далекое не в каждой семье есть компьютеры: в РФ на 100 семей приходится 40 компьютеров, в РМ — 27. Этот показатель особенно важен не только потому, что характеризует благосостояние семей, но и условия для получения образования и развития индивидов.

Таблица 9

**Обеспеченность предметами длительного пользования домохозяйств
в России и Республике Мордовия** (по материалам выборочного обследования бюджетов
домашних хозяйств; на конец года; на 100 домохозяйств)*, шт.

Предметы длительного пользования	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
<i>Российская Федерация</i>								
Телевизоры	124	126	129	133	135	138	144	149
Видеомагнитофоны, видеокамеры	48	50	54	57	62	66	67	62
Музыкальные центры	12	16	21	24	28	34	36	38
Персональные компьютеры	6	7	10	13	20	26	33	40
Холодильники, морозильники	113	113	114	114	114	117	118	119
Стиральные машины	98	93	93	93	94	97	99	100
Электропылесосы	82	75	77	78	80	84	87	88
Швейные, вязальные машины	73	63	62	60	58	60	58	57
<i>Республика Мордовия</i>								
Телевизоры	116	130	135	122	127	134	132	142
Видеомагнитофоны, видеокамеры	36	33	36	37	44	46	45	46
Музыкальные центры	5	10	15	14	20	26	29	32
Персональные компьютеры	1	1	5	9	15	14	21	27
Холодильники, морозильники	104	109	112	111	105	111	113	117
Стиральные машины	98	89	89	92	93	103	97	95
Электропылесосы	82	77	79	78	82	84	82	86
Швейные, вязальные машины	61	58	56	59	59	68	66	63

* Таблица составлена по: Мордовия. 2006. С. 148; Мордовия. 2008. С. 139; <http://www.gks.ru>

Проведенный анализ позволяет заключить следующее.

1. Несмотря на постоянный рост среднедушевых денежных доходов в РМ, они продолжают оставаться в 2 раза ниже среднероссийских, причем темпы роста реальных располагаемых доходов населения в регионе не превышают данный показатель в целом по стране. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с прожиточным минимумом в РМ в 2000 — 2007 гг. намного ниже среднероссийского. Так, среднедушевые денежные доходы населения в Мордовии на протяжении рассматриваемого интервала времени не составляли и двух прожиточных минимумов, в то время как в России с 2001 г. данный показатель более, чем в 2 раза превышал прожиточный минимум.

2. Данные о численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума свидетельствуют о том, что степень распространения бедности в РМ в 1,6 — 1,8 раза больше, чем в среднем по РФ.

3. Дифференциация доходов населения в РМ на протяжении анализируемого периода была значительно ниже, чем в целом по стране.

4. Как в РФ, так и в РМ основным источником доходов населения является заработная плата. Темпы роста среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в РМ за весь анализируемый период были выше среднероссийских. Однако рост покупательной способности заработной платы в 2000 — 2007 гг. в РМ в среднем был ниже, чем в целом по России, хотя соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в Мордовии по отношению к РФ постоянно увели-

чивалось. Показатели динамики соотношения среднемесячной начисленной заработной платы с величиной прожиточного минимума в РМ свидетельствуют о низком уровне заработной платы в регионе. Так, в 2007 г. данный показатель в регионе был ниже среднероссийского в 2004 г.

5. В Мордовии в числе самых высокооплачиваемых сфер экономики входят финансовая деятельность, государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение, транспорт и связь. В России в этот список входит также добыча полезных ископаемых. Самые низкооплачиваемые виды экономической деятельности в РМ — сельское хозяйство, рыболовство и рыбоводство, образование, а в целом по стране — сельское хозяйство, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг. Следует отметить, что темпы роста заработной платы в сельском хозяйстве в РМ существенно выше среднероссийских.

6. Уровень пенсий в России и Мордовии примерно одинаков. На протяжении анализируемого периода наблюдался рост размера пенсий как в номинальном, так и в реальном выражении. Лишь в 2004 г. в РМ реальный размер назначенных пенсий сократился. Соотношение среднего размера назначенной месячной пенсии с величиной прожиточного минимума в Мордовии хуже, чем в целом по стране. Средняя пенсия в регионе превысила прожиточный минимум только в 2007 г.

7. Анализ изменения структуры использования денежных доходов населения в РМ показывает, что в 2000 — 2007 гг. отмечался денежный доход населения, вместе с тем их уровень не позволял большинству населения региона приобретать недвижимость и таким образом улучшать жилищные условия.

8. Данные о структуре потребительских расходов домашних хозяйств и наличия у них предметов длительного пользования в России и Мордовии свидетельствуют о росте уровня жизни населения. Если в 2000 г. половина доходов домашних хозяйств уходила на покупку продуктов питания, то к концу 2007 г. люди стали приобретать больше предметов длительного пользования и разнообразных услуг.

Литература

1. Мордовия : стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2006.
2. Мордовия : стат. ежегодник / Федеральная служба гос. статистики по РМ. Саранск, 2008.
3. <http://www.gks.ru>

Поступила 10.03.2009 г.

ИСТОРИЯ

УДК 947(470.341):336.221(=511.152)

С. В. Видяйкин
S. V. Vidjaikin

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АРЗАМАССКОГО УЕЗДА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.*

TAXATION OF THE ARZAMASS DISTRICT MORDOVIAN POPULATION IN THE FIRST THIRD OF THE XVII CENTURY*

Ключевые слова: налоги, налоговая политика, большая московская соха, выть, ясак, подати, оклад.

Статья посвящена анализу налогообложения мордовского населения Арзамасского уезда в первой трети XVII в. Выявляются структура и основные принципы обложения дворцовых крестьян уезда, а также проводятся расчет и сравнение объемов налоговых выплат.

Key words: taxes, tax policy, big Moscow soha, vyt, yasak, assessments, tax rate.

The article is devoted to the analysis of the taxation of the Arzamass district Mordovian population in the first third of the XVII century. Structure and basic principles of the court peasants taxation of the district are revealed, calculation and comparison of tax payments volumes are also made.

Рассмотрение проблем социально-экономического развития Российского государства XVII в. — важная составляющая исследований, посвященных изучению истории эпохи феодализма. Одно из приоритетных мест среди них занимают вопросы налогообложения. В этом плане большой интерес представляет Среднее Поволжье как регион многонациональный, а, кроме того, район интенсивной колонизации в XVII в. К тому же специфика социально-экономического развития этого региона неразрывно связана с историей одного из коренных местных народов — мордвой.

Разработанную классификацию налоговой системы XVII в. предложил еще в конце XIX в. А. Лаппо-Данилевский. Налоги он делил на две большие группы. В первую включались налоги с репартиционным характером, которые назывались ок-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 09-01-23102 а/В.

ладными. Во вторую — постоянные доходы, размеры которых при составлении бюджета не поддавались предварительному точному определению в связи с чем они назывались неокладными сборами. В состав окладных сборов входили прямые и косвенные налоги, а к неокладным принадлежали пошлины, пени и иногда случайные или непредвиденные поступления, придававшие всей группе неопределенный характер. Прямые налоги, т. е. налоги, определение объектов которых податной единицей было доступно, по-видимому, иногда назывались сборами. К ним причислялись таможенные пошлины, кабацкие и банные деньги. Но термин этот применялся и к некоторым видам прямых налогов. Так, в грамотах XVII в. сбором называли и полоняничные деньги, и деньги ратным людям на жалованье. Под термином «подати» подразумевались не только денежные платежи (и натуральные сборы), но и личные повинности или так называемые службы, несмотря на то, куда поступали первые и где отбывались вторые. Подати, которые поступали в центральные финансовые учреждения, т. е. четверти, назывались по месту поступления — четвертными. На этом основании доходы, поступавшие не в областные четверти, а в приказы специально административного характера, выделялись из четвертных доходов, писались в сметных списках и окладных росписях отдельными статьями и даже считались отдельно от других. Так как распределение поступлений между четвертями и другими приказами было довольно запутанным, то и сам термин «четвертные доходы» не имел постоянного определенного значения [8, с. 30, 32 — 34].

Для производства правительственного оклада необходимы были более или менее прочные основания. В качестве таковых выступали данные, которые извлекались путем народных и экономических переписей. Результаты народных переписей и поземельных описаний заносились в так называемые писцовые книги, исчисления тяглого населения — в переписные книги. Различие их состояло в условиях и целях, вызвавших их составление. Например, переписи 20-х гг. XVII в. должны были определить, насколько народное хозяйство оправилось от разорения, и указать размеры оклада, которым можно было бы обложить тяглое население [Там же, с. 186].

Дворцовая мордва в начале XVII в. принадлежала царю и эксплуатировалась им как вотчинником. Хотя в источниках мордовское крестьянство фигурирует либо как «мордовские деревни», либо бортники [12, стлб. 126], по нашему мнению, для начала XVII в. правомочно использовать термин «дворовые крестьяне». Большая часть мордовского населения после включения его в состав Российского государства оказалась на положении дворцовых крестьян, и с середины XVII в. в актовом материале уже не делалось различий между мордвой и дворцовым крестьянством.

Главными окладными единицами, использовавшимися при взимании налогов с мордовских сел, были выть, соха и знамя, выступавшее в качестве знака собственности мордовской семьи. Причем первые две имели общегосударственный характер, тогда как последняя несла в себе черты местных особенностей.

Основные окладные единицы Российского государства в тот период делились на три разряда: 1) выти, обжи и луки; 2) местные сошки различного размера; 3) большая московская соха (в которой для дворцовых крестьян числилось 800 четвертей «добрый» земли).

Дворцовые волости обыкновенно платили оброки, посопный хлеб и натуральные повинности с вытей и обеж, а для платежа малых ямских денег дворцовые выти и обжи были положены в большие сохи [2, с. 133].

На мордовских землях величина сохи приравнивалась к величине привилегированного класса — вотчинников и владельцев поместий — и составляла 800 четвертей доброй земли [1, с. 66]. А «в соху по сороку вытей» [11, л. 111 об.].

Выть одновременно выступала в качестве единицы обложения и платежной единицы. Выти измерялись четями, размер выти, как и сохи, зависел от качества земли. Московская выть в XVII в. обычно содержала 12, 14 или 16 четей в поле, в зависимости от качества земли [8, с. 522]. Выть в 12 — 14 — 16 четей встречается в черных, поместных и вотчинных землях столь многих уездов, что может считаться характерной для тяглого населения этих земель. В дворцовых волостях встречается та же выть или выть в 10 — 12 — 14 четей, что с десятиной, которую дворцовые крестьяне часто получали для посопного хлеба, составляло те же 12 четей «доброй» земли [3, с. 452]. Всего в выть могло войти от 6 — 8 до 20 — 30 четвертей [7, с. 100].

Четь сошного письма в XVI и XVII вв. считалась равной полудесятине, а десятина считалась равной 2 400 квадратным сажням. Во многих документах встречается фраза: «а десятину мерить в длину 80 сажен, а поперек 30 сажен» [3, с. 363].

В бортных и мордовских землях Арзамасского уезда в выти числились по 20 четей «доброй» земли. Это составляло 30 десятин пашни в трех полях, к которым необходимо прибавить по меньшей мере еще 15 десятин на усадьбу и угодыя [Там же, с. 449]. Этот же размер выти характерен и для большинства мордовских сел [7, с. 38] — «выти по двадцати четей пашни» [4, л. 48] или по десять десятин в одном поле, «а в дву по тому ж» «доброй земли» (здесь и далее расчеты производятся в одном поле).

Подати вносили отдельные крестьянские дворы в зависимости от количества обрабатываемой земли, т. е. с «целой выти», «с пол выти», «с четь выти», «с пол чети выти» и т. д. [11, л. 11, 12 об., 15 об., 21]. Правительство строго следило за тем, чтобы подати поступали со всей обрабатываемой земли — с пашни «живущей» и с других земельных угодий. Государство было заинтересовано в своевременном и бесперебойном поступлении податей и выполнении повинностей дворцовой мордвой, поэтому на мордовских землях применялся общегосударственный принцип посильности тягла. Раскладка на крестьянские дворы тягла, т. е. распределение земли, с которой взыскивались платежи, производилась с учетом работников в семье и хозяйственных возможностей двора: «а на выть сожати и верстати мордвы, по скольку человек пригож, смотря по их животам и по тамошним угодыям» [10, с. 133].

В XVI — начале XVII вв. основная масса мордовских крестьян платила в царскую казну такие же подати, как и русские крестьяне, сидевшие на «черных» землях [6].

Впервые к вопросу о размерах налоговых выплат дворцового населения в нижегородском крае обратился С. Б. Веселовский. Согласно его расчетам дворцовые крестьяне платили с сох: данных, ямских и приметных денег по 20 руб. с сохи, за ямчужную варю по 13 руб., полоняничных по 2 руб. и за наместничий корм по 42 алтына 4 деньги. Всего на соху приходилось вытных и посопных платежей в нижегородском крае по 58 руб. 9 алтын 2 деньги. Посопного хлеба было положено на выть по 12 четей ржи и по 12 четей овса. На соху приходилось хлеба 960 четей ржи и

столько же овса. В 1608 — 1611 гг. взимали этот сбор не хлебом, а деньгами, за юфть, т. е. за четь ржи и за четь овса, по 13 алтын 2 деньги. Обложение бортных сел несколько отличалось. Вместо вытных денежных доходов они платили медом, оклад которого не известен, а посопного хлеба — по 9 четей ржи и по 9 четей овса. Посошные налоги они платили те же, что дворцовые села, т. е. по 36 руб. 9 алтын 2 деньги с сохи [2, с. 107].

Согласно писцовым книгам Тимофея Измайлова «с товарищи» 136 г. (1628 г.) номенклатура выплат дворцовой мордвы в первой трети XVII в. выглядела следующим образом — данные деньги, ясак, деньги полоняникам на откуп, ямские, деньги за стрелецкий хлеб, деньги за посопный хлеб, а также платеж «за пустые мордовские деревни за всякие денежные доходы и за рыбные ловли и за оброчные поляны, которыми владеют всяких чинов люди» [5, с. 53]. Причем важной характерной чертой было отсутствие единой для них единицы обложения. Так, по расчетам А. А. Гераклитова, полоняничные деньги взыскивались из расчета по 4 деньги на тяглый двор, нетяглые двory (бобыльские, вдовьи) в расчет не принимались. В основу раскладки данных денег принималась живущая выть, равная 20 четям живущей пашни в поле, с которой сходило по 8 алтын 4 деньги. Та же живущая выть принималась в расчет при исчислении ямских денег, оклад которых с выти выражался в 32 алтынах 4 деньгах. Но за основу обложения стрелецким хлебом была принята не живущая выть, как можно было бы ожидать по связи хлебного оклада с количеством облагаемой пахотной земли, а живущая четь, с которой полагалось взимать 29,75 четверика ржи и столько же овса. Наряду с этим посопный хлеб взимался в размере 2 чети ржи и 2 — овса не с живущей чети, а с живущей выти. Пустые выти облагались не хлебом, а деньгами — оброком по 2 руб. с выти [Там же, с. 54].

Социальная структура мордвы в XVII в. имела свою специфику, поэтому царское правительство считало необходимым помимо местной администрации, единой для русских и мордвы, назначать в уезды для управления последней специальных должностных лиц — бортничьих и мордовских дел воевод, мордовских голов, прикащиков (приказных), подьячих мордовских дел, мордовских недельщиков, уставщиков, в чью компетенцию входили не только чисто фискальные, но и административные, судебные и другие «мордовские дела». В Арзамасском уезде в XVII в. существовала особая уездная администрация с обычным воеводским управлением для русского населения (всех категорий), подчиненная Поместному приказу, и уездная администрация для бортников и мордвы под управлением бортничьих и мордовских дел воеводы с особой Приказной избой, подчиненная ведомству Новгородской чети [9, с. 53].

От начала XVII в. сохранились документы, зафиксировавшие «доходы» поступавшие в это ведомство. Согласно «Приходу государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Нижегородской чети всяким денежным доходом 123-го году», «с мордовских деревень по дозору Семена Родионова 122-го году с 4 сохь без чети и с пол-пол-пол-трети сохи и с 14 чети с осминою пашни ямских, и приметных и полоняничных денег 38 руб. 25 алт. полшесты деньги» [12, стлб. 126]. То есть в 1614 г. на 3 246,405 чети пашни приходилось 38 руб. 25 алтын 0,083 деньги выплат ямских и полоняничных денег. «Да ясачных денег, и за ясачные куницы, и с вод за рыбную ловлю и за бобровые гоны, и за бобры, и за белки, и с сенных покосов, и с мельниц и с меду пошлин 181 р. 5 ал. 5 д.» [Там же].

Таким образом, в 1615 г. на бортников и мордву Арзамасского уезда приходилось окладных и неокладных сборов — 219 руб. 30 алтын 5,083 деньги («опричь посопного хлеба и меду») [Там же, стлб. 127].

Данные того же источника позволяют проследить соотношение обложения налогами ясачной мордвы и бортников, с одной стороны, и других категорий податного населения — с другой, в Арзамасском уезде (рис. 1).

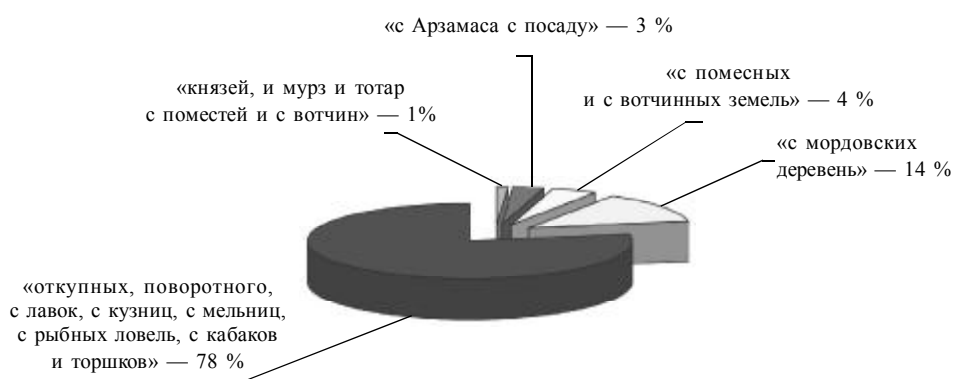

Рис. 1. Структура налоговых поступлений с Арзамасского уезда в ведомство Нижегородской чети

Как видно из рис. 1, подати с мордовских деревень составляли только 14 % от всех налоговых поступлений. Незначительную сумму поступлений можно объяснить тем, что в документе не учитывались посопный хлеб и мед, составлявшие значительную часть податей с дворцовых деревень. Сравнение с налоговыми выплатами по другим категориям населения показывает, что поступления с дворцовых вотчин были в 3,5 раза больше, чем выплаты с поместных и вотчинных земель, в 4,7 раза — с посадского населения, в 14,0 раз — с владений татарских князей и муруз. Кроме того, о высокой экономической активности дворцового крестьянства говорит тот факт, что «123-го (года. — С. В.) марта в 5 день по отписке из Арзамаса стольника и воеводы князя Петра Володимировича Бахтеярова-Ростовского да дьяка Степана Козодавлева на нынешней 123-й год с Арзамасские мордвы и з бортников данных денег, и оброков и пошлин 218 руб. 18 алт. полпяты деньги взято» [Там же, стлб. 128], т. е. большая часть выплат за 1615 г. была произведена уже в марте.

Гораздо подробнее освещается налогообложение мордвы в писцовой книге Тимофея Измайлова с товарищи 136 г. (1628 г.). Согласно подсчетам А. А. Гераклитова, в 1628 г. мордва и бортники Арзамасского уезда платили: данных — 57 руб. 11 алтын 3 деньги; ясака — 62 руб. 24 алтын 5,5 деньги; полоняничных — 36 руб. 16 алтын 2 деньги; ямских — 279 руб. 20 алтын 4 деньги; за «пустые деревни» — 35 руб. 25 алтын 4 деньги; стрелецкого хлеба — 1 027,25 юфтей; посопного хлеба — 486,5 юфтей, оброка за пустые выти — 298 руб. 25 алтын [5, с. 56].

Таким образом, имеется возможность проследить динамику изменения размеров налоговых выплат мордвой и бортниками Арзамасского уезда в 1615 и 1628 гг. (рис. 2).

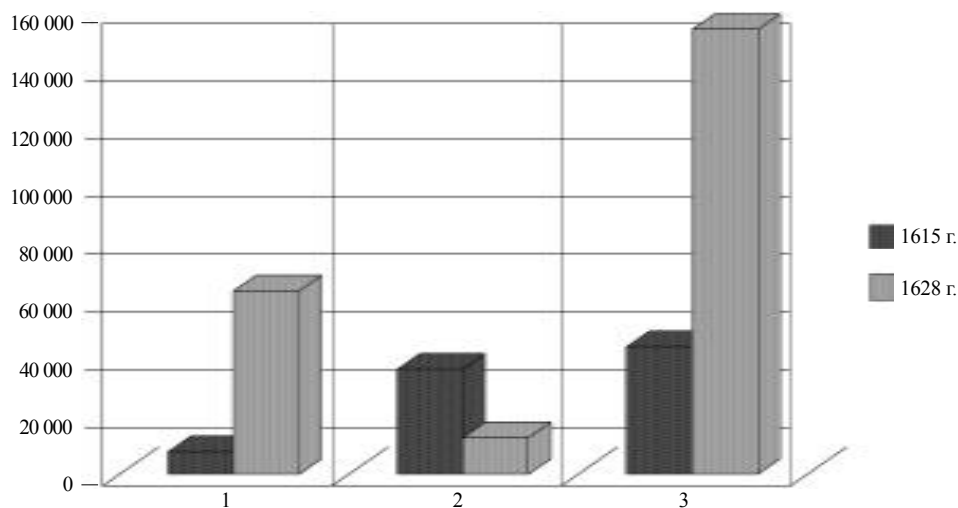

Рис. 2. Динамика изменения объемов налоговых поступлений с дворцового крестьянства Арзамасского уезда в 1615 — 1628 гг., денег:
1 — сумма полоняничных и ямских денег; 2 — ясачные выплаты;
3 — общая сумма денежных выплат

На рис. 2 видно, что размер общей суммы полоняничных и ямских денег увеличился более чем в 8 раз, тогда как выплаты за ясаки, наоборот, сократились почти в 3 раза. Произошло достаточно резкое увеличение и общей суммы всех налоговых выплат — в 3,5 раза. Данные источников не позволяют проследить динамику размеров окладов посопного и стрелецкого хлеба.

Таким образом, можно проследить общую динамику резкого увеличения налоговых выплат дворцового крестьянства Арзамасского уезда в первой трети XVII в. Даже снижение размеров ясачных денег не выпадает из этого процесса, так как оно объясняется не стремлением власти снизить тяжесть обложения, а, по всей видимости, упадком бортного промысла в уезде, отмечаемым на протяжении всего XVII века.

Литература и источники

1. **Биленко М. В.** Писцовая книга Дмитрия Пушечникова как исторический источник / М. В. Биленко // Совет. архивы. 1977. № 1. С. 58 — 66.
2. **Веселовский С. Б.** Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посопного обложения Московского государства : в 2 т. / С. Б. Веселовский. М., 1915. Т. 1. 442 с.
3. **Веселовский С. Б.** Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посопного обложения Московского государства : в 2 т. / С. Б. Веселовский. М., 1916. Т. 2. 716 с.
4. ГАПО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 69.
5. **Герасимов А. А.** Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII — XVIII вв. / А. А. Герасимов. Саратов, 1930. 154 с.
6. **Димитриев В. Д.** О ясачном обложении в Среднем Поволжье / В. Д. Димитриев // Вопр. истории. 1956. № 10. С. 20 — 25.
7. **Каменцева Е. И.** Русская метрология : учеб. пособие / Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. М., 1975. 328 с.

8. Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований / А. С. Лаппо-Данилевский. СПб., 1890. 560 с.
9. Мордва : ист.-культур. очерки. Саранск, 1995. 624 с
10. НА НИИГН. И-1078. Биленко М. В. Дворцовая мордва Алатырского уезда в XVII в. (по писцовым и переписным книгам) : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1979. 195 с.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3535.
12. Русская историческая библиотека М., 1912. Т. 28. 1012 стлб.

Потупила 01.07.2009 г.

УДК 349.4(470.40/.43)

Н. О. Шкердина
N. O. Shkerdina

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

LEGAL REGULATION OF LAND RELATIONS IN THE MIDDLE VOLGA REGION BASED ON MATERIALS OF THE RUSSIAN LEGISLATION OF THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY

Ключевые слова: закон, указ, челобитная, мордва, татары, чувашы, черемисы, Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия, крестьянское землевладение, вотчинное землевладение, Полное собрание законов Российской империи, налог, подушная подать, землевладение.

Статья посвящена исследованию особенностей нормативно-правового регулирования вопросов землевладения и землепользования на территории Среднего Поволжья на основе законодательства Российской империи первой половины XVIII в.

Key words: law, edict, chelobitnaya, the Mordvins, the Tatars, the Chuvashs, the Cheremisses, Berg-board, Manufacture-board, peasant landownership, patrimonial landownership, Complete code of laws of the Russian Empire, tax, capitation, landownership.

The article is devoted to studying of special features of legal regulation of the landownership and land tenure matters in the territory of the Middle Volga Region on the basis of the Russian Empire legislation of the first half of the XVIII century.

Среднее Поволжье — исторически сложившийся поликонфессиональный и многонациональный регион, обладающий многоукладностью как социальных, так и экономических отношений. Российское государство стремилось проводить довольно гибкую политику по отношению к нерусским народам. С момента присоединения территории Среднего Поволжья к Российскому государству мы можем говорить о

его постепенной хозяйственной интеграции в российскую систему административно-го управления, экономическое пространство и указать региональную специфику этого процесса. В области социально-экономической интеграции региона важная роль принадлежит регулированию земельных отношений.

С оформлением абсолютизма повысилось значение закона как источника права, предпринимались всевозможные меры для вытеснения обычного права. В XVIII в. появилась масса законодательных актов, которые регулировали процессы землепользования на данной территории. Законодательной инициативой обладали в XVIII в. все государственные органы от императора, Сената, коллегий до местных — губернаторских, провинциальных и воеводских — канцелярий. Именно с первой четверти XVIII в. закон детально регулировал деятельность и структуру государственных учреждений и органов местного управления и самоуправления.

Наиболее обширная и важная форма законов, регулировавшая вопросы землепользования на территории Среднего Поволжья, — указы именные, сенатские и других государственных органов, в том числе органов местного самоуправления. Большинство их имело определенного адресата — нижестоящее государственное учреждение или конкретное должностное лицо. Нередко указы подменяли собой распоряжения, и разницу между ними уловить трудно. Часть указов издавалась по поводу определенного случая. Законы посылались на места заинтересованным учреждением, а для «всенародного объявления» их зачитывали в церквях и на ярмарках, вывешивали в людных местах. Ссылка на незнание закона не имела силы.

При Петре I государство неоднократно пыталось посягать на права частных собственников, прежде всего собственников земли. В 1704 г. в целях повышения налогового обложения ясачного населения была проведена перепись и предпринят ряд других фискальных мероприятий: отменены все закладные на землю и другие угодья, выданные ясачному населению; аннулированы «кабальные» (долговые) записи, заключенные ясачными крестьянами с частными лицами; все эти сделки объявлялись не подлежащими рассмотрению в приказах.

После переписи было повышено обложение ясачных крестьян. Они были до такой степени разорены, что не в состоянии были уплачивать подати, о чем доносили сборщики налогов, в частности из Пензенской провинции. Сборщикам налогов предписывалось собирать с крестьян подушную подать со всей строгостью, вплоть до применения силы. Однако, несмотря на все чрезвычайные меры, уже в 1724 г. недобор подушного налога составил по России 33 % окладной суммы [4, с. 143 — 144].

Указ «О единонаследии 1714 г.» разрешал дворянам передавать недвижимую собственность только старшему в роде, что вело к прекращению дробления земельной собственности и содействовало укреплению дворянского сословия в империи [5, т. 5, № 2789, с. 91 — 94]. Но главное значение этого указа не в этом. В результате его осуществления была ликвидирована разница между поместным и вотчинным землевланием. На смену им пришла единая земельная собственность, пользование которой, однако, было регламентировано еще больше, чем при поместной системе. В то же время этот указ установил институт майората (наследования недвижимости только одним старшим сыном), не свойственного русскому праву. Его целью было сохранение от раздробления земельной дворянской собственности. Реализация нового принципа приводила к появлению значительных групп безземельного дворянства, вынужденного устраиваться на службу по военной или по гражданской линии. Это положение указа вызвало наибольшее недовольство дворян, и в 1731 г. оно было упразднено.

Вопросы землепользования в государстве в первой половине XVIII в. находились в компетенции нескольких ведомств. Так, в 1721 г. была учреждена Вотчинная коллегия, заменившая Поместный приказ. Вопросами использования земель в промышленных целях для постройки мануфактур и заводов, а также добычи полезных ископаемых ведали Берг-коллегия и Мануфактур-коллегия. В 1721 г. предприниматели получили право покупать к своим заводам и крепостных крестьян. Заводчики получили право не возвращать оказавшихся у них беглых крестьян. Оказывая мощную поддержку предпринимателям в организации крупного производства, правительство Петра I в известной мере ограничивало их свободу. Берг-коллегия и Мануфактур-коллегия наблюдали как за работой промышленных предприятий, так и за куплей-продажей земель для промышленности.

Добыча металлов и минералов на землях помещиков была объявлена привилегией государства. Собственник же имел лишь преимущественное право на устройство заводов или получение 1/32 части прибыли от их разработки. За порубку ценных пород деревьев, пригодных для кораблестроения (клена, лиственницы, сосны, вяза), помещики отвечали штрафом, а за порубку дуба грозила смертная казнь. В «Высочайшей резолюции» от 1718 г. Петр I отметил, что в Казанской губернии «как русские люди, так татары и черемисы и мордва в тех лесах лучшие сосновые деревья портят на борти длинные и толстые...» [5, т. 6, № 3194, с. 562]. Вероятно, здесь имеется в виду, что представители средневожских народов использовали мачтовый лес в бытовых нуждах, поскольку борти традиционно делали из липы и дуба. Наиболее ценный лесной фонд отмечался «гербовым заклеиванием деревьев» [Там же, т. 5, № 3149, с. 533]. Кроме того, имелись ограничения на частное предпринимательство, количество и качество производимых изделий, их цену, практиковались изъятия в казну предприятий и конфискации дворянских имений.

С 1719 г. добыча полезных ископаемых, обнаруженных на частных землях, стала прерогативой государства. Такие же ограничения относились к порубке ценных сортов деревьев, произрастающих на государственных, монастырских землях и в частновладельческих угодьях. К заготовке ценных сортов древесины привлекалось местное население. В 1722 г. вышел Сенатский указ «О раскладке в подушную перепись «иноверцев», определенных к отправлению корабельных лесов» [Там же, т. 6, № 4065, с. 754]. В 1732 г. был издан Сенатский указ «о бытии в Казани у заготовления корабельных и прочих дубовых лесов облащикам из ясашных иноверцев». К вырубке лесов привлекались профессионалы из числа «иноверцев Казанской и Нижегородской губерний», которые присылались для заготовок «по требованиям казанской лесной конторы, без излишества, с именными списками... при тех облащиках обучать матрозов, и для того определить из матрозов к тому обучению, без перемены, 50 человек» [Там же, т. 8, № 6132, с. 889].

Обеспечение предприятий рабочей силой регламентировалось Указом «О покупке к заводам деревень» 1721 г., нарушившим дворянскую монополию на приобретение населенных земель. Право собственности приобретателей и здесь было ограничено: запрещалось закладывать эти деревни, а приобретать их разрешалось лишь с веденя высоких компетентных органов — Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии. В целом положения указа носили чрезвычайный характер и были обусловлены экономической политикой государства. Во исполнение этого закона Сенат издал массу докладов и указов по случаю приписки. В 1732 г. Высочайше утвержденный доклад Сената «О приписке к поташным заводам в Нижегородском, Арзамасском и прочих уездах, ясаш-

ных сел и деревень до 10 000 душ.» [Там же, № 6244, с. 966 — 968]. В этой же приписке говорится о постройке новых гартов для производства поташа и использованию в промышленности «по именному указу дяди вашего величества, блаженные и вечнодостойные памяти его императорского величества Петра Великого, на оставшие, негодные от корабельного строения, и прочие потребные к делу поташа леса... в Саранском, Алаторском, Инзарском и прочих уездах» [Там же].

Но, несмотря на столь широкие привилегии дворянства в области землепользования, уже в 1713 и 1715 гг. появляются именные указы в которых некрещеным помещикам — инородцам, прежде всего это касалось татар, запрещалось владеть крепостными, либо принять крещение в течении полугода [Там же, т. 5, № 2734, с. 66 — 67; № 2741, с. 71; № 2920, с. 163]. Причем при изъятии крепостных крестьян изымалась и значительная часть земельного фонда. Тем же представителям региональных элит, которые приняли христианство земли и крестьяне возвращались. В 1729 г. была предпринята попытка исправить сложившееся положение и, вернуть земельные угодья представителям инородческой элиты, но при условии если их земли не были переданы в частную собственность и «к дворцовым вотчинам не приписаны». Если же земли были уже переданы другим владельцам, то в качестве компенсации им «вместо таких их деревень такую же пропорциею отдавать из других отписанных и выморочных земель» [Там же, № 4962, с. 699].

Для увеличения запашки помещики сокращали наделы не только своих крепостных крестьян, но и захватывали под видом «покидных», брошенных земель лучшие участки пашни, лугов и других угодий ясачных (государственных) крестьян.

В 1737 г. вышел еще один указ Сената «О запрещении писать купчие и закладные на однодворческие и иноверческие земли» [Там же, т. 10, № 7409, с. 320 — 321]. Целью этого указа была попытка запретить традицию, сложившуюся в Казанской губернии, когда инородческое население продавало и закладывало свои земли русскими дворянам, а те, узаконив сделку в местных инстанциях, селили на них крестьян. Правительство проявляло пристальный интерес к подобным сделкам, так как значимым был вопрос о платеже подушных денег с зарегистрированных ревизией крестьян. Дворяне не всегда спешили вовремя платить положенные отчисления в казну.

С другой стороны, правительство стремилось укрепить свое положение в средневожском регионе с помощью представителей региональных элит. Царское правительство продолжало проводить раздачу земель с поселенными на ней крестьянами в полную собственность помещикам. Так, в 1745 г. князю Осману Ивакаеву Акчюрину были пожалованы значительные земельные угодья по рекам Мокше, Парце, Инсару, Суре, Волге, Терешке [2, с. 370 — 375].

В 1750 г. вышел следующий указ Сената по частному случаю — «О даче казанским слободским татарам, вместо отнятой у них пожалованных дач земли, такого же количества оной из монастырских порозжих земель» [5, т. 15, № 1164, с. 580 — 582].

Нередко землепользование выступало как способ воздействия на инородцев. Так, в сентябре 1720 г. был издан «Указ о льготах новокрещенам на три года от разных податей и сборов» [Там же, т. 6, № 3637, с. 234 — 235]. Он, по мнению властей, должен был стимулировать процесс перехода представителей с помощью перерасчета тягловых сборов с крестившейся мордвы. По данному указу принявшим «православную греческого закона веру, или которые впредь воспримут всем двором, сколько оных ни обретаются, тем во всяких государственных сборах и в изделиях льготы

на 3 года, дабы тем придать к восприятию веры греческого закона лучшую охоту». Причем льготы носили личный характер и предоставлялись только крестившимся лицам. Так, «из которых дворов будут приходиться креститься только некоторые персоны, а не все того двора двора жители, оную льготу давать только тем, которые святое крещение примут, по расчислению тягла, а на прочих остаточных в неверии всякие подати имать с другими в ряд» [Там же, с. 234].

Важным моментом для развития российского гражданского законодательства XVIII в. было четкое отграничение права собственности от права владения и пользования. Особенно мелочной стала регламентация порядка землепользования. Здесь российское законодательство как нельзя лучше дополняется крестьянскими челобитными, которые также позволяют охарактеризовать особенности земельных отношений, сложившихся на территории Среднего Поволжья в тот период. Например, чтобы снова получить право поселиться на земле, на которой некогда жили его предки и с которой мордвин Макулька «с товарищами» был вынужден совершить побег «от обид и от налог Саранского же уезду от посторонних помещиков, и от будных майданов прикащиков и от крестьян», последний должен был получить разрешение из Саранской приказной канцелярии, обратившись туда с челобитной. Подобных челобитных, отмеченных первой половиной XVIII в., в архивах Среднего Поволжья встречается достаточно много [1, с. 213].

Довольно интересной является одна из челобитных, в которой говорится о переселении мордовских семей в земли чувашей. Ясачный чуваш Е. Дюсметев с товарищами и мордвин А. Гаврилов с братьями обратились в Казанскую приказную канцелярию по поводу разрешения мордве поселиться на чувашской земле: «лета тысяща седьмьсот тридесят пятого, июля в семнадесят день, Казанского уезду, Зюрейские дороги, Закамские стороны, деревни Ештебенковы, ясашные чуваша Елдашка Дюсметев, Иштуганка Янтуганов, да того ж Казанского уезду, Зюрейские дороги, деревни Новой Баганы, ясашные ж мордва Алексей Гаврилов з братьями, написали мы между собою полнобвную в Казани, в крепостной конторе запись, в том. В прошлом тысяща седьмьсот пятом году... с нашего согласия, всех мирских людей чуваш, и по выбору, кои ныне в той деревне Ештебеновой живут, для малолюдства и опасения всяких воровских людей, из вышеписанной ясачной, данной нам, чуваше, земли отдали им, мордве Алексею Гаврилову с братьями и с ево товарищи, кого они к себе на тое их землю жить к себе пустят... На вышепоказанной нашей земле, в помянутых урочищах, ему, мордвину Алексею Гаврилову, з братьями и с товарищи селитца дворами, и пашню пахать, и сено косить, а нам, чуваше Елдашке и Иштуганке, и всей нашей деревне обывателем им, Алексею с товарищи, в том не воспрещать, и с помянутой земли их ныне и впредь не ссылать, и обиды никакой им в тех урочищах, в земле, и в сенных покосех, и во всяких угодьях не чинить, и в тех наших урочищах им, мордве, жить» [3, № 73, с. 194 — 198].

В 1736 г. вышел Указ «из Казанской губернской канцелярии сотнику татарской деревни Новой Баганы И. Азикову о передаче мордвы А. Гаврилова с товарищами в дер. Ештебенову» [Там же, № 74, с. 198 — 201]. В нем разрешался переход мордвы на новое место жительства, им дозволялось пользование «пашенной земли, и сенных покосов, и протчих угодей, и о поселении в помянутой деревне Ештебенове вобще с чувашами» [Там же, с. 200].

В развитие земельного законодательства внесла свой вклад императрица Анна Иоанновна. Она издала указ, которым строго запретила иноверцам владеть землями,

населенными православными крестьянами. Помимо этого указом от 1739 г. Берг-Регламент подтвердил обязанность отвода под завод 250 сажений, указом разрешалось строить заводы на дворцовых, помещичьих, монастырских землях и землях государственных крестьян, уплачивая владельцу земли 2 % от стоимости произведенного металла [5, т. 10, № 7766, с. 734 — 739]. С 1739 г. началась массовая передача казенных заводов в частные руки. С 1750 г. происходило закрепление определенных территорий за казенными заводами.

Законодательные изменения первой половины XVIII в. оказали влияние на процессы регулирования отношений, связанных с куплей-продажей земли. Анализируя законодательство первой половины XVIII в., можно выделить этапы развития земельного законодательства: 1714 — 1730 гг. (Петровское и послепетровское время) — период запрета на отчуждение недвижимости; 1731 — 1741 гг. (правление Анны Иоанновны) — период восстановления прежних прав распоряжения землей; 1741 — 1750 гг. — («елизаветинское» время) период купли-продажи недвижимости. Эволюция нормативно-правового регулирования торговых операций в те периоды воссоздает картину земельного рынка на территории как всего государства в целом, так и Среднего Поволжья, в частности.

Другим не менее важным указом стала «Инструкции межевальщикам» 1754 г. В ней педантично разграничивались существовавшие категории земель и детально определялись права их собственников и владельцев. Применительно к Среднему Поволжью особый интерес вызывают две главы. Глава XXI была посвящена взиманию оброка с «бортных ухажав и озер и в речках рыбных ловлях...» [Там же, т. 14, № 10237, с. 133 — 134]. Особое внимание в ней уделялось вопросам землепользования и эксплуатации бобровых гонов, озер и рек, богатых рыбой, санных покосов на государевых, синодальных и вотчинных землях. В главе XXII «О мурзинских и татарских, мордовских, чувашских и черемисских и других иноверцев низовых городов землях» подтверждалось право этих категорий населения владеть землями и «сенными покосами и лесными угодьями» на основе старых писцовых книг, составленных еще при Петре I.

По «Инструкции межевальщикам» вся сельская земля, не состоявшая в собственности дворян, объявлялась казенной и состоявшей в пользовании крестьянских общин. Все сделки по ее отчуждению в частную собственность признавались недействительными. Исключение делалось лишь для сделок крестьян или посадских одного уезда или города между собой здесь растет частное землевладение [Там же, с. 104 — 161]. По Учреждению о губерниях были созданы два разных порядка защиты владения и собственности: первое через администрацию (городничих и исправников), второе — через судебные органы. В сущности, «Инструкция межевальщикам» 1754 г. подводила итог развития земельного законодательства первой половины XVIII в. В ней пристальное внимание уделялось всем категориям земель, существовавшим в империи, и регулированию наиболее типичных отношений, которые возникали по вопросам землевладения между частными лицами и государственными ведомствами.

В целом же законодательство о землепользовании носило ярко выраженный словесный характер и отражало все большее проникновение государственного регулирования в жизнь российского общества. В то же время на территории Среднего Поволжья правительство руководствовалось уже наработанными правовыми традициями и устоявшейся практикой решения землевладельческих вопросов. Регулирование земельных отношений носило ведомственный характер, а каждый законодательный и подзаконный акт имел определенного адресата. Новым явлением стало детальное

регулирование в рамках земельного законодательства вопросов добычи полезных ископаемых, природных ресурсов, прежде всего строительного леса, что создает почву для развития таких новых отраслей права, как горное законодательство, промышленное, лесное, природоохранное и др.

Литература и источники

1. Документы и материалы по истории Мордовской АССР / НИИЯЛИЭ при СНК Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 2. 352 с.
2. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1953. Т. 3, ч. 2. 656 с.
3. Мельников С. Акты исторические и юридические / С. Мельников. Казань, 1859. Т. 1. 284 с.
4. Очерки по истории Мордовской АССР. Саранск : Мордов. кн. изд-во, Т. 1. 1949. 576 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 5. 780 с.; Т. 6. 856 с.; Т. 8. 1014 с.; Т. 10. 996 с.; Т. 14. 864 + 130 с.; Т. 15. 1050 с.

Поступила 12.08.2009 г.

УДК 947:342.532(470.345)

*Н. В. Сафонова, Т. М. Гусева
N. V. Safonova, T. M. Guseva*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. КУБАНЦЕВА КАК РУКОВОДИТЕЛЯ САРАНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

V. I. KUBANTSEV'S ACTIVITY AS THE HEAD OF THE SARANSK TOWN DUMA: CIVIL SERVICE OF A PROVINCIAL ENTREPRENEUR IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY

Ключевые слова: город, Саранская городская дума, купцы, Кубанцевы.

Статья посвящена работе Саранской городской думы в сложный период истории города. На примере деятельности одного из представителей купеческой династии Кубанцевых — Василия Ивановича — показывается, как будучи успешным предпринимателем он сумел реализовать себя и на государственной службе в должности городского головы.

Key words: town, the Saransk Town Duma, the merchants, the Kubantsevs.

The article is devoted to the work of Saransk Town Duma in the difficult period of the town history. By the example of one of the representatives of the Kubantsevs' merchant dynasty activity — Vasily Ivanovich — it is revealed that being successful entrepreneur he could also realize himself on civil service in the post of the Mayor.

В Саранске хорошо известна фамилия Кубанцевых, которая упоминается в различных документах: в делах городской думы и Общества изучения родного края, торговли и благотворительности, медицины и образования.

По предположению известного ученого-краеведа И. Д. Воронина, предки купцов Кубанцевых могли быть выходцами с Кубани или жителями с. Перхляй, входившего до 1918 г. в состав Инсарского уезда. Возможно, со временем истина будет установлена, но уже в XVIII в. Кубанцевы являлись жителями г. Саранска. Братья Петр Иванович Кубанцев (50 лет) и Михаил Иванович Кубанцев (43 года) записаны в «Книге учета жителей города Саранска за 1799 — 1802 гг.» как «...старожилы в городе родились». То есть во второй половине XVIII в. их отец Иван уже обосновался в городе, это подтверждает и следующая запись, что Михаил «...дом имеет от отца наследственный».

Братья Кубанцевы еще не были купцами, так как они записаны в разделе «Мещанские», а не «Гильдейские» и занимались рукавишным и чеботарным (сапожным) ремеслом. В 1822 г., двадцать лет спустя, старший сын Михаила Иван числился в списке 32 богатейших купцов г. Саранска. С ним проживали «...жена, три сына, брат и два племянника» [2].

Иван Михайлович Кубанцев был одним из первых в Саранске, кто получил звание личного почетного гражданина, а затем потомственного почетного гражданина, ходатайствовать о котором могли купцы, пробывшие в I гильдии 20 лет без перерыва и не менее 10 лет носившие звание личного почетного гражданства. Его сыновья Илья, Федор, Василий получили почетное гражданство уже по наследству от отца и передавали детям.

Кубанцевы были знатными людьми и трудились на благо города. Они являлись инициаторами открытия библиотеки, жертвователями и гарантами ее деятельности, вносили деньги на помощь погорельцам, на богадельню, состояли в благотворительном комитете, основали сиротский ремесленный приют с обучением столярному и сапожному ремеслам, вносили пособия в городские школы, построили ночлежный дом.

Все Кубанцевы независимо от места жительства в городе были прихожанами Казанской церкви. Здесь они заключали браки, крестили детей, а если случалось горе — отпевали близких, и как настоящие прихожане помогали и поддерживали свою церковь.

Судьбы представителей этой династии интересны и заслуживают того, чтобы их деятельность и вклад в развитие Саранска изучались и были известны и ученым-краоведам, и жителям города, тем более что трое представителей рода Кубанцевых в свое время управляли им.

Первым из рода Кубанцевых на пост городского головы был избран Василий Иванович Кубанцев, а не Илья Иванович Кубанцев, как утверждает С. А. Телина в своей работе «Купеческие династии г. Саранска» [2]. В его обязанности как городского головы входило председательство в городской думе и городской управе. Но так как Саранск в середине — конце XIX в. был небольшим уездным городом, то городская управа здесь не учреждалась, а лежавшие на ней обязанности возлагались единолично на городского голову. Таким образом, он являлся одновременно руководителем представительных и распорядительных органов местного самоуправления и сосредоточивал в своих руках большую власть, но в то же время был подотчетен городской думе.

Круг вопросов, находившихся в ведении городских органов самоуправления, был весьма широк и включал в себя все стороны жизни. На городского голову были возложены следующие функции:

- 1) руководство хозяйственной деятельностью города — вопросы транспорта, освещения, отопления, канализации;
- 2) вопросы благоустройства города и улучшения его внешнего облика — мощение улиц, набережных и тротуаров, сооружение мостов;
- 3) заведование школьными, медицинскими и благотворительными делами;
- 4) регулирование порядка торговли, городских кредитов, ссуд и финансового положения в городе;
- 5) право инициировать обсуждение вопросов в городской думе, приглашать на заседания чиновников других ведомств для дачи объяснений;
- 6) самостоятельное принятие решений по экстренным вопросам городского хозяйства;
- 7) контроль за деятельностью городских общественных учреждений;
- 8) взимание и расходование городских сборов;

Насколько же эффективно работала Саранская городская дума в середине XIX в. во главе с городским головой Василием Ивановичем Кубанцевым? По архивным документам мы выяснили, что пост городского головы Василий Иванович Кубанцев занимал в период с июня 1852 г. по март 1856 г.

9 июня 1852 г. в г. Саранске произошел крупнейший пожар, вошедший в историю города как «Филагреевский пожар», унесший жизни многих людей и уничтоживший множество строений и имущества жителей. Это обстоятельство требовало от находившегося в то время на посту городского головы В. И. Кубанцева принятия экстренных эффективных решений.

По инициативе Василия Ивановича был создан Саранский вспомогательный комитет, в функции которого входили вопросы помощи пострадавшим во время пожара, сбора средств и распределения их между нуждавшимися [3, д. 348, л. 74].

В экстремальной ситуации городской голова В. И. Кубанцев проявил большую заботу о населении города. 21 июня 1852 г. он выбрал в Комитет агентов для хранения и раздачи хлеба: саранского купца Григория Яковлевича Урванцова и купца Василия Марковича Сыромятникова. Комитет определил «...избранных агентов Урванцова и Сыромятникова в звании сем утвердить и допустить к должностям с тем, чтобы они выдачу хлеба крайне нуждающимся производили под руководством Градского главы Кубанцева и с его разрешения, что Комитет на его и возлагает; а сей журнал приобщить к делам Комитета» [Там же, л. 75].

Эта трагедия нашла отклик в душе жителей Саранска и даже соседних губерний. Состоятельные и не очень богатые люди жертвовали на нужды погорельцам средства, присылая их на имя городского головы. Так, из г. Арзамаса Нижегородской губернии было прислано «от купеческого сына Александра Алексеевича Попова 25 рублей и торгующего крестьянина Сергея Васильевича Везова сто рублей серебром в пользу пострадавших». Комитет определил: «...деньги от Градского главы Кубанцева принять на приход, таковую сумму в книгу записать с печатью. Пожертвованные деньги в приход выдать к хранению господину Кубанцеву, с тем, чтобы они расходовались и записывались в случае надобности с разрешения Комитета, и си постановление хранить в пределах Комитета» [Там же, л. 73].

Но органы местного самоуправления во главе с городским головой В. И. Кубанцевым помогали жителям не только деньгами, но и продуктами первой необходимости. По протоколу заседаний городской думы от сентября 1852 г., «член Саранского

Вспомогательного Комитета Градский глава Кубанцев передал о том, что на имя его прислано в пожертвование неизвестным благотворителем для раздачи погоревшим жителям города Саранска сорок пудов муки», которую необходимо раздать нуждающимся «и записать по книги приходом» [Там же, л. 90].

Заботу о погорельцах города проявили и жители столицы. Документ от 8 июля 1852 г. свидетельствует о том, что «Градский глава Василий Иванович Кубанцев представил деньги сто рублей серебром, присланные из Москвы I-й Гильдии купцом Перловым. Деньги были пожертвованы им в пользу погорельцев города Саранска». Комитет вынес постановление: «...деньги сто рублей серебром принять, записать в приходную книгу, выдать Градскому главе к хранению. А распоряжение и сей журнал приобщить к делам Комитета» [Там же, л. 83].

Саранский вспомогательный комитет под руководством В. И. Кубанцева составил список особо нуждавшихся в помощи, причем денежные суммы выдавались различным слоям населения, пострадавшим от пожара. В списке были записаны «...13 чиновников; 6 священников, 10 дьячков и пономарей; 15 купцов III-й Гильдии; 4 Купеческих Брата; 4 Купеческих сына, 148 мещан и 103 мещанам на имущество; а также 17 Отставных Нижних Чинов. А общая сумма выданных средств составила 4 770 рублей серебром» [Там же, д. 342, л. 5].

Конечно, выданные суммы не могли покрыть всего ущерба. Люди в надежде на помощь обращались к городскому голове. 8 июля 1852 г. «...в присутствии Вспомогательного Комитета, учрежденного в городе Саранске по случаю пожара, слушали прошение Земского исправника Федора Чукова и казенного крестьянина Федора Корабельщикова о выдаче им денежной суммы» [Там же, д. 348, л. 81]. Данное прошение было удовлетворено.

Жизнь продолжалась, и нужно было отстраивать сгоревший город. Вновь строили дома, возрождали храмы, сажали деревья, мостили мостовые. Саранская городская дума предпринимала всевозможные меры для помощи жителям в постройке своих домов, выдавала ссуды и кредиты. 4 октября 1852 г. «...в присутствии Саранского Вспомогательного Комитета купеческий сын III-й Гильдии Александр Иванович Катлов просил выдать ему на постройку сгоревшего каменного дома в ссуду денег пятьдесят рублей серебром». Городской голова В. И. Кубанцев определил: «...в уважение его просьбы прошеную сумму Катлову в ссуду выдать с распиской в Книге» [Там же, л. 91].

В марте 1854 г. Саранской городской думой было удовлетворено прошение саранского мещанина Плеханова о выдаче ему денежной помощи за сгоревшее в 1852 г. имущество, в котором он и его жена Ирина Петровна просили включить их в список погоревших жителей и выдать ссуду. После получения ссуды «...Саранский мещанин Михаил Иванович Плеханов дал подписку в том, что, во-первых, выданные в ссуду на 12 лет деньги семьдесят рублей серебром, назначенные по списку Министерства, он обязуется возвратить по истечению первых двух годов. В остальные десять лет ежегодно по равной части с процентами. На сем основании он должен возвратить и выданные жене его Ирине Петровне 10 июля 1852 года позаимствованные тридцать рублей серебром. Во-вторых, что в течение двенадцати лет возведенную на усадьбе постройку он обязуется ежегодно застраховывать и выдаваемые полюсы представлять в Комитет. И до окончательной выплаты всей ссуды ту усадьбу и постройку никому не продавать и не закладывать» [Там же, д. 355, л. 1 — 3 об.].

Прошений о выдаче денежных средств и ссуд было настолько много, что Саранская городская дума и городской голова В. И. Кубанцев 5 февраля 1854 г. обратились с просьбой в уездное казначейство прислать им тысячу рублей серебром [Там же, д. 348, л. 213].

Погорельцам выдавалось большое количество ссуд, и 9 июня 1853 г. Саранский вспомогательный комитет отмечал в отчете, что «...предназначенная выдача ссуд погоревшим жителям города Саранска довольно умножилась. Канцелярии же не имеется, и потому определено сообщить в здешние присутственные места, как-то уездный и земский суды и городскую полицию. И просить командировать в Комитет для производства выдачи ссуд канцелярских служащих» [Там же, л. 126].

Городской голова В. И. Кубанцев поставил вопрос перед Саранским мещанским обществом о поручительстве за лиц из мещан, получивших ссуды как погорельцы, чтобы предупредить нецелевое использование выданных средств. Об этом свидетельствует документ от 15 июля 1853 г. [Там же, л. 135].

Городской голова был подотчетен городской думе и губернатору. 5 марта 1856 г. В. И. Кубанцев выслал отчет о расходе городских средств и порядке взимания с мещан денежных сборов, которое учинило Саранское мещанское общество, на необходимые общественные расходы. В отчете указывалось: «...потребная сумма денег, из которой и должен быть произведен расход, а именно: 1) на жалование общественному писарю — тридцать рублей; 2) на расход старосты, как-то: на бумагу, чернила, свечи и прочие — семь рублей. Сверх сего за объясненными расходами остается еще тринадцать рублей 91 копейка, которые предполагаются на непредвидимые надобности. А как в нашем мещанском обществе считается по окладу на сей текущий год 1 697 душ, то причитается собрать с каждой души по три копейки серебром. Это составит в сумме 50 рублей 91 копейку серебром» [Там же, д. 357, л. 107 — 108].

В 1853 г. Саранская городская дума предприняла ряд предупредительных мер против появления в обращении фальшивых денег. 5 июня, 17 августа и 30 ноября 1853 г. в присутствии городского головы В. И. Кубанцева и гласных слушались три дела. «Предписание Господина Начальника Пензенской губернии от 1 июня за № 161, от 14 августа за № 242, от 27 ноября за № 377...». В них говорилось о появлении в обращении фальшивых печатных 50 рублевых кредитных билетов новой подделки (шестого рода), 10 рублевых кредитных билетов новой подделки (восьмого рода), 3 рублевых кредитных билетов новой подделки (десятого рода). Городской голова Кубанцев приказал «предписание с экземплярами хранить в думе» [Там же, д. 353, л. 14 — 16].

Таким образом, Саранская городская дума достаточно эффективно справилась с непростыми проблемами, возникшими в результате пожара 9 июня 1852 г. А Василий Иванович Кубанцев, будучи успешным предпринимателем, сумел реализовать себя и на государственной службе в должности городского головы.

Таким образом, проведенное исследование, подкрепленное архивными документами, дает нам основание утверждать, что в 1852 — 1856 гг. пост городского головы занимал Василий Иванович, а не Илья Иванович Кубанцев. С большой долей вероятности мы можем утверждать, что все документы того периода подписаны им собственноручно. Мы располагаем документом от 15 июня 1852 г., подписанным городским головой Василием Ивановичем Кубанцевым. На протяжении 1852 г. и первой половины 1856 г. имеются документы, под которыми стоит подпись В. И. Кубанцева. Последний документ, подписанный им, был составлен 24 марта 1956 г. На основании

этого мы можем определить хронологические рамки правления Василия Ивановича Кубанцева: июнь 1852 г. — март 1856 г. Но в документе Саранской городской думы «Опись городского движимого имущества» от 1870 г. нами была обнаружена подпись городского головы Кубанцева. Если сравнить подписи, сделанные Василием Ивановичем Кубанцевым в 1852 — 1856 гг. и 1870 г., то с большой долей вероятности можно утверждать, что они идентичны. На основании этого мы предполагаем, что Василий Иванович Кубанцев занимал пост городского головы дважды. О том, что в 1870 г. городским головой был В. И. Кубанцев, упоминает в своей работе «Биографии Саранских улиц» В. Н. Куклин [1] и подтверждает в статье «Купеческие династии г. Саранска» С. А. Телина [2].

И еще одно предположение, которое мы позволим высказать. Василий Иванович был не младшим сыном в семье Ивана Михайловича Кубанцева (IV поколение), как указано в генеалогической таблице семьи Кубанцевых, составленной С. А. Телиной [2], а, вероятнее всего, — старшим. Но, к сожалению, метрические книги того периода времени частично утрачены, и пока этого факта нам не удалось выяснить. Возможно, это будет предметом дальнейшего исследования.

Литература и источники

1. Куклин В. Н. Биографии Саранских улиц / В. Н. Куклин. Саранск, 1990. 320 с.
2. Телина С. А. Купеческие династии г. Саранска / С. А. Телина // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции : материалы IV Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 1999. С. 459 — 463.
3. ЦГА РМ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 348, 349, 353, 355, 357.

Поступила 23.09.2009 г.

УДК 947:338.45(470.40/.43-21)

Т. М. Гусева, Н. В. Сафонова
T. M. Guseva, N. V. Safonova

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 60-е гг. XIX в.

INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF DISTRICT CHIEF TOWNS OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN 60s OF THE XIX CENTURY

Ключевые слова: предприятия по переработке животноводческой продукции — салотопенные, кожевенные заводы, предприятия по переработке растительной продукции, поташные заводы.

Статья посвящена недостаточно изученной проблеме экономического развития уездных городов в середине XIX в. Авторы показали специфику промышленного развития городов Пензенской, Самарской и Симбирской губерний, охарактеризовали основные виды промышленности, которые развивались в тот период в городах.

Key words: cattle-breeding production processing, plant production processing, leather-processing enterprises, potash plants.

The article is devoted to the problem of district chief towns economic development in the middle of the XIX century that is insufficiently studied. The authors reveals specific character of the industrial development of towns in Penza, Samara and Simbirsk provinces, describes basic kinds of the industry, which developed in towns at that time.

В середине XIX в. аграрный сектор экономики доминировал над промышленным, и это приводило к тому, что основная доля всех расположенных на территории Среднего Поволжья предприятий находилась в сельской местности. Территориальное размещение промышленности в сельской местности определялось стремлением максимально приблизить промышленные предприятия к источникам сырья и ресурсам рабочей силы. Развитие инфраструктуры (и прежде всего транспортных коммуникаций) не позволяло обеспечить быструю и мобильную торгово-транспортную связь города и деревни, их эффективное взаимодействие. В то же время деревня оставалась основным источником рекрутирования рабочих.

По внешнему облику уездные города мало отличались от сел. Городские жители были еще тесно связаны с сельским хозяйством. Стиль жизни города почти не отличался от деревенского, и многие горожане занимались сельскохозяйственным производством. В документах того периода часто можно встретить утверждение, что «город не замечателен ни в торговом, ни в промышленном отношении», что «жители почти исключительно занимаются хлебопашеством». Промышленность, которая преимущественно развивалась в городах, была связана с обработкой продуктов сельского хозяйства. В 1860-е гг. в уездных городах Пензенской губернии находились 83 предприятия (сумма выработки 235 865 руб.), Самарской — 84 (184 576 руб.) и Симбирской — 41 предприятие (339 974 руб.) [5, д. 26, л. 85; д. 35, л. 70; д. 43, л. 179 об.]. В XIX в. в уездных городах преобладали предприятия по переработке животноводческой продукции. В трех губерниях находились 52 кожевенных предприятия и 50 салотопенных.

Уездные города Самарской губернии лидировали по количеству салотопенных (38) и кожевенных (24) предприятий. В 1860 г. самыми крупными в промышленном отношении уездными городами Самарской губернии были Бузулук (46 предприятий, сумма выработки 63 030 руб., или 34,1 % от общей суммы выработанной в уездных городах) и Бугуруслан (23 предприятия, сумма выработки 41 159 руб., или 22,3 %) [Там же, д. 43, л. 179 об.]. В отчете губернатора за 1860 г. о состоянии Самарской губернии говорилось: «Главнейшие заводы в губернии есть салотопенные и самые значительные из них в г. Самаре, всех салотопенных заводов считается 98, второе место занимают заводы винокуренные в Бугульминском и Бугурусланском и суконные фабрики в Бугурусланском уездах. Всех заводов и фабрик в действии в 1860 г. было 333, выработанный на них материал оценивался в 4 182 458 р., из коих 2 435 312 принадлежит салотопенным заводам, 198 589 винокуренным заводам и 314 891 суконным фабрикам» [Там же, л. 8]. Пивоваренные заводы были только в Николаевске — 1 (3 694 руб.) и Бугуруслане — 1 (859 руб.). Суконные фабрики располагались только в уездах, а салотопенные заводы были в каждом уездном городе. Неправильная эксплуатация последних могла вызвать пожар, и они возводились по плану, утвержденному городской управой с одобрения полиции. Салотопни сооружались при оп-

ределенных условиях: в них не было потолка и пола, печку складывали с устройством в ней котла посередине строения, трубу делали прочной. При этом требовались достаточное количество покрывал для тушения и бочка воды, а также несколько швабр (помело).

Вытапливание сала в тот период производили простым нагреванием в сухом виде, причем жир сначала плавился, затем при 70 — 80 °С клетки начинали лопаться, и при дальнейшем нагревании саловая пленка разрывалась. Этот способ носил название сухого, или огневого, салотопления и давал продукт посредственного качества, потому что при продолжительном нагревании (в виду плохой теплопроводности жира) часть сала пригорала, продукт приобретал бурый цвет и неприятный запах. Сухое салотопление при всей простоте и дешевизне имело существенное неудобство, поскольку при этом распространялось зловоние (особенно при вытопке сборного, не вполне свежего сала), и не могло быть допущено вблизи городов и населенных мест. Чтобы получить сало побелее, не пригоравшее к стенкам котла, добавляли немного воды; этот наиболее распространенный в России способ носил название мокрого салотопления. При мокром салотоплении получали сало удовлетворительного качества, но в конце операции, при выжаривании шквары, также выделялись зловонные пары и газы, вызывавшие жалобы лиц, живших по соседству с такими заведениями. Выход сала был меньше, чем при сухом салотоплении, и всегда довольно значительное количество жира оставалось в шкваре. Эти недостатки устраняли с помощью серной и азотной кислот или едкого натра. Для облегчения вытекания сала в котел добавляли кислоту или едкий натр, отчего стенки жировых клеток быстро разрушались, это давало возможность работать в закрытых сосудах с отведением зловонных газов в дымовую трубу [4, т. 8, стлб. 682 — 684].

В Самарской губернии в 1860 г. самое большое число салотопенных заводов было в Бузулуке — 17 (сумма выработки 42 000 руб.). В Новом Узене всего на трех салотопенных заводах произвели продукции на сумму 43 000 руб. Сумма произведенного товара на салотопенных заводах составила 75 % от общей суммы произведенного товара в уездных городах [5, д. 43, л. 179 об.]. «Вытапливаемое на заводах сало преимущественно отправляется к верхним пристаням, откуда идет в Петербург, часть же продается в г. Казани и Саратове. Поташ из Самары и близ лежащих к ней местностей тоже составляет предмет отпуска на верхних пристанях, а из местностей дальних от Самарской пристани отвозится сухим путем в города Казань и Симбирск, остальные, за тем заводы служат для удовлетворения потребностям местным» [Там же, л. 184 об.]. Всего в 1860 г. в уездных городах Самарской губернии было 84 предприятия, что составляет 25, 2 % от общего количества в губернии, их сумма выработки в этом году составила 184 576 р. — это всего 4, 4 % от общей суммы выработанной на предприятиях всей губернии.

Об уровне развития промышленного производства в уездных городах накануне и период буржуазных реформ в России можно судить по сведениям, собранным хозяйственным департаментом Министерства внутренних дел. Издание этих материалов было предпринято в связи с мерами правительства «к улучшению общественного устройства во всех городах империи». В сравнительной ведомости статистических сведений по городам Самарской губернии, собранных временными комиссиями для составления по этим данным соображений об улучшении общественного управления в городах, содержатся и сведения о развитии промышленности. В 1862 г. фабричная

и заводская промышленность уездных городов Самарской губернии была представлена следующими предприятиями.

«Ставрополь.

Фабрик нет, заводов 3 из них 1 поташный и 3 салотопенных. Производство незначительно.

— Бузулук.

Фабрик нет, заводов 66, из них важнейшие салотопенные, овчинные и кирпичные. На салотопенном заводе выделяется сала до 27 000 пуд., на овчинном до 20 000 штук. Сало отправляют в Самару, овчину в Самару и Симбирск.

— Бугуруслан.

Фабрик нет, разных заводов 44, из них важнейшие кожевенные, салотопенные и клейные. В год вырабатывается на всех заводах до 275 600 р. Отправляются в Самару, Оренбург и Нижегородскую ярмарку.

— Бугульма.

Фабрик нет, заводов 9, из них 5 салотопенных и 4 кожевенных. На них выделяется только на сумму до 8 000 руб. Сбыт на месте.

— Николаевск.

Фабрик нет, заводов 5, из них 2 салотопенных, 2 кирпичных и 1 пивоваренный. Вырабатывают на сумму до 80 тыс. Сало сбывают на Балаковской пристани, а кирпич в городе.

— Новоузенск.

Фабрик нет, заводов 3 салотопенных, производящих на сумму 42 тыс. в год. Отправляется в Самару» [6, л. 69].

В уездных городах Симбирской губернии в 1860-е гг. сумма произведенных товаров составляла 8,7 % от общей суммы выработанной в губернии продукции. В отчете симбирского губернатора за 1860 г. о развитии промышленности в губернии содержатся следующие сведения: всех фабрик и заводов в губернии — 321, но из них «более замечательны по оборотам капиталов» — 82. В течение 1860 г. открыты вновь — 25, уничтожены — 13, находились в бездействии — 12. Основные фабрики и заводы принадлежат дворянам, и фабрично-заводская деятельность направлена на выделку сукна и выкурку спирта. В уездных городах Симбирской губернии, также как и в Самарской, в тот период не было ни одной суконной фабрики, 2 пивоваренных завода в Сызрани, 1 небольшой пивоваренный завод в Карсуне. Больше всего в уездных городах Симбирской губернии было кожевенных предприятий — 19, и 13 из них находились в Сызрани, на которых было произведено продукции в 1860 г. на 172 190 руб. [5, д. 26, л. 5 об., 85].

Кожевенное производство в XIX в. было распространенным в уездных городах и состояло из следующих операций: 1) сохранение снятой с животного шкуры до выделки; 2) очистка шкур; 3) подготовка кож к пропитыванию; 4) пропитывание или дубление; 5) отделка кожи, т. е. придание ей вида, имевшего спрос на рынке. Сохранение шкур производилось или высушиванием, или солением, для этого их натирали с мясной стороны поваренной солью, а иногда безводной прокаленной глауберовой солью или консервировали в растворе карболовой кислоты. На заводе шкуры подвергали размачиванию. Вымокшую шкуру расстилали на наклонной скамейке и тупым ножом очищали ее. Чтобы разрыхлить шкуры при помощи извести, на заводе устраивали ямы, выложенные цементом или деревом, которые называ-

лись зольниками. Очищенные от волоса кожи подвергали бучению, т. е. отмачиванию в различных кислых жидкостях, растворяющих известь, хлебный или другой квас, иногда для этого употребляли старое, пришедшее в брожение и прокисшее дубло. Квасы готовили из солода или ржаной, ячменной, пшеничной и иной муки, которую «затирали», в виде жидкого теста или киселя со старой закваской. После квашения кожа сильно разбухала, утолщалась и являлась вполне подготовленной для дубления. При дублении употреблялась дубильная кора или готовый дубильный материал в виде экстракта.

Выделка кож с сохранением волоса, мехов, нагольных полушубков или овчин, представляла один из частных случаев кожевничества и относилась к скорняжному делу. Овчины или полушубки бывали двух родов — сыромятные и дубленые. Сыромятным способом обыкновенно обрабатывали бараньи, козьи, овечьи, а иногда коровьи кожи для выделки ремней и других шорных принадлежностей [4, т. 4, стлб. 329 — 335].

Среди предприятий, обрабатывавших растительную продукцию, в уездных городах Среднего Поволжья лидировали поташные (19) и маслобойные (18), гораздо меньше было солодовенных (7), воскобойных (7), воскосвечных (5) и водочных (4).

Поташ представлял собой соль слабой угольной кислоты и сильного основания (окиси калия), имел сильные щелочные свойства и в технике употреблялся для приготовления солей калия, мыла для стирки белья и тканей, для золки кож, при изготовлении стекла, хрусталя, селитры, квасцов и т. д. Во второй половине XIX в. поташ был еще очень востребованным, но постепенно из многих производств он вытеснялся более дешевой содой.

Промышленным способом поташ добывался из золы лесных растений, служащих как топливо, или специально пережигаемых для получения поташа; из свекловичной патоки или свекловичной паточной барды; из остатков от виноделия (выжимок, дрожжей, винного камня и др.); из промывных вод после мойки овечьей шерсти; из солей калия минерального происхождения [4, т. 7, стлб. 716 — 718]. Долгое время зола растений была единственным источником получения поташа. В лесистых местностях в России, Канаде, Венгрии пережигали значительное количество леса для получения поташа. В середине XIX в. для этой цели стали употреблять сучья, кустарники и лесной отброс. На территории Среднего Поволжья для получения золы выжигали различные сорные травы, для этого использовали огромные пространства земли, заросшие травой, которые служили для получения так называемого травяного поташа. Производство травяного поташа в тот период стало преобладающим.

Уездные города Пензенской губернии лидировали по количеству поташных заводов (13), в Самарской и Симбирской их было меньше (по 3). Все поташенные предприятия были некрупными, с небольшим количеством работников.

Поташные заводы в Чембаре Пензенской губернии принадлежали купцу Андрею Федоровичу Макарову и купеческому сыну III гильдии Петру Яковлеву Соколову. Мастеров на заводах было по одному, рабочих — по 6. В 1860 г. на поташных предприятиях г. Чембара было выработано продукции на 9 240 руб., отправляли потом на Нижегородскую ярмарку.

По данным 1859 г., в г. Краснослободске поташный завод принадлежал купцу III гильдии Семену Михайловичу Карпову и купчихе I гильдии Аксинье Соловьевой.

Поташ был травяной, котлов по 2, по одному мастеру и по 6 вольнонаемных рабочих. В 1860 г. на 2 поташных заводов в Краснослободске было произведено продукции на сумму 6 250 руб. [5, д. 35, л. 70]. Поташный завод, принадлежавший керенскому мещанину Александру Гардяеву, на котором работали один мастер и 4 вольнонаемных рабочих, в 1859 г. выработал поташа на сумму 600 руб. серебром [2, л. 45].

Несмотря на большое количество поташных предприятий, сумма их выработки была незначительной, на кожевенных же заводах только в г. Саранске в 1860 г. было произведено продукции на сумму 165 тыс. руб. [5, д. 35, л. 70]. Эти заводы принадлежали купцам А. Ф. Токареву, П. Т. Токареву, В. Токареву, П. Я. Токареву С. Просвирнину, М. Просвирнину, Коровину, Пичугину; мещанам — А. Соколову, В. Соколову, М. Соколову [2, л. 188].

Во второй половине XIX в. в Пензенской губернии возникла новая промышленная отрасль — спичечная, родиной которой стал Нижний Ломов. Крестьянин с. Засечное Степан Петрович Камендровский создал в 1858 г. полукустарное производство серных спичек (изготовление фосфорных спичек в кустарных условиях было запрещено в 1848 г.). В 1868 г. он записался во вторую купеческую гильдию и на базе кустарного заведения открыл спичечную фабрику. В 1877 г. предприниматель модернизировал оборудование, что позволило ему в середине 1880-х гг. перейти к производству фосфорных спичек. В 1866 г. в Пензенской губернии зарегистрированы 2 спичечные фабрики с 14 рабочими — С. П. Камендровского в Нижнем Ломове и мещанина А. П. Перемышлина в Верхнем Ломове, а в 1889 г. — 17 фабрик с 769 рабочими. В 1866 г. фабрики произвели спичек на 2 тыс. руб., в 1889 г. — на 400 тыс., в 1913 г. — на 1 871 тыс. руб. [7, с. 102].

К моменту реформы 1861 г. в городах Среднего Поволжья наблюдалась заметная дифференциация по уровню экономического развития. Так, в Пензенской губернии в 1860-е гг. крупным уездным городом в промышленном отношении являлся Саранск. В нем насчитывалось 37 заводов, из которых 3 салотопенных, 7 кожевенных, 3 поташных, 1 солодовенный, 3 воскобойных и воскосвечных, 20 кирпичных; заводское производство приносило доход более 200 тыс. руб. [1, т. 4, с. 446]. В г. Бузулуке Самарской губернии заводов было 46 со 138 рабочими, производительность их составляло 63 030 руб. В том числе 17 салотопенных, 2 мыловаренных, 14 кожевенных, 3 маслостойных и 9 кирпичных заводов [1, т. 1, с. 330 — 331]. Самым крупным и развитым в промышленном отношении среди уездных городов в Симбирской губернии был г. Сызрань. На 30 заводах в конце 1860-х гг. было выделано продукции на сумму 242 673 руб., из них кожевенных предприятий — 15, салотопенных — 2, сально-свечное — 1, воскосвечное — 1, пивоваренных — 2, водочное — 1, солодовенных — 4, чугунолитейное — 1, кирпичное — 1, красильное — 1, клееваренное — 1 [Там же, т. 4, с. 809 — 810]. В таких городах, как Керенск, Наровчат, Сенгилей, находились по 1 — 2 незначительных предприятия.

Таким образом, в середине XIX в. промышленное развитие уездных городов Среднего Поволжья было незначительным. Сумма произведенной продукции на предприятиях, расположенных в уездных городах, составляла от 4 до 10 % от суммы товаров, произведенных на всех предприятиях губернии. Подчеркнем, что в уездных городах в середине XIX в. преобладали предприятия по переработке животноводческой продукции. Уездные города отличались уровнем экономического развития, некоторые из них могли составить конкуренцию губернскому центру, другие же ничем не

отличались от больших сел. Утверждение Б. Н. Миронова о том, что генеральная линия эволюции городов 1800 — 1850-х гг. состояла в утрате ими аграрной функции и в совершенствовании промышленной и торговой функций [3, с. 206], можно отнести только к некоторым уездным городам Среднего Поволжья.

Литература и источники

1. Географическо-статистический словарь Российской империи / сост. по поручению Императ. Рус. Геогр. Об-ва П. Семенов. СПб., 1863 Т. 1; 1873. Т. 4.
2. ГАПО. Ф. 5. Оп 1. Д. 3617.
3. **Миронов Б. Н.** Русский город в 1740 — 1860 годы: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Миронов. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. 272 с.
4. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук : в 13 т. СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1901. Т. 4. 1282 стлб.; Т. 7. 1280 стлб.; Т. 8. 1312 стлб.
5. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 26, 35, 43.
6. РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 2175.
7. **Тюстин А. В.** Во благо Отечества... / А. В. Тюстин. М. : Дарин, 2004. 528 с.

Поступила 22.09.2009 г.

УДК 947:314.145(470.345)

P. P. Aïzатов

R. R. Ajzatov

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВСКОГО КРАЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ

REPRODUCTION OF POPULATION IN THE TERRITORY OF MORDVIAN LAND OF THE SECOND HALF OF THE XIX — THE FIRST FOURTH OF THE XX CENTURY

Ключевые слова: воспроизводство населения, коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста (убыли), демографические процессы.

В статье раскрывается тема воспроизводства населения, рождаемости, смертности, естественного прироста (убыли) на примере мордовского края второй половины XIX — первой четверти XX столетия. Автор рассматривает данную тему за длительный исторический период во взаимосвязи с социально-экономическими условиями, политическими, внешними и внутренними историческими событиями, оказавшими непосредственное влияние на развитие демографических процессов.

Key words: reproduction of population, birth-rate, mortality rate, natality (diminution) rate, demographic processes.

The subject of the reproduction of population, fertility, mortality, natality (diminution) is revealed in the article by the example of Mordvian Land in the second half of the XIX — the first fourth of the XX century. The author considers this subject over a long historical period in correlation with the social and economic conditions, political, external and internal historical events, which had a direct influence on the development of demographic processes.

Сложившаяся к началу XX столетия демографическая ситуация на территории мордовского края, условно считавшемуся по большинству проживавшего в пределах Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний мордовского народа, сформировалась в результате демографических процессов, осуществлявшихся при освоении и развитии региона. С изменением уровней рождаемости и смертности менялись и типы воспроизводства населения. Сохранявшиеся среди населения и передававшиеся из поколения в поколение традиции многодетной семьи во второй половине XIX в. со сменой социально-экономических условий несколько видоизменились. В целом воспроизводство населения в пределах края характеризовалось высокой рождаемостью, высокой общей смертностью и небольшой продолжительностью жизни.

Статистические данные по динамике населения в указанных губерниях с 1851 до 1897 г. позволяют говорить о высокой степени интенсивности освоения региона. По сравнению с Самарской (109 %) и Астраханской (151 %) губерниями к началу рассматриваемого периода прирост населения в этих губерниях в значительной степени обуславливал продолжавшимся притоком в край нового населения из других областей России и естественным приростом. В табл. 1 наглядно показано увеличение численности населения в каждой из губерний.

Таблица 1

Динамика населения в Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Тамбовской губерниях в 1851 — 1897 гг.*

Губерния	Численность населения, чел.			Прирост населения с 1851 г., %		
	1851	1858	1897	1851	1858	1897
Нижегородская	1 126 493	1 259 606	1 600 304	100,0	112,0	142,0
Пензенская	1 058 444	1 188 535	1 491 215	100,0	112,0	148,0
Симбирская	1 024 290	1 140 970	1 549 460	100,0	111,0	151,0
Тамбовская	1 666 505	1 910 454	2 715 452	100,0	114,0	163,0

* Таблица составлена по: Россия. Полное географическое описание нашего отечества / под ред. В. П. Семенова. СПб., 1899. Т. 1. С. 87; 1902. Т. 2. С. 158; 1901. Т. 6. С. 142, 143, 1601.

Сопоставление коэффициента естественного движения населения за период с 1861 по 1913 г. по 50 губерниям Европейской России, в том числе по Пензенской, Симбирской, Тамбовской, показало устойчиво сохранявшийся высокий уровень рождаемости, близкий к физиологической плодовитости, вариативность коэффициента смертности и естественного прироста (табл. 2).

Данные табл. 2 показывают вариативность коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста за последние три десятилетия XIX в. и свидетельствуют о том, что тенденция к сокращению уровня рождаемости более заметно проявилась в начале XX столетия, видимо, в результате внутренних политических

Таблица 2
Естественное движение населения в Европейской России в 1861 — 1913 гг.*, ‰

Год	По 50 губерниям Европейской России			Пензенская губерния			Симбирская губерния			Тамбовская губерния		
	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1861 — 1865	50,7	36,5	14,2	51,3	39,5	11,8	52,5	41,0	11,5	51,6	37,4	14,2
1866 — 1870	49,7	37,4	12,3	52,9	40,5	12,4	50,8	42,1	8,7	49,4	33,3	16,1
1871 — 1875	51,2	37,1	14,1	54,0	38,9	15,1	51,3	35,2	16,1	51,2	35,4	15,8
1876 — 1880	49,5	35,7	13,8	54,0	39,6	14,4	49,7	36,9	12,8	48,4	35,4	13,0
1881 — 1885	50,5	36,4	14,1	53,8	40,0	13,6	49,2	36,7	12,5	49,8	35,4	14,5
1886 — 1890	50,2	34,5	15,7	50,5	37,2	13,3	48,5	34,3	14,2	49,5	32,9	16,6
1891 — 1895	48,9	36,2	12,7	49,3	44,4	4,9	48,0	42,7	5,3	46,9	40,1	6,8
1896 — 1900	49,5	32,1	17,4	54,7	37,8	16,9	52,4	36,3	16,1	50,1	32,2	17,9
1901 — 1905	47,7	31,0	16,7	52,5	35,3	17,2	53,8	35,5	18,3	49,7	31,6	18,1
1906 — 1910	45,8	29,5	16,3	52,5	33,6	18,9	53,8	34,1	19,7	49,2	30,4	18,8
1911 — 1913	43,9	27,1	16,8	48,7	30,8	17,9	49,5	32,1	17,4	47,2	28,5	18,7
1911	45,0	27,4	17,6	49,9	30,1	19,8	51,6	32,5	19,1	48,5	28,3	20,2
1912	43,7	26,5	17,2	48,7	30,4	18,3	47,3	32,3	15,0	46,6	27,9	18,7
1913	43,8	27,3	16,5	47,6	31,9	15,7	—	—	—	—	—	—
В поселениях:												
городских	33,1	23,9	9,2	45,0	33,4	11,6	46,5	36,8	9,7	38,6	28,3	10,3
сельских	43,9	26,5	17,4	48,9	30,5	18,4	49,6	31,6	18,0	47,7	28,5	19,2

* Таблица составлена по: Рашии А. Г. Население России за 100 лет (1811 — 1913) : стат. очерки. М., 1956. С. 167 — 168, 187 — 188, 217 — 218; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1912 год. Пг., 1914. С. 2, 3; Сборник сведений по России, 1896. СПб., 1897. С. 20 — 29, 30, 39, 42.

и социально-экономических перемен, затронувших все стороны жизни населения. Как следствие, произошли изменения во взаимоотношениях семьи и производства. «В прошлом большое число детей в крестьянской семье было экономически необходимо, поскольку дети с раннего возраста принимали участие во всех хозяйственных работах. Многодетности в России способствовало и общинное землепользование, при котором периодически производились переделы земли в пользу многодетных семей. Дети были опорой родителей в старости, без них старики были обречены на нищету» [1, с. 26 — 27]. Со вступлением России на путь индустриального развития «...дети утратили смысл в качестве рабочей силы и трудовых ресурсов для семьи... и значение материальной опоры в старости» [Там же, с. 27].

Отсутствие данных о естественном движении населения в разрезе национальностей в дореволюционный период не дает возможности проследить динамику исследуемых коэффициентов у проживавших на территории мордовского края этносов (мордвы, русских, татар и др.). Однако можно полагать, что показатели рождаемости у мордвы совпадали с показателями всех национальностей данного региона и были характерными для большинства территорий России (табл. 3).

Таблица 3

Естественное движение населения в 1911 — 1912 гг., ‰*

Губерния	Рождаемость		Смертность		Естественный прирост	
	1911	1912	1911	1912	1911	1912
Нижегородская	47,2	46,1	31,3	29,2	15,9	16,9
Пензенская	49,9	48,7	30,1	30,4	19,8	18,3
Симбирская	51,6	47,3	32,5	32,3	19,1	15,0
Тамбовская	48,5	46,6	28,3	27,9	20,2	18,7
Среднее для 50 губерний Европейской России	45,0	43,7	27,4	26,5	17,6	17,2

* Составлена по: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1912 год. Пг., 1914. С. 2 — 3.

Подтверждением сохранявшегося высокого показателя рождаемости в 1861 — 1913 гг., несмотря на наметившуюся тенденцию к его снижению, являются данные табл. 2. Высокий уровень рождаемости в 80-х гг. XIX в. был отмечен в Пензенской губернии в следующих уездах: Инсарском — 57, 8‰, Краснослободском — 55,5, Наровчатском — 54,9, Саранском — 54,6 ‰. Снижение рождаемости в 1892 — 1894 гг. было обусловлено эпидемией холеры и вспышками инфекционных заболеваний. В 1892 г. высокий показатель рождаемости в пределах 51,5 ‰, сохранился только в Наровчатском уезде. В 1893 г. в Краснослободском, Саранском и Инсарском уезде уровень рождаемости варьировал от 40,6 до 49,1 ‰. В 1895, 1896 гг. отмечено повышение рождаемости до 54,1 ‰ в Саранском, 55,0 — Краснослободском, до 52,8 ‰ — Наровчатском уезде. В Инсарском уездах коэффициент рождаемости в 1895 г. достиг уровня 51,8 ‰, а в 1896 г. сократился на 0,8 ‰. [4, с. 128].

Высокая рождаемость в уездах мордовского края была обусловлена повсеместно распространенными ранними браками и желанием иметь детей столько, сколько «бог даст». Многодетные матери и семьи пользовались уважением, в то время как бездет-

ные и малолетние вызывали сожаление. Многодетность была характерна не только для численно преобладавшего в то время сельского населения, но и для жителей городов, и практически для всех этнических групп [Там же 4, с. 131]. Например, в 1897 г. средний показатель детности, рассчитанный нами на 1000 женщин в возрасте 20 — 49 лет, составил 1 348 детей до десяти лет; 1 370 детей у женщин мордовской национальности 1 343 — русской, 1 316 — татарской. В сельской местности данный показатель составил 1 358 детей; 1 380 — у женщин-мордочок, 1 356 — русских и 1 340 — татарок. Определенное представление об эволюции рождаемости, ее увеличении в новом тысячелетии среди женщин на территории края дает анализ детности по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. На 1000 женщин приходилось уже 1 472 ребенка в возрасте до десяти лет; 1 501 — на женщин мордовской национальности, 1 450 — русской, 1 672 — татарской. Среди женщин в сельской местности этот показатель составил 1 495 детей; 1 503 — у мордочок, 1 480 — русских и 1 674 — татарок. За 10 лет, предшествовавших переписи населения 1897 г., на десять женщин приходилось около 14 детей, а в последние десять лет межпереписного периода 1897 — 1926 гг. — 15 детей. Есть основания говорить, что это увеличение показателя обусловлено не только интенсивностью рождаемости, но и улучшением медицинского обслуживания, уменьшением общей смертности, особенно детей до десяти лет.

Демографическое развитие во второй половине XIX в. характеризуется высоким, несмотря на заметное снижение в начале XX в., уровнем смертности. Коэффициент смертности в Нижегородской губернии в 1891 — 1895 гг. составлял в среднем 41,7 ‰, в 1896 — 1900 гг. 38,3 ‰. Низкий материальный достаток народа, слабое развитие здравоохранения и недоразвитость общей и санитарной культуры являлись основными факторами, приведшими к высокой смертности. В 80-х гг. XIX в. коэффициент смертности в Саранском уезде Пензенской губернии составил 40,2 ‰, Инсарском — 42,1, Наровчатском — 37,4 и Краснослободском — 36,3 ‰. С 1892 по 1896 г. показатели смертности в уездах изменились. Так, среднегодовой коэффициент смертности в Саранском уезде составил 38,5 ‰, Инсарском — 39,5, Краснослободском — 39,4, Наровчатском — 44,5 ‰ [Там же].

Показатели коэффициента смертности в исследуемых губерниях соответствовали общероссийским показателям XIX в. — первого десятилетия XX в.

Небольшой естественный прирост населения в период с 1891 по 1895 г. был отмечен во всех изучаемых губерниях. Это было обусловлено последствиями холерной эпидемии, распространением дифтерии, брюшного тифа, других заразных инфекционных болезней, выразившихся в снижении рождаемости и скачкообразном увеличении (относительно предшествующих пятилеток) смертности. В результате естественный прирост составлял всего 4,9 ‰ в Пензенской, 5,3 — Симбирской и 6,8 ‰ — Тамбовской губернии [2, 3]. За 1892 г. по ряду уездов Пензенской губернии, в том числе Инсарскому, Краснослободскому, Наровчатскому и Саранскому, было зафиксировано отрицательное сальдо естественного прироста населения.

В конце XIX — начале XX в. коэффициент естественного прироста несколько выравнился, однако наметилась тенденция к новому демографическому поведению — внутрисемейное регулирование числа детей в семье. С 20 — 30-х гг. XX в. до настоящего времени исходя из конкретных социально-экономических условий, обусловленных историческим развитием, регулирование числа детей в семье получило широкое распространение не только в городской, но и в сельской местности.

Рассматривая этнический аспект воспроизводства населения, следует отметить, что в целом и у русских, и у мордвы, и у татар, равно как и у других народов Поволжья, отмечались средние показатели естественного прироста — в пределах 22 ‰ (табл. 4).

Таблица 4

Динамика естественного движения населения*, ‰

Показатель	Мордовский край		Пензенская губерния		Средне-Волжский регион		РСФСР	
	1913	1925	1913	1925	1913	1925	1913	1925
Рождаемость	50,1	47,8	47,6	45,1	51,2	47,8	43,8	46,9
Смертность	33,4	25,5	31,9	23,7	32,5	25,5	27,3	25,8
Естественный прирост	16,7	22,3	15,7	21,4	18,7	22,3	16,5	21,1

* Таблица составлена по: Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. кн. Оп. 1. Д. 8. Л. 120 (далее — ЦГА РМ).

Отметим и тот факт, что в районах образованного в 1928 г. Мордовского округа с высокой долей мордовского населения естественный прирост выше, чем у остальных народностей (табл. 5, 6).

Таблица 5

Естественное движение в районах Мордовского округа с высокой долей мордовского населения*, ‰

Число районов	Процент мордовского населения	На 1 000 чел. населения			% умерших к числу родившихся
		Родилось	Умерло	Прирост	
7	50 и более	48,8	26,5	22,3	54,3
7	33 – 50	48,3	26,0	22,3	53,8
9	До 25	47,1	25,3	21,8	53,7

* Таблица составлена по: ЦГА РМ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 127. Л. 92.

Таблица 6

Естественное движение населения по районам Мордовского округа в 1926 и 1927 гг. (на 1000 чел. населения в начале года)*, ‰

Район	1926			1927		
	родившихся	умерших	естественный прирост	родившихся	умерших	естественный прирост
1	2	3	4	5	6	7
Ардатовский	50,2	25,6	24,6	46,2	28,4	17,8
Атяшевский	45,5	21,9	23,6	44,6	27,6	17,0
Ачадовский**	52,0	21,9	30,1	45,7	27,0	18,7
Беднодемьяновский	51,0	23,8	27,2	46,2	24,3	21,9
Дубенский	47,2	22,1	25,1	48,2	25,5	22,7
Ельниковский	47,4	24,2	23,2	46,3	26,6	19,7
Зубово-Полянский	50,8	26,4	24,4	47,9	23,6	24,3

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6	7
Инсарский	58,4	33,3	25,1	47,4	30,7	16,7
Ковылкинский	44,6	22,7	21,9	45,9	29,6	16,3
Козловский	50,8	26,4	24,4	47,9	23,6	24,3
Кочкуровский	50,7	25,3	25,4	50,6	27,8	22,8
Краснослободский	45,7	27,0	18,7	45,8	23,9	21,9
Наровчатский	53,2	25,1	28,1	45,8	26,4	19,4
Ромодановский	44,8	24,8	20,0	49,0	27,3	21,7
Рузаевский	56,4	26,1	30,3	51,2	30,1	21,1
Рыбкинский	38,7	20,0	18,7	44,9	22,8	22,1
Саранский	49,9	23,0	26,9	44,1	26,0	18,1
Старошайговский	52,6	25,0	27,6	50,7	33,5	17,2
Талызинский	48,7	23,9	24,8	43,9	29,8	14,1
Темниковский	49,7	23,9	25,8	47,7	27,1	20,6
Теньгушевский	45,8	22,2	23,6	50,6	26,5	24,1
Торбеевский	48,7	19,7	29,0	46,4	24,5	21,9
Чамзинский	48,6	26,6	22,0	45,6	29,2	16,4
Итого	49,1	24,4	24,7	47,0	27,5	19,5

* Таблица составлена по: ЦГА РМ, Ф. кн. оп. 1. Д. 8. Мордовский округ Средне-Волжской области. Культура и хозяйство. Саранск, 1929. Л. 120.

** По всей вероятности, в источник вкралась опечатка: вместо «Ачадовский район» было напечатано «Адашевский район».

Анализ показал, что в исторических и социально-экономических условиях начала XX в. воспроизводство населения в мордовском крае можно считать достаточным для сохранения как демографического потенциала, так и устойчивости возрастно-половой структуры. Отметим также, что анализ мордовского, русского и татарского населения по полу и возрасту не выявил каких-либо существенных этнических различий. В то же время некоторое снижение рождаемости в начале XX столетия свидетельствует о появлении тенденции к демографическому переходу от расширенного типа воспроизводства населения, характерного для второй половины XIX в., к суженному типу.

Литература

1. **Борисов В. А.** Рождаемость в СССР: тенденции и проблемы / В. А. Борисов // Рождаемость: известное и неизвестное. М., 1983. С. 26 — 27 (Популяр. демография ; вып. 9).
2. **Кирдяшов В. Ф.** Этнодемографические процессы у мордвы / В. Ф. Кирдяшов, В. Ф. Разживин // Мордва : очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004. С. 180 — 201.
3. **Назаркин Н. Я.** Народонаселение и охрана здоровья в Мордовии / Н. Я. Назаркин. Саранск, 1973. 264 с.
4. **Разживин В. Ф.** Демографические процессы на территории Мордовии во второй половине XIX в. / В. Ф. Разживин // История Мордовии: От эпохи великих реформ до великой российской революции. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2005. С. 114 — 132.

Поступила 05.08.2009 г.

УДК 930:947.084.2(470.345)

В. А. Юрчѐнков
V. A. Yurchenkov

**МОРДОВИЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
И «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ**

**MORDOVIA IN THE PERIOD OF THE CIVIL WAR
AND «THE MILITARY COMMUNISM»:
PROBLEMS OF ISTORIOGRAPHY**

Ключевые слова: историографическая ситуация, исследования, концепция, авторские подходы. Статья посвящена региональной историографии Гражданской войны и «военного коммунизма». В ней анализируется осмысление истории Мордовии в тот период.

Key words: historiographical situation, researches, the concept, author's approaches. The article is devoted to regional historiography of the Civil War and «the Military Communism». Comprehension of history of Mordovia at that period is analysed in it.

Современные научные представления об эпохе Гражданской войны и «военного коммунизма» в России и регионах основаны на ее изучении несколькими поколениями отечественных и зарубежных исследователей. Применительно к Мордовии проблема историографии того периода осложнена тем, что ученые анализировали ситуацию, сложившуюся в окраинных уездах четырех губерний (Пензенской, Симбирской, Тамбовской и Нижегородской), из которых позднее оформилась республика. Поэтому осмысление событий периода Гражданской войны и «военного коммунизма» в регионе связано не только с именами историков Мордовии, но и ученых Пензы, Ульяновска, Тамбова, Нижнего Новгорода, Казани. Определенный вклад в исследование региональной проблематики внесли столичные исследователи. Поэтому при историографическом обзоре был избран путь анализа не только региональной историографии. И еще одно предварительное замечание. Поскольку автор этих строк внес свой скромный вклад в исследование названных вопросов, историографический обзор включил в себя и краткую характеристику его работ.

В настоящее время существует несколько периодизаций истории исторической науки в Мордовии, которые в определенной степени сопряжены и с изучением периода Гражданской войны и «военного коммунизма». В связи с этим существует потребность их воспроизведения.

Первая была высказана Г. Я. Меркушкиным в монографии «Развитие науки в Мордовии», в которой было предложено деление истории исторической науки в республики на три этапа [107]. Первый — с 1917 г. до середины 1930-х гг. Его хронологические рамки очерчены победой Октябрьской революции и образованием Мордовской АССР. Второй — примерно с 1936 по 1959 г. Исследователь утверждает, что он «совпадает в основном с завершением строительства социализма и началом пе-

рехода к развернутому строительству коммунизма». Третий — с 1959 г. [Там же, с. 99, 104, 130]. На наш взгляд, предлагаемая схема сегодня серьезно устарела и неприемлема. Вторая из существующих точек зрения сводится к утверждению профессора М. Ф. Жиганова: «Говоря о становлении советской исторической науки в Мордовии, следует... выделить два основных этапа, первый из которых начинается с победы Великой Октябрьской социалистической революции, второй — с создания автономии Мордовии, а вместе с ней и первых научных учреждений и вузов» [60, с. 253]. Иную позицию заняли авторы «Истории советского крестьянства Мордовии», которые предложили делить развитие исторической науки в республике на три этапа: первый — 1917 — 1930-е гг., второй — конец 1930-х — начало 1950-х гг., третий — с середины 1950-х гг. [75, с. 6 — 7]. Последняя из существующих точек зрения излагалась В. А. Юрченковым на I Всесоюзной конференции по историческому краеведению в г. Полтаве. Он предложил выделять четыре этапа: 1) 1917 г. — начало 1930-х гг.; 2) начало 1930-х гг. — конец 1950-х гг.; 3) начало 1960-х гг. — начало 1970-х гг.; 4) с начала 1970-х гг. [153, с. 40 — 41]. При этом подчеркивалось, что каждый из этапов имел свои особенности. Последнюю периодизацию с определенными оговорками и дополнениями можно положить в основу характеристики исследований истории региона в период Гражданской войны и «военного коммунизма».

Начало исследованию периода Гражданской войны и «военного коммунизма» в России было положено уже в ходе военных действий. Непосредственные участники событий пытались осмыслить происходившее на их глазах, стремясь свести воедино личные впечатления и имевшиеся документы. М. Н. Покровский обратил в свое время внимание на особенность литературы, оставленной будущим историкам участниками революции и Гражданской войны: «...Им нужно было найти тот рычаг, при помощи которого они могли оказать влияние на ход исторического процесса, а для этого им нужно было разобраться в том вихре событий, которым они были охвачены или который хотя бы надвигался на них. От того, насколько правильно нащупают они операционную линию истории, зависела судьба не только их самих, но всего их дела, дела громадных общественных слоев, целых общественных классов. И, вовсе не желая писать историю, делая эту историю, они вынуждены были строить определенные исторические схемы, которые в одинаковой степени могли и должны были стать и руководством практической деятельности и основными вехами будущего исторического исследования». Для историка, говорил далее М. Н. Покровский, в работах этих авторов представляет ценность не конкретный материал, который можно почерпнуть и из мемуаров, «а именно самая схема, которую строили данные авторы для практических целей и которая... нам, историкам, нужна для целей теоретических как руководящая нить исторического исследования» [125, с. 168 — 169]. Иными словами, в работах непосредственных участников событий часто запечатлевались непосредственно ими полученные, не преломлявшиеся через призму более поздних представлений сведения. Их работы содержат конкретные данные, ставшие им известными не по ограниченному кругу источников, а добытые в порядке собственной практики и этой же практикой проверенные. Примером сочинений подобного рода может служить изданный в г. Саранске в 1919 г. «Отчет мобилизационного отдела 1-й революционной армии Восточного фронта...», который стал первой книгой, отразившей события Гражданской войны на территории современной Мордовии [118].

Работа была не просто отчетом мобилизационного отдела, она представляла собой попытку осмыслить происходившие в ближайшем тылу Восточного фронта события, сочетавшую мемуарную сторону с элементами исследования. Она была написана коллективом авторов под руководством председателя моботдела **Ш. Н. Ибрагимова**. «Отчет...» подразделялся на несколько разделов, каждый из которых представлял одно из направлений деятельности моботдела. Первоначально давалась общая характеристика состояния дел в 1-й армии Восточного фронта летом 1918 г., описывался и ближайший тыл армии. Следом приводился детальнейший анализ работы политического подотдела, основанный на личных воспоминаниях Ш. Н. Ибрагимова. В центре же внимания оказалась работа отдела по формированию, обучению и отправке на фронт частей и подразделений 1-й армии. Поэтому особое место было уделено работе подотделов формирования и обучения, снабжения.

В 1920-е гг. к анализу событий Гражданской войны обратились непосредственные участники событий и первые профессиональные исследователи. В центре их внимания оказалась общая характеристика ситуации в регионе, сопряженная с оценкой конкретных событий, происходивших на глазах авторов или же в случае с исследователями получивших отражение в документах.

Примером работ первого рода могут служить воспоминания бойцов и командиров 1-й армии Восточного фронта, части и подразделения которой формировались на территории Мордовии. Среди них заметно выделяется работа бывшего командующего армией **М. Н. Тухачевского** «Первая армия в 1918 г.» (1921 г.), которая стала первым опытом оперативно-стратегического анализа действий только что сформированных частей и подразделений [138 — 140]. М. Н. Тухачевский писал: «1-я армия не только по номеру, но и на деле шла первой как в области организационных успехов, так и в деле выявления и создания широкого и смелого маневра гражданской войны» [138, с. 475]. Он охарактеризовал процесс перехода от формирования партизанского типа к регулярным соединениям, выделив в качестве хронологической границы осень 1918 г. Однако в 1-й армии эти процессы шли, по мнению М. Н. Тухачевского, интенсивнее, и уже в начале июля 1918 г. ее отряды были сведены в три стрелковые дивизии — Пензенскую, Инзенскую и Симбирскую. Но отряды были заражены партизанщиной, и ликвидировать ее пришлось уже в ходе боевых действий. М. Н. Тухачевский достаточно подробно описал взятие Симбирска и последующее наступление армии.

После М. Н. Тухачевского с воспоминаниями о боевых действиях 1-й армии Восточного фронта выступил следующий ее командарм **Г. Д. Гай** [28 — 31]. Он охарактеризовал формирование и пополнение 24-й стрелковой дивизии, ее боевые действия в составе армии, первые бои с колчаковцами в 1919 г. Так же как и М. Н. Тухачевский, Г. Д. Гай пытался соединить личные впечатления с оперативно-стратегическим анализом обстановки.

Среди работ, принадлежащих перу бывших бойцов, командиров и политработников 1-й армии, выделялись книги **М. Кузнецова** и **Н. И. Кирюхина** [77, 91]. М. Кузнецов обратился к истории 20-й стрелковой дивизии, показал ее боевой путь. Н. И. Кирюхин, служивший комиссаром полка, охарактеризовал деятельность политорганов среди бойцов и командиров частей и подразделений армии.

Авторами мемуаров в 1920-е гг. выступали многие местные партийные и советские работники. Среди них стоит назвать **В. В. Кураева** и **Е. Б. Бош**, работавших в

годы Гражданской войны в г. Пензе. Их работы содержат оценку ситуации в Пензенской губернии в 1918 г. [16, 96]. Мемуарный характер чаще всего носили многочисленные сборники, вышедшие в губернских центрах и содержащие немногочисленные факты и материалы по истории Мордовии в годы Гражданской войны [9, 126].

К десятилетию революции 1917 г. на местах вышли в свет работы, продолжавшие зародившуюся традицию мемуарного осмысления первых лет советской власти. Фактически характер воспоминаний носит издание Алатырского райкома ВКП(б) и райисполкома «10 лет Октября», в котором присутствуют оценки событий в восточных районах современной Мордовии [40]. Аналогичные черты просматриваются в книгах *В. Андреева, С. Кулаева, В. Н. Алексеева* [6, 7].

В работах профессиональных исследователей присутствуют характеристики общероссийских или поволжских событий, которые в той или иной степени затрагивают Мордовию. В частности, перу *Н. В. Гурьева* принадлежит первая монография о «чапанном движении», в которой вскользь оцениваются события весны 1919 г. в Карсунском уезде Симбирской губернии [38]. В книге имеются приложения, содержащие сводку событий с указанием селений, охваченных крестьянским восстанием, числа жертв, лозунгов и поводов для выступления. Автор характеризует «чапанное движение» как охватившее все слои деревни, однако кулацкое по социальной сути и движущей силе. С его точки зрения, основной причиной восстания стала политическая несознательность крестьян, которая не позволила им пожертвовать собственными интересами во благо большевистской революции, давшей им землю [Там же, с. 19 — 31, 51].

Крестьянские восстания в регионе привлекли внимание и такого известного в 1920-е гг. исследователя, как *А. И. Анишев*. В «Очерках истории гражданской войны 1917 — 1920 гг.», изданных в 1925 г., он связал летние выступления крестьян Поволжья не с деятельностью комбедов и продотрядов, а с первыми массовыми мобилизациями крестьян в Красную армию [8, с. 127, 132 — 133, 138, 186 — 188, 190 — 191, 219]. Он одним из первых указал на факт противоречия между городом и деревней в условиях усиливавшейся разрухи, что привело к обострению продовольственной нужды в городах. Именно это сделало неизбежным наступление города на деревню, на хлеботорговые районы, контролируемые советской властью, в частности средневожские губернии. Решительные действия власти по изъятию хлеба стали главной причиной вспыхнувшего в марте 1919 г. «чапанного движения», которое на шесть дней остановило движение продовольственных грузов по железной дороге Инза — Симбирск и на два дня по дороге Инза — Сызрань. Другой важной причиной восстания, по мнению А. И. Анишева, стали «недостатки механизма» местной власти [Там же, с. 127 — 128]. К истории «чапанного движения» обращался и *Н. Е. Какурин*, трактовавший его как «кулацко-эсеровские восстания введенных в заблуждение темных народных масс» [76, с. 158]. Касаясь крестьянского сопротивления, следует отметить, что именно в работах 1920-х гг. наряду с формулировками «крестьянское восстание», «повстанческое движение» появились термины «кулацко-эсеровский мятеж», «военно-политический бандитизм».

В 1920-е гг. в историографии были поставлены практически все проблемы региональной истории периода Гражданской войны и «военного коммунизма». В мемуарной литературе, первых работах профессиональных историков были обозначены многие подходы, которые затем существовали в литературе долгие годы. Именно тогда

сложилась оценка крестьянских выступлений как кулацких восстаний, была высказана мысль о руководящей роли эсеров в контрреволюционных выступлениях и т. п. Оформился тезис о союзе рабочего класса и крестьянства как источнике победы советской власти в регионе, высказано положение о прогрессивности политики большевистской партии и т. п. В 1920-е гг. в историографии сложился односторонний подход, обусловленный зависимостью авторов от идеологических догм и мифологем.

С начала 1930-х гг. в историографии изучения истории Мордовии произошел значительный сдвиг, связанный с процессом национально-государственного строительства и оформлением первых научно-исследовательских структур в республике. В то время сложилась определенная группа исследователей, изменился их состав: на смену участникам событий пришли профессиональные историки. Они стали авторами многих локальных исследований, которые были необходимы для перехода к осмыслению общего и специфического, проявившегося в отдельных районах страны в ходе Гражданской войны.

Сюжеты, связанные с Гражданской войной, стали неременным атрибутом выступлений руководителей республики, составной частью агитационных материалов. Так, Председатель СНК МАССР **В. Верендякин**, выступая на юбилейной сессии Верховного Совета МАССР 25 февраля 1940 г., подчеркивал: «На долю Мордовии выпала честь положить начало формированию Первой Красной Армии Восточного фронта. При штабе армии, расположенном в вагоне на станции Инза, был создан мобилизационный отдел Первой армии, он был размещен в гор. Саранске, а в городе Рузаевке были размещены штаб центральной базы снабжения Восточного фронта, штаб первой базы 1-й советской армии. На моботдел Первой армии в г. Саранске была возложена исключительно трудная задача — укрепить фронт новыми силами и через них задержать и отбросить продвигавшиеся вглубь Советских республик войска чехов, эсеровского Комуча и Колчака. Многие вновь принятые по мобилизации люди для Восточного фронта в первые годы гражданской войны концентрировались в Саранске. Сюда же с фронта приходили расстроенные войсковые части. Здесь, в Саранске, восстанавливалась их боевая мощь. Мобилизационный отдел пополнял их командным составом, обученными красноармейцами, снабжал оружием, обмундированием, обозом. В те напряженные дни Саранск кипел боевой жизнью, создавая пополнения Первой революционной Красной армии Восточного фронта, сыгравшей величайшую роль в разгроме врагов советской власти» [23, с. 10]. Оценочные суждения руководства республики дополняли общие высказывания лидеров партии и государства, адаптировали их к Мордовии, что создавало определенные идеологические установки для ученых региона, влияло на общее развитие историографической ситуации.

4 октября 1932 г. на заседании Мордовского обкома ВКП(б) было принято решение о создании Института мордовской национальной культуры (позднее — НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, ныне — НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия), который стал подлинным центром гуманитарных исследований в Мордовии. В институте был сформирован сектор истории, перед которым была поставлена задача изучения актуальных проблем истории мордовского края, в частности осмысления опыта Гражданской войны и «военного коммунизма». Среди приоритетов были обозначены работы по исследованию выступления казаческих частей под командованием Ф. К. Миронова и составление хроники Гражданской войны в регионе. **Д. И. Василь-**

ев разработал программу исследований по проблемам революции и Гражданской войны в Мордовии, предусматривавшую их проведение с широким привлечением актива краеведов. Составляя своеобразный опросник, включавший конкретные вопросы, требовавшие освещения, он писал: «Здесь, прежде всего, необходимо выяснить, каким образом власть перешла в данном селе или в районе в руки советов: когда образовался совет и как он захватил власть. Какие слои деревни приняли наибольшую активность в этот период движения и в чем конкретно выразилось движение на данном этапе революции: захват и раздел помещичьих земель, борьба с эсеро-меньшевистским правительством и т. п.» [17, с. 96 — 97]. Кроме того, требовалось «обратить особое внимание на то, как развертывалась борьба крестьянства не только против помещиков, но между кулаками и беднотой, и какова при этом была роль среднего крестьянства» [Там же, с. 97]. Дальнейшие задачи определялись автором программы в соответствии с оформившимися в те годы в историографии подходами: «Затем необходимо отметить, когда возникают в данном селе или районе комитеты бедноты, каков их первоначальный состав, кто был наиболее активным работником в них, в чем выразилась их борьба с кулачеством за укрепление диктатуры пролетариата в селе. Отметить случаи борьбы кулачества против комбедов и советской власти вообще: открытый бандитизм, покушения на отдельных активных работников в селах, массовые контрреволюционные выступления под руководством попов, помещиков и кулаков. В частности, отметить контрреволюционную деятельность социалистов-революционеров и меньшевиков, если таковые имелись в данном селе или районе» [Там же]. В сборе этого материала Д. И. Васильев предлагал опереться на активных участников и очевидцев революции и Гражданской войны. В связи с этим он считал «первейшей обязанностью всех местных ячеек по краеведению является то, чтобы взять на учет всех участников революции и гражданской войны и этим самым обеспечить собрание ценнейшего материала» [Там же].

На основе разработок Д. И. Васильева в НИИ мордовской культуры был составлен «Вопросник для собирания материалов по истории села — колхоза», который включал четыре вопроса, связанных с периодом Гражданской войны и «военного коммунизма». Их стоит воспроизвести, поскольку дальнейшие исследования института в данном направлении строились в значительной степени на ответах на эти вопросы, полученные тем или иным способом. Итак, в вопроснике предлагалось ответить на следующие вопросы: «15. Когда и каким образом в данном селе власть перешла в руки советов. 16. Какие слои крестьянства принимали наиболее активное участие в борьбе против временного правительства и за установление советской власти. (Указать имена наиболее активных участников, их соц. положение, национальность и т. д.). 17. Были ли в данном селе комитеты бедноты, время их появления, состав, в чем выразилась их революционная работа, кто был активным работником в них и т. д. 18. Были ли контрреволюционные выступления и в чем они выразились (стихийные, организованные, состав и руководители их). 19. Как протекала гражданская война в данном селе (длительность, роль попов, с. р. и меньшевиков, характерные моменты ее, имена героев в борьбе с контрреволюцией)» [27, с. 101].

Заметное воздействие на региональную историографию в 1930-е гг. оказали документальные издания по истории Гражданской войны в Поволжье, вышедшие по линии Истпарта. Среди них следует выделить хроники событий Гражданской войны в средневожском крае заведующего самарским бюро Истпарта **В. В. Троцкого**

[137, 138]. Она охватила 1919 — 1920 гг. и отразила практически все более или менее значимые события.

В начале 1930-х гг. появились первые работы по истории Мордовии обобщающего характера, в которых Гражданская война и «военный коммунизм» рассматривались как этап в развитии региона [18, 70]. Достаточно типичным примером исследований подобного рода может служить монография **Т. В. Васильева** «Мордовия», изданная в Москве в 1931 г. По мнению автора, уже с октября 1917 г. «начинает особенно отчетливо проявляться классовая борьба внутри мордовского крестьянства. Мордовское кулачество не желает защищать советскую власть, дезертирует из Красной армии, прячет в ямы хлебные излишки, чтобы они не попали на продовольственное снабжение рабочих и красноармейцев. Деревенская беднота организуется, раскрывает потайные кулацкие амбары, ловит дезертиров. Бедняцко-средняцкие массы мордовского крестьянства по достоинству оценили советскую власть рабочих и крестьян, как единственную избавительницу угнетенного человечества от эксплуатации, и всемерно ее защищали на всех фронтах гражданской войны» [18, с. 88 — 90]. Т. В. Васильев писал о сильном влиянии эсеров в мордовской деревне. В духе идеологических штампов того времени он утверждал: «Эсеровская организация имела разветвленную агентуру в рядах национального кулачества. Эти национальные эсеровские группы проводили линию своей партии и всемерно поддерживали единство буржуазной державы российской, поддерживали дух смирения в национальных массах» [Там же, с. 87]. В качестве доказательства автор приводил позицию съездов малых народностей Поволжья, которые, по его мнению, были «съездами национальной верхушки, не отражавшей интересов широких трудящихся масс народностей Поволжья» [Там же]. Т. В. Васильев противопоставлял позиции эсеров деятельности большевиков. Его мысль достаточно типична для историографии 1930-х гг.: «Пока буржуазия устами эсеровской организации пела дифирамбы Учредительному собранию, призывала крестьянство к терпению, партия большевиков вела большую воспитательную работу среди солдат в окопах империалистической войны. Вернувшись с фронта, солдаты принесли с собой в деревню дух большевизма. Воодушевленная большевистскими идеями солдатская масса и деревенская беднота явились опорой пролетариата в деревне по свержению помещиков и капиталистов» [Там же, с. 88].

Необходимо отметить первое специальное исследование по истории Гражданской войны в крае — монографию **С. П. Вернера** о выступлении казачьих частей Ф. К. Миронова в 1919 г. в Саранске [24]. К сожалению, в ходе ее публикации в рукопись были внесены изменения, снизившие ее уровень и оказавшие влияние на ее историографическое значение. Однако в Научном архиве НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия сохранился первоначальный вариант книги, который позволяет судить о замысле автора и его претворении в жизнь [114, л. 113 — 154]. Вначале С. П. Вернер охарактеризовал тяжелое положение Советской республики в первой половине 1919 г. и повторил вывод общероссийской историографии о том, что «нужны были боевые, дисциплинированные, регулярные соединения войск под руководством опытных преданных военных специалистов» [Там же, л. 117]. В качестве такового первоначально и рассматривался Особый Донской казачий корпус под командованием Ф. К. Миронова. С. П. Вернер охарактеризовал командира корпуса, отмечая его заслуги перед революцией, участие в установлении советской власти на Дону, боях с белогвардейцами. Описав, таким образом, общероссийский фон,

он перешел к характеристике событий в Саранске. Исследователь отметил, что формирование корпуса шло медленно и фактически вместо него создавалась дивизия из двух конных полков, подразделения которых размещались в разных частях города [Там же, л. 122]. Он указал на появление в Саранске слухов о том, что казаки хотят захватить власть в городе и уезде. Однако при этом сделал типичное для историографии тех лет заявление, что «этими слухами в первую очередь воспользовались кулацкие элементы, бывшие эсеры и меньшевики и, подняв голову, начали строить свои контрреволюционные планы» [Там же].

С. П. Вернер достаточно подробно осветил картину казачьего восстания с точки зрения местного жителя. Казаки выступают у него как внешняя сила, не понимавшая и не принимавшая городской жизни, ее уклада. Особенностью книги было совмещение исследовательской работы с личными впечатлениями автора. Автор подробно охарактеризовал деятельность ревкома в городе как чрезвычайного органа власти, возникшего в условиях восстания казаков. Он привел документы ревкома, поместил в книгу стенограммы его заседаний. Заслугой исследователя явилось сохранение документов, исходивших от Ф. К. Миринова, тем более что их содержание во многом не соответствовало характеристикам, даваемым ему в советской историографии 1930-х гг.

Общий вывод С. П. Вернера был сделан в соответствии с особенностями историографической ситуации тех лет. Он охарактеризовал выступление как авантюру, нанесшую огромный ущерб советской власти и ослабившую Восточный и Южный фронты. Это, с одной стороны, с другой — оно, по мнению исследователя, показало колебавшемуся казачеству «всю контрреволюционную сущность лозунгов „людей“ Миринова и им подобных» [Там же, л. 152].

Однако при всей идеологической ангажированности выводов С. П. Вернера его вклад в историографию Гражданской войны в крае весьма значителен. Ученый выступил первопроходцем в осмыслении реалий сложного и противоречивого времени и предложил методику рассмотрения соотношения общероссийской и региональной истории, которую будут использовать последующие историки края. Не случайно опыт работы С. П. Вернера был признан удачным и требующим дальнейшего расширения изысканий. В связи с этим в план работы сектора истории НИИ мордовской культуры была включена тема «Из истории Гражданской войны: „Мириновщина“ (контрреволюционное выступление на территории Мордовской автономной области)».

Во второй половине 1930-х гг. в освещении Гражданской войны в региональной литературе произошли некоторые изменения: расширился круг исследуемых вопросов, в оборот вводился новый фактологический материал [39, 95, 128]. Например, если в сборнике «20 лет строительства в Мордовской АССР. 1917 — 1937» период Гражданской войны и «военного коммунизма» упоминался лишь с целью сравнения, то в работе *Д. Рузавина* и *С. Петрова* «Мордовская АССР» ему впервые была посвящена целая глава. Авторы высказали ряд принципиальных соображений, которые позднее, по мере накопления архивного материала, либо уточнялись, либо опровергались. Например, было заявлено, что «территория Мордовии явилась ареной первых схваток советских отрядов с чехословацкими войсками» [128, с. 19]. Авторы характеризовали ситуацию лета 1918 г. как весьма тревожную: «Летом 1918 года по всей Мордовии прокатилась волна контрреволюционных восстаний. Настроение в селах и деревнях было очень натянутое: кулаки распространяли ложные слухи о

приближении чехословаков. Буржуазные элементы и кулаки готовили им хлеб и соль, надеясь встретить как своих избавителей» [Там же]. Развивая эту мысль, они считали, что к середине 1918 г. территория Мордовии оказалась окруженной с трех сторон врагами советской власти. В этих условиях вполне логичным шагом выглядело создание регулярных частей. На территории Мордовии ими стали части и подразделения 1-й армии Восточного фронта [Там же, с. 19 — 20]. Д. Рузавин и С. Петров первыми попытались объяснить решение о размещении мобилизационного отдела 1-й армии Восточного фронта в Саранске местными условиями, способностью города разместить крупные контингенты войск. К осени 1918 г., по их мнению, «от революционной вольницы добровольческих отрядов не осталось и следа. Они превратились в боевые, дисциплинированные регулярные батальоны, полки, батареи, эскадроны» [Там же, с. 20]. В центр событий 1919 г. авторы поставили выступление казаков под руководством Ф. К. Миронова, которое характеризовалось ими как восстание, мятеж, авантюра. Особое внимание было уделено деятельности местных ревкомов и большевистских ячеек [Там же, с. 22 — 23].

Позднее отдельные положения Д. Рузавина и С. Петрова подвергались достаточно резкой критике. В частности, Г. Я. Меркушкин и В. И. Самаркин считали, что те преувеличивали роль Саранска в событиях 1918 — начала 1919 г.: «Безусловно правильно, что 1-ая восточная армия сыграла величайшую роль в деле разгрома врагов советского народа, но стоит ли говорить о том, что Саранск создал ее. Слишком много приписано Саранску. Как известно, 1-я восточная революционная армия была создана по приказу Советского правительства и формировалась в городах Тамбов, Саратов, Инза, Саранск, Балашов» [108, с. 9]. И далее Д. Рузавину и С. Петрову были сделаны замечания методологического и методического плана: «Указанные нами ошибки и извращения говорят о том, что авторы недостаточно серьезно изучали исторические факты, не рассматривали их в совокупности со всеми событиями и не подходили к ним диалектически» [Там же]. Философ Ю. Ф. Кожурин подметил отличительную черту работы Д. Рузавина и С. Петрова, в которой авторы развивали тему вековой отсталости мордовского края. На ее фоне достижения советской Мордовии должны были восприниматься как действительный скачок из «царства тьмы и невежества» в царство свободы от национального гнета. В этом смысле, по его словам, «позиция и приводимые Д. Рузавиным и С. Петровым факты абсолютно соответствовали официальным данным и политической линии в тот конкретный период советской истории» [78, с. 229].

В конце 1930-х — начале 1940-х гг. к исследованию революции и начального этапа Гражданской войны обратились *Т. Е. Купряшкин* и *В. И. Самаркин* [94, 95]. Выход в свет их работы о революции 1917 г. в Мордовии член-корреспондент АН СССР А. Яковлев связывал с изменением историографической ситуации, когда в городе, бывшем в прошлом глухой провинцией, стали выпускаться серьезные научные работы [71, с. 124].

Т. Е. Купряшкин и В. И. Самаркин охарактеризовали положение на территории Мордовии накануне 1917 г., ход Февральской революции, нарастание революционной активности летом и осенью 1917 г. и Октябрьскую революцию. Авторы высказали чрезвычайно важную мысль о том, что «в октябре месяце борьба крестьянства современной территории МАССР против помещиков и кулаков перерастает в крестьянскую войну» [95, с. 47]. Фактически ими утверждалась идея о начале Гражданской войны в

форме крестьянской войны в октябре 1917 г. Следом было внесено положение о слиянии крестьянского движения с борьбой пролетариата: «В октябре 1917 г. крестьянское восстание в Мордовии приняло громадные размеры и влилось в общий поток борьбы пролетариата в городах за победу социалистической революции» [Там же].

Т. Е. Купряшкин и В. И. Самаркин первыми попытались установить сроки и выявить соотношение форм перехода власти на территории Мордовии. По их мнению, в тех районах, где большевики «сумели свое влияние на трудящиеся массы крестьянства закрепить и организационно, там власть к Советам перешла в ноябре месяце. В тех же районах, где большевики в силу своей малочисленности организационно закрепить свое влияние на бедняцко-средняцкие массы крестьянства не сумели, там образование советской власти затянулось до января — февраля 1918 года» [Там же]. Авторы кратко охарактеризовали установление советской власти в Ардатове, Темникове и Саранске, указывая, что в Темниковском уезде переход власти к Советам принял форму вооруженной борьбы. К сожалению, ситуация в других уездных центрах ими не учитывалась, сказалось, видимо, отсутствие фактологического материала. Ликвидируя этот недостаток, Т. Е. Купряшкин и В. И. Самаркин в 1941 г. опубликовали большую подборку документов по истории крестьянского движения в Мордовии в октябре 1917 г. [94].

С критикой книги Т. Е. Купряшкина и В. И. Самаркина выступал М. В. Дорожкин, который считал, что в работе присутствует ряд серьезных недостатков: «Борьба за Советскую власть в Мордовии показывается в ней изолированно от революционных событий в стране, не раскрывается руководящая и организующая роль центрального комитета и губернских комитетов большевистской партии в проведении советской революции на местах, почти совершенно не говорится о помощи рабочих столиц и других промышленных городов сельской бедноте в ее борьбе за власть и за землю. Слабо показывается роль местных гарнизонов в революционном движении в Мордовии» [42, с. 8]. Он был поддержан Г. Я. Меркушкиным, который выделил практически те же недочеты [107, с. 105].

В довоенное время в региональной историографии **М. З. Бор** впервые поднял вопрос о промышленности и рабочем классе Мордовии [15]. Его работа носила историко-экономический характер, была насыщена богатым фактическим материалом и не потеряла значимости до настоящего времени. Одной из первых проблем, которые поднимались исследователем, стал вопрос о развитии промышленности Мордовии и рабочего класса в первые годы советской власти. Автор отмечал исключительно тяжелое положение в производстве, отсутствие сырья, топлива, оборудования. На основании этого он сделал вывод о сокращении производства и высоком уровне безработицы среди рабочего класса. По его подсчетам, в Краснослободском, Рузаевском и Саранском уездах, составлявших треть территории Пензенской губернии, в 1920 г. было сосредоточено 38,8 % всех бездействовавших предприятий [Там же, с. 8]. Анализ источников позволяет усомниться в приводимых цифрах. Упрощенно, на наш взгляд, трактовал исследователь и процесс национализации промышленности. Фактически он ограничился утверждением о том, что «в течение 1918 — 1920 гг. была в основном закончена национализация всей промышленности Советской России... Была национализирована и вся промышленность Мордовии» [Там же, с. 97].

С именем М. З. Бора связано первое серьезное исследование комбедов на территории Мордовии, написанное в годы войны и представленное на обсуждение в НИИ

языка, литературы и истории при СНК МАССР в качестве кандидатской диссертации в 1945 г. (в 1954 г. работа была защищена [14]).

М. З. Бор в русле сложившейся в региональной историографии концепции противопоставлял дореволюционное и послереволюционное состояние Мордовии. Он писал о том, что до 1917 г. территория Мордовии «относилась к наиболее отсталым экономически, почти исключительно сельскохозяйственным, районам» [15, л. 3]. Исследователь детально проанализировал состояние экономики края до революции и уровень втянутости различных слоев населения и представителей этносов в процесс капиталистического производства и пришел к выводам, с которыми позднее согласились многие авторы. Он заключил: «Мордовское крестьянство, в среднем, было более мощно экономически, чем русское. Несомненно, на этом отразилось то обстоятельство, что мордовское население в подавляющем большинстве не было крепостным, а принадлежало к разряду государственных и удельных крестьян, более обеспеченных землей и менее пострадавших от „крестьянской реформы” 1861 г. Перед революцией 1917 года мордовское крестьянство было менее захвачено процессом капиталистической дифференциации, более сохранило в своей экономике феодальных и дофеодальных пережитков» [Там же, л. 17]. Вывод носил принципиальный характер, так как стал одним из краеугольных камней общей концепции региональной истории периода Гражданской войны и «военного коммунизма».

М. З. Бор дал сравнительно детальную характеристику событий в Мордовии в 1917 г., заключив, что решающую и ведущую роль во всей аграрной борьбе деревни Мордовии в марте — октябре 1917 г. сыграла русская деревня [Там же, л. 29]. Развивая положения Т. Е. Купряшкина и В. И. Самаркина, исследователь привел дополнительные материалы по поводу форм установления советской власти в Мордовии. Он дал характеристику реализации Декрета о земле в крае. Первым в региональной историографии ученый показал споры по поводу Брестского мира и позицию крестьянства, ее совпадение с позицией большевиков. М. З. Бор привел факты обострения продовольственного вопроса весной — летом 1918 г.: «Предкомбедовская деревня горела в огне ожесточенной классовой борьбы из-за земли, из-за хлеба — тех самых основных вопросов, которые и были решены комитетами бедноты» [Там же, л. 60]. Исследователь детально охарактеризовал комбедовское строительство в Мордовии, взаимоотношения комбедов с Советами, осветил их социальный состав, способы и причины организации, решаемые ими задачи, отметив широкий спектр комбедовской деятельности: борьба за хлеб и проведение продразверстки, организация коммун и артелей, раскулачивание, работа по изгнанию кулака из Советов, борьба с контрреволюционными выступлениями и т. п.

Значение работ М. З. Бора в исследовании проблем революции и Гражданской войны в Мордовии чрезвычайно велико. Он первым создал подлинно научную работу, ввел в оборот огромный пласт материалов, увязав с фактологией некоторые гипотезы предшественников. Исследователь осмыслил первые годы советской власти в регионе концептуально, сформулировав многие положения общей концепции региональной истории, сложившейся к концу 1950-х — началу 1960-х гг.

В 1950 г. к 20-летию МАССР вышел в свет юбилейный сборник «Советская Мордовия», в котором центральное место занимал историко-географический очерк о республике, написанный *И. Д. Ворониным, М. В. Дорожкиным и К. А. Котковым* [131, с. 23 — 153]. Определенное место авторы отвели описанию событий револю-

ции 1917 г. и Гражданской войны, которое фактически явилось обобщением достижений историографии 1930 — 1940-х гг. Они высказали мысль о том, что основной вопрос социалистической революции — вопрос о взятии власти пролетариатом и беднейшим крестьянством и в городе и в деревне был решен в Мордовии к марту 1918 г. Однако, по их мнению, взятием власти борьба с силами контрреволюции не была завершена. В конце мая 1918 г. «южные и восточные районы Мордовии оказались вблизи арены боев частей Красной Армии с чехословацкими мятежниками... Выступление чехословаков активизировало борьбу кулаков против советской власти» [Там же, с. 123]. Авторы кратко описали события 1919 г., для которых были характерны кулацкие, по их терминологии, выступления и партийные мобилизации на фронт. Ученые констатировали борьбу с казачьим выступлением под руководством Ф. К. Миронова. События 1920 г. в юбилейном очерке не анализировались. В то же время следует отметить и некоторые недочеты книги. Так, авторы указывали, что приезд представителя ЦК РСДРП(б) в г. Саранск и последовавшие затем события относятся к 7 — 8 ноября 1917 г., в то время как это происходило на целый месяц позже.

Перелом в изучении истории революции и Гражданской войны в Мордовии произошел в середине 1950-х гг. В то время вышел ряд работ (И. А. Васькина, М. В. Дорожкина, И. М. Корсакова, М. И. Романова и др.), в которых вопросы установления советской власти в крае, Гражданской войны и «военного коммунизма» впервые получили комплексное и специальное освещение.

В 1956 г. увидела свет монография *И. А. Васькина* «Национальное возрождение мордовского народа», практически одновременно вышли его статьи о революции 1917 г. [20 — 22] Подчеркивая значимость этих работ, известный советский историк Е. Н. Городецкий отмечал, что их несомненным достоинством являлась «тема единства борьбы народных масс на окраинах с революционной борьбой рабочего класса в центре страны» [36, с. 24]. Касаясь Гражданской войны и «военного коммунизма», автор повторил практически все существовавшие наработки региональной историографии и в этом смысле его работы созвучны положениям юбилейного сборника «Советская Мордовия» (1950 г.). Однако позднее он поставил проблему возникновения и деятельности большевистских групп в советских органах, взаимоотношения местных организаций РКП(б) и Советов, что имело существенное значение [19].

Работы И. А. Васькина не лишены и серьезных недостатков. В частности, освещая революционные события 1917 г., он делает акцент на массовых стихийных выступлениях крестьян [20, с. 26], в то время как революционное движение в крае в значительной мере носило организованный характер. Работа содержит большое количество бездоказательных утверждений. Так, ничем не были подтверждены данные об образовании в сентябре 1917 г. первой большевистской ячейки в Рузаевке, и в декабре 1917 г. — в Саранске. По мнению А. Е. Захаркиной, «автор не использовал крупнейший фактический материал, хранящийся в архивах. Поэтому читателю трудно уяснить из этой книги, в чем же конкретно заключается советское строительство... какое участие трудящиеся массы принимали в организации и укреплении органов Советской власти на местах, как из года в год возрастала их активность на выборах, как вовлекались в советское строительство женщины вообще, женщины-нацменки — в особенности, как укрепление органов Советской власти на местах способствовало оживлению хозяйственной и культурной жизни Мордовии» [62, с. 235].

Многие положения носили декларативный характер, были скорее идеологическими постулатами, чем научно доказанной истиной. Не случайно в рецензии на книгу А. Е. Захаркина указала на небрежность и поверхностность выводов автора [Там же, с. 241].

В 1950-е гг. вопросы установления советской власти в Мордовии серьезно исследовались *М. В. Дорожкиным*, который в 1955 г. в Академии общественных наук при ЦК КПСС защитил по данной проблематике кандидатскую диссертацию [41]. В 1957 г. он издал монографию по истории первого года советской власти в регионе, следом — ряд статей [42, 43].

М. В. Дорожкин в своих работах показал как местные органы буржуазной власти, сменялись советскими, поднял вопросы образования комбедов и их роли в борьбе за укрепление советской власти на селе. Исследователь осветил и начавшийся процесс роста общественно-политической активности трудящихся. Он отметил ее нарастание в 1918 г. в ходе борьбы против контрреволюции. Важен вывод о росте организованности и сплоченности бедняцких слоев деревни Мордовии, повышении сознательности крестьянства в самом широком смысле этого слова.

Работы М. В. Дорожкина были хорошо встречены научной общественностью. Оценивая, в частности монографию, профессор В. Н. Бочкарев писал: «В книге на большом, хорошо подобранном материале с четких позиций марксистско-ленинской методологии весьма полно и последовательно прослеживается борьба трудящихся Мордовии за победу и упрочение Советской власти. В работе широко показывается руководящая роль ЦК большевистской партии, ее комитетов на местах, а также помощь рабочих промышленных районов в борьбе трудящихся за победу социалистической революции в Мордовии» [107, с. 126]. Высоко оценили монографию Н. Н. Молин и И. Д. Воронин [110]. Очень пафосную, в духе идеологических клише середины 1950-х гг., характеристику дал Г. Я. Меркушкин: «М. В. Дорожкин на основе анализа документов приходит к глубоким обобщениям. В книге ярко показано, что Октябрьская социалистическая революция принесла счастье и мордовскому народу. Она навсегда раскрепостила трудящиеся массы Мордовии от невыносимой эксплуатации помещиков и капиталистов и от тяжелого национального гнета. Эти великие завоевания были одержаны рабочими и крестьянами Мордовии благодаря тому, что в своей борьбе они получили огромную помощь от рабочих Москвы, Петрограда и других промышленных центров, благодаря тому, что их борьбу против эксплуататорских классов возглавляла Коммунистическая партия» [107, с. 126].

Однако с современных позиций работы М. В. Дорожкина представляются не лишеными недостатков. Они излишне идеологизированы даже с позиций середины 1950-х гг. Кроме того, характеризуя события первых месяцев советской власти, автор опирался лишь на материалы по Саранскому, Темниковскому и Ардатовскому уездам. В монографии допущены неточности в освещении некоторых исторических фактов, деятельности отдельных лиц [104].

Проблемы Гражданской войны и «военного коммунизма» детально исследуются в монографии *И. М. Корсакова* и *М. И. Романова*, которая стала первым специальным трудом, посвященным этому периоду в истории Мордовии [86]. В качестве его положительной стороны следует рассматривать связь излагаемого материала с общей историей страны. Принимая периодизацию Гражданской войны по походам Антанты, авторы в то же время не забыли осветить и события 1918 г., связанные с началом войны. Они впервые обратились к изучению достаточно специфичных про-

блем, ранее даже не поднимавшихся в региональной историографии. Например, привели факты о деятельности чрезвычайных комиссий и применяемых ими мерах по подавлению антибольшевистских выступлений, отметили участие офицеров старой армии в мобилизации и обучении новобранцев и т. п. Авторы на основе большого документального материала впервые осветили деятельность государственных и военных органов по формированию и пополнению частей и подразделений 1-й армии Восточного фронта, описали их участие в военных действиях лета и осени 1918 г. По мнению В. К. Абрамова, «эта книга стала значительным вкладом в историографию Гражданской войны в Поволжье и до настоящего времени не потеряла своего научного значения» [3, с. 7].

Материал был изложен И. М. Корсаковым и М. И. Романовым в соответствии с общей историей страны, что имело свои преимущества и недостатки. В частности, им не удалось поставить проблему региональной специфики, вариаций политики «военного коммунизма». По мнению Г. Я. Меркушкина, «слабым местом в работе является то, что в ней не получила широкого освещения деятельность местных партийных организаций в мобилизации масс на борьбу с внутренней контрреволюцией; совершенно не уделено внимания вопросам советского строительства в годы гражданской войны» [107, с. 128]. С подобной оценкой можно соглашаться, а можно и не соглашаться, поскольку авторы наметили проблематику и деятельности организаций РКП(б), и советского строительства, и т. п. Однако не был решен вопрос о специфике края, преломлении общероссийских тенденций в реалиях Мордовии. Кроме того, ученые мало внимания уделили социально-экономическому развитию региона, буквально штрихами показали события 1919 — 1920 гг.

В 1957 и 1959 гг. НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР совместно с Центральным государственным архивом МАССР подготовили и издали два сборника документов и материалов, посвященных установлению советской власти и Гражданской войне [111, 142]. Сборники были составлены А. Е. Захаркиной, С. С. Ивашкиным, И. М. Корсаковым, К. А. Котковым и И. И. Фирстовым. Документы в них были расположены по разделам, соответствующим основным этапам развития страны в первые годы советской власти. При систематизации материалов составители применили проблемно-хронологический принцип. В 1960 г. увидел свет сборник документов о возникновении и деятельности коммунистических партийных организаций в Мордовии [26]. Практически одновременно на базе НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР был составлен и вышел в свет сборник воспоминаний активных участников Октябрьской революции и Гражданской войны [61]. Его составителями стали М. Ф. Жиганов, Т. В. Попков, М. Н. Шатунов, Н. Я. Швечков, В. И. Лопатова. В ходе работы были записаны воспоминания 85 человек, однако опубликованы были только 20 мемуарных работ (два воспоминания участников борьбы за советскую власть в Петрограде и Москве, 18 — участников борьбы за советскую власть в Мордовии). Работа над сборниками документов и материалов, воспоминаний существенно расширила источниковую базу исследований Октябрьской революции и Гражданской войны в регионе, позволила ввести в научный оборот ранее не известные документы.

Выход в свет комплексных специальных работ позволил, с одной стороны, подготовить на достаточно высоком уровне соответствующие разделы обобщающих академических исследований, а с другой — приступить к углубленному изучению

частных вопросов: экономическая политика периода Гражданской войны, история советского и партийного строительства, деятельность военного аппарата и т. п. Сложилось направление исследовательской деятельности, которые существовали вплоть до середины 1980-х гг. Немало этому способствовал выход работ общероссийского значения *И. И. Минца, Ю. С. Кукушкина, Е. Г. Гимпельсона, В. В. Гришаева, Б. М. Морозова* и др., которые содержали не только оценки происходивших в стране в годы Гражданской войны событий, но и факты по истории Мордовии [25, 33, 34, 36, 37, 92, 93, 102, 109, 112, 113, 129, 132, 133]. Последние чаще всего вписывались в общую концепцию исследований и служили подтверждением высказанных авторами идей. Особо следует отметить работу *А. П. Ненарокова* о создании Восточного фронта и боевых действиях в 1918 г. [116] Исследователь обратил внимание на ситуацию, сложившуюся и в ближайшем тылу фронта, в частности в Мордовии.

В 1958 г. была создана поволжская секция Научного совета по комплексной программе «История Великой Октябрьской социалистической революции» (руководитель в 1958 — 1982 гг. — профессор *Е. И. Медведев*, с 1982 г. — профессор *И. М. Ионенко*). Именно ее деятельность позволила подготовить и издать обобщающие работы по истории Гражданской войны в регионе [105, 106]. Среди исследований по истории Среднего Поволжья заметно выделялись работы по истории крестьянства (*А. Л. Литвин*), советского строительства (*Н. С. Захаров, Д. А. Палагин, В. Б. Убушаев, Г. А. Герасименко, Д. С. Точеный* и др.) [32, 63, 103, 122, 135, 141].

В 1960-е — начале 1980-х гг. вышел в свет ряд обобщающих работ по истории Мордовии, основные концептуальные положения которых основывались на достижениях историографии конца 1950-х гг. [72 — 74, 119 — 121, 123, 124]. Они закрепили оценки событий в регионе периода Гражданской войны и «военного коммунизма», канонизировали тематику, оставив за ее рамками ряд весьма важных проблем.

В начале 1960-х гг. к осмыслению истории первых лет советской власти в Мордовии, эпохе Гражданской войны и «военного коммунизма», их места в развитии региона обратился *М. Ф. Жиганов*. В 1963 г. он подготовил и опубликовал брошюру «М. И. Калинин в Мордовии», в которой впервые проанализировал деятельность агитационного поезда «Октябрьская Революция» на территории мордовского края в 1919 г. Он дал характеристику графику работы агитпоезда в крае, детально расписав время и место остановок; попытался выявить формы работы и их воздействие на крестьян. Уже в этой брошюре наметилась черта, которая будет характерной для творчества исследователя — показ сложных исторических явлений через события жизни и деятельности конкретного человека, в данном случае государственного деятеля российского масштаба. Оценивая роль М. И. Калинина в стабилизации ситуации в уездах Мордовии в 1919 г., М. Ф. Жиганов писал: «М. И. Калинин в своей простой и душевной беседе с крестьянами разъяснил им главные трудности, с которыми встретилось Советское государство, необходимость проведения таких мер, как хлебная монополия государства, чрезвычайный налог, беспощадная борьба с дезертирством и т. д. Он ответил на многочисленные вопросы крестьян и там же на месте разобрал ряд их жалоб. Беседы М. И. Калинина с крестьянами — это живой, непринужденный, деловой разговор по наиболее важным, злободневным вопросам» [59, с. 241].

Затем вышла книга М. Ф. Жиганова «Посланцы В. И. Ленина в Мордовии (1917 — 1919 гг.)», которая несколько раз переиздавалась [58, 59]. Второе издание моногра-

фии рецензенты оценили как «результат большой и напряженной работы ученого» [144, с. 3]. В современных условиях об этих работах как-то не принято говорить, между тем это ошибочно. Их историографическое значение достаточно велико (по крайней мере, гораздо выше разрозненных и освещающих частные проблемы статей И. А. Ефимова, которого в последнее время пытаются представить ведущим специалистом по истории Гражданской войны в регионе). Их выход в свет серьезно стимулировал развитие исследований по проблемам Гражданской войны и «военного коммунизма».

М. Ф. Жиганов предпринял весьма удачную попытку увязать события в уездах Мордовии с событиями в центре и на фронтах. В первом случае революционные процессы в крае у него представлялись как своеобразный отклик на события в столице. Подобный концептуальный подход оправдывал себя, поскольку увязывал региональную историю с общероссийской. При этом события, связанные с установлением советской власти и реализацией первых ее декретов в Мордовии, оказывались составной частью российского исторического процесса. По его словам, «события Великой Октябрьской социалистической революции вовлекли в активную политическую жизнь широкие слои трудящихся масс» [58, с. 48]. Кроме того, предлагаемый подход соответствовал историографической ситуации 1970 — 1980-х гг. и находился в русле исследовательских наработок многих историков центра и регионов. Во втором случае реально доказывалось положение о связи фронта и тыла. Причем М. Ф. Жиганов достаточно убедительно показал, что история Мордовии дважды теснейшим образом оказывалась увязанной с боевыми действиями. Первый раз, летом и осенью 1918 г., когда регион выступал как ближайший тыл Восточного фронта, а в уездах Мордовии формировались части 1-й армии под командованием М. Н. Тухачевского. Второй раз, в 1919 г., в условиях наступления А. В. Колчака и следом рейда конницы К. К. Мамонтова и А. Г. Шкуро по тылам Южного фронта.

Стоит выделить анализ М. Ф. Жигановым продовольственной проблемы в 1918 г. По его словам, в то время «хлеб пах порохом». Автор оценивает деятельность продотрядов на территории Мордовии, характеризует место комбедов, пишет о реакции крестьянства на действия властей. При этом следует учитывать то, что это писалось в условиях определенного идеологического климата и подавалось в соответствующей историографической ситуации терминологии. Однако если отвести неизбежную в условиях того времени идеологическую шелуху, то в работах М. Ф. Жиганова по истории первых лет советской власти можно найти немало ценного, не потерявшего значения до настоящего времени. Например, это единственный отечественный историк, который детально проанализировал деятельность мобилизационного отдела 1-й армии Восточного фронта, функционировавшего в Саранске в 1918 — 1919 гг. Материалы о деятельности моботдела были извлечены им из архива Института истории партии при МК—МГК КПСС, где хранились личные документы бывшего председателя мобилизационного отдела Ш. Н. Ибрагимова.

В работе над историей первых лет советской власти М. Ф. Жиганов проявил себя как блестящий мастер исторического портрета. Он пытался, как уже отмечалось выше, передать события тех лет через призму истории конкретных людей, многих из которых он фактически открывал. Среди нарисованных им портретов М. Н. Тухачевский, Г. Д. Гай, Ш. Н. Ибрагимов и многие другие. Особо надо отметить осмысление исследователем судеб выходцев из среды мордовского крестьянства, которые

связали жизнь с партией и революционным движением (М. П. Баклайкин, братья Герасимовы, Д. И. Маринин, И. Х. Бодякшин и др.).

В начале 1960-е гг. сложилось одно из основных направлений исследования общественно-политической жизни Мордовии в годы Гражданской войны — изучение возникновения и деятельности социально-политических институтов и организаций, посредством которых осуществлялось вовлечение крестьянства в общественно-политическую жизнь.

Одним из главных аспектов здесь было рассмотрение деятельности местных партийных организаций по подъему политической активности трудящегося населения. Различные аспекты данной проблемы осветили *И. М. Корсаков, И. А. Ефимов, И. А. Юрин* [44, 49, 84, 146] и др. Деятельность местных партийных организаций в деревне была раскрыта ими довольно обстоятельно, на большом фактическом материале. Развивая тему о роли и месте большевистских организаций в жизни региона, исследователи рассмотрели методы их работы. В этом направлении интересны публикации И. А. Васькина, И. А. Юрина, *Е. Ф. Кривошеиной*. Всеми исследователями отмечалось большое влияние рабочих-большевиков центральных регионов страны на ситуацию на местах. И. А. Васькин указывал на отсутствие ячеек РКП(б) в Мордовии до октября 1917 г., а создание большевистских организаций полностью перекладывал на рабочих-большевиков из центра [19]. Такое положение, по его мнению, сложилось в связи с отсталостью региона, отсутствием наиболее политически активной массы населения — пролетариата — и сильных позиций эсеровской партии. И. А. Васькин считал временем возникновения большевистских фракций в Советах февраль — март 1918 г., фактически отождествляя группы революционно настроенных членов Советов с большевиками. При этом игнорировался тот факт, что депутаты не состояли в партии большевиков, были слабо подкованы теоретически, не были организованы. В этом же ключе написаны статьи И. А. Юрина, отметившего, что наиболее распространенными и эффективными среди методов работы большевиков были агитация и пропаганда [85, 147 — 149]. Е. Ф. Кривошеина указывала на особую роль коммунистов 1-й армии Восточного фронта в деятельности партийных и советских органов Мордовии [90].

Не менее важным стало изучение роли местных органов власти в годы Гражданской войны и «военного коммунизма». Исследователи поднимают вопросы о партийном составе исполкомов Советов, съездах Советов и т. д. [45, 52, 134] Однако в ряде работ имеются и недостатки. Так, *В. А. Тихов* чрезмерное внимание уделял юридической стороне дела, анализу Конституции РСФСР, декретов советской власти, что придало исследованию историко-правовой характер. Представляются спорными и некоторые положения И. А. Ефимова. В частности, характеризуя советское строительство в уездах Мордовии в первый год советской власти, он писал о наличии в истории местных Советов переходного периода (апрель — июнь 1918 г.), когда они «постепенно сосредоточивали в своих руках и исполнительные функции» [52, с. 129]. Автор объяснял наличие этого хронологического этапа тем, что «Советы в то время окончательно не вошли еще в сознание широких крестьянских масс». Далее следовало утверждение о том, что Советы «не могли взять управление в свои руки в силу их слабой подготовленности к управлению и хозяйствованию всей жизнью уезда» [Там же, с. 128]. Придерживаясь данной точки зрения, ученый фактически отрицал наличие у Советов всей полноты власти до июня 1918 г. Он противоречил собствен-

ному утверждению о процессе установления советской власти: «К марту 1918 г. она установилась и в Мордовии» [Там же, с. 121]. Слабо доказательны и утверждения о незначительном распространении идеи Советов в среде крестьянства.

Работы **И. А. Ефимова** заметно выделялись в региональной историографии 1960-х гг. [51 — 54, 56] Он изучил влияние военных действий на жизнь региона, осветил деятельность партийного руководства, связанную с особым положением Мордовии как прифронтовой зоны Восточного фронта. Отметил активную работу местных органов власти по мобилизации в ряды Красной армии; отсутствие на первых порах достаточного количества военных, профессионально образованных кадров и привлечение бывших офицеров армии для обучения и руководства созданными частями. Он показал роль большевистских организаций в деревне, воплощавших политику партии на местах через руководство комбедами, продотрядами, а затем Советами, их активное участие во всех сторонах общественной жизни той эпохи. В 1970-е гг. И. А. Ефимов продолжил изыскания относительно роли, места и значения большевистских организаций в регионе [47 — 50, 55]. Как и прежде, он выдвигал тезис о ведущей роли большевистской партии во всех вопросах экономической и политической жизни. Анализируя восприятие крестьянством идей большевистской партии, исследователь отметил высокий уровень сознания крестьянства. Что касается анализа антиправительственных выступлений, то он считал их либо кулацкими, либо спланированными белогвардейцами, при этом данные о классовом составе восставших не публиковались.

Следует отметить, что наряду с серьезными аналитическими материалами И. А. Ефимов опубликовал ряд идеологизированных работ, историографическое значение которых невелико. Примером может служить учебное пособие по историографии аграрного строя Поволжья накануне 1917 г., содержание которого охватывало практически всю первую четверть XX в. [46] Даже написанное в условиях идеологического плюрализма и отсутствия жесткого партийного диктата, оно было построено как цитатник, в котором одно ленинское высказывание продолжало другое. Нам пришлось рецензировать рукопись книги и указывать на необходимость доказывать положения не цитатами из работ В. И. Ленина, а фактическим материалом, однако высказанные замечания не были учтены автором.

Отличительной чертой 1960-х — первой половины 1980-х гг. в историографии Гражданской войны и «военного коммунизма» в Мордовии стал интерес к экономическим вопросам, особенно к развитию сельского хозяйства. Подобные сюжеты встречались уже в монографии **С. С. Ивашкина** [69]. Однако они составляли лишь своеобразную прамбулу к освещению последующих этапов региональной истории. Первым годам советской власти как начальному этапу образования первых коллективных и советских хозяйств уделил большое внимание **М. В. Агеев** [4, 5]. Он охарактеризовал процесс осереднячивания деревни Мордовии в ходе реализации первых аграрных декретов советской власти. Одновременно исследователь отметил, что продовольственная диктатура способствовала значительному понижению производительности крестьянских хозяйств и нередко временному переходу среднего крестьянства на сторону кулачества. Явная заслуга автора — изучение коммун и ТОЗов, их состава и степени распространения в Мордовии в первые годы советской власти. Практически одновременно к исследованию аграрной политики периода Гражданской войны и «военного коммунизма» обратился **Е. А. Зиновьев**. Он опубликовал ряд

работ о земельном вопросе [64 — 66]. В них отмечалось, что ликвидация помещичьего землевладения в крае носила организованный характер и не встретила сопротивления. В основном этот процесс, по его мнению, завершился здесь к весне 1918 г., и начались распределение земли между крестьянством, а также создание первых коллективных хозяйств.

Разработку аграрных вопросов «военного коммунизма» продолжили в первой половине 1980-х гг. **В. К. Абрамов** и **А. П. Лебедев**. Исследования В. К. Абрамова посвящены анализу взаимоотношений крестьянства с различными политическими и государственными структурами [1, 2]. Большое внимание автор уделил национальному вопросу. Он отметил, что в начале призывной кампании мордовский народ в большей степени шел добровольно в ряды Красной армии, однако переход к всеобщей мобилизации был трудным. В решении этой проблемы, по мнению автора, особую роль сыграла агитационная и пропагандистская деятельность большевиков в поддержку армии. Работы А. П. Лебедева в основном посвящены более позднему хронологическому периоду, однако 1918 — 1920 гг. также отражены в его исследованиях [100, 101]. В центре его интересов был процесс совхозного строительства, начальный этап которого в мордовском крае он датировал 1918 г. Исследователь охарактеризовал социальный состав работников совхозов того времени, руководящие кадры, отметил характер земель, выделенных под советские хозяйства.

Заслугой историков 1970-х гг. явилось специальное изучение проблем культуры первых лет советской власти, связанное с работами **В. С. Ивашкина** [6, 7, 8]. Ученый рассмотрел довольно сложные отношения интеллигенции с большевиками, первым указал случаи эмиграции, проанализировал вовлечение «старой» интеллигенции в социалистическое строительство. Однако основное внимание он уделил началу процесса формирования интеллигенции из рабочих и крестьян.

Переходный этап к современному состоянию исторической науки в регионе связан с работой над многотомной «*Историей крестьянства Мордовии*» (середина 1980-х гг.), создаваемой на базе НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. В 1987 г. увидела свет первая часть исследования, охватывающая 1917 — 1937 гг. [75]. Разделы, связанные с крестьянством в годы Гражданской войны, были написаны И. А. Ефимовым, а характеризующие процесс установления советской власти и общественно-политическую активность крестьянства — В. А. Юрченковым. Работа носила переходный характер. С одной стороны, она вобрала в себя все достижения развития региональной историографии, как бы подытожила ее, а с другой — наметила новые подходы, выявила узкие места в региональной историографии. Кроме того, подготовка и издание в 1987 г. обобщающей работы по истории крестьянства Мордовии вызвали в печати дискуссии по отдельным вопросам истории Мордовии первых лет советской власти. В 1987 г. в свет вышел сборник статей «Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии», на страницах которого были опубликованы работы **В. А. Юрченкова** и **В. А. Балашова** [11, 169]. В. А. Балашов указывал на постоянное двоевластие на селе: вначале это были Советы и поземельные общества, затем Советы и комбеды. В статье отмечалось отсутствие политической активности крестьян. В. А. Юрченков к освещению процессов, происходивших на селе в то время, подошел с несколько иных позиций. Он отметил высокий уровень активности крестьянства и опроверг высказывания об экономической и политической отсталости региона. На большом фактологическом материале он опро-

вергнул и положение о кулацком составе съездов и Советов первых созывов, указав на их, скорее, середняцкий состав. Главные причины повышения активности масс в 1919 г. ученый увидел не в широкой пропагандистской деятельности партийных работников, а в сознании реальной опасности для крестьянства возврата к прежнему состоянию в условиях разгоревшейся Гражданской войны. В связи с вышеизложенным представляется ошибочной негативная оценка «Истории советского крестьянства Мордовии», высказанная В. К. Абрамовым [3, с. 10].

Историографический период середины 1980-х — начала 1990-х гг. характеризуется введением в научный оборот ранее не доступных исследователям архивных материалов, что привело к переоценке некоторых устоявшихся мнений. Кроме того, наблюдались дальнейшее углубление проблематики исследований и появление ряда специальных работ по ранее не разрабатываемым темам. Подтверждением тому могут служить исследования **В. А. Юрченкова** об органах государственной власти и их функционировании [159, 169, 173]. В работах отражено реальное соотношение сил большевиков и эсеров в Советах; проанализированы основные вопросы, которые решались на уездных и волостных съездах Советов; охарактеризованы способы участия крестьянства в работе съездов; впервые затронуты проблемы общественной психологии крестьянства, его реакции на мероприятия правительства. Автор предпринял попытку впервые осмыслить ранее даже не поднимаемые в региональной историографии темы. В частности, рассматривалась проблема чрезвычайных органов советской власти в период упрочения пролетарской диктатуры и Гражданской войны [175]. Он подчеркнул временный характер созданных в уездах Мордовии чрезвычайных органов, различия их полномочий. В работе был дан анализ деятельности и развития каждого из чрезвычайных органов, а также указаны время и причины, повлиявшие на их упразднение. Работа интересна и тем, что впервые были проанализированы данные о деятельности УЧК. Достаточно детально В. А. Юрченков исследовал проблему социально-экономического развития региона. Он одним из первых обратился к анализу социального облика рабочего класса, показав процесс его деклассирования, остановился на проблеме гегемонии пролетариата в революции в крае [166, 167].

Последнее десятилетие XX в. характеризуется дальнейшим пересмотром взглядов на традиционно освещаемые вопросы и углублением изучения новых перспективных тем. Среди исследований последних лет заметное место заняла монография **В. К. Абрамова**, посвященная развитию мордовского народа в конце XIX — первой трети XX в. [3]. При анализе периода Гражданской войны и «военного коммунизма» автор достаточно детально проанализировал основные составляющие этой политики, большое внимание уделил продрозверстке и деятельности продотрядов в крае, впервые дал оценку фактам трудовой повинности и т. д. Особое внимание В. К. Абрамов уделил крестьянским выступлениям, которые он трактует как закономерную реакцию на действия власти. Вновь выявленный материал позволил ему пересмотреть некоторые прежние выводы. Так, в свое время он высказывал мысль об улучшении в целом экономического положения мордовского крестьянства в годы Гражданской войны и «военного коммунизма» [1, с. 18]. В последнем исследовании говорится об изменении социально-экономической структуры крестьянства, его экономическом нивелировании и натурализации жизни. Заметно снизила историографическую значимость монографии этноориентированность автора. Так, он оперирует понятием

«мордовский край», включая в него губернии Поволжья и Центрально-Черноземного района с компактным проживанием мордвы. В результате, например, такие крестьянские движения, как «антоновщина» в Тамбовской губернии, «Армия Правды» в Самарской губернии, превращались в мордовские крестьянские движения. Подобный подход был подвергнут резкой, но справедливой критике со стороны специалистов [81, с. 35]. По мнению Ю. Ф. Кожурина, В. К. Абрамов попытался использовать возникшие в 1990-е гг. методологические проблемы для культивации апологетики, предлагая учинить суд над историческим прошлым. В этом контексте появились хлесткие, порой нелюбезные определения советской социокультурной системы [78, с. 314].

В историографии последних лет наблюдается значительный пересмотр отношения к вооруженным восстаниям против советской власти и политики партии. Одной из первых работ в этом направлении стала статья И. А. Ефимова [57], который значительно изменил свое отношение к восстанию Ф. К. Миронова. Это позволили ему сделать появившиеся новые источники. Ученый отметил, что характер выступления был далеко не антиправительственным, а направленным лишь против политики «военного коммунизма», ее методов и злоупотреблений.

С. В. Рогачев предпринял попытку пересмотреть отношение к «чапанному восстанию», отметив накал социально-политической обстановки в деревне весной 1919 г., обусловленный действиями продотрядов и комбедов [127]. Он подробно описал ход восстания в Мордовии. Автор сделал вывод о том, что зажиточное крестьянство не являлось основной движущей силой восстания, а было лишь его инициатором. Интересные моменты политической истории были затронуты **Л. В. Баркиной** [13]. В работах освещены причины масштабных социально-политических потрясений. Автор предлагает отказаться от традиционного деления воюющих сторон на «красных» и «белых» и рассмотреть историю крестьянских выступлений как самостоятельную тему.

Существенный вклад в разработку проблем крестьянского движения в годы Гражданской войны внесли исследования **В. В. Кондрашина**, основанные на историческом опыте Поволжья [79 — 82]. Он представляет крестьянское движение самостоятельным, органическим, закономерным явлением российской действительности, обусловленным комплексом объективных и субъективных причин. В трактовке ученого ни связаны с главным фактом отечественной истории начала XX в. — революционными потрясениями, в основе которых была Крестьянская революция как реакция крестьянской страны на неспособность власти решить аграрный вопрос в интересах подавляющего большинства сельских тружеников. В. В. Кондрашин убедительно показывает, что крестьянское движение не было бессмысленным мужицким бунтом. В ходе трех российских революций и начавшейся Гражданской войны четко обозначилась программа Крестьянской революции — борьба за «черный передел» всей земли сельскохозяйственного назначения на уравнильно-трудовых принципах и борьба против государства за право свободной хозяйственной деятельности на этой земле. Им были осмыслены лозунги и программные документы крестьянского движения в Поволжье, отношение крестьян к мобилизациям в Красную армию, охарактеризованы основные крестьянские восстания и т. д. Весьма ценной является составленная исследователем хроника крестьянского движения в Поволжье в 1918 — 1922 гг.

В. В. Кондрашин сделал принципиально важный вывод о том, что, по сути дела, вся история крестьянского движения в рассматриваемый период — это отстаивание крестьянами своего варианта развития сельского хозяйства перед натиском государственной власти, в силу объективных и субъективных факторов ставившей деревню в крайне тяжелые условия, несправедливые с точки зрения крестьянских интересов. Он подтверждает уже существовавший в историографии вывод об обусловленности крестьянского движения в годы Гражданской войны «военно-коммунистической политикой» советского государства. Однако, давая развернутую характеристику ее осуществления в регионе, он делает вывод об ответственности центрального руководства за ее результаты. На взгляд ученого, именно в Поволжье впервые в полной мере проявились ограниченность и неэффективность данной политики как единственного средства решения продовольственной проблемы и других задач, связанных с ведением войны.

Этапной в изучении истории антисоветских выступлений на территории Мордовии стала коллективная монография «*От ВЧК до ФСБ*» [117]. Раздел о первых годах советской власти в ней был написан В. А. Юрченковым, который дал детальную характеристику процессу возникновения чрезвычайных комиссий в уездах Мордовии и их деятельности в годы Гражданской войны. Он оценил взаимоотношения органов ЧК и местных Советов, отметив возникший уже в конце 1918 г. серьезный конфликт, который привел к ликвидации УЧК и передаче их функций политическим отделам милиции. Ученый детально охарактеризовал основные крестьянские выступления в крае (в Яковщине, Ладе и Пятине, Большом Азясе, «чапанное движение» и т. д.). Монография интересна тем, что текст сочетается с публикацией документов, которые ранее находились в закрытом архивном фонде.

Одними из новых направлений в изучении Гражданской войны и «военного коммунизма» в Мордовии стали последние исследования В. А. Юрченкова, который осветил проблемы психологии отдельных групп сельского населения на различных этапах развития истории первых лет советской власти [154, 157, 160 — 163, 172]. Он же рассмотрел психологические аспекты вскрытия мощей святых в первые годы советской власти, в частности Серафима Саровского в 1920 г.

Развитие историографии Гражданской войны и «военного коммунизма» позволило поставить проблему соотношения власти и общества в первые годы советской власти. Ее разработка связана с исследованиями *Л. А. Коханец*, предпринятыми в последние годы [87 — 89]. Автору удалось путем анализа региональных вариаций политики «военного коммунизма» определить содержание и характер взаимоотношений власти и общества в годы Гражданской войны.

Закономерным продолжением разработки данной тематики стали последние исследования В. А. Юрченкова о промышленном производстве в Мордовии в 1918 — 1920 гг., процессе национализации и управления промышленностью и т. п. Представляют интерес его работы о деятельности Советов по социально-экономическому развитию деревни, крестьянском хозяйстве в условиях «военного коммунизма», в которых рассмотрена скрытая реакция крестьянства на политику власти в виде сокращения посевных площадей и поголовья скота, ухудшения обработки почвы и т. п. [152, 156, 165].

В последнее время возник определенный интерес к истории образования мордовского края в годы Гражданской войны, связанный с работками *И. А. Фирсовой*

и *Г. А. Куршевой* [97 — 99, 145]. Ими исследованы изменения, происшедшие в системе образования края в первые годы советской власти, охарактеризован процесс отделения школы от церкви, проанализированы первые шаги по привлечению учительства на сторону большевиков и созданию «новой» интеллигенции. При этом их работы в чем-то дополнили уже имевшиеся достижения региональной историографии, а в чем-то опровергли.

Большую роль в разработке проблем истории Гражданской войны в Мордовии в последние годы сыграл Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), который в 2007 г. поддержал исследования, связанные с введением в научный оборот документов по «чапанному движению» [155], а также с общей оценкой развития региона в условиях «военного коммунизма» [171, 174].

Значимыми стали работы В. А. Юрченкова, связанные с рефлексией исторической науки, в которых дается анализ историографии Гражданской войны и «военного коммунизма» в Мордовии, в частности выявлена степень изученности данной проблематики, определены основные этапы развития как отечественной, так и зарубежной историографии, охарактеризованы основные подходы, показана роль того или иного исследователя [10, 12, 150, 151, 153, 158, 162, 164, 168].

Таким образом, в отечественной историографии существует серьезный задел в деле изучения истории Мордовии в годы Гражданской войны и «военного коммунизма». Однако говорить о детальной проработке темы не стоит, поскольку основная масса работ написана в определенной идеологической парадигме и сегодня необходима даже выверка приводимого в них фактического материала. Кроме того, настоящая архивная революция 1990-х гг. и введение в научный оборот исследований зарубежных авторов создали принципиально новую историографическую ситуацию, актуализировав многие, казалось уже разработанные, темы.

Литература и источники

1. **Абрамов В. К.** Крестьянство Мордовии в годы гражданской войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. К. Абрамов. Горький, 1982. 20 с.
2. **Абрамов В. К.** Крестьянство Мордовии и Красная Армия (1918 — 1920) / В. К. Абрамов // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период строительства социализма. Чебоксары, 1982.
3. **Абрамов В. К.** Мордовский народ (1897 — 1939) / В. К. Абрамов. Саранск, 1996.
4. **Агеев М. В.** Победа колхозного строя в Мордовской АССР / М. В. Агеев. Саранск, 1960.
5. **Агеев М. В.** Социалистическое преобразование сельского хозяйства Мордовской АССР / М. В. Агеев. Саранск, 1979.
6. **Алексеев В. Н.** Два года борьбы. Октябрь и гражданская война в Симбирской губернии / В. Н. Алексеев. Ульяновск, 1927.
7. **Андреев В.** Октябрьская революция и гражданская война в Тамбовской губернии / В. Андреев, С. Кулаев. Тамбов, 1927.
8. **Анишев А. И.** Очерки истории гражданской войны 1917 — 1920 гг. / А. И. Анишев. Л., 1925.
9. Антоновщина : сб. ст., очерков, воспоминаний и др. материалов к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии. Тамбов, 1923.
10. **Арсентьев Н. М.** Формирование и развитие рабочего класса Мордовии (историография проблемы) / Н. М. Арсентьев, Л. Г. Филатов, В. А. Юрченков // Из истории формирования и развития рабочего класса Мордовии : тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1989. Вып. 91.

11. **Балашов В. А.** Общественно-политическая жизнь советского доколхозного села / В. А. Балашов // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии : тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1987. Вып. 87.
12. **Балашов В. А.** Региональная история: проблемы и новые подходы / В. А. Балашов, В. А. Юрченков // Вестн. Мордов. ун-та. Саранск, 1991. № 4.
13. **Баркина Л. В.** Органы борьбы с контрреволюционными выступлениями в годы гражданской войны на территории Мордовии // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции : материалы IV Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 1999.
14. **Бор М. З.** Комитеты деревенской бедноты Мордовской АССР (июль 1918 — февраль 1919 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. З. Бор. М., 1954.
15. **Бор М. З.** Развитие социалистической промышленности Мордовской АССР / М. З. Бор. Саранск, 1941.
16. **Бош Е.** Встречи и беседы с Владимиром Ильичем / Е. Бош // Пролетарская революция. 1924. № 3 (26). С. 166 — 170.
17. **Васильев Д. И.** О задачах краеведения в области изучения истории мордвы вообще и истории колхозного движения МАССР в частности / Д. И. Васильев // Известия НИИМК. Саранск, 1935. Кн. 1.
18. **Васильев Т. В.** Мордовия / Т. В. Васильев. М., 1931.
19. **Васькин И. А.** К вопросу возникновения и деятельности большевистских организаций в Мордовии / И. А. Васькин // Учен. зап. Мордов. ун-та. Сер. обществ. наук. Саранск, 1966. № 52.
20. **Васькин И. А.** Национальное возрождение мордовского народа / И. А. Васькин. Саранск, 1956.
21. **Васькин И. А.** Октябрь в Мордовии / И. А. Васькин // Литератур. Мордовия. 1955. № 9 (13).
22. **Васькин И. А.** Октябрь в Мордовии / И. А. Васькин // Установление Советской власти на местах в 1917 — 1918 годах. М., 1959. Вып. 2.
23. **Верендякин В.** 5 лет Мордовской АССР и десять лет Мордовской Автономной Области / В. Верендякин // Зап. / НИИЯЛИ при СНК МАССР. Саранск, 1940. № 1.
24. **Вернер С. П.** Мироновонь мятежесь. 1919 иень гражданской войнань шкань художественной очерк / С. П. Вернер. Саранск, 1933.
25. **Виноградов Н. Н.** Фракции коммунистов в Советах (1918 — 1920 гг.) / Н. Н. Виноградов. М. : Мысль, 1969.
26. Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций Мордовии (1918 — 1920). Саранск, 1960.
27. Вопросник для собирания материалов по истории села — колхоза // Известия НИИМК. Саранск, 1935. Кн. 1.
28. **Гай Г. Д.** Боевые эпизоды / Г. Д. Гай // Молодая гвардия. 1935. Кн. 6.
29. **Гай Г. Д.** Борьба с чехословаками на Средней Волге / Г. Д. Гай. М. : Госвоениздат, 1931.
30. **Гай Г. Д.** Первый удар по Колчаку / Г. Д. Гай. М., 1926.
31. **Гай Г. Д.** Разгром IV корпуса Бакича / Г. Д. Гай // Война и революция. 1923. № 23.
32. **Герасименко Г. А.** Советы Поволжья в 1917 г. Борьба партий, большевизация Советов, октябрьские дни / Г. А. Герасименко, Д. С. Точеный. Саратов, 1977.
33. **Гимпельсон Е. Г.** Рабочий класс в управлении Советским государством (ноябрь 1917 — 1920 гг.). М. : Наука, 1982.
34. **Гимпельсон Е. Г.** Советы в годы интервенции и гражданской войны / Е. Г. Гимпельсон. М. : Наука, 1968.
35. **Городецкий Е. Н.** Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября / Е. Н. Городецкий. М., 1982.
36. **Городецкий Е. Н.** Рождение Советского государства. 1917 — 1918 гг. / Е. Н. Городецкий. М. : Наука, 1965.
37. **Гришаев В. В.** Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции / В. В. Гришаев. М. : Мысль, 1967.

38. **Гурьев Н. В.** Чапанная война / Н. В. Гурьев. Сызрань, 1924.
39. XX лет социалистического строительства в Мордовской Автономной Советской Социалистической Республике. 1917 — 1937 : цифровые материалы Госплана и управления народ.-хоз. учета МАССР. Саранск, 1937.
40. 10 лет Октября. Алатырь, 1927.
41. **Дорожкин М. В.** Победа социалистической революции на территории Мордовии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. В. Дорожкин. М., 1955.
42. **Дорожкин М. В.** Установление Советской власти в Мордовии / М. В. Дорожкин. Саранск, 1957.
43. **Дорожкин М. В.** Установление Советской власти в Мордовии / М. В. Дорожкин, И. И. Фирстов // Зап. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1958. Вып. 19. С. 36 — 85.
44. **Дорожкин М. В.** Деятельность КПСС по вовлечению нерусских народов Поволжья в государственное и культурное строительство в период гражданской войны и восстановления народного хозяйства / М. В. Дорожкин, И. А. Яшкин // Учен. зап. Горьков. пед. ин-та им. М. Горького. Горький, 1971. Вып. 127. Сер. обществ. наук.
45. **Егорова Л. С.** Местные Советы Мордовии в борьбе за ликвидацию неграмотности в первые годы Советской власти (1918 — 1920) / Л. С. Егорова. // В братской семье. Саранск, 1981.
46. **Ефимов И. А.** Аграрный строй Поволжья накануне 1918 года: историография, проблемы и методы исследования / И. А. Ефимов. Саранск, 1989.
47. **Ефимов И. А.** Борьба с белочехами на Средней Волге / И. А. Ефимов // Краеведение Мордовии. Саранск, 1973.
48. **Ефимов И. А.** Борьба с контрреволюционными выступлениями в Мордовии — прифронтовом тылу Красной Армии Восточного фронта весной 1919 г. / И. А. Ефимов // Вопросы истории и археологии Мордовской АССР. Саранск, 1972. Ч. 1.
49. **Ефимов И. А.** Деятельность партийных организаций Мордовии по выполнению решений VIII съезда РКП(б) / И. А. Ефимов // Исследования по истории МАССР : тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1971. Вып. 40.
50. **Ефимов И. А.** Из истории партийного строительства в средневожской деревне в первый год диктатуры пролетариата / И. А. Ефимов // Сельское хозяйство Среднего Поволжья в переходный период строительства социализма. Чебоксары, 1982.
51. **Ефимов И. А.** К вопросу возникновения и деятельности уездных военных комиссариатов Мордовии в годы гражданской войны (1918 — 1920) / И. А. Ефимов // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР : тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1966. Вып. 30.
52. **Ефимов И. А.** К истории советского и партийного строительства в Мордовии (ноябрь 1917 — сентябрь 1918 г.) / И. А. Ефимов // Тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1968. Вып. 34.
53. **Ефимов И. А.** Мордовия в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918 — лето 1919 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968
54. **Ефимов И. А.** Помощь трудящихся Мордовии в разгроме Колчака / И. А. Ефимов // Тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1969. Вып. 38.
55. **Ефимов И. А.** Развитие социалистической революции в деревне летом и осенью 1918 г.: По материалам уездов Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний, вошедших в состав Мордовской АССР / И. А. Ефимов // Вопросы истории и археологии Мордовской АССР. Саранск, 1976. Вып. 2.
56. **Ефимов И. А.** Роль Мордовии в создании Первой революционной армии Восточного фронта (1918 — 1919) / И. А. Ефимов // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции : тез. докл. Саранск, 1967.
57. **Ефимов И. А.** Саранская трагедия Ф. К. Миронова / И. А. Ефимов // На перекрестке мнений. Саранск, 1990.
58. **Жиганов М. Ф.** Бойцы ленинской гвардии / М. Ф. Жиганов. Саранск, 1988.

59. **Жиганов М. Ф.** Посланцы В. И. Ленина в Мордовии (1917 — 1919 гг.) / М. Ф. Жиганов. Саранск, 1978.
60. **Жиганов М. Ф.** Развитие исторической науки в Мордовии / М. Ф. Жиганов // В братской семье. Саранск, 1981.
61. За власть Советов : сб. воспоминаний участников борьбы за установление и укрепление Совет. власти в Мордов. АССР. Саранск, 1957.
62. **Захаркина А. Е.** О книге И. А. Васькина «Национальное возрождение мордовского народа» / А. Е. Захаркина // Зап. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1958. № 19. С. 235.
63. **Захаров Н. С.** Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата / Н. С. Захаров. Казань, 1977.
64. **Зиновьев Е. А.** Борьба трудящихся Мордовии за проведение в жизнь Ленинского декрета о земле (октябрь 1917 — февраль 1919) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Зиновьев. Саранск, 1964.
65. **Зиновьев Е. А.** Первые коллективные хозяйства в Мордовии / Е. А. Зиновьев // Литератур. Мордовия. 1961. № 25.
66. **Зиновьев Е. А.** Проведение в жизнь ленинского декрета о земле в Мордовии (1917 — 1918) / Е. А. Зиновьев // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции : тез. докл. Саранск, 1967.
67. **Ивашкин В. С.** К вопросу о вовлечении дореволюционной интеллигенции в социалистическое строительство / В. С. Ивашкин // Тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1968. Вып. 34.
68. **Ивашкин В. С.** Формирование советской интеллигенции в Мордовии (1917 — 1941) / В. С. Ивашкин. Саранск, 1972.
69. **Ивашкин С. С.** Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии / С. С. Ивашкин. Саранск, 1957.
70. **Илларионов И. И.** 15 лет борьбы за ленинскую национальную политику / И. И. Илларионов. Самара, 1932.
71. Историк-марксист. 1941. № 1.
72. История Мордовской АССР с древнейших времен до наших дней. Саранск, 1984.
73. История Мордовской АССР. Саранск, 1976. Ч. 2.
74. История Мордовской АССР : в 2 т. Т. 2. 1917 — 1981. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981.
75. История советского крестьянства Мордовии. Саранск, 1987. Ч. 1.
76. **Какурин Н. Е.** Как сражалась революция / Н. Е. Какурин. М. ; Л., 1926. Т. 2.
77. **Кирюхин Н. И.** Из дневника военного комиссара / Н. И. Кирюхин // Гражданская война 1918 — 1919 гг. М., 1928.
78. **Кожурин Ю. Ф.** Цивилизация: идентификация социокультурной системы региона / Ю. Ф. Кожурин. Саранск, 2003.
79. **Кондрашин В. В.** Информационные материалы Пензенской губЧК о своей деятельности и положении в Пензенской губернии в годы гражданской войны / В. В. Кондрашин // 1918 — 1998. 80 лет от ВЧК до ФСБ. Хроника событий. Очерки. Интервью. Фотодокументы. Пенза, 1998.
80. **Кондрашин В. В.** Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1918 — 1921 гг. / В. В. Кондрашин // Краеведение. 1997. № 1.
81. **Кондрашин В. В.** Крестьянское движение в Поволжье в 1918 — 1920 гг. / В. В. Кондрашин. М., 2001.
82. **Кондрашин В. В.** Крестьянское движение в Поволжье в 1919 — 1921 гг. / В. В. Кондрашин // Крестьяне и власть : материалы конф. М. ; Тамбов, 1996.
83. **Кондрашин В. В.** Повстанцы во имя царя. Религиозно-монархическое восстание в селе Большой Азясь Краснослободского уезда / В. В. Кондрашин // Краеведение. 1998. № 1 — 2.
84. **Корсаков И. М.** Партийные организации Мордовии в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918 — 1920 гг.) / И. М. Корсаков // Учен. зап. Мордов. ун-та. Саранск, 1962. № 24.

85. **Корсаков И. М.** Деятельность партийных организаций среди рабочего класса Мордовии в годы гражданской войны / И. М. Корсаков, И. А. Юрин // Из истории формирования и развития рабочего класса в Мордовии. Саранск, 1977.

86. **Корсаков И. М.** Из истории Мордовии в годы гражданской войны / И. М. Корсаков, М. И. Романов. Саранск, 1958.

87. **Коханец Л. А.** Власть и общество: Мордовия в период «военного коммунизма» (1918 — 1920) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. А. Коханец. Саранск, 2001.

88. **Коханец Л. А.** Особенности национализации промышленного производства в провинции в 1918 — 1920 гг. (на примере Мордовии) / Л. А. Коханец // Платоновские чтения. Самара, 1999. Вып. 3.

89. **Коханец Л. А.** Соотношение форм собственности в промышленном производстве в 1920 г. на территории Мордовии / Л. А. Коханец // Платоновские чтения. Самара, 2001. Вып. 4.

90. **Кривошенкова Е. Ф.** Участие коммунистов армий Восточного фронта в массовой политической работе среди населения прифронтовой полосы 1918 — 1920 гг. / Е. Ф. Кривошенкова // Партия в период строительства социализма и коммунизма : сб. МГПИ. Саранск, 1977.

91. **Кузнецов М.** К истории 20-й стрелковой дивизии. Июль 1919 г. — июль 1921 г. / М. Кузнецов. Ереван, 1921.

92. **Кукушкин Ю. С.** Исторический путь Советов в СССР / Ю. С. Кукушкин. М., 1966.

93. **Кукушкин Ю. С.** От первых Советов рабочих депутатов к Советам народных депутатов / Ю. С. Кукушкин. М., 1979.

94. **Купряшкин Т.** Крестьянское движение в Мордовии в октябре месяце 1917 г. / Т. Купряшкин, В. Самаркин // Зап. НИИСК при СНК МАССР. Саранск, 1941. Кн. 2. С. 9 — 43.

95. **Купряшкин Т.** 1917-й год в Мордовии: Из истории Октябрьской социалистической революции на территории МАССР / Т. Купряшкин, В. Самаркин. Саранск, 1939.

96. **Кураев В. В.** Октябрь в Пензе / В. В. Кураев. Пенза, 1957.

97. **Куршева Г. А.** Крестьянство Мордовии и государственная политика в сфере образования в условиях «военного коммунизма» / Г. А. Куршева // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Самара, 2007.

98. **Куршева Г. А.** Образование и власть в Мордовии 1917 — 1941 гг. / Г. А. Куршева. Саранск, 2007.

99. **Куршева Г. А.** Система образования в Мордовии в годы гражданской войны и «военного коммунизма» / Г. А. Куршева // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. М. : ИНИОН РАН, 2005.

100. **Лебедев А. П.** Совхозы Мордовии в 1918 — 1940-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. П. Лебедев. М., 1979.

101. **Лебедев А. П.** Становление и развитие совхозных кадров Мордовии в 1918 — 1940-х гг. / А. П. Лебедев // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период строительства социализма. Чебоксары, 1982.

102. **Лепешкин А. И.** Местные органы власти Советского государства (1917 — 1920 гг.) / А. И. Лепешкин. М., 1957.

103. **Литвин А. Л.** Советы национальных районов Среднего Поволжья в годы гражданской войны / А. Л. Литвин // Советы национальных районов России. 1917 — 1922 гг. Рига, 1985.

104. **Лобанов Н.** За правдивое освещение мордовского народа / Н. Лобанов, В. Лопатова // Совет. Мордовия. 1958. 13 июня.

105. **Медведев Е. И.** Гражданская война в Среднем Поволжье (1918 — 1919 гг.). Саратов, 1974.

106. **Медведев Е. И.** Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции / Е. И. Медведев. Куйбышев, 1970.

107. **Меркушкин Г. Я.** Развитие науки в Мордовии / Г. Я. Меркушкин. Саранск, 1967.

108. **Меркушкин Г. Я.** Состояние и задачи изучения истории Мордовской АССР / Г. Я. Меркушкин, В. И. Самаркин // Зап. / НИИ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1946. Кн. 6. История и археология.

109. **Минц И. И.** Год 1918-й / И. И. Минц. М. : Наука, 1982.

110. **Молин Н.** Полезная книга по истории Мордовской АССР / Н. Молин, И. Воронин // Совет. Мордовия. 1958. 13 апр.
111. Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны : док. и материалы. Саранск, 1959.
112. **Морозов Б. М.** Партия и Советы в Октябрьской революции / Б. М. Морозов. М. : Мысль, 1977.
113. **Морозов Б. М.** Создание и укрепление советского государственного аппарата (1917 — 1919 гг.) / Б. М. Морозов. М., 1957.
114. НА НИИГН. И-129. Вернер С. П. Мироновское восстание.
115. НА НИИГН. И-270/93. Бор М. З. Комитеты деревенской бедноты в Мордовии.
116. **Ненароков А. П.** Восточный фронт, 1918 год / А. П. Ненароков. М. : Наука, 1969.
117. От ВЧК до ФСБ. История и современность Управления ФСБ РФ по Республике Мордовия. Саранск, 2003.
118. Отчет мобилизационного отдела 1-й революционной армии Восточного фронта о деятельности по проведению мобилизации людей и лошадей в Симбирской губернии и о формировании и пополнении войсковых частей, учреждений и заведений 1-й армии, за время с 15 августа 1918 г. по 1 мая 1919 г. Саранск, 1919.
119. Очерки истории Мордовской АССР : в 2 т. Саранск, 1961. Т. 2.
120. Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1967.
121. Очерки истории Мордовской организации КПСС. 2-е изд. Саранск, 1979.
122. **Палагин Д. А.** Роль коммунистических фракций Советов Среднего Поволжья в укреплении диктатуры пролетариата в период иностранной военной интервенции и гражданской войны : автореф. ... канд. ист. наук / Д. А. Палагин. М., 1972.
123. По заветам Ленина. Саранск, 1970.
124. Под звездой Октября. Мордовия за 50 лет Советской власти. Саранск, 1967.
125. **Покровский М. Н.** Октябрьская революция 1917 — 1927 : сб. ст. / М. Н. Покровский. М., 1929.
126. Пять лет партийно-советского строительства в Симбирской губернии. Симбирск, 1922.
127. **Рогачев С. В.** Восстание в Посурье весной 1919 года: Причины возникновения и ход военных событий / С. В. Рогачев // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции : материалы IV Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 1999.
128. **Рузавин Д.** Мордовская АССР / Д. Рузавин, С. Петров. Саранск, 1939.
129. **Соболев П. Н.** Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры / П. Н. Соболев. М. : Наука, 1977.
130. Советская Мордовия. Саранск, 1940.
131. Советская Мордовия : очерки, посвящ. 20-летию республики. Саранск, 1950.
132. Советское государство — год первый. М., 1973.
133. Советы в первый год пролетарской диктатуры. Октябрь 1917 — ноябрь 1918 гг. М. : Наука, 1967.
134. **Тихов В. А.** Из истории советского строительства на территории Мордовии в годы гражданской войны и иностранной интервенции / В. А. Тихов // Учен. зап. Мордов. ун-та. Саранск, 1963. Т. 38.
135. **Точеный Д. С.** Эволюция политических настроений и общественного сознания крестьянства Среднего Поволжья (1917 — 1918 гг.) / Д. С. Точеный // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (XVII — начало XX вв.). Саранск, 1979.
136. **Троцкий В. В.** 1919 год в Средневолжском крае. Хроника революционных событий / В. В. Троцкий. М. ; Самара, 1933.
137. **Троцкий В. В.** 1920 год в Средневолжском крае : хроника событий / В. В. Троцкий, А. Д. Демидов. М. ; Самара, 1934.
138. **Тухачевский М. Н.** Избранные произведения / М. Н. Тухачевский. М., 1964. Т. 1.
139. **Тухачевский М. Н.** Первая армия в 1918 г. / М. Н. Тухачевский // В огненном кольце. М. : Мол. гвардия, 1988.
140. **Тухачевский М. Н.** Первая армия в 1918 году / М. Н. Тухачевский // Революция и война. 1921. № 4 — 5.

141. **Убушаев В. Б.** Советы национальных автономий в борьбе за построение социализма : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В. Б. Убушаев. М., 1985.
142. Установление Советской власти в Мордовии : док. и материалы. Саранск, 1957.
143. **Филатов Л. Г.** Общественно-политическая жизнь села советской Мордовии (Историография проблемы) / Л. Г. Филатов, А. П. Лебедев, Ю. И. Сальников, В. А. Юрченков // Общественно-политическая жизнь села советской Мордовии : тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1987. Вып. 87.
144. **Филатов Л. Г.** Посланцы В. И. Ленина в Мордовии / Л. Г. Филатов, И. А. Яшкин // Совет. Мордовия. 1978. 29 окт.
145. **Фирсова И. А.** Становление и основные тенденции развития системы школьного образования в Мордовии (1917 — 1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. А. Фирсова. Саранск, 1998.
146. **Юрин И. А.** Агитационно-пропагандистская и культурно-воспитательная работа Коммунистической партии среди мордовского народа в первые годы Советской власти : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. А. Юрин. Горький, 1970.
147. **Юрин И. А.** Из истории подготовки агитационно-пропагандистских кадров мордовского народа в первые годы Советской власти (1918 — 1920) / И. А. Юрин // Исследования по истории Мордовской АССР : тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1972. Вып. 43.
148. **Юрин И. А.** Мордовские национальные секции РКП(б) и их деятельность по коммунистическому воспитанию трудящихся / И. А. Юрин. // В братской семье. Саранск, 1981.
149. **Юрин И. А.** О некоторых формах массово-политической работы партийных организаций Мордовии в первые годы Советской власти (1918 — 1920) / И. А. Юрин // Тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1969. Вып. 38.
150. **Юрченков В. А.** Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченков, Л. А. Коханец, Е. В. Моисеев, И. Б. Ниманов // Власть и общество: XX век : тр. / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2002. Т. 1 (118).
151. **Юрченков В. А.** Вопросы истории Великой Октябрьской социалистической революции в Среднем Поволжье и Приуралье в немарксистской историографии // Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1989.
152. **Юрченков В. А.** Деятельность Советов Мордовии по социально-экономическому развитию деревни в первые годы пролетарской диктатуры (1918 — 1920 гг.) / В. А. Юрченков // Проблемы аграрной истории Поволжья в переходный период от капитализма к социализму (1917 — 1937). Саранск, 1988.
153. **Юрченков В. А.** Историческое краеведение в Мордовской АССР / В. А. Юрченков // Первая Всесоюзная научная конференция по историческому краеведению. Киев, 1987.
154. **Юрченков В. А.** История монастырей в первое десятилетие диктатуры пролетариата // Историческая наука и архивы. Н. Новгород, 1993.
155. **Юрченков В. А.** Крестьянские выступления на территории Мордовии 1919 — начало 1920 г. / В. А. Юрченков, Е. Н. Бикейкин, С. В. Видяйкин, Т. Ю. Задкова // Од вий. 2008. № 1.
156. **Юрченков В. А.** Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» (на примере мордовского края) / В. А. Юрченков // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. М., 2005.
157. **Юрченков В. А.** Крестьянство Среднего Поволжья и низовые органы власти в первые годы диктатуры пролетариата (социально-психологический аспект) / В. А. Юрченков // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990.
158. **Юрченков В. А.** Критика буржуазных концепций развития народов Среднего Поволжья в начале XX в. / В. А. Юрченков // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Устинов, 1987. Т. 2.
159. **Юрченков В. А.** Левые эсеры и советское строительство: региональный аспект / В. А. Юрченков // Общество и власть. XX век : тр. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2006. Т. 5 (122).

160. **Юрченков В. А.** Ликвидация мощей святых как фактор общественно-политической жизни 20-х годов / В. А. Юрченков // Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX век. Тамбов, 1993.
161. **Юрченков В. А.** Мощи Преподобного Серафима Саровского (1917 — 1927 гг.) / В. А. Юрченков // Исторический Саров. М. ; Саров, 1993.
162. **Юрченков В. А.** Общественное сознание и социальная психология крестьянства Мордовии в первое десятилетие советской власти / В. А. Юрченков // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции. Саранск, 1999. С. 249 — 271.
163. **Юрченков В. А.** Проблемы анализа источников при исследовании вопросов общественного сознания в первые десятилетия Советской власти / В. А. Юрченков // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Киев, 1990.
164. **Юрченков В. А.** Проблемы истории Гражданской войны в Среднем Поволжье в современной региональной историографии: поиски и решения / В. А. Юрченков // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований : материалы I Всерос. (IX межрегион.) науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Самара : Самар. ун-т, 2007.
165. **Юрченков В. А.** Промышленное производство Мордовии в условиях военного коммунизма / В. А. Юрченков // Региональная экономика: проблемы эффективности и безопасности : тр. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2003. Т. 3 (120).
166. **Юрченков В. А.** Рабочий класс Мордовии в первые годы Советской власти (проблема гегемонии) / В. А. Юрченков // Деятельность КПСС по формированию многонационального рабочего класса: история и современность. Саранск, 1989.
167. **Юрченков В. А.** Рабочий класс Мордовии в первые годы Советской власти (опыт структурного анализа) / В. А. Юрченков // Из истории формирования и развития рабочего класса Мордовии : тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1989. Вып. 91.
168. **Юрченков В. А.** Региональная историография: российский опыт / В. А. Юрченков // Регионоведение. Саранск, 1993. № 1.
169. **Юрченков В. А.** Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917 — 1920 гг.) / В. А. Юрченков // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии : тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1987. Вып. 87.
170. **Юрченков В. А.** Святоотечество / В. А. Юрченков // Московский журнал. 1994. № 4.
171. **Юрченков В. А.** Советы Мордовии как органы государственной власти в годы Гражданской войны и «военного коммунизма» / В. А. Юрченков // Од вий. 2008. № 1.
172. **Юрченков В. А.** Социальная психология крестьянства Мордовии первой четверти XX века / В. А. Юрченков // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С. 328 — 333.
173. **Юрченков В. А.** Съезды Советов и общественно-политическая жизнь мордовского села в первые годы пролетарской диктатуры (1918 — 1920 гг.) / В. А. Юрченков // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Мордовии : тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1985. Вып. 79.
174. **Юрченков В. А.** Фракции мелкобуржуазных партий в Советах Мордовии в годы Гражданской войны и «военного коммунизма» / В. А. Юрченков // Од вий. 2008. № 1.
175. **Юрченков В. А.** Чрезвычайные органы советской власти в период упрочения пролетарской диктатуры и гражданской войны (1917 — 1920 гг.) / В. А. Юрченков // Радуга. Саранск, 1983.

Поступила 02.07.2009 г.

УДК 329(470.345):947.084.8

Э. Ю. Сальникова

E. Yu. Salnikova

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ
МОРДОВИИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ТЫЛОВОЙ
ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ 1941 — 1942 гг.:
СУРСКОЕ СПЕЦУКРЕПЛЕНИЕ**

**THE PARTY AND SOVIET ORGANS OF MORDOVIA
ACTIVITY FOR REALIZATION OF THE 1941 — 1942 REAR
DEFENSE STRATEGY: SURS SPECIAL FORTIFICATION**

Ключевые слова: война, власть, партийные и советские органы, оборонительные укрепления, Сурский рубеж, мобилизованные.

В статье рассматривается деятельность партийных и советских органов по реализации тыловой оборонительной стратегии 1941 — 1942 гг., этапы строительства Сурского рубежа и его итоги.

Key words: war, the authorities, the party and soviet organs, defensive fortification, Sura line, mobilized.

The Party and Soviet organs activity for realization of the 1941 – 1942 rear defense strategy, the stages of the Sura line building and its results are considered in the article.

В 2010 г. страна отметит 65-летний юбилей со дня Победы в Великой Отечественной войне (1941 — 1945 гг.), тяжелой, изнурительной, повлекшей за собой колоссальные материальные и людские потери, оказавшиеся для страны беспрецедентными. За последнее время в России выросли как минимум два поколения, не знавших войны, не имеющих понятия о тех сложных и трагических процессах, которые происходили в стране. И в этих условиях естественным становится трансформация войны из военно-политического события в военно-историческое, изучение коего стало научной проблемой. Одну из них постараемся осветить в этой статье.

Одной из прерогатив в условиях ведения боевых действий становится тыловая оборонительная стратегия. На основании Указа Президиума Верховного Совета Союза СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей местные органы власти совместно с военными советами фронтов и военных округов разработали мобилизационные планы и провели большую работу по привлечению населения городов и сел к строительству оборонительных рубежей в тылу.

Опыт ведения войны показал, что строительство мощных оборонительных рубежей на пути продвижения вражеских сил, организация укрепленных линий вокруг городов и населенных пунктов имеют важное военное значение. Наличие хорошо оснащенных линий обороны задерживало продвижение фашистских войск, сковывало их наступление и способствовало улучшению общей обстановки хода войны. С

учетом этого строительство оборонительных рубежей на территории Мордовии в 1941 г. стало приоритетной задачей.

Данное обстоятельство было вызвано еще и тем, что боевые действия приблизились к Московскому военному округу, размещавшемуся к началу войны на территории Горьковской, Ивановской, Калининской, Московской, Рязанской, Тульской и Ярославской областей, Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. В начале октября 1941 г. сплошного фронта на Московском направлении не было, крупных резервов в районе Москвы в этот момент Ставка не имела, что и обусловило подготовку гитлеровцев к нанесению последнего удара.

В этих условиях 13 октября 1941 г. Государственный Комитет Оборона принял постановление о создании государственных оборонительных рубежей, имевших стратегическое значение. Одним из таких стал рубеж восточного берега Онежского озера и далее западнее Волги; часть его составлял Волго-Сурский оборонительный рубеж, проходивший по Пензенской области и территории Мордовии. Таким образом, естественная черта вдоль русла реки Суры была взята за основу оборонительной линии, общая протяженность которой равнялась 80 км по правому берегу Суры. Крайние точки — место впадения реки Барыша в Суру и участок железной дороги Рузавка — Инза [1, с. 94]. Для их строительства было создано несколько саперных армий и управлений оборонительных работ.

Выполняя постановление Государственного Комитета Оборона, Совет народных комиссаров Мордовской АССР и бюро Мордовского обкома ВКП(б) 23 ноября 1941 г. приняли постановление о строительстве специальных укреплений на территории Мордовской АССР [7, л. 267]. В этом постановлении указывалось, что строительство оборонительных укреплений на территории Мордовии должно быть завершено в течение одного месяца. На строительство линии укреплений предполагалось затратить 250 тыс. человеко-дней [3, с. 72].

Для руководства строительством военно-оборонных укреплений обкомы партии направили ответственных работников аппаратов областных комитетов ВКП(б) и Совета народных комиссаров МАССР. Секретарь обкома ВКП(б) Гидаев был утвержден заместителем начальника 104-го полевого строительства, нарком коммунального хозяйства Хаин — заместителем начальника полевого строительства № 54, заместитель председателя Совнаркома МАССР Кшнякин — заместителем командира 19-й саперной бригады.

На них была возложена ответственность наравне с начальниками указанных строителств за организацию производства работ по спецукреплениям в установленные сроки. Заместителями командиров батальонов полевого строительства назначались секретари райкомов ВКП(б) и ответственные работники исполкомов райсоветов. Они отвечали за организованную явку мобилизованного населения к месту работы, его размещение, организацию питания, проведение политико-воспитательной работы. Кроме того, на 300 человек, мобилизованных на весь период работы, выделялся один политрук, в обязанности которого входили организация социалистического соревнования между отделениями, взводами, проведение бесед, политинформаций, выпуск стенных газет и боевых листов, организация обмена опытом, подведение итогов работы.

Персональная ответственность за проведение всех строительных работ по созданию специальных укреплений бюро областных комитетов ВКП(б) и СНК МАССР

возложили на первых секретарей районных комитетов партии и председателей райисполкомов. Выделяемая рабочая сила должна была обеспечиваться питанием за собственный счет, а жильем, необходимыми инструментами, тягловой силой и фуражом — за счет колхозов. Так, в постановлении СНК МАССР и бюро Мордовского обкома ВКП(б) от 23 ноября 1941 г. говорилось: «...мобилизованные обязаны иметь:

а) теплую одежду, белье, ложку, миску, запас продовольствия на 10 дней за счет фондов районов для рабочих и служащих и за счет общественных фондов колхозов для колхозников;

б) для организации общественного питания выделить из колхозов пищевые котлы, ведра, чайники и другую посуду;

в) на каждые 10 человек 10 железных лопат, 3 лома, 3 топора, 2 колуна, одну поперечную пилу и другой необходимый плотничий инструмент;

г) обеспечение конского поголовья фуражем и грубыми кормами приводится таким же порядком, как и обеспечение людей продовольствием, с установлением повседневного контроля за кормлением и эксплуатацией лошадей. Следует подчеркнуть, что для мобилизации населения на строительство оборонительных укреплений в работе партийных организаций были характерны оперативность, четкость и организованность» [4, л. 84 — 85].

С началом крепких морозов зимой 1941 — 1942 гг. в Пензу стали прибывать первые эшелоны военных строителей и саперов. В состав 6-й саперной армии под командованием А. С. Корнева вошли саперные бригады № 16 (Шумерля), 7 (Пенза), 19 (Саранск). Одновременно Корнев продолжал командовать и военными строителями, относившимся к Управлению строительных работ. Вскоре в Мордовии появились военно-инженерные части 104-го и 54-го полевых строителей.

В октябре 1941 г. на строительство оборонительных сооружений были мобилизованы из г. Пензы 23 тыс. чел. (мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины от 16 до 55 лет). В ходе мобилизации собрали 18 тыс. лопат, 5 тыс. топоров, 50 ломов. Широко развернулось соревнование пензенцев со строителями из Мордовии. Однако, несмотря на старание, пензенцы уступали своим более организованным соперникам [5, с. 300].

Строительство оборонительной линии велось сразу на трех участках — на территории Куйбышевской области (Ульяновская область была образована с 19 января 1943 г.), где в г. Карсуне разместилось управление этим объектом — комендатура, Пензенской области и на территории МАССР возле с. Николаевка Большеберезниковского района.

Одновременно со строительством рубежа шло формирование саперной армии. Предстояло поставить в строй 48 батальонов по 1000 чел. в каждом. Многие командиры и бойцы прибыли из Пензы и области, соседних республик и областей. В батальонах проводились строевые и специальные занятия. Не хватало командиров взводов и рот, инструментов по обучению оборонительным работам, по подрывному делу назначались более грамотные военные инструкторы [1, с. 94].

В строительстве укреплений, проходивших по территории Мордовии, приняли участие трудящиеся почти 20 из 30 районов республики. Каждый район в течение 30 дней мобилизовывал от 2 до 3 тыс. чел. и не менее 200 — 300 лошадей с упряжью. Так, в Кадошкинском районе были мобилизованы 2 тыс. трудоспособных мужчин и женщин и 300 лошадей, в Краснослободском районе — 3 тыс. чел. и 230 лошадей [5, с. 301].

Возведение укрепсооружений, несмотря на осенние дожди и зимние холода в 30 — 40 градусов мороза, шло бесперебойно. Для всех участников строительства это было необычайно тяжелый труд: чрезвычайное напряжение, длившееся по 15 — 17 ч в сутки, работа без выходных дней. Однако они выдержали и работали с большим упорством, высокой производительностью труда. Неоценимую помощь строителям оказывали женщины-колхозницы Дубенского, Краснослободского, Кочкуровского и других районов. Их старания и забота облегчили тяжелый труд работников [6, с. 25]. В общей сложности на строительстве оборонительных укреплений в Мордовии в течение декабря 1941 г. и января 1942 г. приняли участие более 60 тыс. чел. [2, с. 39].

Всего же по СССР в 1941 — 1942 гг. в строительстве оборонительных укреплений приняли участие 12 млн чел., сотни тысяч колхозных подвод. За первый год Великой Отечественной войны строители военных укреплений возвели оборонительные рубежи общей протяженностью более 2 350 км (расстояние от Москвы до Свердловска), на этих рубежах были оборудованы тысячи укрепленных районов и отдельных узлов обороны, на которых могли бы разместиться более 140 полков, построены 3 950 различных оборонительных сооружений из дерева, бетона, металла. Протяженность противотанковых рвов равнялась расстоянию от Москвы до Симферополя, проволочные заграждения составляли 5 тыс. км [4, с. 86].

Тем не менее сложной работе партийные организации не всегда проявляли оперативность и четкость. Кроме того, нередко наблюдались перебои с питанием, возникали трудности с жильем. Люди стойко переносили трудности.

На фоне самоотверженного труда и самопожертвования мордовского народа, отмечались случаи дезертирства, о чем свидетельствуют архивные материалы, засекреченные до недавнего времени. Так, на докладе в бюро Мордовского обкома ЦК ВКП(б) в сводке по Ромодановскому району от 18 декабря 1941 г. отмечалось: «...Начиная с первых дней декабря месяца со строительства, под предлогом отсутствия продовольствия, люди начали дезертировать. По состоянию на 10 декабря 1941 года пришло в район всего по 10 сельсоветам 199 человек, из которых возвращено 93 человека (Пятиня — 23, Ст. Михайловка — 29, Ромоданово — 27 и др.). Из числа бежавших арестовано 10 дезертиров (Пятиня — 2, Уришка — 1, Анненково — 2 и Трофимовщина — 1). Из них осуждены 4 человека (на 10 лет — 1, на 8 лет — 1 и два — на 2 года. Все — женщины)» [4, л. 86].

Подобные негативные поступки наказывались весьма жестоко, часто принимались необоснованно суровые решения, в том числе судебные. Некоторые граждане, мобилизованные на оборонительные работы, по семейным обстоятельствам были вынуждены покинуть работы на двое-трое суток и поехать домой, чтобы увидеть детей, престарелых родителей, привести себя в порядок, после чего снова вступить в строй. За это их судили. Такая судьба постигла Жоржа Ремизова, жителя с. Языкова Пятиня. На работах он заболел чахоткой, а оказавшись в Инсарской тюрьме — скончался [8, л. 250].

Особое внимание партийные организации обращали на удовлетворение духовных потребностей работавших. Им систематически демонстрировались кинофильмы, для них выступали артисты. По указанию обкома ВКП(б) «Союзпечать» выделяла ежедневно газеты: 7 тыс. экземпляров «Красной Мордовии», 2 тыс. — «Мокшень правды» и 2 тыс. — «Эрзянь правды».

22 врача и 53 человека среднего медицинского персонала обеспечивали сравнительно неплохое по военному времени медицинское обслуживание рабочих [5, с. 301].

В условиях снежной и морозной зимы на возведение рубежей давался месяц. Для успешного завершения работы в столь короткий срок требовались 250 — 280 тыс. чел. Военных строителей, как уже отмечалось, прибыло 60 тыс. чел. Местные власти Мордовии и Пензенской области прислали еще 120 тыс. колхозников и горожан. Рубеж был построен за 28 дней, сооружение его было завершено в основном в январе 1942 г. На территории Пензенской области и в Саранске было оборудовано несколько аэродромов, на них работало около 10 тыс. чел. и 2 тыс. подвод. С приближением боевых действий к Сталинграду полевые аэродромы работали бесперебойно [7, л. 271 — 272].

Итоги работы по строительству оборонительных укреплений на линии, проходившей по территории Мордовской АССР, были подведены в феврале 1942 г. Этот вопрос специально обсуждался на бюро Мордовского обкома ВКП(б) в начале февраля 1942 г., где было отмечено, что постановление ГКО о сооружении оборонных укреплений на территории Мордовии полностью выполнено. Бюро Мордовского обкома партии отметило хорошую работу 17 колхозов республики. За отличную работу 342 колхозника были премированы денежными премиями, в том числе 50 чел. из Дубенского района, 42 — из Большеберезниковского, 30 — из Кочкуровского, 22 — из Атяшевского, 20 — из Саранского, 19 — из Лямбирского района [5, с. 302].

Однако испытать на прочность Сурский рубеж, получивший официальное название «Тыловой оборонительный рубеж № 30», не пришлось. Успешные боевые действия советских войск в 1942 — 1943 гг. сняли непосредственную угрозу захвата Москвы и оккупации Поволжья. Теперь были важны только временной фактор и концентрация усилий и средств на окончательный разгром врага. В этих условиях оставлять мертвым грузом огромные материальные ценности было неразумно, поскольку только древесины было заготовлено для сооружений рубежа 120 тыс. м³.

История рубежа, начавшаяся в тиши кремлевского кабинета в октябре 1941 г., завершилась документом командования Приволжского военного округа от 19 апреля 1944 г.

Осенью и зимой 1941 — 1942 г. огромные массы людей привлекались к строительству оборонительных рубежей в прифронтовой зоне, строительству аэродромов и поддержанию их на территории МАССР в рабочем состоянии. Немало людей было мобилизовано на дорожные работы. Точку поставило инструктивное письмо начальника инженерных войск Приволжского военного округа, направленное первым секретарям обкомов, председателям облисполкомов, секретарям ЦК ВКП(б) и председателям СНК АССР 19 апреля 1944 г. В документе сообщалось о необходимости реализации остатков стройматериалов и инструментов, а также всех деревоземляных оборонительных сооружений и материалов, получаемых от их разборки.

Для ускорения реализации этих материалов в письме рекомендовалось предоставить право и поручить местным властям самостоятельно заключать договоры на продажу находившихся под охраной материальных ценностей (в том числе и оборонительных сооружений) и продавать их всем заинтересованным организациям, учреждениям и частным лицам (через организации) для использования по своему усмотрению. Оценка деревоземляных сооружений производить исходя из расчета по 25 руб. за 1 м³, уложенной древесины и по 10 руб. за 1 кг железоскобяных изделий [1, с. 103].

Нельзя не признать, что история строительства Сурского оборонительного укрепления является еще одним неоспоримым доказательством героического трудового подвига народа, стремившегося любой ценой и в тылу отстаивать свободу и неза-

висимость Отечества. Тем более это не потеряло актуальности в настоящий момент, когда многие факты современности свидетельствуют о забвении дружбы народов, игнорировании исторических завоеваний, достигнутых в совместном противостоянии фашизму.

Литература и источники

1. **Бакаев Е.** Сурский рубеж / Е. Бакаев, А. Кирдин, Н. Сластухин // Подвиг народный : очерки, ст., воспоминания и фотодок. О Великой Отеч. войне. Саранск, 1995.
2. История советского крестьянства Мордовии. Саранск, 1989. Ч. 2.
3. Мордовия в годы Великой Отечественной войны : док. и материалы. Саранск, 1962.
4. НА НИИГН. И-1257.
5. **Писачкин А.** Волжско-сурский оборонительный рубеж / А. Писачкин // Этим дней не смолкает слава... : очерки, статьи, воспоминания, фотодок. О Великой Отеч. войне. Саранск, 2000.
6. **Попков Т. В.** Все для фронта! Все для победы! / Т. В. Попков. Саранск, 1982.
7. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 6.
8. ЦГА РМ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 68.

Поступила 03.08.2009 г.

УДК 947(470.345-22):314.145

Т. Ю. Задкова

T. Yu. Zadkova

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ В СЕРЕДИНЕ 1950-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

DEMOGRAPHIC DYNAMICS OF RURAL POPULATION OF MORDOVIA IN THE MIDDLE OF 1950s — THE FIRST HALF OF 1960s

Ключевые слова: сельское население, демографические процессы, рождаемость, смертность, естественный прирост.

Статья посвящена проблеме демографического развития сельского населения Мордовии в середине 1950-х — первой половине 1960-х гг. Подробно анализируется динамика численности сельского населения республики, определяются характер, закономерности и особенности происходивших изменений.

Key words: rural population, demographic processes, fertility, mortality, natality.

The article is devoted to the problem of demographic development of rural population of Mordovia in the middle of 1950s — the first half of 1960s. The dynamics of rural population in the republic is analysed by the author in detail. The character, rules and peculiarities of the occurred changes are determined too.

Развитие демографических процессов в населении находится в тесной взаимосвязи со всеми процессами, происходящими в обществе. Если проследить динамику численности населения Мордовской АССР (табл. 1), определить характер, закономерности и особенности происходивших изменений в хронологических рамках начала 1950-х — первой половины 1960-х гг., то можно сделать вывод, что демографические процессы не только влияли, но и во многом обуславливали состояние аграрного сектора экономики.

Таблица 1

Динамика сельского населения Мордовской АССР в 1953 — 1965 гг.*
(на начало года), чел.

Год	Постоянное население	Наличное население	Отсутствующее население
1953	870 077	780 404	89 673
1954	879 234	780 668	98 566
1955	864 433	790 209	74 224
1956	873 629	794 349	79 280
1957	896 819	814 055	82 764
1958	877 744	813 731	64 013
1959	821 533	816 613	4 920
1960	855 021	777 072	77 949
1961	815 688	755 782	59 906
1962	815 824	746 927	68 897
1963	814 734	740 056	73 778
1964	788 362	732 134	56 228
1965	784 936	721 772	63 164

* Таблица составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 20. Д. 137. Л. 2; Д. 143. Л. 3; Оп. 23. Д. 577б. Л. 1; Д. 577в. Л. 1. Д. 577г. Л. 1; Д. 577д. Л. 2; 577е. Л. 2; Оп. 24. Д. 14. Л. 1; Оп. 27. Д. 3019. Л. 1; Д. 3113. Л. 91; Д. 3143. Л. 2; Оп. 31. Д. 638. Л. 2; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 19.

Данные табл. 1 показывают, что за указанный период общее количество сельского населения Мордовской АССР (включая отсутствующих) сократилось на 85 141 чел. В то же время численность наличного населения уменьшилась на 58 632. При сопоставлении сведений о постоянном и наличном населении обращает на себя внимание достаточно большая разница между ними. Например, в 1954 г. она достигла почти 100 тыс. чел. В число отсутствующего населения входили: временные (например, сезонные) мигранты, сельская молодежь, уезжавшая в города на учебу, юноши-призывники.

В целом, как видно из табл. 1, динамика численности наличного населения Мордовской АССР за 1953 — 1964 гг. прошла два этапа. На первом (1953 — 1959 гг.) — отмечался прирост населения, на втором (1960 — 1964 гг.) — его сокращение. В период аграрных реформ середины 1950-х гг. одним из источников пополнения населения села были перевод в штаты колхозов и совхозов специалистов сельского хозяйства, работавших ранее в различного рода ведомствах, управлениях и министерствах, направление в колхозы, совхозы, МТС лиц, окончивших сельскохозяйственные вузы и техникумы, училища механизации, отправка горожан в качестве председателей кол-

хозов («тридцатитысячники»). В середине 1950-х гг. в деревню стала возвращаться часть жителей, ранее выбывших в другие отрасли народного хозяйства или оставшихся в городе после окончания сельскохозяйственных учебных заведений. Многие изменили отношение к деревне под влиянием реформ или откликнулись на призывы и обещания властей. Но продолжал действовать и усиливаться, особенно с начала 1960-х гг., по мере пробуксовки реформ, такой фактор, как миграция сельского населения в город. Этому в немалой степени способствовали как бурное развитие промышленности республик в 1950 — 1960-е гг., преимущественно в городах, куда переливались трудовые ресурсы села, так и ослабление после XX съезда КПСС паспортного режима в городах.

С февраля 1958 г. началась постепенная паспортизация жителей села, в том числе колхозников, лишенных права получения паспорта согласно постановлению ЦИК и СНК СССР 27 декабря 1932 г. Полностью «крепостное право» в деревне было отменено после принятия 28 августа 1974 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР» [3].

Тенденция к миграции сельского населения в город является закономерным процессом для индустриальных обществ. В той или иной степени она обусловлена развитием производительных сил в аграрном секторе, увеличением производительности крестьянского труда. Однако применительно к периоду 1953 — 1964 гг. эти факторы не являлись ведущими, определяющими. Преобладала миграция стихийного, не контролируемого властями характера. С начала 1960-гг. миграция сельского населения в города увеличилась. Здесь сказались и негативные последствия реорганизации МТС, ущемление интересов селян в развитии приусадебного хозяйства и др.

Численность сельского населения Мордовской АССР находилась в прямой зависимости от естественного прироста (табл. 2). Так, произошло сокращение количества родившихся на 39,7 % и умерших на 34,7 %. При этом сокращение естественного прироста началось с 1959 г. Число зарегистрированных браков среди сельского населения увеличивалось вплоть до 1958 г., а затем стало постепенно сокращаться. Количество разводов на протяжении всего периода оставалось незначительным, что объясняется не только ужесточением процедуры разводов, последовавшим после принятия указа от 8 июля 1944 г., но и сохранением среди сельских жителей традиционных представлений о браке и семье.

Таблица 2

**Естественное движение сельского населения Мордовской АССР
в 1953 — 1964 гг.*, чел.**

Год	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост	Число браков	Число разводов
1	2	3	4	5	6
1953	23 930	8 390	15 540	6 893	122
1954	25 287	8 919	16 368	7 018	131
1955	23 678	7 201	16 477	7 450	93
1956	24 354	7 074	17 280	8 272	113
1957	25 671	7 465	18 206	8 142	157
1958	24 698	6 152	18 546	8 333	178

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6
1959	24 095	6 720	17 375	7 727	121
1960	22 154	5 945	16 209	7 516	121
1961	20 121	5 969	14 152	6 547	165
1962	17 995	6 421	11 574	5 615	157
1963	16 881	5 934	10 947	4 968	69
1964	14 425	5 481	8 944	4 671	86

* Таблица составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 14. Д. 117. Л. 32 об.; Оп. 22. Д. 427. Л. 4 об.; Д. 481. Л. 8 об.; Д. 512. Л. 2 об.; Д. 537. Л. 2 об.; Оп. 23. Д. 569а. Л. 2 об.; Д. 570а. Л. 8; Д. 572а. Л. 5 об.; Оп. 27. Д. 3013. Л. 6 об.; Д. 3098. Л. 6 об.; Д. 3130. Л. 9 об.; Д. 3166. Л. 10 об.

К началу 1950-х гг. в сельском населении Мордовской АССР можно выделить несколько групп: 1) члены колхозов; 2) рабочие, служащие и кооперированные кустари; 3) единоличники и некооперированные кустари; 4) прочие; 5) временно проживающие (табл. 3).

Таблица 3

Сельское население Мордовской АССР в 1953 — 1965 гг. по социальным группам
(на начало года)*, чел. (%)

Год	Всего	В том числе				
		Колхозники	Рабочие, служащие, кооперативные кустари	Единоличники и некооперативные кустари	Прочие	Временно проживающие
1953	780 404 (100)	590 266 (75,6)	165 716 (21,2)	17 108 (2,2)	168 (0,02)	7 146 (0,9)
1954	780 668 (100)	583 498 (74,7)	173 771 (22,3)	15 820 (2,0)	265 (0,03)	7 314 (0,9)
1955	790 209 (100)	586 349 (74,2)	179 514 (22,7)	15 523 (2,0)	147 (0,02)	8 676 (1,1)
1956	794 349 (100)	587 783 (74,0)	183 361 (23,1)	14 624 (1,8)	356 (0,04)	8 225 (1,0)
1957	814 055 (100)	602 712 (74,0)	190 502 (23,4)	11 746 (1,5)	362 (0,04)	8 733 (1,1)
1958	813 731 (100)	601 176 (73,9)	195 762 (24,1)	6 574 (0,8)	2 022 (0,2)	8 197 (1,0)
1960	777 072 (100)	583 141 (75,0)	179 841 (23,1)	3 249 (0,4)	3 825 (0,5)	7 016 (0,9)
1961	755 782 (100)	491 928 (65,1)	251 808 (33,3)	1 632 (0,2)	3 695 (0,5)	7 219 (1,0)
1962	746 927 (100)	482 252 (64,6)	252 624 (33,7)	1 080 (0,2)	2 969 (0,4)	8 002 (1,1)
1963	740 056 (100)	477 784 (64,5)	251 630 (34,0)	183 (0,02)	3 248 (0,4)	8 111 (1,1)
1964	732 134 (100)	465 207 (63,5)	255 841 (34,9)	648 (0,1)	1 593 (0,2)	8 845 (1,2)
1965	721 772 (100)	457 136 (63,3)	253 769 (35,2)	245 (0,03)	957 (0,1)	9 665 (1,3)

* Таблица составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 20. Д. 137. Л. 2; Д. 143. Л. 3; Оп. 23. Д. 5776. Л. 1. Д. 577в. Л. 1. Д. 577г. Л. 1; Д. 577д. Л. 2; Д. 577е. Л. 2; Оп. 24. Д. 14. Л. 1; Оп. 27. Д. 3019. Л. 1; Д. 3113. Л. 91; Д. 3143. Л. 2; Оп. 31. Д. 638. Л. 2.

Данные табл. 3 показывают, что на протяжении начала 1950-х — первой половины 1960-х гг. самой многочисленной группой сельского населения Мордовской АССР было колхозное крестьянство, однако его удельный вес и численность с 1953 по 1964 г. снизились на 12,3 %.

Государственный сектор деревни представляли рабочие совхозов, государственных подсобных хозяйств, служащие сельских госучреждений, кооперированные ку-

стари и др. Положение этой группы населения выгодно отличалось от колхозников: они имели гарантированную заработную плату и ряд социальных льгот (ежегодный отпуск, страхование и т. д.), а также паспорт. Количество рабочих и служащих в отличие от колхозников постепенно увеличивалось: с 21,2 до 35,2 %. Быстрый рост численности рабочих и служащих начался с 1961 г. и был связан с переводом экономически слабых колхозов в совхозы. Этот процесс приводил к изменению статуса бывших колхозников, которые становились сельскими рабочими и служащими. Если в 1953 г. насчитывалось 22 совхоза и 661 колхоз, то в 1964 г. — соответственно 349 и 32 [1, 2].

Третью группу сельского населения составляли единоличники и некооперированные кустари. Ее доля в общем составе была весьма незначительной: в 1953 г. — 2,2 %, к середине 1960-х гг. она практически исчезла. Так, в единовременных отчетах статистических управлений о возрастном и половом составе сельского населения из графы исчезли единоличники, остались только некооперированные кустари. Столь значительное уменьшение численности единоличников и некооперированных кустарей объясняется не только налоговой политикой государства, разорявшего их хозяйства более высокими, чем у колхозников налогами, но и тем, что дети единоличников и кустарей-одиночек редко наследовали занятия отцов и стремились перейти в другую социальную группу.

Категорию «Прочие» составляли жители села, не имевшие отношения ни к одной из трех основных социальных групп. К ней относились хозяйства, члены которых некогда работали в колхозе, но потом порвали с ним связь и жили лишь на доходы от личного подсобного хозяйства. Кроме них в состав «прочих» входили инвалиды, пациенты различных больниц, детских домов, домов престарелых и др., расположенных в сельской местности. Интересно отметить увеличение численности и удельного веса этой социальной группы: с 0,02 % в 1953 г. до 0,10 % в 1964 г.

Количество временно проживающего населения (к нему относились лица, прибывшие в сельскую местность, но еще не определившиеся с местом работы) на протяжении всего периода было незначительным.

На составе сельского населения Мордовской АССР в полной мере отразились пережитые страной в первой половине XX в. события: Первая мировая, Гражданская, Великая Отечественная войны, коллективизация, голод (табл. 4).

Таблица 4

Сельское население Мордовской АССР в 1953 — 1965 гг. по полу
(на начало года)*, чел. (%)

Год	Мужчины	Женщины	Всего
1	2	3	4
1953	304 382 (39,0)	476 022 (61,0)	780 404 (100,0)
1954	310 006 (39,7)	470 662 (60,3)	780 668 (100,0)
1955	317 675 (40,2)	472 534 (59,8)	790 209 (100,0)
1956	320 321 (40,3)	474 028 (59,7)	794 349 (100,0)
1957	331 621 (40,7)	482 434 (59,3)	814 055 (100,0)
1958	335 897 (41,3)	477 834 (58,7)	813 731 (100,0)
1959	347 173 (42,5)	469 440 (57,5)	816 613 (100,0)
1960	322 220 (41,5)	454 852 (58,5)	777 072 (100,0)

Окончание табл. 4

1	2	3	4
1961	314 535 (41,6)	441 247 (58,4)	755 782 (100,0)
1962	310 966 (41,6)	435 961 (58,4)	746 927 (100,0)
1963	310 468 (42,0)	430 488 (58,0)	740 056 (100,0)
1964	309 033 (42,2)	423 101 (57,8)	732 134 (100,0)
1965	305 085 (42,3)	416 687 (57,7)	721 772 (100,0)

* Таблица составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 20. Д. 137. Л. 2, 2 об.; Д. 143. Л. 3, 3 об.; Оп. 23. Д. 577б. Л. 1, 1 об.; Д. 577в. Л. 1, 1 об.; Д. 577г. Л. 1, 1 об.; Д. 577д. Л. 2, 2 об.; Д. 577е. Л. 2, 2 об.; Оп. 24. Д. 14. Л. 1, 1 об.; Оп. 27. Д. 3019. Л. 1, 1 об.; Д. 3113. Л. 91, 91 об.; Д. 3143. Л. 2, 2 об.; Оп. 31. Д. 638. Л. 2; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 19 — 20.

Из данных табл. 4 можно сделать вывод о том, что на протяжении всего периода в сельском населении Мордовской АССР преобладали женщины. Тем не менее с 1953 по 1964 г. удельный вес мужчин увеличился на 3,3 %.

Возрастная структура сельского населения также претерпела некоторые изменения (табл. 5). Удельный вес населения в возрасте от 0 — до 15 лет увеличился на 2,5 %, что было связано с ростом рождаемости. В то же время удельный вес населения трудоспособного возраста сократился на 6,2 %, а людей старше трудоспособного возраста выросло на 3,7 %. Эти изменения свидетельствуют об оттоке трудоспособного населения из деревни и о постепенном старении ее населения. Следует отметить, что количество трудоспособного населения изменялось волнообразно: до 1959 г. отмечался его рост, а затем последовал спад, что можно объяснить провалами в аграрной политике государства.

Таблица 5

Сельское население Мордовской АССР в 1953 — 1965 гг. по возрасту
(на начало года)*, чел. (%)

Год	Всего	В том числе		
		в возрасте от 0 до 15 лет	в трудоспособном возрасте**	в возрасте старше трудоспособного
1953	780 404 (100,0)	284 219 (36,4)	397 547 (50,9)	98 638 (12,7)
1954	780 668 (100,0)	280 335 (35,9)	400 872 (51,4)	99 461 (12,7)
1955	790 209 (100,0)	276 163 (35,0)	413 424 (52,3)	100 622 (12,7)
1956	794 349 (100,0)	272 899 (34,4)	417 421 (52,5)	104 029 (13,1)
1957	814 055 (100,0)	275 690 (33,9)	432 374 (53,1)	105 991 (13,0)
1958	813 731 (100,0)	276 640 (34,0)	430 315 (52,9)	106 776 (13,1)
1959	816 613 (100,0)	279 415 (34,2)	428 217 (52,4)	108 948 (13,4)
1960	777 072 (100,0)	281 513 (36,2)	388 469 (50,0)	107 090 (13,8)
1961	755 782 (100,0)	285 676 (37,8)	362 229 (47,9)	107 877 (14,3)
1962	746 927 (100,0)	293 519 (39,3)	343 768 (46,0)	109 640 (14,7)
1963	740 056 (100,0)	291 818 (39,4)	337 908 (45,6)	111 230 (15,0)
1964	732 134 (100,0)	286 949 (39,2)	331 316 (45,2)	113 969 (15,6)
1965	721 772 (100,0)	280 572 (38,9)	323 015 (44,7)	118 185 (16,4)

* См. примеч. к табл. 4

** Мужчины в возрасте 16 — 59 лет и женщины в возрасте 16 — 54 лет.

По данным табл. 6 можно проследить основные этапы изменения в половозрастной структуре сельского населения Мордовской АССР с 1953 по 1964 г. В возрастной группе от 0 до 15 лет на протяжении всего периода сохранялся паритет в численности и удельном весе мужчин и женщин. Среди населения трудоспособного возраста соотношение мужчин и женщин в 1953 г. составляло 1,0 : 1,9, а в 1964 г. — 1,0 : 1,3. Изменение соотношения в пользу мужчин связано со вступлением в трудоспособный возраст юношей, родившихся во второй половине 1930-х — 1940-х гг. В то же время соотношение мужчин и женщин среди лиц в возрасте старше трудоспособного изменилось в пользу женщин с 1,0 : 3,0 в 1953 г. до 1,0 : 3,7, что объясняется более высокой смертностью среди мужского населения.

Таблица 6

Сельское население Мордовской АССР в 1953 — 1965 гг. по полу и возрасту
(на начало года)*, чел. (%)

Год	В возрасте от 0 до 15 лет			В трудоспособном возрасте			В возрасте старше трудоспособного		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
1953	142 171 (50,0)	142 048 (50,0)	284 219 (100,0)	137 634 (34,6)	259 913 (65,4)	397 547 (100,0)	24 577 (24,9)	74 061 (75,1)	98 638 (100,0)
1954	140 565 (50,1)	139 770 (49,9)	280 335 (100,0)	144 564 (36,1)	256 308 (63,9)	400 872 (100,0)	24 877 (25,0)	74 584 (75,0)	99 461 (100,0)
1955	138 070 (50,0)	138 093 (50,0)	276 163 (100,0)	154 570 (37,4)	258 854 (62,6)	413 424 (100,0)	25 035 (24,9)	75 587 (75,1)	100 622 (100,0)
1956	136 533 (50,0)	136 366 (50,0)	272 899 (100,0)	158 658 (38,0)	258 763 (62,0)	417 421 (100,0)	25 130 (24,2)	78 899 (75,8)	104 029 (100,0)
1957	138 091 (50,1)	137 599 (49,9)	275 690 (100,0)	168 213 (38,9)	264 161 (61,1)	432 374 (100,0)	25 317 (23,9)	80 674 (76,1)	105 991 (100,0)
1958	139 120 (50,3)	137 520 (49,7)	276 640 (100,0)	171 617 (39,9)	258 698 (60,1)	430 315 (100,0)	25 160 (23,6)	81 616 (76,4)	106 776 (100,0)
1959			279 415 (100,0)			428 217 (100,0)			108 948 (100,0)
1960	141 412 (50,2)	140 101 (49,8)	281 513 (100,0)	156 494 (40,3)	231 975 (59,7)	388 469 (100,0)	24 314 (22,7)	82 776 (77,3)	107 090 (100,0)
1961	143 724 (50,3)	141 952 (49,7)	285 676 (100,0)	146 502 (40,4)	215 727 (59,6)	362 229 (100,0)	24 309 (22,5)	83 568 (77,5)	107 877 (100,0)
1962	148 082 (50,5)	145 437 (49,5)	293 519 (100,0)	138 838 (40,4)	204 930 (59,6)	343 768 (100,0)	24 046 (21,9)	85 594 (78,1)	109 640 (100,0)
1963	147 186 (50,4)	144 632 (49,6)	291 818 (100,0)	139 206 (41,2)	198 702 (58,8)	337 908 (100,0)	24 076 (21,6)	87 154 (78,4)	111 230 (100,0)
1964	144 803 (50,5)	142 146 (49,5)	286 949 (100,0)	139 954 (42,2)	191 262 (57,8)	331 316 (100,0)	24 276 (21,3)	89 693 (78,7)	113 969 (100,0)
1965	141 575 (50,5)	138 997 (49,5)	280 572 (100,0)	138 293 (42,8)	184 722 (57,2)	323 015 (100,0)	25 217 (21,3)	92 968 (78,7)	118 185 (100,0)

* См. примеч. к табл. 5.

За период, прошедший с начала 1950-х гг. до середины 1960-х гг., сельское население Мордовской АССР претерпело значительные изменения. Сократилась

его численность, изменился социальный состав: в нем заметно уменьшилась доля колхозников и значительно увеличился удельный вес рабочих и служащих, практически исчезли единоличники; происходило уменьшение трудоспособного населения на фоне увеличения лиц в возрасте старше трудоспособного; в сельском населении преобладали женщины, при этом доля мужчин несколько увеличилась.

Литература

1. Народное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1958. 144 с.
2. Народное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1965. 168 с.
3. Собрание постановлений СССР. М. : Юрид. лит. 1974. 486 с.

Поступила 05.08.2009 г.

УДК 930:37(470.345)

Е. Н. Бикейкин, И. Н. Самуйлова
E. N. Bikejkin, I. N. Samuilova

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В МОРДОВИИ И ЕЕ РОЛЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА (1960-е — СЕРЕДИНА 1980-х гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

THE EDUCATION SYSTEM IN MORDOVIA AND ITS ROLE IN SOCIOCULTURAL LIFE OF THE REGION (1960s — THE MIDDLE OF 1980s): HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Ключевые слова: образование, историографическая ситуация, Мордовия, регион, история, краеведение.

В статье рассматриваются вопросы историографии по важной проблеме региональной истории — развитию системы образования в Мордовии в 1960-х — середине 1980-х гг. Особое внимание уделяется оценкам роли образования в социокультурной жизни региона.

Key words: education, historiographical situation, Mordovia, region, history, the regional study.

Questions of historiography concerning the development of the education system in Mordovia in 1960s – the middle of 1980s as the key problem of regional history are considered in the article. Special attention is paid to evaluations of the role of education in sociocultural life of the region.

Рассмотрение историографии истории образования в Мордовской АССР в период 1960-х — середины 1980-х гг. представляется актуальным прежде всего в связи с трансформационными процессами, которые происходят в системе современного отечественного образования. Для понимания этих процессов немалое значение име-

ет обращение к опыту прошлого российского, и в частности мордовского, образования. В том числе обращение к историографическому аспекту этой проблемы, что позволяет исследователю более основательно вникнуть в его суть, обрести более полное понимание изучаемого предмета.

Обращение к эпохе 1960-х — середины 1980-х гг. продиктовано не в последнюю очередь тем обстоятельством, что именно в тот период, обычно определяемый как позднесоветский, произошло окончательное складывание и оформление советской образовательной системы как в центре, так и в регионах (в частности, в Мордовской АССР). Именно эта оформившаяся в «брежневский» период образовательная система явилась впоследствии точкой отсчета в истории трансформационных процессов современного образования.

Говоря об историографии истории образования Мордовии периода 1960-х — середины 1980-х гг., прежде всего необходимо отметить ограниченность существующих исследований. Если общие работы по 1960 — 1980-м гг. многочисленны, то сфера образования исследуемого периода до сих пор мало изучалась в рамках отдельных работ. Ее, как правило, касались при исследовании более общих тем, связанных в первую очередь с культурным развитием республики, с историей Мордовии в целом.

В историографии исследуемой проблемы нами выделено два основных этапа. Первый этап (1960-е — середина 1980-х гг.), хронологически совпадающий с исследуемым периодом, связан с целостным и глубоким изучением образования в Мордовии «брежневского» периода в рамках более общих работ по истории и культуре МАССР. В тоже время стоит подчеркнуть, что эти работы основаны на пристрастном, политически ангажированном подходе к действительности. Второй этап (1990 — 2000-е гг.) отражает современную методологию цивилизационного, парадигмального, историко-культурного и регионального подходов к образовательному процессу.

Концептуальную основу исследований *первого этапа* составила господствовавшая в то время концепция развитого социализма. Одной из первых обобщающих работ этого периода была монография Т. И. Сандиной [44]. В ней освещается довольно обширный пласт истории образования в Мордовии в период от Октябрьской революции до конца 1960-х гг. включительно. Образовательные достижения МАССР 1960-х гг. рассматриваются автором как закономерный результат предшествовавшего развития образовательной системы начиная с 1917 г. Помимо прочего в подтверждение своего вывода она отмечает: «Об огромных масштабах народного образования свидетельствует бюджет МАССР. В 1966 году расходы на просвещение в республике составили 44,6 % всего республиканского бюджета». Большим достоинством книги является обширный фактологический материал. В тоже время, оценивая работу Т. И. Сандиной, нельзя не признать ее заидеологизированность, что, впрочем, характерно практически для всех работ того времени. Однако этот недостаток не снижает ценности данного обстоятельного исследования.

Мордовскому образованию первой половины 1960-х гг. посвящена обширная статья К. А. Горькиной, опубликованная в сборнике «Исследования по истории Мордовской АССР» [9], в которой дается подробный анализ многих аспектов строительства школьной системы республики в годы семилетки (1959 — 1965 гг.). Касаясь главным образом школьного образования, автор большое внимание уделила вопросам

подготовки учительских кадров, связи школы с производством, росту количества школ в исследуемый период, работе школьных родительских комитетов, взаимодействию образовательных учреждений с партийными, комсомольскими и общественными организациями, а также организации летнего отдыха учащихся.

Автор говорит об объективно возросших в исследуемый период требованиях к школе, справедливо связывая этот фактор как с развитием НТР, так и с прогрессом общественной структуры советского общества. В тоже время в статье автор никак не касается связи школы с вузовским образованием, да и вообще обходит стороной высшую школу, что следует, на наш взгляд, отнести к недостаткам работы.

В том же сборнике опубликована статья Г. И. Лесова, посвященная сельской общеобразовательной школе в 1960-х — начале 1970-х гг. [36] Как и в работе К. А. Горькиной, здесь много внимания уделено связи школы с производством, в данном случае сельскохозяйственным. Большим достижением развития мордовского образования в исследуемый период (что совершенно справедливо) автор признает осуществление всеобщего обязательного восьмилетнего обучения детей (в начале 1960-х гг.), в том числе в сельской местности. Кроме того, сильной стороной работы Г. И. Лесова, на наш взгляд, следует считать предпринятый им анализ динамики развития сельской школы, обусловленный потребностью «подтягивания» образовательного уровня села к городскому. Это «подтягивание», по мнению автора, являлось одной из самых насущных потребностей как в деле сохранения единого образовательного пространства в республике, так и в деле последующего устойчивого развития школы в МАССР. Действительно, как видно из статьи, к началу 1970-х гг. можно констатировать значительное сокращение уровня отставания сельского школьного образования от городского.

Определенный вклад в развитие исследований по образовательной сфере внесла работа В. С. Ивашкина о формировании советской интеллигенции в Мордовии, в том числе учительства [22]. Автор привлек большое количество фактического и статистического материала, который позволяет полно представить исследуемый им предмет. В этом несомненная ценность книги В. С. Ивашкина. Однако временной период, который исследуется автором, ограничивается в основном 1917 — 1941 гг. Изучаемого же нами «брежневского» времени он касается главным образом лишь в послесловии к книге, исходя из которого видно, что интеллигенция 1960 — 1970-х гг. рассматривается автором как в достаточной степени сформировавшийся слой советского общества, как продукт сложного и многофакторного генезиса образовательной сферы региона в предшествовавшую эпоху, которая открылась событиями Октябрьской революции.

Своеобразной вехой в исследовании образовательных процессов в Мордовии в 1960-е — начале 1970-х гг. стала вышедшая в 1973 г. монография В. В. Кирдяшкина [26]. В данной обстоятельной работе дан анализ такого достижения в Мордовской АССР тех лет, как осуществление всеобщего обязательного восьмилетнего обучения. Рассматривая его всесторонне, автор подробно характеризует мероприятия власти в данной области, в частности такие, как перестройка сети школ и борьба с отсевом учащихся, создание условий для полного охвата детей обязательным восьмилетним обучением, подготовка и воспитание учителей и руководящих кадров народного образования, а также совершенствование учебно-воспитательного процесса как основы выполнения Закона о восьмилетнем всеобуче и расширении среднего образования.

Кроме того, В. В. Кирдяшкин анализирует пути осуществления всеобщего среднего образования в Мордовии. Для этого автор подробно рассматривает место и роль общеобразовательной школы в осуществлении всеобщего среднего образования, а также работу вечерних (сменных) общеобразовательных школ как один из путей осуществления всеобщего среднего образования.

В целом, если абстрагироваться от идеологических клише «брежневской» эпохи, монография В. В. Кирдяшкина представляет собой весьма целостное и законченное исследование, не потерявшее актуальности и поныне.

Как и сегодня, в 1960 — 1980-е гг. проблемы образования тесно увязывались с воспитанием учащихся. Так, в вышедшем в 1977 г. сборнике «За воспитание учащихся все в ответе» (составитель В. И. Киреев) ряд статей (В. Н. Рожкова, В. И. Корякова, И. Я. Буланова) посвящался взаимодействию школы, семьи и общественности, вопросам шефства заводов над школами, координации деятельности общественных организаций и школ [15]. В этих статьях красной нитью проходит мысль о том, что за воспитание подрастающего поколения в равной степени несут ответственность как школа, так и семья и общество в целом. При этом авторы стремятся найти форму гармоничного сочетания в воспитательно-образовательном процессе перечисленных составляющих (школы, семьи, общества) применительно к конкретным условиям советской школы в Мордовии. Данное обстоятельство, даже несмотря на многочисленные идеологические вставки, является весьма ценным моментом в смысле понимания современным исследователем отдельных аспектов функционирования образовательной системы «брежневского» периода.

Говоря об историографии истории образования в Мордовии в 1960 — 1980-е гг. нельзя не отметить двухтомное издание «История Мордовской АССР». Во втором томе этого издания дан содержательный очерк по развитию народного образования в МАССР в 1959 — 1980 гг. [23]. Его большим достоинством является охват буквально всех составляющих народного образования Мордовии от начальной школы до вуза. Большое внимание уделено профессионально-техническим и средним специальным учебным заведениям. Авторами привлекается добротный статистический материал, на основе анализа которого они отмечают не только количественный, но и значительный качественный рост различных образовательных учреждений республики, подчеркивают достаточно равномерное и гармоничное сочетание различных составляющих в образовательной системе Мордовии.

В тоже время в качестве недостатка данной работы следует отметить краткость очерка, который, на наш взгляд, следовало бы выделить в отдельный параграф данного издания, что позволило бы дать более развернутую картину развития образования в Мордовии в исследуемый период.

Начало 1980-х гг. было отмечено выходом в свет изданий, посвященных отдельным аспектам народного образования в МАССР. Одним из таковых явилась статья Р. В. Шестаковой о подготовке и воспитании кадров массовой квалификации для сельского хозяйства Мордовии, в которой исследуется историография этой проблемы [51]. По мнению автора, «...проблема подготовки рабочих для сельского хозяйства Мордовии до сих пор остается недостаточно раскрытой, а актуальность ее ясна, источников вполне достаточно, по которым можно и необходимо исследовать данную тему» [Там же, с. 310]. Отчасти соглашаясь с подобным выводом, в то же время следует отметить, что констатируемая «достаточность» источников вызывает

(с позиции сегодняшнего дня) некоторое сомнение прежде всего в плане объективности их содержания, многие из которых несли слишком много субъективно-идеологической информации, нередко представлявшей собой не только определенного типа клише, но и откровенно не соответствовавшие действительности содержательные моменты.

Говоря об отдельных аспектах истории образования в МАССР в 1960 — 1980-е гг. нельзя не отметить вышедшую в 1982 г. монографию Н. Д. Савкина о состоянии и перспективах совершенствования профессионально-технической подготовки рабочих кадров в Мордовии [43]. В ней автор описывает становление профессионально-технического образования в МАССР, анализирует современное ему состояние профессиональной подготовки рабочих кадров, намечает перспективы дальнейшего развития.

Несомненным достоинством книги являются приложения, состоящие главным образом из статистических таблиц. Ссылаясь на них, а также на примеры из опыта работы профессионально-технических училищ Мордовии, во множестве приводимые в тексте монографии, автор подчеркивает возрастающую роль профессионально-технического образования в решении народно-хозяйственных и социально-экономических задач. Во многом справедливо он отмечает, что решающим фактором совершенствования обучения и воспитания будущих рабочих является качественный рост инженерно-педагогических кадров.

Оценивая в целом положительно в количественном и качественном измерении весь процесс развития профтехобразования в МАССР, в том числе в исследуемый нами период, Н. Д. Савкин в тоже время указывает на необходимость постоянного расширения научных исследований в этой области. С таким выводом автора, на наш взгляд, можно согласиться. Данное издание представляло собой довольно целостное и полное исследование профессионально-технического образования в МАССР «брежневского» периода.

Помимо перечисленных публикаций вопросы развития образования в МАССР отчасти нашли отражение в материалах научно-теоретической конференции «В братской семье» (1981), в разделах сборника «50 лет созидания» (1979), в историко-этнографическом очерке «Мордва» [3] и ряде других книг. Кроме того, эта тематика представлена в сборниках, выпущенных к юбилею Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, в коллективных монографиях о работе НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР, статьях Н. В. Заварюхина, К. А. Коткова, Ю. И. Сальникова, И. М. Петербургского, А. С. Лузгина и др. [16, 40, 41, 56 и др.].

Достаточно скудно в региональной историографии 1960 — 1980-х гг. затрагивалась государственная политика в сфере образования. В рамках рассмотрения деятельности Советов по социокультурному развитию села, об этом писали Ю. Ф. Кожурин [29] и В. М. Сурков [46, 47]. Достаточно детально характеризовались ими шаги органов государственной власти по укреплению инфраструктуры культуры, в частности ее образовательной составляющей, анализировалась культурная и образовательная политика в целом. В трудах перечисленных авторов богатый фактический материал сочетается с обширными статистическими данными, в том числе по вопросам развития системы образования в Мордовии.

В целом же в большинстве трудов 1960 — 1970-х гг. преобладает узкоотраслевой взгляд на проблемы развития системы образования. Так, для историков эта об-

ласть важна как элемент культуры; для лингвистов — как аспект проблемы истории и теории языка; для книговедов, историков журналистики — как составляющая книгоиздательского дела. В ряде работ проблемы школы и содержания образования в МАССР представлены в связи с рассмотрением деятельности тех или иных авторов учебной литературы. Работы М. А. Келина, В. П. Киржаевой, Р. С. Ширманкиной и других исследователей посвящены анализу отдельных учебных пособий, А. М. Каторова, М. И. Ломшин и другие ученые анализируют проблемы образования в контексте развития литературного образования в системе высшего и общего образования в Республике Мордовия 1960 — 1980-х гг. [25, 27, 37, 52 и др.].

Большое значение и интерес для количественных оценок эффективности решения проблем региональной системы образования представляют статистические материалы, показанные в различных сборниках. Особо следует отметить сборники «Культурное строительство в РСФСР», «Культурное строительство в СССР», «Культурное строительство в МАССР». В них опубликованы документы советских и партийных органов, касающиеся в том числе строительства системы общего среднего образования в регионе.

Однако они составлены так, что главным образом апологетически демонстрируют широту охвата образованием населения в Мордовии, расширение подготовки специалистов различных отраслей, в том числе учителей. Как правило, материалы приводятся примерно по одной и той же схеме, меняется лишь нарастающий итог от одного отчетного периода к другому — от пятилетки к пятилетке. Совершенно очевидно, что при подобном преподнесении материала не берется во внимание то, что в ходе образовательного строительства 1960-х — середины 1980-х гг. решались прежде всего задачи, определяемые партийно-государственными постановлениями, т. е. объективного представления о ходе решения данных задач официальная статистика не дает.

Таким образом, несмотря на многие положительные аспекты, на исследовательских работах этого этапа историографии лежит печать определенных идеологических установок и схем в изучении проблем образования. Работы носили преимущественно фактологический, конкретно-исторический, описательный характер, им присущи такие черты, как элементы апологетики и идеологически обусловленные оценочные суждения, отразившиеся, в частности, на источниковой базе работ: факты, противоречащие существующим социально-политическим установкам, либо замалчивались, либо искажались. Авторы избегали объективного анализа просчетов и ошибок методологического плана.

В тоже время в этих работах приводились важные данные о функционировании образовательной системы в МАССР, о попытках реформирования образования. Эти данные являются востребованными исследователями и по сей день.

Второй этап изучения проблемы (1990 — 2000-е гг.) связан с исследованиями последних десятилетий, основанными на современных методологических подходах к анализу событий прошлого. Их появление было обусловлено как произошедшими в конце XX столетия трансформационными процессами, так и научной, общественной потребностью в создании объективной картины развития системы образования в Мордовии.

В 1990-е гг. на уровне общероссийской историографии был опубликован ряд исследовательских работ, анализирующих истоки и предпосылки перемен в образовательной

сфере [4 — 6, 11, 18, 32, 38, 49, 53]. Особо необходимо выделить работы Р. А. Медведева, Е. И. Зубкова. В этих работах особое внимание уделяется изучению влияния на развитие культуры и образования в 1960-е — середине 1980-х гг. личного фактора.

Определенные аспекты образовательной политики в 1960-е — середине 1980-х гг. нашли отражение в немногочисленных диссертациях [2, 8, 16, 23, 44]. Несомненный научный интерес вызывают работы А. Д. Бородай и М. Р. Зезиной, где затронуты проблемы взаимоотношения власти с интеллигенцией, в том числе с учительством, преподавателями вузов, а косвенно — всей образовательной сферой в целом.

Рассматриваемая нами проблема исследовалась с точки зрения культурной трансформации позднесоветского общества в работах ученых Института культурологии Министерства культуры РФ и РАН [19].

На рубеже XX — XXI вв. вышли в свет исследования, в основе которых лежат новые для отечественной историографии методы и концепции. В целом развитие отечественной историографии во второй половине 1990 — 2000-х гг. характеризовалось анализом периода 1960 — 1985 гг., в том числе образовательного аспекта, в соответствии с концепциями, которые нашли широкое применение в современной западной историографии — теория модернизации, концепция социальной истории, история повседневности, микроистория и т. д. [7, 30].

Тенденции общероссийской историографии были характерны и для региональной. При этом многие региональные работы 2000-х гг. заслуживают внимания как выходящие на принципиально новый уровень осмысления проблемы в свете цивилизационного, парадигмального, историко-культурного, этнопсихологического, регионального подходов. Их авторы — А. И. Сухарев, Ю. Ф. Кожурин, В. А. Юрченков — при рассмотрении ряда проблем регионального (республиканского) характера затрагивают и вопросы развития системы общегосударственного и регионального образования в исследуемый период [29, 48, 57]. Достаточно детально характеризуются ими шаги органов государственной власти по укреплению инфраструктуры образования, анализируют образовательную политику в целом. Работы этих ученых, основанные на огромном фактическом материале, содержат важные историко-теоретические обобщения. К явным достоинствам данных исследований следует отнести широкое введение в научный оборот фондов местных архивов, глубину изучения конкретных вопросов, обусловленную географической локальностью тематики. Среди недостатков можно отметить известную ограниченность в тематическом плане.

Особо следует отметить работы 2000-х гг. — времени, когда складывалась современная парадигма оценки развития образования в 1960 — 1980-е гг.

Реформам образования во второй половине 1950-х — середине 1960-х гг. посвящена статья Г. А. Куршевой [34]. По ее мнению, реформы в сфере образования 1950 — 1960-х гг. оказали существенное влияние на региональный социум: повысился образовательный уровень населения и потенциал региона, что позитивно сказалось на обеспечении собственными кадрами социально-экономического развития республики.

В 2006 г. вышла в свет монография В. Л. Житаева о культурно-просветительной деятельности в Мордовии в период со второй половины XIX в. по 1980-е гг. [13], в которой помимо собственно культурного развития республики автор рассматривает

и образовательную составляющую жизни Мордовии, в том числе в интересующий нас период 1960 — 1980-х гг. Показательно, что В. Л. Житаев останавливается на таком мало изученном факте из истории образования в МАССР, как завершение процесса ликвидации неграмотности в республике, который он (на наш взгляд совершенно верно) относит к первой половине 1960-х гг., а конкретнее — к концу 1965 г. В доказательство своей правоты автор приводит документальный материал, в частности Постановление бюро ЦК КПСС и Совета Министров РСФСР от августа 1962 г. «О завершении ликвидации неграмотности в Российской Федерации» и аналогичное постановление Мордовского обкома КПСС и Совмина МАССР от сентября того же года, а также информацию Министерства просвещения Мордовии, поступившую в обком партии 25 июля 1965 г.

В тоже время, оценивая в целом положительно динамику системы образования 1960-х — середины 1980-х гг. В. Л. Житаев характеризует ее крайне кратко, в основном останавливаясь на исследовании работы учреждений культуры — библиотеки, клубов и т. п. Это является существенным недостатком его работы, так как образование в каждую эпоху служило стержнем любой культурно-просветительной деятельности.

Как бы восполняя этот недостаток (по крайней мере отчасти), в том же 2006 г. выходит в свет еще одна монография В. Л. Житаева (в соавторстве с И. В. Сединой) по культурному строительству на селе в Мордовии в период с 1945 по 1995 г. [14]. Одна из глав данной работы целиком посвящена повышению общеобразовательного уровня сельского населения республики, в том числе в исследуемый нами период. В ней авторы подробно исследуют осуществление всеобщего, организацию вечернего и заочного обучения взрослого населения, а также динамику общеобразовательного уровня населения. Также в книге рассматриваются вопросы завершения ликвидации неграмотности в МАССР (во многом идентичные материалам предыдущей монографии В. Л. Житаева).

Особо следует отметить, что отдельная глава монографии посвящена кадрам сельской интеллигенции, в частности учительству. По мнению В. Л. Житаева и И. В. Сединой именно практика развития образования в республике в период 1960 — середины 1980-х гг. явилась решающим моментом подъема культуры села на качественно новую ступень, благодаря чему разница в образовательном уровне города и села в Мордовии существенно сократилась. Большую роль в этом сыграли учителя, грамотная кадровая политика в области образования, как констатируют авторы.

История образования на местном уровне, в том числе в исследуемый нами период, представлена и в книгах о районах Мордовии [12, 31]. Как видно из этих работ, развитие районного образования в целом копировало общереспубликанские и общегосударственные тенденции, что говорит о достаточно продуманном централизованном управлении образовательным процессом в «брежневский» период, о постоянной заботе власти по поддержанию единства образовательного пространства республики (как и страны в целом).

О таком аспекте истории образования в регионе, как динамика кадров интеллигенции, писал в 2000-е гг. К. И. Шапкарин [50]. В тоже время, исследуя процессы, происходящие главным образом внутри интеллигентской среды, и взаимодействие слоя региональной интеллигенции с властью, автор лишь косвенно касается вопросов образования в Мордовии. В свою работу он вводит множество ранее не

публиковавшихся материалов, оценивая происходящие в интеллигентской среде процессы с позиций современной методологии.

Говоря об историографии истории образования в МАССР в 1960 — 1980-е гг. отдельным блоком следует выделить высшее образование. Работ по этой тематике немного. Так, в частности следует отметить вышедшую в 2001 г. в рамках материалов V Сафаргалиевских чтений статью В. А. Юрченкова и Н. М. Арсентьева «Историческая наука в университете» [57]. Касаясь периода 1960 — 1980-х гг., авторы склонны рассматривать его как один из решающих этапов в становлении исторической науки как в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева, так и в Мордовии в целом, с чем, в общем-то, трудно не согласиться.

Серия статей по проблемам истории высшего образования в МАССР периода 1960 — 1980-х гг. опубликована Н. А. Крисановой [33, 34]. Она, в частности, рассматривает положение высшей школы Мордовии в системе научно-образовательных и народно-хозяйственных интересов республики, а также опыт взаимодействия вузов и школ МАССР в подготовке педагогических кадров во второй половине XX в.

По ее мнению, в исследуемый период система высшего образования в Мордовии воплощала модель единства теории и практики в научном познании, определяла приоритетные направления деятельности, согласуя их с потребностями народного хозяйства республики, с потребностями времени и идеологии, что является естественным и закономерным в любой государственной системе. Высшая школа готовила кадры для всех ведущих направлений развития промышленности и сельского хозяйства Мордовии, а также возобновила в начале 1960-х гг. подготовку педагогических кадров для республики и региона в целом. Это — результат огромной плодотворной и системной работы по подготовке высококвалифицированных учителей в системе высшего образования.

Отдельно следует сказать о диссертационных работах, касающихся рассматриваемой нами темы.

В 2000-е гг. с точки зрения историко-педагогического аспекта развития образования в Мордовии «брежневского» времени затрагивала в своей диссертации и ряде других работ Т. И. Шукшина [54, 55]. По ее мнению, развитие региональной системы общего среднего образования в исследуемый период, в значительной степени зависело от квалификации и мастерства учителя, от его человеческих, педагогических, профессиональных качеств, аксиологических приоритетов.

Одной из наиболее удачных попыток анализа процесса развития образования и культуры в Мордовии в рассматриваемый период стали исследования А. Э. Зусина и К. А. Баймашкина [1, 20, 21]. В них на обширном фактическом материале, в значительной степени впервые вводимом в научный оборот, освещаются отдельные вопросы жизнедеятельности республики как целостной социокультурной системы, в частности вопросы региональной образовательной политики 1960-х — середины 1980-х гг. Достоинством данных исследований является отход от односторонне упрощенной трактовки исторических событий и переход к многофакторному анализу прошлого, учет как негативных, так и позитивных тенденций общественного развития, в том числе и образовательной сферы.

В тоже время историографический анализ свидетельствует о том, что, несмотря на наличие определенного пласта исторических, историко-педагогиче-

ских, краеведческих работ, посвященных проблемам образования, в целом процесс развития региональной системы образования на территории Мордовии в период 1960-х — середины 1980-х гг. пока еще не стал предметом специального исследования. Данное обстоятельство, таким образом, диктует необходимость более полного и всестороннего изучения образовательной сферы позднесоветского времени, тем более что полученный опыт трудно переоценить в связи с происходящими в современной образовательной системе модернизационными процессами.

Литература

1. **Баймашкин К. А.** Власть и культура Мордовии в 1960-е — середине 1980-х гг.: теория и практика управления : дис. ... канд. ист. наук / К. А. Баймашкин. Саранск, 2007. 284 с.
2. **Бородай А. Д.** Культурная политика в советском обществе, формирование молодой художественной интеллигенции (вторая половина 50-х — 80-е гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. Д. Бородай. М., 2000.
3. В братской семье : по материалам респ. науч.-теоретич. конф. «Мордовия в братской семье советских народов» / отв. ред. Г. М. Измалкин. Саранск : Мордов. кн. изд-во 1981. 368 с.
4. **Вайль П.** 60-е годы. Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. М., 1998. 358 с.
5. **Власов Ю. Н.** Культура реформаторства и реформирование культуры / Ю. Н. Власов. М., 1998. 276 с.
6. **Гордон Л.** Как это было / Л. Гордон, Э. Клопов. М., 1989. 291 с.
7. **Горлова И. И.** Культурная политика в современной России: региональный аспект / И. И. Горлова. Краснодар, 1998. 320 с.
8. **Горлова И. И.** Культурная политика в условиях переходного периода: федеральный и региональный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / И. И. Горлова. М., 1997.
9. **Горькина К. А.** Развитие народного образования в Мордовии за годы семилетки / К. А. Горькина // Исследования по истории Мордовской АССР / ред. И. Е. Автайкин [и др.]. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1971. С. 33 — 47.
10. 2001 факт из жизни Мордовского университета. Саранск, 2001. 224 с.
11. **Добренко Е.** Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Е. Добренко. СПб., 1997. 323 с.
12. Дубенский район. История. События. Люди / авт.-сост.: Н. В. Заварюхин [и др.]. Саранск, 2008. 456 с.
13. **Житаев В. Л.** Культурно-просветительская деятельность в Мордовии (II половина XIX — 80-е гг. XX в.) / В. Л. Житаев. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. 152 с.
14. **Житаев В. Л.** Культурное строительство на селе Мордовии 1945 — 1995 гг. / В. Л. Житаев, И. В. Седина. Саранск, 2006. 140 с.
15. За воспитание учащихся все в ответе / сост. В. И. Киреев. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1977. 112 с.
16. **Заварюхин Н. В.** Исследования по истории Мордовии / Н. В. Заварюхин, К. А. Котков, А. П. Лебедев, В. Д. Мозеров, Ю. И. Сальников // Первенцу науки Мордовии — 50. Саранск, 1982. С. 31 — 44.
17. **Зезина М. Р.** Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е — 60-е годы : дис. ... д-ра ист. наук / М. Р. Зезина. М., 2000.
18. **Зубкова Е. Ю.** Общество и реформы. 1945 — 1964 / Е. Ю. Зубкова. М., 1993. 284 с.
19. **Зудин А.** Истоки перемен: культурная трансформация «позднесоветского общества» / А. Зудин // Мировая экономика и междунар. отношения. 1999. № 5. С. 103 — 108.
20. **Зусин А. Э.** Социокультурное развитие Мордовии. Вторая половина 1960-х — середина 1980-х гг. / А. Э. Зусин ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2006. 368 с.

21. **Зусин А. Э.** Социокультурное развитие Мордовии во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг.: основные тенденции динамики регионального социума : дис. ... канд. ист. наук / А. Э. Зусин. Саранск, 2006. 264 с.
22. **Ивашкин В. С.** Формирование советской интеллигенции в Мордовии (1917 — 1941 гг.) / В. С. Ивашкин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1972. 178 с.
23. История Мордовской АССР : в 2 т. Т. 2. 1917 — 1981. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. 432 с.
24. **Карпухин О. И.** Культурная политика государства в условиях реформирования общества : дис. ... д-ра социол. наук / О. И. Карпухин. М., 1997.
25. **Каторова А. М.** Учебники-хрестоматии по мордовской литературе для средних классов: проблемы создания / А. М. Каторова // Проблемы мордовской учебной книги: история и современность : материалы респ. науч.-практ. конф. / МГПИ им. М. Е. Евсевьева. Саранск, 1994. С. 60 — 63.
26. **Кирдяшкин В. В.** Мордовия на пути к всеобщему среднему образованию / В. В. Кирдяшкин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1973. 160 с.
27. **Киржаева В. П.** Принципы обучения русскому языку в мордовской школе (учет особенностей родного языка) : учеб. пособие / В. П. Киржаева. Саранск, 1995. 96 с.
28. **Кожурин Ю. Ф.** Роль местных Советов Мордовии в социально-экономическом и культурном строительстве на селе в период зрелого социализма : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. Ф. Кожурин. М., 1981. 24 с.
29. **Кожурин Ю. Ф.** Цивилизация: идентификация социокультурной системы региона / Ю. Ф. Кожурин. Саранск, 2003. 352 с.
30. **Красильщиков В. А.** Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций / В. А. Красильщиков. М., 1998. 264 с.
31. Красная Слобода / В. А. Юрченков [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2008. 464 с.
32. **Кречмар Д.** Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970 — 1985 гг. / Д. Кречмар. М., 1997. 316 с.
33. **Крисанова Н. А.** Высшая школа Мордовии в системе научно-образовательных и народно-хозяйственных интересов республики (1950 — 1970-е гг.) // Од вий. 2008. Вып. 2. С. 56 — 65.
34. **Крисанова Н. А.** Опыт взаимодействия вузов и школ в Мордовии в подготовке педагогических кадров (вторая половина XX в.) // Од вий. 2008. Вып. 3. С. 57 — 62.
35. **Куршева Г. А.** Реформы образования во второй половине 1950-х — середине 1960-х гг. (на примере Мордовии) / Г. А. Куршева // Крестьянство и власть Среднего Поволжья : материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья / отв. ред. В. А. Юрченков ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2004. С. 443 — 450.
36. **Лесов Г. И.** Сельская общеобразовательная школа Мордовии на современном этапе / Г. И. Лесов // Исследования по истории Мордовской АССР / ред. И. Е. Автайкин [и др.]. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1971. С. 3 — 13.
37. **Ломшин М. И.** Проблемы литературного образования студентов в национальных группах высшей школы (на материале мордовской и русской литературы). Саранск, 2003. 192 с.
38. **Медведев Р. А.** Серый кардинал. М. А. Суслов. Политический портрет / Р. А. Медведев, Д. А. Ермаков. М., 1992. 240 с.
39. Мордва : ист.-этногр. очерки. Саранск, 1981. 336 с.
40. Мордовский университет : ист.-хроник. очерк. Саранск, 1992. 160 с.
41. **Петербургский И. М.** Работы института в области археологии и этнографии / И. М. Петербургский, А. С. Лузгин // Первенцу науки Мордовии — 50. Саранск, 1982. С. 45 — 54.
42. 50 лет созидания. Саранск, 1979. 236 с.
43. **Савкин Н. Д.** Состояние и перспективы совершенствования профессионально-технической подготовки рабочих кадров в Мордовской АССР / Н. Д. Савкин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1982. 130 с.

44. **Сандина Т. И.** Развитие народного образования / Т. И. Сандина. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1969. 208 с.
45. **Смирнов Г. А.** Культурная политика в социокультурном развитии региона: теоретические и практические аспекты : дис. ... канд. ист. наук / Г. А. Смирнов. М., 1998. 190 с.
46. **Сурков В. М.** К вопросу о деятельности местных Советов Мордовской АССР по культурному обслуживанию населения (1971 — 1978 гг.) / В. М. Сурков // Вопросы истории Мордовской АССР : тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск, 1985. Вып. 66. С. 126 — 135.
47. **Сурков В. М.** Работа Советов Мордовии в области социально-бытового и культурного строительства в годы девятой и десятой пятилеток (1971 — 1990 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. М. Сурков. М., 1983. 30 с.
48. **Сухарев А. И.** Социальный облик Советской Мордовии: состояние, тенденции развития / А. И. Сухарев. Саранск, 1980. 192 с.
49. **Хлопьянкина Т.** Застава Ильича. Судьба фильма / Т. Хлопьянкина. М., 1990.
50. **Шапкарин К. И.** Человек в очках и шляпе (об образе жизни советской интеллигенции) / К. И. Шапкарин // Саранск: идеалы и повседневность городской культуры : материалы IV Воронин. науч. чтений. Саранск, 2007. С. 103 — 113.
51. **Шестакова Р. В.** Подготовка и воспитание кадров массовой квалификации для сельского хозяйства Мордовии на современном этапе : историография и источники / Р. В. Шестакова // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья : материалы второй конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. С. 310 — 315.
52. **Ширманкина Р. С.** Лингвистическая терминология в школьных учебниках эрзянского языка / Р. С. Ширманкина // Вопросы терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации. Сомбатхей, 2003. С. 130 — 137.
53. **Шубкин В. Н.** Система образования и воспроизводства новых элит / В. Н. Шубкин // Этика успеха. 1994. Вып. № 3. С. 176 — 187.
54. **Шукшина Т. И.** Концепция перехода к всеобщему среднему образованию в Мордовии в середине 1950-х — 1980-е гг. // Актуальные проблемы социально-экономического, историко-культурного и правового развития народов Поволжья : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Ф. Беляевой ; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2005. С. 170 — 175.
55. **Шукшина Т. И.** Становление и развитие региональной системы общего среднего образования в Мордовии в 20 — 80-е гг. XX века : дис. ... д-ра пед. наук / Т. И. Шукшина. Саранск, 2005.
56. Экономический факультет Мордовского университета. Саранск, 1999. 148 с.
57. **Юрченков В. А.** Историческая наука в университете // История в культуре, культура в истории : материалы V Сафаргалиев. чтений / В. А. Юрченков, Н. М. Арсентьев. Саранск, 2001. С. 7 — 18.

Поступила 23.07.2009 г.

УДК 343.8

Р. В. Юрченков
R. V. Yurchenkov

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В СССР В 1960-е — НАЧАЛЕ 1990-х гг.

LEGAL BASE OF THE PENITENTIARY SYSTEM IN THE USSR IN 1960s – THE BEGINNING OF 1990s

Ключевые слова: нормативно-правовая база, пенитенциарная система, политическая юстиция, ИТЛ, Дубравлаг.

В статье анализируются нормы исправительно-трудового права как база пенитенциарной системы в СССР в 1960-е — начале 1990-х гг.

Key words: legal base, the penitentiary system, political justice, work camp, Dubravlag.

Rules of the law of corrections as the base of the penitentiary system in the USSR in 1960s — the beginning of 1990s are analysed in the article.

Пенитенциарная система в СССР являлась одним из важных элементов механизма власти и одним из звеньев системы политической юстиции в стране. Помимо реализации мер государственного принуждения, назначаемых по приговору суда в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения новых преступлений, она выполняла функции борьбы с инакомыслием, диссидентством, правозащитным движением. Последнее превращало ее в существенный элемент политической юстиции «с ее пренебрежением и к людям, и к закону, с ведомственной замкнутостью, секретностью, полным подчинением указаниям партийных инстанций» [1, с. 308]. Кроме того, по мнению А. И. Лушина, «в отличие от западноевропейской, на протяжении многих десятилетий она формировалась как механизм, решавший главным образом не воспитательные, а производственные задачи» [3, с. 363].

Нормативно-правовой базой функционирования пенитенциарной системы в СССР являлось исправительно-трудовое право, которое было призвано регламентировать общественные отношения, возникающие в процессе и по поводу исполнения наказаний. При этом основополагающими категориями выступали «наказание» и «режим».

Классическое определение наказания дал К. Маркс: «Наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушения условий его существования, каковы бы ни были эти условия» [4, с. 531]. Наказание можно трактовать как средство принуждения, где реализуется степень неодобрения поведения личности в виде конкретного ограничения гражданских правоотношений, определенных лишений и страданий лиц, к которым оно применяется. «Наказанию присущи по крайней мере три признака: его основание — совершение преступления, его юридический источник — судебный приговор, его цель — общая и специальная превенция» [1, с. 294].

В советском исправительно-трудовом праве режим трактовался в широком и узком смысле: «Режим ИТУ в широком понимании — это порядок его деятельности, вся совокупность мероприятий, обеспечивающих исполнение наказаний исправительно-трудового характера и осуществление методов, направленных на исправление и перевоспитание осужденных. Режим в узком понимании — это один из основных методов исправительно-трудового воздействия, обеспечивающий осуществление исправления и перевоспитания, это регламентирование порядка содержания заключенных в ИТУ» [6, с. 96].

Исправительно-трудовое право в СССР претерпело определенную эволюцию, обусловленную общими изменениями общественно-политической ситуации в стране. Характеризуя ее, один из крупнейших советских специалистов в сфере исправительно-трудового права Н. А. Стручков писал: «В процессе оформления Исправительно-трудового права в самостоятельную отрасль права создавались новые юридические нормы и институты, в то же время в известной мере использовались некоторые нормы и институты административного, гражданского, трудового права, учитывались требования психологии, организации труда и экономической работы. Однако все заимствованные таким образом положения подвергались столь существенным дополнениям и переработке с учетом целей наказания и специфического социального назначения в сфере исполнения наказания, что привело к возникновению новых норм права, вошедших в единую самостоятельную систему норм Исправительно-трудового права» [7, с. 131].

Серьезная трансформация исправительно-трудового права началась в конце 1950-х гг., когда в 1958 г. были приняты «Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик» и следом «Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД СССР». Последнее определило основным видом ИТУ исправительно-трудовую колонию трех видов: общего, усиленного и строгого режима. В тюрьмах также устанавливались усиленный и строгий режимы, их вид определяла администрация на основе поведения заключенного. 27 октября 1960 г. приняли новый уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, он был введен в действие 1 января 1961 г.

В 1961 г. было принято новое «Положение об ИТК и тюрьмах», которое смягчало режим содержания осужденных. Например, они могли пользоваться книгами, журналами, газетами (ст. 48), им позволили выписывать газеты, журналы, посещать библиотеку (ст. 27 и 28). Но при этом произошло снятие ряда льготных положений. В этом плане показательна судьба проживавших и работавших за пределами колоний с правом вызова семьи. По положению 1961 г. их вернули в жилые зоны.

Через год уголовное законодательство ужесточилось, следом произошли изменения в ИТУ. Данный процесс получил завершение в «Основах исправительно-трудового кодекса РСФСР», принятых 11 июля 1969 г. и утвержденных Верховным Советом РСФСР 18 декабря 1970 г.

ИТК РСФСР состоял из шести разделов. В первом разделе определялись принципы и устанавливались общие положения использования и отбывания наказания, назначаемого судом. Во втором разделе — порядок и условия использования наказания в виде лишения свободы. Во втором разделе «А» устанавливались порядок и условия использования условного осуждения к лишению свободы и условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду. Третий раздел предусматривал порядок и условия исполнения наказания в виде

ссылки, высылки и исправительных работ без лишения свободы. В четвертом разделе устанавливались основания и порядок освобождения от отбывания наказания, порядок оказания помощи освобожденным из мест лишения свободы, наблюдения и надзора за ними, регулировалась деятельность учреждений и органов, исполняющих приговоры к этим видам наказания. Пятый раздел был посвящен участию общественности в исправлении и перевоспитании осужденных.

ИТК РСФСР содержал ряд позитивных правовых норм. В соответствии со ст. 8 впервые в советском законодательстве было определено правовое положение заключенных — они признавались гражданами СССР. Однако в соответствии с законодательством отрицалось наличие осужденных по политическим мотивам, хотя новый УПК РСФСР содержал специальный раздел — «Особо опасные государственные преступления», включавший ст. 70 — «Антисоветская пропаганда и агитация».

По свидетельству известного диссидента Э. С. Кузнецова, ИТК «облегчил жизнь ООР (кстати только ООР — для других режимов он оказался не подарком): четырехрублевые закупки в магазине ежемесячно, в год две килограммовые бандероли, личное свидание раз в год, а когда срок перевалит за половину — пятикилограммовая посылка ежегодно тому, кто „не нарушает режима“» [2, с. 191 — 192].

Создание новой нормативно-правовой базы оказывало влияние на ИТУ, однако этот процесс шел очень медленно, практически незаметно. Состояние конкретных ИТУ можно представить на примере Дубравлага, описания которого достаточно многочисленны. Стоит привести наиболее известные. Так, известный диссидент А. Марченко писал: «Весь юго-западный угол Мордовии перекрещен колючей проволокой, заборами особой конструкции, утыкан вышками, залит по ночам светом спаренных прожекторов. Здесь повсюду развешаны таблички: „Стой, запретная зона!“ и по-мордовски: „Тят сувся! Запретная зонась!“». Здесь чаще чем мордвина, встретишь солдата, конвоира, охранника, здесь много офицеров: на душу населения их больше, чем овец на душу на Кавказе. Здесь вообще встала на дыбы вся статистика: и соотношение мужчин и женщин, и возрастной и национальный состав населения. Русские, украинцы, латыши, эстонцы и „отдельные представители других национальностей“ живут здесь за проволокой столько лет, что давно перекрыли всякий ценз оседлости. Отцы и старшие братья нынешних ээков остались навсегда в мордовской земле — в виде скелетов или в виде разрозненных перемешанных с песком костей. Дети нынешних заключенных приезжают сюда „на свиданку“ со всех концов необъятной многонациональной страны» [5, с. 30 — 31]. Его дополнял Э. С. Кузнецов: «Летом 1962 г. был построен новый барак. Сооружали его ээка «иностранной» зоны, так как, с одной стороны, тогда еще была жива арестантская традиция: не строить для себя тюрем, — а с другой, нельзя ведь доверять строительству тюрьмы тому, кто точно знает, что именно ему придется в ней сидеть: возможны тайники, туннели для будущих побегов и т. п. Новый барак — приземистое кирпичное строение, длиною в сотню метров. По обе стороны коридора камеры — 30 общих и 14 одиночек. Общая камера: 18 — 19 кв. м, двухрусные нары, параша, стол, вот и вся обстановка. В 63 — 64 гг. я сидел в 21-й камере, было нас 15 человек. Летом адская духота, все нагишом — в одних трусах, — пот ручьями по жилистым спинам, то в одном конце коридора, то в другом истошный вопль: „Стража! Воды!“ — и гулкая дробь ударов оловянной кружкой в дверь, а ночью свист, звон разбиваемых окон и скандирование: „Врача! Врача!“ — значит, какой-

нибудь сердечник «вырубился». Зимой легче, хоть и холодно — пальцы карандаш не держат; спичка тут же гаснет от духоты: эмпирическое постижение необязательной синонимичности слов „свежий“ и „прохладный“. По воскресеньям час прогулки, на которую бегом, чтобы, отстояв очередь, нырнуть в дощатую дверь уборной. (Иногда свобода — это возможность справлять нужду в любое время). К утру параша переполнена, содержимое ее частично на полу... Бичи: холод, жара, духота, теснота, параша, начальство и, конечно же, голод. Частенько избивали кого-нибудь до полусмерти (а одного-таки и убили) за кражу пайки. Ни магазина, ни передач, ни посылок, ни бандеролей — ничего» [2, с. 191]. Описанное мало чем отличалось от ситуации, например, времени Великой Отечественной войны [8].

Оформление нормативно-правовой базы пенитенциарной системы в СССР в 1960-е гг. свидетельствовало об эволюции политической системы страны. Система политической юстиции функционально стала ослабевать, постепенно лишаясь то одних, то других полномочий и вытесняясь деятельностью учреждений общей юстиции.

Литература

1. **Кудрявцев В. Н.** Политическая юстиция в СССР / В. Н. Кудрявцев, А. И. Трусов. М. : Наука, 2000.
2. **Кузнецов Э. С.** Мордовский марафон / Э. С. Кузнецов. М. : Эксмо, 2008.
3. **Лушин А. И.** Власть и правозащитное движение в СССР. Историко-правовой аспект / А. И. Лушин. Саранск, 2002.
4. **Маркс К.** Смертная казнь / К. Маркс // Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М., 1957. Т. 8.
5. **Марченко А.** Мои показания / А. Марченко. М., 1991.
6. Советское исправительно-трудовое право. М., 1960.
7. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев. М., 1984.
8. **Юрченков В. А.** Система ГУЛАГа и военнопленные фашистского блока / В. А. Юрченков // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Саранск, 2005. Т. 2.

Поступила 14.07.2009 г.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.171.1

А. В. Булавин
A. V. Bulavin

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ИМПЕРСКОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ

TO A QUESTION OF THE SOURCES OF THE IMPERIAL CONSCIOUSNESS FORMATION IN RUSSIA

Ключевые слова: империя, Российская империя, идеология, имперское сознание.

В статье рассматриваются истоки и принципы формирования имперского сознания в России.

Key words: empire, the Russian Empire, ideology, imperial consciousness.

The sources and principles of the imperial consciousness formation in Russia are considered in the article.

В настоящее время исследование феномена империи становится одним из приоритетных направлений в отечественной гуманитарной науке, а генезис Российской империи — одного из крупнейших государственных образований нового времени — является многогранным и неоднозначным процессом, каждая из сторон которого требует тщательного изучения. Актуализация имперских исследований в современной социальной и политической науке была вызвана такими причинами, как распад Советского Союза и объединение Европы, а также проявившимися на этом фоне имперскими амбициями США. В современном глобализирующемся мире подлинным политическим суверенитетом могут обладать только те государства, которые имеют определенный «цивилизационный стержень» — религию, этические ценности, культурные модели, общезначимые сакральные центры, историческую устремленность. В связи с этим для стабилизации и консолидации российского цивилизационного пространства необходим поиск новых духовных мотиваций, новых геополитических и геокультурных конфигураций на карте России. Исходя из существующих на сегодня реалий во многом именно имперский тип мышления и имперская геополитическая идентичность наиболее адекватны вызову времени.

В современном мире по-прежнему сохраняет значение практика организации сложносоставных территориальных систем. Они оформляются, как правило, в пределах государственных границ, но их динамика связана с постепенным выходом за

эти границы, в связи с чем сложные территориальные системы приобретают специфические характеристики, главная из которых — надгосударственность. В мировой истории подобными качествами отличались преимущественно имперские системы, возникновение которых отмечено еще в глубокой древности [3, с. 5].

Прежде всего, необходимо концептуализировать понятие «империя», однако главной проблемой изучения имперских систем остается разнородность их понимания. Как пишет современный политолог С. И. Каспэ, «термин „империя“ — один из наиболее сложных среди используемых в современном политическом дискурсе; дать четкую дефиницию непросто — различные исследователи, обращавшиеся к имперской тематике, выработали множество различных определений. Отчасти причина этой проблемы заключена в самой империи, как элементе реальности. Во-первых, понятие империи несет помимо научного смысла также и некоторую моральную, этическую, а порой и религиозную нагрузку. Во-вторых, империя как тип социально-политической системы „не породила собственного эксплицированного, формализованного идеологического и теоретического описания и обоснования“» [5, с. 5].

Первостепенным положением данного подхода является выделение для любой империи широкого территориального пространства, детерминирующего с ее миссией, разнообразием культурных матриц, определяющих все типы социального действия, т. е. имперский характер и смысл государства объясняются наличием и содержанием неоднородной политической культуры. В этом случае имперская система представляет такой тип политической системы, которая охватывает большие территории и этнически неоднородные группы.

Исходя из такого понимания империи к основным условиям, по мнению С. И. Каспэ, формирования имперских систем следует отнести: наличие в системе имперского государства универсальных компонентов, в качестве которых могут выступать культурные; наличие в политической практике государств устойчивой тенденции к территориальному расширению; ограниченность ассимиляции вновь включаемых в состав государства территорий, сохранение ими этнокультурных особенностей [Там же, с. 30]. Схожую точку зрения высказывают В. В. Алексеев и Е. В. Алексеева, определяя империю как «этнически гетерогенную великую державу, стремящуюся к максимальному увеличению своей мощи и расширению идеологической, политической, экономической и культурной власти над другими территориями» [1, с. 5].

Наконец, империя может быть понята как сложный комплекс религиозно-политических идей, которые являются первичными по отношению к последствиям в сфере политического. Речь идет об определенной системе взглядов, идеологии, менталитета народа, который доминирует в той или иной империи, которые и позволяют этому народу добиться подобных успехов. Такая совокупность идей практически всегда имеет сходные черты — культурный универсализм, включающий полиэтничность и политический изоляционизм. По мнению С. Б. Переслегина, одним из характерных признаков империи является наличие господствующей идеологии и собственной уникальной цивилизационной миссии [7, с. 31].

Определяя понятие имперское сознание, следует сказать, что это достаточно целостный, объемный комплекс разнородных идей, концепций, стереотипов, это часть общественного сознания, представлений о месте своей страны в мире и в истории. И. В. Бахлов определяет имперское сознание как «комплекс идей и стереотипов (прежде

всего, поведение правящей элиты) внутри страны и в международных отношениях, при наличии главной, стержневой, доминирующей идеи, выступающей в качестве государственной — империообразующей» [3, с. 72]. Имперское сознание формируется исторически, образ империи в глазах ее народов складывается веками и является необходимым компонентом существования империи как особого типа сложноорганизованного государства.

Имперское сознание всегда изменчиво во времени, динамично и противоречиво по содержанию. Оно меняется, как меняется сама империя, но в отличие от нее имперское сознание не умирает сразу и еще долго определяет и политику, и общественное мнение как в бывшей метрополии, так и в колониях. Однако можно говорить о неких устойчивых принципах, стереотипах, аргументах имперского властвования, на которых держалось представление миллионов людей об империи [2, с. 31].

Однако следует отметить, что имперское сознание во многих своих аспектах не зависит от этнической и психологической специфики. Индивидуальными являются способ усвоения имперских доминант и пути их реализации. Последние связаны, в частности, с моделями народной колонизации, особенностями восприятия и освоения территории. Способ усвоения имперских доминант, психология их восприятия также, безусловно, связаны с особенностями народа, их принимающего, и часто отражают историческую преемственность. Так, многие из исходных парадигм, свойственных как Римской империи так и Византии, в тех или иных, в более или менее модифицированных формах, проявляли себя и в Российской империи, а впоследствии и в Советском Союзе.

Е. В. Анисимов пишет: «для меня несомненно, что в России русское национальное сознание есть сознание имперское. Русское национальное сознание как целостное явление, как комплекс разнородных идей и общественных чувствований в оценке себя и мира еще не состоялось, ибо раньше, чем русские осознали себя как нацию, они осознали себя империей. Благодаря мощной экспансии деспотического государства возникла Российская империя, и ее ценности стали ценностями сознания русских людей. Доимперские же традиционные ценности русского народа были интегрированы и изменены в рамках имперской идеологии, мышления и политики, прочно с ними слились» [Там же, с. 32].

Российская империя с момента возникновения осознавала себя наследницей иных великих имперских образований — Рима, Византии, Золотой Орды. Первым толчком к превращению России в империю стало освобождение от татаро-монгольского ига и формирование централизованного Московского царства. Специфика образования Московского государства заключается в том, что оно создавалось в ходе тяжелой, в основном оборонительной, борьбы с опасными соседями с востока, юга и запада, а также в борьбе с другими русскими княжествами. Объединение русских земель вокруг Москвы было во многом непрерывной гражданской войной. При этом опробовались многие принципы имперской политики будущего. Имперские завоевания были продолжением завоевания суверенных русских княжеств государственных образований, на которые распалась архаическая Киевская Русь, и впоследствии выразились в устойчивых традициях панславизма как осознания близости славянских народов на основе общности крови, культуры, веры и языка. Однако особое значение в системе имперского сознания придавалось идее добровольного вхождения в состав империи славянских и других народов.

Традиции средневековой русской идеологии с характерными для нее представлениями об особой роли России и русских в мировой истории («Москва — третий Рим»), исключительная религиозная чистота православия — это право России на наследие Византии. Россия заимствовала у Византии (а через нее — у Рима) практически все наиболее важные компоненты центрального принципа империи, хотя в процессе русской истории некоторые из них значительно трансформировались, получив внешнее выражение, более соответствующее эпохе и географическому положению новой империи.

Вплоть до Флорентийской унии с католиками Россия чувствовала себя частью Византийского мира. Идея главенства константинопольского императора над всем христианским миром была неотъемлемой частью русского мировоззрения и провозглашалась в церковных песнопениях и переводных греческих юридических сочинениях. Для русских константинопольский император был символом мирового христианского единства, хотя реальной власти над ними он не имел. Вплоть до XV в. при наступающих центробежных тенденциях в Византийской империи, когда все народы, входившие в ее культурный ареал, стремились эмансипироваться от греков, лишь Русь оставалась в стороне от этой тенденции, сохраняла преданность Византии [6].

После падения Константинополя русским представлялось, что они остались единственным православным народом в мире. Именно в то время псковский монах Филофей и написал свое знаменитое: «...два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать». Это письмо, написанное Василию III в начале XVI в., было скорее апокалиптическим, чем политическим и по тону, и по контексту: Москва не только «Третий Рим», но и последний, и на очень короткое время, потому что конец уже близок. Можно согласиться с мнением Л. Тихомирова: «У нас не столько подражали действительной Византии, сколько идеализировали ее, и в общей сложности создавали монархическую власть в гораздо более чистой и более выдержанной форме, нежели в самой Византии» [8, с. 225].

Это особенности системы международных, геополитических координат, принятых в мире «правил имперской игры», которые не могла не учитывать имперская Россия. Античную, средневековую идею завоевать всю населенную часть мира (ойкумену) в Новое время сменила идея раздела мира между главнейшими империями, что было сделано впервые в 1494 г. Португалией и Испанией, поделившими земной шар на две части — испанскую и португальскую. Раздел мира стал главной идеей международных отношений последних четырехсот лет мировой истории от Вестфальского мира XVII в. до Ялтинских соглашений 1945 г. И Россия, как и другие империи, приняла идею раздела мира на зоны господства и влияния, как и другие империи, мечтая о мировом господстве — без этого не может жить ни одна империя [2, с. 37].

Постоянное соперничество привело к формированию образа врага, который устойчиво входит как основополагающий стереотип в структуру имперского сознания, но изменяется по форме на протяжении столетий и во многом зависит от конъюнктуры. В имперский период постоянными врагами России считались Османская империя, Англия и США. В короткие периоды к врагам относились Польша, Швеция, Япония, Франция и Германия. Стереотип «извечного врага» цементировал, объединял разнородные и подчас противоречивые политические идеи и впечатления

имперского сознания, позволял четко осмыслить цель имперского движения [Там же, с. 38].

XIX в. не только знаменовал собой важный этап в развитии российской государственности, но и стал временем расцвета имперской идеи. Идея эта находила воплощение в конкретной политике всех правительств позапрошлого столетия и влияла на сознание самых разных социальных слоев. После удачных войн Екатерины II и освобождения Европы Александром Россия упрочила свой статус великой державы. Все эти обстоятельства и факторы привели к окончательному складыванию русской модели имперского сознания в России, что нашло выражение в общественной и научной мысли. Плеяда крупнейших русских философов конца XIX — начала XX в. обосновала и развила старую православную идею о некоей «великой духовной миссии» России, о «вселенской русской душе», «очищении мира» православием. России приписывалась особая роль в мировой истории. Это проникло в литературу, искусство, стало фактом общественного сознания.

После 1917 г. имперское сознание в России испытало потрясение из-за временного распада империи, который был вскоре остановлен насильственным путем большевиками, а идеи мировой революции быстро поглотили ростки национальных образований. Империя, как и раньше, была собрана и унифицирована в соответствии с новыми представлениями о «пролетарском равенстве» всех народов. Идея мировой революции породила новый, но старый по сути, стереотип пролетарского мессианства. Одновременно в советском обществе установился образ самоизоляции, круговой обороны от врагов социализма. Как писал русский философ Н. А. Бердяев, «вместо „Третьего Рима“ в России удалось осуществить Третий интернационал, на который перешли многие черты „Третьего Рима“. Это тоже священное царство и оно тоже основано на ортодоксальной вере... Это есть трансформация русского мессианства» [4, с. 118].

Подводя итоги, следует сказать, что крушение Советского Союза не привело к крушению имперского мышления во всем его объеме. Имперская идея сегодня — это идея политического союза многонационального населения России, но в новых исторических формах. Российская государственность неизменно закрепляла, скорее, цивилизованную, чем национально-этническую идентичность страны при сохранении исторически сложившейся интегрирующей роли русского народа, который всегда был центром этнического и культурного притяжения не только народов, населявших территорию нашей страны.

Литература

1. **Алексеев В. В.** Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева // *Отеч. история*. 2003. № 5.
2. **Анисимов Е. В.** Истоки имперского мышления / Е. В. Анисимов // *Великая Французская революция и пути русского освободительного движения* : тез. докл. науч. конф. / отв. ред. А. Э. Мальц. Тарту, 1989.
3. **Бахлов И. В.** От империи к федерации: историко-политологический анализ трансформации имперских систем в федеративные / И. В. Бахлов. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004.
4. **Бердяев Н. А.** Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. М. : Наука, 1990.
5. **Каспэ С. И.** Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика / С. И. Каспэ. М. : РОССПЭН, 2001.

6. Лурье С. В. Империя как судьба / С. В. Лурье. URL: www.svlourie.narod.ru
7. Переслегин С. Б. Самоучитель для игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин. М. : АСТ ; СПб. : Terra fantastica, 2006.
8. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. СПб. : Комплект, 1992.

Поступила 14.08.2009 г.

УДК 323.174(4)

Л. Н. Рузавин
L. N. Ruzavin

РЕГИОНАЛИЗМ КАК ПРИНЦИП ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЕВРОПЫ)*

REGIONALISM AS THE PRINCIPLE OF TERRITORIAL ORGANIZATION OF A STATE (BASED ON THE EXAMPLE OF EUROPIAN COUNTRIES)*

Ключевые слова: регион, регионализм, регионализация, децентрализация, региональная политика, конституция, деволюция, территориальная организация государства.

Статья посвящена изучению регионализма как принципа территориальной организации в унитарных странах Западной Европы — Франции, Великобритании, Италии, Испании.

Key words: region, regionalism, regionalization, decentralization, regional policy, the constitution, devolution, territorial organization of the state.

The article is devoted to the study of regionalism as the principle of territorial organization in the unitary countries of Western Europe — France, Great Britain, Italy, Spain.

Европейский регионализм как политическое явление современного мира стал основой региональной политики и принципом территориальной организации многих стран Европы. Регионализм как феномен международных отношений отражает процесс перераспределения власти. С одной стороны, наднациональные органы расширяют свои полномочия, с другой — регионы, а не национальные государства заявляют о большей эффективности решения ряда проблем, ранее находившихся в компетенции национальных государств.

Существует множество разновидностей данного феномена, отправной точкой для анализа какого-либо из них является выбираемое определение понятия «регион».

* Статья выполнена в рамках проекта № 2.1.3/1134 АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы».

В вопросе теоретического обоснования проблемы сегодня отмечается путаница при размежевании понятий «регионализм» и «регионализация».

Р. Ф. Туровский утверждает, что эти понятия нередко употребляются как синонимы, хотя определенные различия между ними имеются. По его мнению, регионализация — это особый политический процесс, который влечет за собой территориальную дифференциацию (фрагментацию) и определенное структурирование (упорядочение) пространства. Ученый считает, что в этот процесс в разной степени вовлечены все политические объекты и явления, и он может быть управляемым или спонтанным, а регионализм является политическим результатом или эффектом регионализации [11, с. 780]. По мнению других исследователей, регионализм — явление крайне сложное, имеющее множество различных аспектов, и общего, универсального его определения не существует...» [4, с. 7].

В процессе исторического развития европейских государств регионализм приобрел специфические формы региональной идеологии существования и функционирования в системе государства. Регионализм в Европе стал зарождаться и эволюционировать после появления суверенных государств и в процессе становления национальных централизованных государств. Далее в послевоенные годы процессы регионализации приняли глобальный масштаб и определили возрастающую роль регионов как непосредственно действующих лиц в политике Евросоюза.

Исследователь трансграничного сотрудничества регионов европейских государств Г. О. Яровой выделил этапы становления современного регионализма и регионализации на континенте [13]: 1) эпоха меркантилизма (XVI — середина XVIII в.), или генезис процесса государственной централизации, связанный с территориальной экспансией, т. е. завоевание и сохранение новых земель, а также их контроль и управление; 2) эпоха регионализма (середина XVIII — конец XIX в.) характеризовалась усилившейся децентрализацией государственной власти в большинстве европейских стран; 3) эпоха централизации и диктатуры (конец XIX — середина XX в.), или период кризиса, ознаменована процессом централизации, бурного развития центральных регионов, концентрации населения в столицах; 4) период регионализации (1950 — 1970-е гг.), или послевоенная эпоха регионоориентированной внутренней политики европейских государств. Регионализацию того времени в ее различных проявлениях можно считать реакцией на недемократическое правление первой половины XX в.; 5) период «нового регионализма» (с 1970-х гг. по настоящее время). Характеризуется наличием разных форм территориального устройства. Этому периоду присущи регионализм прошлых эпох, а также политика расширения ЕС, внутренняя региональная политика ЕС, трансграничная политика регионов стран Европы.

Специфика регионализма в унитарных государствах Европы отражается в особенностях территориально-политического устройства. Так, развитие регионалистских идей во Франции началось в довоенный период. Наибольшей активизации региональная политика достигла в 1960 — 1970-е гг., характеризовавшиеся рядом последовательных законодательных мероприятий, направленных на проведение административно-территориальной реформы (1964, 1969, 1972, 1976 гг.) [8].

Ученые отмечают слабость французских регионов: их компетенции и финансовые ресурсы остаются недостаточными, регионы мало консолидированы, политики регионального масштаба не оказывают существенное влияние на формирование общественного мнения. Тем не менее предпринятые государством административно-территори-

альные реформы привели к некоторым сдвигам в отношениях между центром и регионами. Так, 1972 г. отметил конец традиционной системы управления, законы 1982, 1983 и 1986 гг. усилили регионы посредством расширения их компетенций и ресурсов, а также обеспечили им политическую легитимность прямыми выборами. Реформы передали регионам новые компетенции в таких сферах как планирование, экономическое развитие, образование, профессиональное обучение. В задачи региона входит также стимулировать и координировать региональное развитие, не нарушая при этом прав департаментов и коммун, которые не подлежат контролю региона [14].

По мнению И. М. Бусыгиной, регионализм во Франции развивается по двум направлениям: центральные регионы, где региональная идентичность изначально слабее, усиливаются посредством интеграции, в то время как периферийные регионы политически не затронуты интеграцией и полагаются на переговоры с центральным правительством для усиления своей автономии [Там же, р. 85]. На национальном уровне регионы действуют как группа давления, прежде всего через наиболее авторитетных представителей. Политическая база регионализма во Франции остается нестабильной и ограниченной.

Для Великобритании характерен регионализм в виде «деволюции» («devolution»), под которой подразумевается «процесс передачи власти центральным правительством на региональный или иной нижестоящий уровень» [15, р. 135]. Среди факторов, способствующих деволюционным тенденциям, обычно упоминают стремление сделать власть более эффективной, а также удовлетворить тягу тех или иных слоев общества к самоуправлению.

Рассматривая специфику современного устройства территориальной организации Великобритании, важно помнить, что регионалистские идеи берут начало с момента присоединения двух кельтских периферий — Шотландии и Уэльса. Включение Уэльса в состав Англии было оформлено двумя актами парламента — 1535 и 1542 гг. Потеря политической самостоятельности была компенсирована автономным этнокультурным развитием уэльской территории, стремлением местного населения сохранить валлийский язык. Данное обстоятельство было заложено в основу регионализма и проекта деволюции в Уэльсе в 1997 г. [9, с. 17 — 18]. Уэльский акт, принятый в июле 1998 г., в корне отличался от шотландского и являлся нововведением с точки зрения управления национальным регионом в Великобритании. На Национальную Ассамблею Уэльса (НАУ) — новый выборный орган региональной власти — были возложены лишь исполнительные полномочия. НАУ не имеет полномочий осуществлять самостоятельную законодательную деятельность, что делает ее слабой с политической точки зрения. Изначально Уэльс не имел даже самостоятельного правительства, функции которого исполняли члены ассамблеи. Сложность политического процесса в связи с отсутствием правительства Уэльса и невозможность досрочного роспуска НАУ могли привести к параличу ее деятельности в случае отсутствия стабильного большинства и политическому кризису, прямому вмешательству Лондона и временному свертыванию деволюции в Уэльсе. Это предопределило необходимость дальнейшей реформы региональной власти. В 2002 г. исполнительный комитет НАУ был преобразован в Правительство Ассамблеи Уэльса (ПАУ). Изменения в деятельности региональных органов власти в Уэльсе закрепляли выделение ПАУ в самостоятельный орган, подотчетный НАУ. Сама ассамблея теперь может быть досрочно распущена. Значительно расширились ее полномочия: получена ответственность

за исполнение «рамочных» законов, принимаемых Вестминстером в отношении Уэльса [Там же, с. 20 — 21]. По мнению И. М. Бусыгиной, Уэльс никогда не требовал полной независимости или серьезной политической автономии (в отличие от Шотландии). Возможно поэтому центральное правительство стало реализовывать в регионе «мягкий» вариант деволюции, основная идея которого заключается в выравнивании прав при сохранении Уэльса как части британской политической структуры.

Включение Шотландии в единое государство было более долгим и болезненным. Вплоть до начала XVIII в. регион развивался как самостоятельное государство. Объединение было оформлено путем заключения двух союзов 1603 г. и Акта 1705 г., бессрочно соединившего государства в составе Великобритании. Однако, по мнению И. М. Бусыгиной, между двумя государствами сразу сложились асимметричные отношения, которые вызвали сопротивление части шотландского населения. В итоге созданный на Британских островах Союз не затрагивал этнокультурные особенности регионов и административную самостоятельность Шотландии. Модель деволюции, принятая для Шотландии, является более «жесткой», чем модель для Уэльса. Шотландцы имеют право печатать денежные знаки, парламент региона имеет более полноценный характер, чем законодательная ассамблея Уэльса. Так, последняя имеет право только на «вторичное» законодательство (все рамочные законы принимает Вестминстер, а уэльсская ассамблея их лишь толкует), в то время как шотландский парламент имеет право и на «первичное» законодательство. Вариант деволюции для Уэльса можно назвать административным, а для Шотландии — законодательным [5].

Иная ситуация сложилась в отношениях с Северной Ирландией. Вариант деволюции для этого региона — наиболее сложный. Окончательно остров Ирландия был присоединен силой к британской короне в 1534 г. В 1800 г. был создан парламентский союз — Соединенное королевство Великобритании и Ирландии. В рамках союза признавалась некоторая автономия Ирландии, прежде всего в административной и судебной системах. Раздел Ирландии произошел в 1920 — 1921 гг., когда 26 графств создали самостоятельное государство в составе Британской империи — Ирландию, а 6 протестантских графств создали образование — Северная Ирландия, или Ольстер, со своим парламентом и специальным бюджетным режимом. Однако проблема Ольстера не была решена, и в 1972 г. Лондон был вынужден ввести прямое правление в Северной Ирландии и распустить североирландский парламент. Был создан Комитет по Северной Ирландии, регион получил повышенное представительство в британском парламенте. Одной из предлагавшихся идей был дальнейший раздел региона на три католических и три протестантских графства. Очередной этап деволюции начался в конце 1990-х гг., когда в 1998 г. было подписано Белфастское соглашение. Соглашение предусматривает несколько этапов деволюции, первый из которых начался в 1999 г. Создана плотная институциональная система: в Северной Ирландии — законодательная ассамблея и исполнительная власть на двусторонней основе — Британо-ирландский совет, в Лондоне — Министерский совет Север-Юг.

Таким образом, развивающийся в последние десятилетия процесс деволюции, как особая модель британской регионализации является ответом Лондона на политические требования географической периферии создать собственную систему региональных политических институтов. Однако это означает, что модель британской деволюции создавалась как альтернатива федерализму. Политическая координация

между центральным правительством Великобритании и вновь образованными органами законодательной власти Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии привела к постоянному доминированию центрального правительства в территориальных политических переговорах [12, с. 561 — 562].

Регионализм в современной Италии развивается по трем ключевым направлениям: деятельность самих регионов в качестве административных единиц; региональная политика и региональное развитие; и регионализм/федерализм как политическое движение и течение мысли [2]. В Италии все три составляющие играют свою роль как в национальной, так и в местной политике. Первая серьезная попытка решения проблемы регионального развития была предпринята в начале XX в., когда итальянское правительство провело ряд законов, направленных на развитие южных регионов. В то время в Италии начался процесс индустриализации (первая волна индустриализации проходила в стране с 1896 по 1913 г.). Усилия правительства были направлены на развитие сельского хозяйства, общественных работ и здравоохранения. В целом такая региональная политика потерпела неудачу, частично из-за отсутствия культуры предпринимательства в южных областях страны, но более всего из-за нехватки ресурсов и коррупции. С начала 1950-х гг. для подъема Юга был принят специальный закон, обязывавший всех инвесторов направлять не менее 40 % своих вложений в южные области. Впервые в послевоенные годы была выработана специальная «Программа развития Юга». В целях ее финансирования в 1950 г. создана «Касса Юга». Главенствующую роль в выполнении программы играло государство. Однако реализация программы «Касса Юга» имела неудовлетворительные результаты. Причины обуславливались недостатками в координации действий, бюрократизмом и разгулом коррупции. Вторым фактором, негативно повлиявшим на развитие юга, стала исключительная централизация. В конце 1970-х гг. это давление усилилось, и «Касса Юга» была отменена в 1984 г., а в 1986 г. специальный закон № 64 дал регионам новые исключительные полномочия — разрабатывать и реализовывать свои планы по развитию территории.

В последующие десятилетия в Италии неоднократно предпринимались попытки усовершенствовать государственное устройство. С предложениями региональной реформы выступали различные политические силы, отдельные политики и ученые. Среди наиболее обсуждаемых были проекты Лиги Севера (У. Босси) и Фонда Аньели. Лидер партии «Лига Севера» У. Босси, в последнее время придерживался идеи о необходимости в федерализации Италии: «объединение северных земель в рамках единого федеративного государства» [7, с. 112] и т. д. В проекте Фонда Аньели основной акцент был сделан на финансово-экономических аспектах. По мнению авторов, необходимо упразднить провинции, не обладающие серьезными полномочиями. Следует создать 12 областей, исходя из финансовых показателей. Этот проект предусматривал также перераспределение полномочий между центральной властью, областями и коммунами в финансовой сфере, пересмотр структуры важнейших налогов в пользу территориальных образований, более эффективное внедрение принципов субсидиарности и солидарности [6, с. 229]. Таким образом, более пятидесяти лет региональной политики и регионального развития Юг Италии частично модернизировался.

Современная Испания является децентрализованным унитарным государством с «моделью институционального регионализма» [13, с. 47], которая характеризуется созданием нового административного уровня с ограниченными полномочиями,

наделенного значительными политическими правами. Говоря об испанском регионализме, обычно употребляют понятие «государство автономий», которое имеет федеративный профиль. Процесс автономизации в постфранкистской Испании был обусловлен переходом страны от диктатуры к демократии. Для Испании характерна такая система регионализма, где инициатива изменения взаимоотношений между центром и регионами исходит от регионов, т. е. «снизу». Именно под давлением регионов шло формирование центром новой модели взаимоотношений, а процессы децентрализации (регионализации) развивались на фоне демократического транзита.

Испания никогда не была сложившимся централизованным государством. Испанская история содержит периоды усиления и ослабления централизации. Так, первая современная Конституция Испании 1812 г. означала конец исторического испанского регионализма, создав унитарный территориальный порядок и унитарное управление, разделив страну на пятьдесят провинций. Конституция от 1873 г., существовавшая недолго, превратила страну в федеративное государство, состоявшее из семнадцати государств (среди которых Куба и Пуэрто-Рико), формировавших испанскую нацию. Федеративное испанское государство состояло из трех уровней: муниципалитетов, регионов-государств и федерации-республики. Однако Конституция 1876 г. восстановила централизованное государство в стране. Согласно Конституции 1931 г. в Испании было создано «интегральное государство», которое имело унитарный характер и открывало возможность развития некоторой автономии для каталонской, баскской и галисийской территорий. В 1932 г. был принят Статут Каталонии, через пять лет — статуты Страны Басков и Галисии, последний так и не вступил в силу из-за начавшейся гражданской войны 1936 — 1939 гг. После ее окончания режим генерала Ф. Франко укоренился на базе унитарного централизованного государства [10, с. 46]. Конституция 1931 г. стала компромиссом между традиционным централизованным государством и автономистскими устремлениями отдельных частей страны. Государство Ф. Франко было определено как «сообщество судьбы», государственное единство было признано высшим приоритетом. В соответствии с этим государственная власть была организована строго иерархически [3, с. 551 — 553]. Основной закон страны 1978 г. предоставил доступ не только отдельным, но всем территориям к широкой законодательной и институциональной автономии. Новая модель территориального устройства получила название государства автономий. Важно отметить, что Конституция Испании обозначала путь для того, чтобы отдельные провинции или их объединения могли такие сообщества создавать (это право было реализовано всеми провинциями).

Переход к новому статусу стал возможен двояким путем, что предполагало различные исходные уровни компетенции автономных правительств. Каталония, Страна Басков и Галисия сразу получили максимальный объем полномочий (ст. 151). Для остальных исторических областей он был ограничен ст. 143, однако оставалась возможность обойти ее путем референдума в случае, если за максимальный объем прерогатив местной власти выскажется большинство населения каждой из провинций, составляющих данный регион (таким путем пошла Андалусия). Для регионов, «автономизировавшихся» согласно ст. 143, конституция оставила открытой возможность расширения властных полномочий через пять лет [1]. По мнению И. М. Бусыгиной, современная модель территориального устройства Испании прошла следующий путь: достижение консенсуса и решение вопроса о национальном единстве, а

затем поэтапная, поступательная и последовательная децентрализация — передача компетенций с центрального уровня автономным сообществам [3, с. 560].

Подводя итог сказанному, необходимо констатировать, что политический регионализм в европейских странах достаточно развит и имеет характер незавершенности. В каждом описанном государстве используется собственная модель регионализации / децентрализации, причем сравнительный анализ этих моделей показывает, что все модели регионализации в большей или меньшей степени асимметричны, т. е. государство не нацелено на выстраивание единого алгоритма взаимоотношений между национальным центром и всеми регионами.

Литература

1. **Авилова А.** Испания: новая модель отношений между центром и регионами / А. Авилова. М., [2003]. URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/4_3_97.htm
2. **Булл А.** Регионализм в Италии / А. Булл ; пер. А. Маклакова. М., [2007]. URL: http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?m_id=11689
3. **Бусыгина И. М.** Взаимоотношения между властными уровнями в федеративном государстве и государстве автономий: сравнительный аспект (практика России и Испании) / И. М. Бусыгина // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа). Казань : Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2004. С. 550 — 560.
4. **Бусыгина И. М.** Концептуальные основы европейского регионализма / И. М. Бусыгина // Регионы и регионализм в странах Запада и России. М. : ИВИ РАН, 2001. С. 7 — 15.
5. **Бусыгина И. М.** Регионализация в странах Западной Европы: Великобритания и Франция в сравнительной перспективе / И. М. Бусыгина // Казанский федералист. 2007. № 1 — 2. Казань, [2007]. URL: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/4>
6. **Васильева Т. А.** Центры и регионы современной Италии / Т. А. Васильева // Регионы и регионализм в странах Запада и России. М. : ИВИ РАН, 2001. С. 224 — 232.
7. **Вялков Ю. А.** Лига Севера: проекты отделения Севера от Юга / Ю. А. Вялков // Современная Италия. М. : ИНИОН, 2004. 118 с.
8. **Домороцкая Э. И.** Региональная политика во Франции (правовые аспекты) / Э. И. Домороцкая, В. В. Маклаков // Правоведение. 1979. № 6. С. 72 — 77.
9. **Каракчиев П. О.** Делегирование властных полномочий регионам Великобритании в контексте многоуровневого европейского управления : автореф. дис. ... канд. полит. наук / П. О. Каракчиев. М., 2007. 32 с.
10. **Писарик Г. Э.** Испанская модель территориального устройства: государство автономий / Г. Э. Писарик // Система автономий как модель укрепления институтов. М. : МШПИ, 2003. С. 45 — 56.
11. **Туровский Р. Ф.** Политическая регионалистика : учеб. пособие для вузов / Р. Ф. Туровский. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 780 с.
12. **Хогвуд П.** Деволуция в Великобритании: Шаг на пути к федерализму? / П. Хогвуд // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа). Казань : Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2004. С. 561 — 582.
13. **Яровой Г. О.** Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе / Г. О. Яровой. СПб. : Норма, 2007. 280 с.
14. **Balme R.** French Regionalization and European Integration: Territorial Adaptation and Change in a Unitary State / R. Balme // The European Union and the Regions. Oxford : Clarendon Press, 1995.
15. **Robertson D.** A Dictionary of Modern Politics / D. Robertson. 2nd ed. London : Europa Publications, 1996.

Поступила 04.07.2009 г.

УДК 32.019.51:004.738.5

В. М. Афонина

V. M. Afonina

ИНТЕРНЕТ И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

INTERNET AND POLITICS IN THE MODERN WORLD

Ключевые слова: Интернет, политика, web-технологии, «электронное правительство».

В статье рассматривается проникновение web-технологий в политическую структуру, их роль и применение. Повышенное внимание уделяется вопросу «электронного правительства» как новой модели государственного управления.

Key words: Internet, policy, web-technology, the «electronic government».

In the article the penetration of web-technology into the political structure, their role and application is considered. The heightened attention is paid to the problem of «electronic government» as the new model of state administration.

Широкое применение новых информационных и коммуникационных технологий является необратимой тенденцией мирового развития и научно-технической революции последних десятилетий. Особая роль в этом процессе принадлежит глобальной сети Интернет, которая, являясь специфическим интерактивным средством массовой коммуникации, активно используется в политическом процессе, бросая вызовы его традиционным институтам и механизмам.

Важными качественными признаками новой виртуальной реальности являются ее глобальность и интерактивность. Интернет не признает условностей государственного суверенитета, форм политического участия, иерархических структур, политических партий и других институциональных субъектов политики. Политические последствия использования сети противоречивы и неоднозначны. С одной стороны, Интернет позволяет снимать географические и структурные ограничения прямого политического участия, коллективного действия, устранять дистанцию между гражданами и лицами, принимающими решения, расширять горизонты культуры гражданственности.

С другой стороны, необходимо учитывать, что современные информационные технологии по мере расширения их сферы применения в повседневной жизни делают общество более уязвимым перед политическим контролем, способствуют наращиванию и совершенствованию инструментария политического господства, создают потенциальную возможность авторитарной социализации и манипулятивного воздействия на личность. Более того, в известной мере развитие новых информационных технологий сегодня бросает вызов интересам общественной и государственной безопасности. Многогранная проблема регулирования этих процессов имеет технические, политические, нравственные, экономические и правовые (в том числе международно-правовые) аспекты.

Таким образом, обращение к теме «Интернет и политика» объясняется настоятельной необходимостью начала проведения междисциплинарного исследования осо-

бенностей существования и функционирования политики в условиях развития технологий информационного общества.

Коммуникация крайне важна в политической сфере, и за любыми значительными изменениями в коммуникационных технологиях, от появления прессы до телевидения, следовали большие, часто прогнозируемые изменения в политике. Между тем очевидно, что трансформационные процессы современного общества пошли совершенно по иному пути, чем предсказывали ведущие теоретики информационного общества. Особенно это касается моделей в рамках структурно-функционального анализа. Речь идет, в частности, о системной модели Д. Истона, функциональной модели Г. Алмонда, а также о моделях Д. Белла, З. Бжезинского, К. Дойча и Э. Тоффлера. Их модели основаны на стереотипном представлении об обществе как о системе институтов, которые выступают в качестве объективной по отношению к индивиду реальности. Но сегодняшняя действительность во многом предопределила отчуждение индивида от институтов и перемещение его интересов в область виртуального, которая постепенно охватывает всю большую часть повседневности, предполагая общение человека с образами, симуляциями, а не с реальными объектами. Интернет выступает уже в качестве особой среды взаимодействия людей, поведение которых регулируется этикой и нормами морали, отличными от традиционно принятых в обществе. Во многом это связано с доступностью информации и возможностью анонимно распространять ее среди большого числа получателей.

Таким образом, широкое использование Интернета способно коренным образом изменить окружающую действительность: не только уничтожить ту часть современной культуры, морали, политики и науки, которая базируется на «статусе» как основе человеческих отношений, но и трансформировать восприятие времени и пространства.

Проникновение web-технологий в политику — это сложный и противоречивый процесс. Условно его можно разделить на два этапа. *Первый этап* — информационный. Сущность его состоит в проникновении в сеть политической информации. В основном это сайты политических партий и общественных организаций, отдельных политических лидеров, сайты газет и журналов, а также чисто электронные издания аналитических и исследовательских организаций. *Второй этап* связан с медиатизацией политики и попыткой использования Интернета в качестве инструмента политической коммуникации и политтехнологий.

Сегодня победить в борьбе за власть, не имея доступа к традиционным (электронным и печатным) СМИ, невозможно. Однако опыт избирательных кампаний на Западе и в России показал, что есть и новый, гораздо менее трудоемкий способ оказывать влияние на умы электората — через сеть Интернет. Этот способ имеет ряд преимуществ, главными среди которых являются легкость и практическая мгновенность опубликования любой информации, отсутствие пространственно-временных границ, возможность тематического поиска и быстрой связи для мониторинга ситуации. Удельный вес виртуальной информационной составляющей в политике сегодня имеет устойчивую тенденцию к возрастанию.

По всей видимости, этот процесс будет продолжаться и в будущем: количество сайтов политических партий и движений будет увеличиваться, информационная роль Интернета — возрастать. Не исключена возможность того, что web-сеть станет ведущим источником политической информации, оттеснив традиционные СМИ на второй план.

Весомым аргументом в пользу данного утверждения может служить тот факт, что традиционные средства массовой информации работают преимущественно в режиме информационного монолога (односторонней коммуникации), посредством которой соответствующие структуры воздействуют на умы и поддерживают контроль над подвластными субъектами. Компьютерные же технологии открыли возможность многосторонней коммуникации. Каждый, имеющий доступ к сети, может выступать как получателем, так и отправителем информации.

Многие наиболее проницательные политики обратили внимание на преимущества политической рекламы в Интернете. Если картинка телевизионного ролика «живет» несколько секунд, газетная публикация — несколько дней, то тексты и видео-файлы в Сети могут существовать месяцы и даже годы, тем более, что в условиях ужесточения финансового контроля за предвыборной рекламой и удорожания рекламных услуг традиционных СМИ Интернет предоставляет весьма заметные преимущества.

Интернет может способствовать преодолению негативной тенденции к снижению уровня политического участия (особенно это относится к молодому поколению, которое в основном не проявляет интереса к политике), упростив прямой контакт граждан и правительства. Интернет снижает затраты на согласование возможных путей политического действия между индивидами, придерживающимися схожих взглядов, но не взаимодействующих непосредственно в реальном мире. Сегодня виртуальная политика пришла к принципиально новому этапу. Речь идет о создании виртуальных политических структур. Они будут отличаться от любых ранее существовавших объединений, организаций, движений и т. д. Интернет давно поставил на повестку дня вопрос об объединении людей по самым разным признакам: по политическим убеждениям, интересам, общим проблемам и т. д.

Интернет изменил политический радиус деятельности отдельных личностей и общественных организаций. Благодаря коммуникации в режиме on-line и ее невысокой стоимости можно создавать виртуальные, охватывающие весь мир коалиции — «недифференцированные сообщества». Они могут объединять единомышленников и тех, кто ставит перед собой идентичные цели. Их члены помогают друг другу, обмениваясь информацией, разрабатывая или реализуя на деле стратегию действий.

В мире сегодня насчитывается не меньше 30 тыс. неправительственных общественных организаций, и их количество продолжает расти, не в последнюю очередь благодаря Интернету. В 1995 г., когда Организация по экономическому сотрудничеству и развитию начала переговоры на предмет подписания договора о регулировании международных инвестиций, образовался союз, протестовавший против этого. 600 совершенно различных по целям и задачам организаций из 70 стран мира, начиная от «Amnesty International» и «Oxfam» и заканчивая «Sierra Club», оказались едиными в активном неприятии проекта договора. В 1998 г. путем скоординированных действий через сеть Интернет они все же заставили правительства отказаться от этого намерения.

Другим примером может служить международная акция по запрету противопехотных мин, в которой приняли участие почти 1 300 неправительственных общественных организаций. В результате их выступления был заключен договор о запрете противопехотных мин (данная кампания была удостоена Нобелевской премии мира) [2, с. 134].

Все чаще Интернет используется в целях эффективного информационного протеста в связи с проведением важных международных встреч и конференций. Наглядным образом это демонстрируют конференции Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда, Всемирного банка, а также саммиты «Большой восьмерки». В связи с этим Интернет представляет собой новый, в высшей степени эффективный инструмент, содержащий в себе международный и даже глобальный потенциал. Этот потенциал с учетом поставленной проблемы и характера коалиции позволяет путем давления на мировую общественность и на правительства по возможности большего количества стран блокировать или, наоборот, помогать проводить ту или иную политику.

Интернет дает возможность создавать виртуальные партии, основанные на не известных современной политической системе принципах членства, которые потенциально будут способны оперативно реагировать на изменения позиций своих членов по важнейшим вопросам и, таким образом, наиболее близко подходить к идеалу адекватной репрезентации интересов тех или иных социальных групп в политическом процессе.

Повышенное внимание сегодня уделяется проблемам голосования с использованием Интернет-технологий. Первые эксперименты в этом направлении уже были проведены в рамках федеральной Программы содействия выборам (Federal Voting Assistance Program) в ноябре 2000 г., когда on-line проголосовали 84 избирателя, находившихся за границей. В январе 2003 г. в одном из населенных пунктов Швейцарии так же прошло подобное голосование по одному из муниципальных вопросов. Затем Германия заявила о проведении голосования через Интернет в 2006 г. Конечно, в будущем процедуру выборов можно существенно улучшить, сделав ее удобнее как для избирателей, так и для самих кандидатов (ускорение процесса выборов при получении более точных результатов).

Вместе с тем голосование через Интернет имеет не только плюсы, но и минусы. Потенциальная опасность, по мнению политолога В. Зорина, состоит в том, что упрощение процедуры подачи гражданами петиций сделает возможным появление волны политических инициатив, а повседневная вовлеченность населения в процессы управления не будет соответствовать принятому на Западе идеалу представительской демократии, когда ответственность за принятие решений лежит на избранных народом лидерах [1].

Электронное правительство (e-Government) — это новая модель государственного управления, построенная на возможностях современных информационных технологий, это система взаимодействия государства и общества при помощи Интернета. Доминирующей задачей «электронного правительства» является трансформация внутренних и внешних взаимоотношений на основе применения сетевых операций, информационных технологий и коммуникационных сетей.

Создание «электронного правительства» связано с оптимизацией предоставления государственными структурами услуг населению и бизнесу, расширением степени участия всех избирателей в процессах руководства и управления страной, а также обеспечением открытости, подотчетности правительства гражданам и граждан — правительству.

Преобразования подразумевали сокращение численности государственного аппарата, уменьшение количества внутренних нормативных документов, внедрение в

практику государственных учреждений стандартов качественного обслуживания клиентов. Государственным учреждениям, в частности, предписывалось уточнить категории своих «клиентов» и изучить их потребности, разработать стратегии повышения качества услуг, а также критерии и механизмы оценки качества обслуживания.

В процессе кардинального реформирования правительств обнаружилось, что современные информационные технологии могут оказать хорошую помощь в решении главной задачи: «работать лучше, стоять меньше».

Преимущества для правительства: управление всеми видами правительственной информации, которая сама по себе является стратегическим ресурсом; обработка и администрирование данных об общественном мнении; возможность быстрой и экономичной реализации планов; экономичный инструмент связи с местными правительствами и НКО; возможность улучшить планирование и управление на микро- и местном уровнях; средство разрешения проблем пассивного отношения населения к правительству и его планам.

Преимущества для общественности: ощущение причастности к принятию правительственных планов и проектов; ускорение процесса рассмотрения жалоб; возможность распространять информацию и идеи, внося вклад в достижение конкретных политических результатов; повышение степени общественного контроля за работой правительства; у людей, живущих и работающих за границей, появляется возможность участвовать в делах своего отечества и в большей мере ощущать национальную принадлежность; по двусторонним каналам связи можно осуществлять множество бесплатных обучающих программ, повышая уровень образования населения.

Таким образом, в самом общем виде выгоды от использования «электронного правительства» можно сформулировать так:

- граждане и бизнес получают свободный доступ к правительственной информации и услугам;
- качество обслуживания повышается за счет увеличения скорости обслуживания по средствам обеспечения полного цикла услуг в режиме on-line;
- гражданам открываются более широкие возможности для участия в политическом процессе.

Мы проанализировали web-сайты национальных органов государственного управления на предмет предоставления ими информации и услуг, которыми с наибольшей вероятностью может пользоваться средний гражданин. В соответствии с наличием или отсутствием тех или иных возможностей дали количественную оценку уровня национального прогресса.

Проводились статистический анализ и сопоставление инфраструктур информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), а также потенциала человеческих ресурсов.

На основе полученных данных все страны были поделены на четыре группы: с высоким уровнем развития (индекс от 3,11 до 2,00), со средним (от 1,96 до 1,60), минимальным (от 1,59 до 1,00) и недостаточным (менее 1,00). Лидирующее положение заняли США (3,11), далее Австралия (2,60), Новая Зеландия (2,59), Сингапур (2,58), Норвегия (2,55), Канада (2,52), Великобритания (2,52), Нидерланды (2,51), Дания (2,47) и Германия (2,46). Индекс России составил 1,89 (эта же цифра является средней для мира).

В настоящее время выделяют следующие пять основных стадий развития «электронного правительства».

1. Становление — официальное присутствие органов государственного управления в Интернете.

2. Расширенное присутствие — увеличение числа государственных сайтов, имеющих более совершенные функции и предлагающих динамически обновляемую информацию.

3. Интерактивное взаимодействие — обеспечение для пользователей интерактивных услуг в Интернете, доступ к регулярно обновляемому информационному наполнению сайтов и наряду с прочим возможность загружать с них типовые формы различных официальных документов, а также направлять официальным лицам сообщения по электронной почте и взаимодействовать с последними через Интернет.

4. Осуществление сделок — оплата услуг и совершенствование сделок через Интернет.

5. Эффективная интеграция — полная интеграция электронных услуг, не сдерживаемая административными границами.

На наш взгляд, для успешного функционирования «электронного правительства» необходимо включать ИКТ в комплекс мер по модернизации государственного администрирования, а также делать ставку на институт политического лидерства. Именно лидерство и энтузиазм отдельных личностей и организаций будут способствовать существенному прогрессу в развитии «электронного правительства».

Для создания эффективного «электронного правительства» требуется квалифицированный кадровый потенциал. Понадобятся специалисты в области ИКТ, работающие в органах управления. Профессиональные качества, необходимые для развития «электронного правительства», относятся не только к технической стороне, поскольку общий менеджмент предполагает также владение навыками более широкого профиля, что позволяет активно участвовать в принятии решений. Профессионализм должен включать как базовую техническую компетентность (грамотность в области информационных технологий), так и понимание задач нового информационного общества. В связи с этим органы управления должны предпринимать шаги, позволяющие определять степень профессионализма и гарантировать его наличие в целях повышения эффективности «электронного правительства».

Литература

1. Зорин В. А. Интернет и политика / В. А. Зорин // Русский журнал. 2002. 29 июля.
2. Шадрин А. Е. Современные представления об информационном обществе / А. Е. Шадрин // Социальные и психологические последствия применения информационных технологий. 2003. № 2. С. 134 — 140.

Поступила 21.09.2009 г.

УДК 323.1:39

С. А. Ивлиев

S. A. Ivliev

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

FORMATION OF ETHNIC CONSCIOUSNESS: POLITICAL AND IDEOLOGICAL ASPECT

Ключевые слова: этническая система, этническое сознание, этническая идеология, этническая идентичность, этноцентризм, этническая элита, национализм.

Статья посвящена одной из актуальных тем современной исторической и этнографической науки — проблеме генезиса этнического сознания, которая рассматривается через призму политической идеологии. В публикации анализируются различные компоненты процесса формирования этнической идеологии (историческое наследие, этнические традиции, деятельность этнической элиты и др.) и их влияние на складывание этносистемы.

Key words: ethnic system, ethnic consciousness, ethnic ideology, ethnic identity, ethnocentrism, ethnic elite, nationalism.

The article is devoted to one of the up-to-date topics of modern historical and ethnographical science — the problem of the ethnic consciousness genesis, which is considered through the prism of political ideology. In this paper different components of the process of the ethnic ideology formation (historical heritage, ethnic traditions, the activity of ethnic elite and others) and their influence on the ethnosystem organization are analyzed.

В отечественной науке этническая идеология долго не была объектом специальных исследований в силу общеизвестных объективных и субъективных причин. Этническая идеология и этнические интересы считались проявлением национализма и получили негативную оценку в советском общественном сознании. И только на рубеже XX — XXI вв. начали появляться работы, в которых данный термин использовался в нейтрально-положительном смысле (А. Миллер). В западной же социологии и политологии данное явление рассматривалось в положительном смысле, как способствующее развитию общества (Э. Геллнер, А. Д. Смит, И. Уоллерстайн). В качестве опосредствующего «инструмента» идентификации, вместо «обобщенного другого» Дж. Мида, у Э. Эриксона выступает «идеология» — «систематизированная совокупность идей и идеалов» [10, р. 647]. Этнической системе нужна идеология, которая соединяла бы в себе фундаментальные ценности, потому что идеология, не имеющая в своей основе таких фундаментальных ценностей, не может «дать сознанию те нормы, которые только и представляют всякому мышлению его ценность и значение» [8, с. 36]. О любой идеологии можно судить только на основе анализа значимых для нее ценностей.

На уровне исторического бытия этнической системы важную роль приобретает такой идеологический компонент, как историческое наследие. Так как все сохранять невозможно, каждая последующая эпоха неизбежно живет на кладбище предыду-

щих эпох, и приходится признать, что сохранять все — значит не сохранять ничего. Поэтому для сохранения приходится отбирать самое ценное. А значит, нужны критерии отбора.

Разница между наследством и наследием заключается в следующем. Наследство — это все, что новое поколение «наследует», т. е. получает от прошлого; то, что пережило прошлое — вещи, идеи, социальные институты, информация и т. д., и т. п. Наследие же — то, что сознательно сохраняется.

Критерии оценки наследства с точки зрения того, заслуживает ли оно сохранения, осмысленны только в контексте некоторого образа жизнедеятельности, только вместе с ним, или — с учетом продолжения жизнедеятельности в будущем — в контексте некоторого проекта жизнедеятельности.

Отсюда уточненное определение: наследие — это та часть наследства, которая ценна (заслуживает сохранения) с точки зрения некоторого проекта жизнедеятельности.

У мордовских субэтносов (мокши, эрзи) существует высокоразвитая система норм и правил, охватывающая практически все стороны жизни, все жизненные ситуации, все формы поведения. К этим правилам мордва относится как к наследию, т. е. к тому, что, с одной стороны, в значительной мере перестало существовать как нечто актуальное, является частью прошлого «проекта», с другой стороны, осознается как высокая ценность, даже как то, что определяет этническое своеобразие мокши и эрзи.

Существует задача возрождения этнической традиции, то что раньше было принято называть «миссия», или «идея», народа. В настоящее время в Республике Мордовия, как и в ряде других республик Среднего Поволжья, существует этнопроект национального единства на основе традиционных ценностей. Этот пример склоняет к некоторому обобщающему предположению: всякий проект изменения и сохранения наследия должен иметь в своем составе идеологический уровень.

Функционирование этнического сознания на идеологическом уровне приобретает иной характер, в котором особую роль начинают играть политические и идеологические измерения, не говоря уже об экономических, которые всегда имели большое значение.

Помимо изменения исторического наследия в этнической системе возникает необходимость нивелирования военного прошлого. Военные столкновения между субэтносами этнической системы или этносами суперэтнической системы рассматриваются как незначительные столкновения, а на первый план выступает совместная борьба, направленная на достижение общих интересов. Процессы нивелирования военной истории заметны в этническом сознании русских, мордвы, татар и других народов России, а также в этническом сознании народов Европы, Северной Америки и т. д.

Признаки политизации и идеологизации становятся особенно заметными, когда речь идет об этноцентризме. По опыту современной общественно-исторической практики, этноцентристские тенденции свойственны не только этническим группам в их традиционном понимании, но значительно более широкому кругу сообществ, в связи с чем и сам этноцентризм приобретает различные окраски, сохраняя в то же время некоторый общие свойства. В большинстве случаев оценки этноцентризму даются критические, негативные, хотя некоторые исследователи дают более абстрактные

определения, в которых сущность этноцентризма приобретает смягченный, почти нейтральный характер. Например, у Дж. Макдэвида и Г. Харари этноцентризм описан лишь как «тенденция видеть в качестве центра свою собственную группу и с недоверием относиться к аутсайдерам» [1, с. 30]. То есть в данном случае этноцентризм рассматривается как относительно небольшое «отклонение», причем лишь в личностных свойствах отдельных людей, а не как важный фактор межгрупповых и международных отношений.

Некоторые авторы допускают существование различных уровней этноцентризма, которым соответствует разное содержание этого явления. Так Р. Левайн и Д. Кэмпбелл, осуществившие наиболее глубокое исследование проблемы этноцентризма, хотя и не претендуют на всестороннее его определение, предлагают самую общую формулу этого понятия, а затем выделяют «наивную форму» этноцентризма и более сложный уровень. По их мнению, этноцентризм стал знакомым словом, понимаемым по аналогии с «эгоцентризмом», чаще всего как отношение (аттитюд) или взгляд на вещи, при котором ценности, приобретенные из собственной культуры, применяются к контекстам других культур, где действуют совсем другие ценности [7, с. 71]. В наиболее наивной форме этноцентризма индивид бездумно принимает ценности собственной культуры как объективную реальность и автоматически использует их как основу для суждений о менее знакомых объектах и событиях. Как и в эгоцентрической стадии мышления, по мнению швейцарского философа Ж. Пиаже, «такому индивиду не приходит в голову, что могут быть другие точки зрения. На более сложном уровне эгоцентрический аттитюд или подход принимает во внимание, что существуют и другие точки зрения, но при этом рассматривает нормы других культур как неправильные, низшие или аморальные» [6, с. 28].

Нужно подчеркнуть, что в дальнейшем на протяжении всей работы авторы приведенных суждений глубоко и скрупулезно анализируют различные теории этноцентризма и в конечном счете приходят к ряду заключений, среди которых особенно важна мысль о том, что «этноцентризм может характеризовать когнитивные и эмоциональные свойства индивида, идеологию и стереотипы культуры, а также коллективные действия и официальную политику или же все это вместе взятое, проявляясь как общий синдром» [Там же, с. 29].

Думается, что это наиболее полная и всесторонняя характеристика этноцентризма включает следующие уровни: личностный (особенности сознания индивида), социально-психологический (идеология и культура группы) и политический (официальная политика). Вместе с тем здесь отражаются как субъективный аспект этноцентризма (в форме проявлений сознания), так и объективный (в виде коллективных действий). В данном случае реализуется стремление исследователей выработать системный подход к проблеме этноцентризма.

Помимо идей этноцентризма необходимо рассмотреть доктрины национализма применительно к этническим общностям. Национализм как доктрину и как политическое движение легче определить, чем понятие нации. Это утверждение разделяется большинством пишущих на национальные темы [1]. Национализм имеет значение идеологической доктрины этнополитики применительно не только к нациям, но и этническим общностям другого иерархического порядка.

В мировой литературе были попытки классифицировать виды национализма. Помимо деления на этнокультурный и гражданский, возможно и иное основание

для классификации — соотношение с государством или системой государств. Так, Дж. Брейли выделяет три типа: сепаратистский (направленный на отделение от существующего государства); реформаторский (имеющий целью придать более национальный характер уже существующему государству); ирредентистский (направленный на объединение нескольких государств или присоединение части одного государства к другому). Каждый из этих типов в свою очередь подразделяется в зависимости от того, идет ли речь о движении против или в поддержку уже сложившегося национального государства (государств) или о донациональных формах государственности (империя, совокупность раздробленных княжеств и т. д.) [2].

Другие авторы — Б. Андерсон, Дж. Хол и др. — вычленяют идеальные типы, более привязанные к конкретным регионам и историческим периодам. Б. Андерсон выделяет «креольский» национализм в Латинской Америке, лингвистический в Европе XIX в., официальный национализм и империализм, колониальный национализм третьего мира [2]. Дж. Хол добавляет сюда «революцию сверху», т. е. создание первых наций в Великобритании и Франции усилиями государства, «интегральный национализм», отстаивающий чистоту нации и т. д. [4, с. 14]. Все это многообразие типов еще раз подтверждает мысль о том, что национализм — это не единое явление, а совокупность взаимосвязанных идеологий и политических практик.

Исследователи проблем национализма неизменно указывали на тесную взаимосвязь между национализмом и модернизацией. Так, А. Гершенкорн утверждает, что национализм помогает «разрушить барьеры стагнации, существующие в отдельной стране, зажечь воображение людей и направить их энергию на службу делу экономического развития», и характеризует его как «идеологию „отставшей (отложенной) индустриализации“», которая порождает веру в то, что „золотой век“ ждет человечество впереди, а не остался позади» [5, с. 8].

Особенно важным является положение, которое разделяется многими специалистами по национализму: национализм не обязательно направлен на изменение территории государств, он может добиваться соответствия нации государству в уже существующих государственных рамках. Это то, что обычно называется «официальный» или «правительственный» национализм. Сюда включаются сознательные усилия государства по строительству нации, утверждению национальной идентичности населения, борьба против тех, кто поощряет другие формы идентичности, в том числе альтернативные формы национализма [Там же].

Э. Хобсбаум в ряде работ подробно описал мобилизацию государственными элитами этнических чувств своих граждан, перенос значимых символов идентичности на уровень государства [1, с. 30]. При одновременном процессе строительства российской государственности и государственности республик официальный национализм на разных уровнях способен порождать конфликты как между правительствами и отдельными группами населения, так и между самими правительствами.

Разные группы борются за право истолкования этого символа, придания ему смысла и тем самым использования его для легитимации своих действий. И здесь эффективнее, скорее, не задавать вопрос, хорош национализм или плох, а выяснить, каких программ он придерживается и оценивать эти программы как радикальные, либеральные или реакционные. Важно также оценить, каковы социальные

и политические условия, которые располагают к успеху какой-либо из этих программ.

Помимо отмеченных моментов традиционно большая роль в генезисе этно-сознания на идеологическом уровне принадлежит интеллигенции. Являясь компонентом этнической системы, она оказывает влияние на идентификационное сознание (этническое самосознание) — сферу, которая быстрее всего реагирует на политические и социальные изменения в этномозаичном обществе. Этническая идентичность — это не только принятие определенных групповых представлений и готовность к сходному образу мыслей, но также представление системы отношений и действий в различных этнополитических ситуациях. Чем больше членов этнической системы разделяют общую идентичность, тем больше вероятность совместных действий в ее защиту.

Роль интеллектуалов проявляется в формировании идей, взглядов и настроений социально-этнических общностей, прежде всего на идеологическом уровне. Выступая в роли не только генератора, но и распространителя идей, интеллигенция оказывает двойное влияние на идентификационное самосознание членов этнической системы. В связи с этим влиянием можно выделить две группы интеллигенции. Первая группа — это лидирующая группа интеллектуалов, которая разрабатывает идеи, демонстрирует их, мобилизует вокруг них различные этнические общности. Часть данной группы можно охарактеризовать как «публичную элиту», ее задача — выход на массы. Другая часть — идеологи — работают за письменным столом (социологи, историки, философы, юристы), разрабатывая идеологию для властных или оппозиционных структур, в том числе для «публичной» элиты. Вторая группа выполняет инструментальную роль в обществе (врачи, ученые, писатели, артисты, учителя и т. д.). Эту группу называют еще социальной элитой, функция которой — передача повседневных образцов поведения.

Особая роль в формировании этнической идеологии принадлежит этнической элите. Немецкий философ и социолог, один из основателей философской антропологии, аксиологии и социологии знания М. Шелер убежден, что элита никогда не возникает из самой политической сферы, она рождается «из новых духовных... движений» [9, с. 105]. Он считает, что формирование настоящей элиты — длительный процесс: «Элиты, которые не просто выполняют важную в определенное время функцию умного и мудрого распоряжения каким-либо политическим и культурным достоянием, не показываясь на свет преждевременно; а возможно это в наше время не иначе, как путем медленного слияния „кругов“, образовавшихся вокруг лидирующих личностей» [3, с. 36].

Значение этнической элиты в процессах политической мобилизации зависит от восприятия ее как легитимной власти. Легитимность — необходимый атрибут политической системы. В существующей обществоведческой литературе под легитимностью понимается чаще всего способность политической системы обеспечивать себе поддержку народа [Там же].

Таким образом, процесс формирования сознания этноса обычно шел не «снизу», а «сверху», определялся деятельностью литераторов и всей гуманитарной интеллигенции, а также политиков и этнической элиты, которые нуждались в этнической опоре и в организованной этнополитической мобилизации народа.

Литература

1. **Дробижева Л. М.** Этническое самосознание русских: идеология и практика / Л. М. Дробижева // Совет. этногр. 1991. № 1. С. 25 — 37.
2. **Казинцев А.** ГКЧП-3 / А. Казинцев // Наш современник. 1996. № 3. С. 189 — 215.
3. **Козлов В. И.** Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса / В. И. Козлов // Совет. этнография. 1975. № 2. С. 30 — 41.
4. **Кургинян С.** «Туманган» — символ поражения / С. Кургинян, Ю. Бардахчиев, М. Дмитриев // Завтра. 1996. № 15. С. 4 — 26.
5. **Макашов А.** Бить в колокола / А. Макашов // Завтра. 1996. № 1. С. 4 — 19.
6. **Пиаже Ж.** Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. М., 1969. 480 с.
7. **Рощин С. К.** Проблема этноцентризма: теория и политическая действительность XX в. / С. К. Рощин // Расы и народы. М., 1993. Вып. 23. С. 65 — 80.
8. **Хайдеггер М.** Феноменология и трансцендентальная философия ценности / М. Хайдеггер. Киев, 1996. 510 с.
9. **Шелер М.** Избранные произведения / М. Шелер. М., 1994. 608 с.
10. **Erikson E. A.** Memorandum on Identity and Negro Youth / E. A. Erikson // A Way of Looking at Things : selected Papers. New York, 1995. 660 p.

Поступила 01.07.2009 г.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 392.5:394.945

О. В. Спицина
O. V. Spitsina

ОБЫЧНОЕ ПРАВО КАК ОСНОВА СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

COMMON LAW AS THE FOUNDATION OF A FAMILY AND FAMILY RELATIONS*

Ключевые слова: семья, внутрисемейные отношения, обычное право, глава семьи, обычай, традиции, имущественные отношения, личные отношения.

В статье рассматриваются внутренний строй русской семьи, права и обязанности членов семьи, регулирующие внутрисемейные отношения через призму обычного права.

Key words: family, intra-family relations, common law, householder, custom, traditions, privity, private relations.

The internal system of Russian family, rights and duties of members of the family, which regulate the intra-family relations through the prism of common law are considered in the article.

Нормы обычного права внутрисемейных связей — одно из необходимых звеньев изучения семьи как части духовной культуры. Обычное право способствует выявлению особенностей функционирования семьи в обществе на определенном историческом этапе его развития. Установление и закрепление обычного права в быту происходит благодаря механизму трансляции традиций — одному из важных факторов развития культуры в целом. Традиции как эстафета передаются из поколения в поколение и соединяют настоящее с прошлым. В семье, объединенной особого рода связями — родственными, они находят благоприятную почву [11, с. 4]. Семья как хранитель, транслятор традиций и обычаев народа выполняет важную функцию консервации национальной идентичности, смыслового обоснования народа как общности,двигающейся к цели саморазвития и увеличения численности. Семья как социальная ценность синтезирует свое значение как предметной ценности и обретает смысл как духовная ценность, характеризую отношения между человеком и социумом в рамках внутрисемейных отношений субъектов обычного права.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Народы Республики Мордовия», № 08-01-23101 а/В.

Исследование процессов регулирования внутрисемейных отношений русского народа является одним из сложных аспектов семейного права. Рассматривая внутренний строй русской семьи, обычно исходят из понимания этноправовой сущности, характеризующей данный институт как союз лиц, связанный взаимными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства и свойства усыновления или иной формы принятия того или иного человека в его состав. Семья представляет собой одну из разновидностей социальных организмов, члены которой связаны комплексом взаимоотношений. При этом отношения между супругами рассматриваются в двух аспектах: как личные отношения и как имущественные. Под личными следует понимать отношения, возникающие из совместной жизни двух лиц, двух субъектов, одаренных волей и способностью мышления, а под имущественными — отношения, возникающие между супругами по поводу имущества, которое каждый из них вносит, вступая в брак или уже после его заключения [2].

Согласно обычному праву муж обладал практически абсолютной властью над женой, а родители — над детьми. Как отмечал М. Т. Маркелов, главой семьи были отец с матерью или, если живы, дедушка и бабушка, иногда даже отец дедушки [6, с. 64]. Во главе крестьянской семьи стоял старший по возрасту и положению мужчина (большак), он обладал в семье неограниченной властью. Глава семьи судил поступки домашних и налагал на них наказания, представлял интересы двора на сельском сходе.

Большаком, как правило, становились по праву старшинства и все решения принимали, самостоятельно, но могли прислушиваться к мнению отдельных членов семьи, преимущественно старших. Большак имел право наказывать членов семьи за лень, за хозяйственное упущение или нравственные проступки. Он выступал организатором и руководителем всего производственного процесса крестьянского двора [7, с. 6 — 7]. С вечера он распределял работу на следующий день, его распоряжения подлежали неукоснительному исполнению. Прерогативой большака являлись определение сроков и порядка проведения полевых работ, продажа урожая и покупка необходимого в хозяйстве. Только он мог выступать в качестве заимодавца или заемщика. Большак вел все дела хозяйства, свободно распоряжался его имуществом, заключал обязательные соглашения, но наряду со всем этим владельцем двора не являлся. Существовавший обычай запрещал домохозяйину предпринимать важные распорядительные действия, например отчуждение без согласия всех взрослых членов семьи [12, с. 196]. Он не мог завещать имущество двора. После его смерти двор оставался в распоряжении семьи, а большаком становился его сын или брат, реже вдова.

Правоспособность и дееспособность жены ничем не были ограничены. И муж, и жена по закону наделялись обязанностями по отношению друг к другу. Глава семьи (хозяин, большак, наибольший) руководил всеми земледельческими работами, строительной и ремесленной деятельностью семьи, а его жена (хозяйка, большуха, наибольшая) — всеми женскими работами, домашними делами, воспитанием детей [13, с. 274]. Жена, дочери, сыновья, снохи подчинялись его воле. В малых семьях, где отношения строились только между родителями и детьми, атмосфера была более демократичной, хотя и здесь последнее слово всегда принадлежало главе семьи. Вся жизнь, права, обязанности членов семьи были регламентированы традицией: за их исполнением следил глава семьи. В случае неповиновения кого-либо он

мог применять наказания. Но непримиримые внутрисемейные разногласия, которые грозили развалом семьи или членовредительством, обсуждались общиной. Обычно же глава семьи пользовался уважением и почитался остальными родственниками [14, с. 365].

Однако было бы неправильно рассматривать правовое положение женщины как полностью бесправное. «Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви и почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома» (ПМА: Шумкина). Жена была обязана всюду следовать за мужем. В то же время и на мужа обычное право накладывало обязанности по отношению к жене: «Муж обязан любить свою жену, как собственное тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи. Он обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей» (ПМА: Трушкина). Известный вологодский этнограф Н. А. Иваницкий, опубликовавший значительный материал о быте крестьян писал, что «сердечные отношения между мужем и женой сохраняются до конца жизни», а «чувство любви — главный стимул, заставляющий человека трудиться и заботиться о приобретении собственности ввиду будущего блага своей семьи» [3, с. 57 — 58].

Изучение обычно-правового положения каждого из супругов, прежде всего жены, у русского народа Республики Мордовия осложняется бытовавшим принципом невмешательства в семейные отношения посторонних людей, что не способствует получению достоверного материала о личных отношениях между супругами. Как выразился историк права М. Ф. Владимирский-Буданов, «вообще личные отношения супругов с положительной их стороны неуловимы для законодательства» [1, с. 439]. «Узнать подробности о внутренней жизни того или другого дома крайне сложно, так как эти вопросы принимались за недостаток благовоспитанности и всякий лишь изумится, как спрашивающий мог подумать, что на вопрос ему ответит», — писал В. Н. Майнов [5, с. 123]. Не бывало случая, чтобы муж и жена «вынесли сор из избы» и передали о своем домашнем горе кому-нибудь из односельчан [Там же].

Личные взаимоотношения между мужем и женой не выходили за пределы дома, ибо пересказ произошедшего в семье, равно как и вмешательство в чужие домашние хлопоты, традиционно считались противоречившими устоявшимся нормам этикета и обычного права. Нередко даже члены большой семьи не были в курсе личных отношений составлявших их супружеских пар, особенно если это касалось ссор и споров. Правосубъектность мужей проявлялась в их юридических возможностях подчинять жен своей воле, порой доходивших до грубого обращения. Безотчетная власть мужа над женой отражена в народных поговорках: «Бью не чужую, а свою»; «Хоть веревки из нее вью»; «Жалей, как шубу, а бей, как душу» [4, с. 54]. В случае неповиновения жены, муж мог ее побить без опасения подвергнуться за это наказанию, но соседи осуждали его в нравственном отношении как человека, который не сумел «приманить жену к себе и заставить уважать свое слово и желание» [8, с. 186].

Послушание, тем не менее, считалось не просто слепым подчинением, а следствием уважения и любви к супругу. Если жена не слушалась его, то предполагалось, что это происходило по причине «неуменья» самого мужа, который не сумел ее заставить уважать свое слово: «и собаку приманишь, и кошку приманишь, а бабу труднее всего» [5, с. 122]. Отношения между супругами осложнялись также теми обсто-

ятельствами, что большинство браков совершалось по воле родителей, которые отдавали дочь замуж или женили сына без их согласия, а часто вопреки желанию детей. Вместе с тем брачные узы связывали супругов на всю жизнь [9, с. 96].

Обычно в русской семье между мужем и женой складывались добрые взаимоотношения. Оба супруга старались поддерживать партнерские отношения (ПМА: Фролкина). Фактически все решения, принимаемые мужем в семье, согласовывались с супругой. Социолог В. И. Селиванов считал, что глава семьи должен быть ответственным лицом перед государством, более того он должен быть передовым человеком и сочетать в себе отеческую или материнскую любовь к семье с личным трудолюбием, трезвостью, организованностью, чуткостью и другими положительными качествами, без которых он не может иметь авторитета [10, с. 463].

Хотя жена юридически не участвовала в общесемейном совете, она пользовалась большим нравственным влиянием на мужа и действовала через него. «Муж — голова, а жена — шея, куда шея повернется, туда голова и посмотрит», — гласит русская пословица. Авторитет женщины в семье определялся ее ролью в быту (ПМА: Ногаева). «Супруги в домашнем быту являлись совершенно равноправными радателями о своем семейном благосостоянии. Тот и другой работали и подле дома, и в поле, и в лесу за щепенным делом, и даже на отхожих промыслах», — писал В. Н. Майнов [5, с. 125]. Для русского населения Мордовии было характерно половозрастное распределение труда, что четко разграничивало мужские и женские работы. Так, по опросам жителей с. Нижняя Вязера и Оброчное было установлено, что мужчины в основном были заняты в поле: пахали, сеяли, пасли скотину. На муже лежала обязанность строительства дома, жена несла основную нагрузку по выполнению женских домашних дел, таких, как уход за скотом, огородные работы, заготовка продуктов на зиму, приготовление пищи, уборка дома, стирка, доставка воды, прядение, ткачество, шитье и некоторые полевые работы.

Таким образом, обычное право регулировало систему внутрисемейных отношений, представленных комплексом связей нескольких уровней (имущественных, личных, супружеских) и определяющих жизнедеятельность и стабильность членов крестьянской семьи.

Литература

1. **Владимирский-Буданов М. В.** Обзор истории русского права / М. В. Владимирский-Буданов. Ростов н/Д, 1995. 640 с.
2. Женщина в семейной и социальной жизни. СПб., 1901.
3. **Иваницкий Н. А.** Материалы по этнографии Вологодской губернии / Н. А. Иваницкий // Изв. ИОЛЕАЭ. Т. LXIX. Труды этнографического отдела. М., 1890. Т. 2, вып. 1. С. 57 — 58.
4. **Иваницкий Н. А.** Материалы по этнографии Вологодской области / Н. А. Иваницкий // Сборник для изучения быта крестьянского населения России. М., 1890. Вып. 2. С. 54.
5. **Майнов В. Н.** Очерки юридического быта мордвы / В. Н. Майнов. СПб., 1885. 268 с.
6. **Маркелов М. Т.** Система родства угро-финских народностей / М. Т. Маркелов // Этнография. 1928. Кн. 5, № 1. С. 44 — 78.
7. **Мейендорф.** Крестьянский двор в системе русского крестьянского законодательства и общинного права, и затруднительность его применения / Мейендорф. СПб., 1909.
8. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье [Репринт. издание]. Ульяновск : «Дом печати», 1998.
9. Русские: семейный и общественный быт. М. : Наука, 1989. 336 с.

10. Селиванов В. И. Первичные сельские коллективы и их влияние на формирование личности / В. И. Селиванов // Социология в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 463.
11. Семья: традиции и современность / отв. ред. О. А. Градская, И. А. Гришаев. М., 1990. 256 с.
12. Хауке О. А. Крестьянское земельное право / О. А. Хауке. М., 1914. 380 с.
13. Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники : энцикл. / И. И. Шангина. СПб.: Азбука-классика, 2003. 560 с.
14. Этнография восточных славян : очерки традиц. культуры / отв. ред. К. В. Чистяков. М. : Наука, 1987. 554 с.

Полевой материал авторов

Ногаева Пелагея Кузьминична, 1921 года рождения, с. Самаевка Ковылкинского района Республики Мордовия, запись 2008 г.

Трушкина Мария Васильевна, 1927 года рождения, с. Куликово Краснослободского района Республики Мордовия, запись 2007 г.

Фролкина Евдокия Семеновна, 1937 года рождения, с. Шалы Атюрьевского района Республики Мордовия, запись 2007 г.

Шумкина Светлана Григорьевна, 1941 года рождения, пос. Жуково Зубово-Полянского района Республики Мордовия, запись 2007 г.

Поступила 12.08.2009 г.

УДК 398.341(470.345-22)(=161.1)

Е. А. Кириллова

E. A. Kirillova

СЕЛЬСКОЕ ЖИЛИЩЕ РУССКИХ В МОРДОВИИ*

RURAL DWELLING OF THE RUSSIANS IN MORDOVIA*

Ключевые слова: жилище, хозяйственные постройки, дом, домовый, обряд, баня, амбар, наличники, печной угол, красный угол, матица.

В статье характеризуется внутреннее обустройство жилища русских, проживающих на территории Республики Мордовия, внешнее убранство дома, хозяйственные постройки. Рассмотрены поверья и обряды, связанные со строительством дома, обычаи при новоселье, а также поверья, связанные с домовыми.

Key words: dwelling, household buildings, house, brownie, rite, bath-house, barn, cover plates, oven angle, place of honor, girder.

The internal construction of a dwelling of the Russians living in the Republic of Mordovia, the external decoration of houses, household buildings are analyzed in the article. Legends and rites

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Народы Республики Мордовия», № 08-01-23101 а/В.

connected with house building, house-warming customs and popular beliefs about the brownie are considered in it as well.

В число основных составляющих народной культуры входит жилище. С древности у многих народов мира дом — это не просто укрытие от непогоды и место сна, а наиболее безопасное, ограниченное от внешнего мира пространство, где отдыхает и душа человека. Родной дом для каждого человека — это святое место, своего рода храм. Не случайно все входы и выходы из этого безопасного пространства — порог, окна, труба печи — были освящены многочисленными обрядами и овеяны поверьями. Да и сам дом можно было строить далеко не на каждом месте и не из любого материала. Жилище — это элемент культуры народа, регулирующий взаимоотношения человека с окружающим миром, концентрирующий сокровенные народные знания, мудрость предков. Многие тайны повседневного уклада жизни — как полагалось строить дом и приглашать домового, что нужно первым заносить при переселении в новый дом, как уберечься от сглаза и порчи — все это сохранили бабушки и дедушки, услышали эти сведения от своих дедов и прадедов и хранили как память.

Мордва, русские и татары, с давних пор проживавшие в мордовском крае, вписали в историю народного зодчества самобытные, ставшие традиционными композиционные решения жилища, в основе которых лежит учет местных условий быта крестьянской семьи. Однако и в современном сельском жилище ярко проявляются характерные черты бытового уклада многих поколений предков. Традиционное жилище представляет собой достаточно сложный комплекс взаимосвязанных элементов: жилой дом, хозяйственные постройки и земельный участок, на котором они расположены. По такой схеме до сих пор возводятся в сельской местности индивидуальные жилые дома. Строятся они на основе предшествующего опыта, строительных навыков и национально-бытовых традиций [2, с. 28].

Выбор места для жилища в прошлом определялся не только практическими соображениями (близость воды и открытость или защищенность пространства), но и представлениями о благоприятности для человека этого места. Обычно выбором места для дома, как и материала для строительства занимался самый опытный член семьи, учитывавший различные обряды, приметы и гадания. Именно они в немалой степени определяли благоприятное («счастливое») место. Выбранное место часто окуривали ладаном или приглашали священника для специального молебна. По поверьям нельзя было строить дома на дороге или тропинке, на бывшем кладбище или даже на заброшенной и забытой могиле, на закрытом кладе или деньгах и др. Если дом построен «не на месте», то в нем будет «чудиться» — появляться какие-либо таинственные существа или звуки; не будет вестись скотина, а сами жильцы будут часто болеть или их выживут из дома шум и стук по ночам. Иногда считалось достаточно перенести дом на другое место, даже на 1 — 2 м от прежнего. Часто такие дома просто забрасывали, убедившись, что в них «никто не может жить». Подобные дома и сейчас можно встретить в некоторых русских селениях Мордовии (например, в пос. Тургенево Ардатовского района, с. Воеводское Кочкуровского района), так как сносить или сжигать их было не принято (ПМА: Пазина, Уляшина). Обычно дурную славу получали дома, в которых жили когда-то колдуны. Иными словами, обряды делали жилище «жилищем», т. е. наполняли его определенным семантическим значением.

Кроме того, строительные обряды — это обряды домостроения пространства, т. е. его «одомашнивания», «очеловечивания» [1, с. 45 — 46].

Большинство построек строилось из дерева, причем использовались почти все породы: сосна, ель, береза, липа, осина, ольха и др. Наиболее дорогими и прочными материалами являлись дуб и сосна. Постройки из них стояли по 200 лет. Самый непрочный и дешевый материал — осина, постройки из которой часто держались не более 30 лет. Преимущественное употребление тех или иных пород было связано с географическими условиями местности и степенью зажиточности крестьянина. В целях экономии дерева иногда использовали не круглые бревна, а их половинки. При применении тонких бревен для утепления стены обмазывали глиной и др. (ПМА: Безрогов, Кузьмичев).

Следует отметить, что наиболее богаты лесными массивами были Zubovo-Полынский, Темниковский и Теньгушевский районы, где для возведения жилых построек использовались хвойные и лиственные породы. В южной и срединной частях исследуемой территории преобладали постройки из чернолесья — мелкой осины, липы, ольхи (ПМА: Косынкин, Маслов, Смирнов).

Наряду с бревенчатым жилищем строили саманные и глинобитные, которые во многих селениях почти полностью вытеснили бревенчатую избу. Особенно были распространены такие дома в Краснослободском, Лямбирском, Ромодановском и Чамзинском районах, чему благоприятствовали природные залежи глины. Это объясняется тем, что такой тип жилища обходился дешевле, а по прочности и теплоизоляции не уступал бревенчатой избе. Для строительства жилища из самана в специальных формах подготавливали кирпич (сырцовый). Из этого кирпича выкладывали стены, а щели между ними заливали жидкой глиной, смешанной с мелко изрубленной соломой. Для строительства глинобитных жилищ сначала возводили каркас стены из столбов, а затем с обеих сторон столбов прибавляли доски. В промежутки между досками забивали до отказа глину. По мере ее просыхания доски переносились выше. В таких домах по большей части жили одинокие крестьяне или особенно бедные семьи, которые были не в состоянии поставить рубленую избу (ПМА: Косынкин).

Строительством домов занимались плотники, которых нанимали за определенную плату. Сам хозяин, если он не плотник, рубил лишь мелкие хозяйственные постройки. Плотники имелись в каждой деревне, но много их приходило и со стороны. Согласно подворной переписи за 1913 г., в д. Ушлейка Инсарского уезда (ныне Инсарского района) насчитывалось 15 плотников, в с. Камакужа Инсарского уезда (ныне Инсарского района) — 6, в д. Хитровка Инсарского уезда (ныне Старошайговского района) — 3 плотника [7, с. 92 — 140].

Сегодня хорошими плотниками в Краснослободском районе считаются: в с. Ефеево П. Е. Борисов, который также делал наличники для всего села; в с. Слободские Дубровки — А. П. Золотов, И. Д. Купряшкин, В. А. Лазарев; в с. Русское Маскино — В. Я. Козин, А. И. Муриков, И. И. Маркин, Д. Д. Ярмин, П. Д. Ярмин; в с. Новый Усад — А. Н. Карасев, Н. Е. Никитин, И. Т. Саныгин, И. А. Кондрашкин, Ф. А. Кондрашкин; в пос. Преображенский — И. И. Макеев, И. Мадаев по кличке «Усач», А. Лопатин, Я. И. Демин. Жители с. Селищи нанимали мордовских плотников из Теньгушевского района и с. Козловка Атюрьевского района. В с. Барашеве Теньгушевского района дома строили приезжие плотники из Тюмени, Красноярска. В

Большеберезниковском районе известными плотниками были: в с. Большие Березники — А. М. Грехов и С. А. Грехов; в с. Елизаветинка — П. Ф. Зевайкин, П. А. Козин, Н. З. Шорохов; в с. Судосево — Ф. М. Митянов. В с. Покровские Селищи Zubovo-Полянского района хорошими плотниками считают С. П. Казеева и М. А. Вишнякова. В с. Никольском Торбеевского района для строительства домов плотников приглашали из Старой Потьмы, это Н. С. Игошин, В. Краснов. У В. И. Кулькова из с. Стародевичьего Ельниковского района была бригада из 12 человек. В с. Андреевка Большеигнатовского района есть династия плотников Мамаевых.

После того как сруб подготовлен и сделаны все заготовки для окон, дверей, пола и потолка, приступали к поднятию дома. Возведение дома всегда сопровождалось соблюдением различных обрядов. Повсеместно под углы первого венца клали монеты, зерно или шерсть для богатства и счастья в новом доме. Например, в с. Маколове Чамзинского района под передний угол нижнего венца сруба клали медные пятаки; в с. Барашеве Теньгушевского района — овечью шерсть «чтобы скотина велась». Считалось, что это должно обеспечить новым жильцам дома безбедную жизнь и удачу в делах. При поднятии сруба обязательно устраивали «помочи». Мужчины занимались сборкой и складыванием сруба. Женщины в основном раскладывали мох или паклю между бревен и готовили угощение. Перед началом работы и после постройки дома, хозяева должны были хорошо угостить плотников и помощников. Обычно после четвертого звена настилали полы и ставили в центре стол с угощениями (ПМА: Милехин, Селантьева, Шачнева).

Среди плотников особенно ценились люди с точным глазомером. В народе по этому поводу обычно говорили так: «Он руками отмерит, отрежет, примерит — как тут и было». Однако плотникам, как и печникам, по поверьям приписывались еще и особые способности. Это объяснялось тем, что они имели непосредственное отношение к благополучию жизни в новом доме. В с. Красине Дубенского района, например, был такой случай, когда хозяин чем-то не угодил плотникам, и те сделали так, что каждую ночь раздавался стук на чердаке, а затем две белые тени появлялись в притворе двери. Так и пришлось хозяину продать этот дом (ПМА: Липасова). Свои колдовские действия, по поверьям, плотники могли выполнить, когда рубили второй ряд бревен. Подобные поверья были распространены довольно широко. Например, как рассказывал плотник Н. М. Тюлюков из с. Воеводском Кочкуровского района, «при рубке дома, если хотели навредить хозяину, в паз со мхом могли положить обрубок дерева или щепку, отчего в доме будет стук и шум по ночам» (ПМА: Тюлюков). Поэтому к плотникам относились с большим почтением, угощали, во всем старались угодить. Хорошие плотники были известны по всей округе и оставили память о себе в домах, стоящих не один десяток лет.

После возведения стен их дополнительно конопатили мхом или паклей с помощью специальной лопаточки (конопатки). Для утепления пазы между бревнами промазывали глиной. Выступающие торцы бревен белили известью, чтобы бревна не трескались.

Большое значение русские придавали окнам — в прошлом естественному источнику света. Обычно в крестьянской избе их было два-три и рамы в них состояли из пяти-шести звеньев. Окна имели косяки — колоды, составленные из четырех толстых брусьев. Окна современного типа, со створками оконных рам, устроены на железных петлях. По словам информаторов, для сохранения тепла в доме на время

холодов окна завешивали снаружи специальными циновками, сплетенными из соломы, которую заготавливали с осени.

Русское население Мордовии большое внимание уделяет внешнему декору жилища. Резьбой украшают фриз, фронтон, наличники окон, крыльцо, ворота и т. п. Резные украшения нередко раскрашиваются масляной краской. Особенно стараются украсить наличники. Повсеместно в русских населенных пунктах Мордовии встречаются наличники с прямоугольным, треугольным, барочным и ажурным навершиями. Например, в Краснослободском районе, в с. Ефаево, Новая Авгура, Новый Усад, Русское Маскино, Слободские Дубровки чаще встречаются наличники с прямоугольным, ажурным навершием; в с. Краснополье — прямоугольным, треугольным навершием, у одного дома наличники с ажурным навершием.

Темы и рисунки для традиционных украшений резчики берут природные. Они представлены в основном парным изображением птиц — лебедей, уток, голубей, размещенных обычно в верхней части наличника или на фронтоне. Встречаются изображения коня, жар-птицы (с. Теньгушево Теньгушевского района), льва (с. Веденяпино Теньгушевского района), петуха (с. Слободские Дубровки Краснослободского района) (ПМА: Золотов). В Ардатовском районе преобладал растительный орнамент: ветви, листья, гроздь винограда, хмеля, в Темниковском — фигуры человека, животных, птиц. На ставнях чаще всего в растительный орнамент вплетались фигуры птиц, животных, год постройки, инициалы мастера и др. В последние десятилетия на дома приделывали пятиконечные звезды [3, с. 96].

Следует отметить, что постройка нового дома, новоселье у русских в Мордовии сопровождалось множеством обрядов. Повсеместно первой в дом пускали кошку — для долголетия. В качестве оберега на всех дверях дома и хозяйственных постройках рисовали кресты, помнили поверье о домовом. При переселении домового, как правило, забирали с собой и периодически угощали его по праздникам. Например, в пос. Потьма Зубово-Полянского района делали так: когда рождается ребенок его приносят домой и подносят к углам дома со словами: «дедушка домового, прими младенца, будь ему охранником». После этого берут рюмку водки, отрезают ломоть хлеба от нового карава и ставят для домового поближе к потолку, на шкаф. При переезде на новое место жительства домового приглашали с собой: «Дедушка, пошли на новое место жительства»; в с. Воеводское Кочкуровского района говорили так: «Домовой айда. Хозяин-батюшка, зайди в мой дом». В с. Селищи Краснослободского района в середину избы клали мешок и говорили следующие слова: «Домовой, домового пойдем жить со мной в новый дом», а в. Русское Маскино под шесток печи клали корзину или большую чашу и также забирали домового (ПМА: Бакайкина, Киреева, Лосева, Уляшина, Шачнева).

Крыльцо, как правило, располагалось как с боковой, так и с фасадной стороны дома. В зависимости от высоты пола над землей изменялось количество ступеней, составлявших крыльцо (от 2 ступеней и более). Крыльцо могло быть открытым, без перил (чаще у низких изб) или с перилами. У более благоустроенных построек крыльцо и лестница обшивались по бокам тесом. Покрытие крыльца делалось или как продолжение ската крыши, или же самостоятельным в виде односкатной или двускатной кровли.

Повсеместно у русских дома огорожены палисадниками из штакетника и глухим забором из досок. С улицы во двор вели ворота, одностворчатые и двустворчатые на столбах под двускатной крышей.

Самым почетным и священным местом в доме был передний угол, который называли также «святой», «красный». В переднем углу сооружалась специальная полочка, где помещались не только иконы, но и различные «святые» вещи: пасхальное яйцо, лампада, свечи, вербные веточки и др. Передний угол обычно украшали вышитым полотенцем или занавесками, которые в какой-то мере служили и средством защиты домашних святынь от нежелательных взглядов. В переднем углу ставили обеденный стол, а вдоль стен были встроены широкие лавки, которые также служили местом для сна. Обеденный стол в будние дни ничем не накрывали, а в праздники стелили узорные домотканые скатерти.

К столу было особое уважительное отношение. Не зря говорили: «Стол — это божий престол». Он наделялся особой ритуальной чистотой: на него нельзя класть рукавицы, шапки, платки, подушки. По поверьям, на столе нельзя было оставлять на ночь нож, а во время еды не должно быть два ножа сразу [1, с. 157]. Самым почетным за столом было место на лавке под образами, которая так и называлась «отцова» лавка, потому что на ней обычно сидел хозяин дома. В передний угол сажали самых почетных гостей.

Обстановка в жилище русских была однообразной. Одним из важных элементов избы были полаты, служившие местом для сна, как правило, детей. Они устраивались над дверью от печки до противоположной стены на уровне человеческого роста. В центре избы к крюку, вбитому в матицу, подвешивалась люлька для новорожденного. В противоположной от печи части, в задней избе, устраивался коник. Он служил местом для ночлега главы семьи, а в ящике под сиденьем хранились пищевые продукты, а также необходимые инструменты и материалы. С наступлением весны и до осени местом ночлега становились сени, подвалы, бани, амбары, чердаки, сеновалы [3, с. 94].

Сегодня традиционное жилище русских претерпело значительные изменения, которые выражаются в унификации как внешнего облика, так и внутренней планировки, что связано с использованием новых строительных материалов, повышением комфортности (менее трудоемкая и более удобная система отопления, система водоснабжения, а в ряде случаев водоотведения). Меблировка сельского жилища также претерпела значительные изменения и в настоящее время приближается к обстановке городских квартир.

Хозяйственно-бытовые постройки русского населения Мордовии примыкают к жилому дому, образуя в зависимости от местных условий, национальных традиций и бытовых потребностей различные застройки усадьбы — полузамкнутую, замкнутую, сомкнутую и слитную.

Полузамкнутая застройка характеризуется наличием внутреннего полузамкнутого пространства двора, образованного разобщенно расположенными жилым домом и хозяйственными постройками. При однорядной застройке они располагаются в один ряд с жилым домом, но не примыкают к нему, образуя небольшие просветы. При Г-образной застройке хозяйственные постройки располагаются под прямым углом к продольной оси дома, также образуя просветы. Застройка в плане представляет подобие буквы «Г» с оторванной перекладной. Двурядная застройка представляет собой разобщенную связь жилого дома и надворных построек, расположенных в два ряда, параллельно друг другу. Торцевые стороны огораживаются обычно изгородью и забором с воротами [2, с. 28 — 29].

Для замкнутой застройки характерно наличие внутреннего замкнутого пространства двора, образованного домом и примыкающими к нему надворными постройками. Название «двор» в данном случае применимо именно к этому пространству, а не к надворным постройкам. П-образная застройка встречается в двух разновидностях: открытой — с широким незакрытым двором и крытой — с небольшим внутренним двориком, закрываемым на зиму плоской крышей. При круговой застройке замкнутый со всех сторон двор образуется домом и надворными постройками [Там же, с. 29 — 30]. Наличие открытого двора с покоеобразной застройкой распространенного в районах Мордовии было характерно как для русского, так и для мордовского и татарского населения. Двор примыкал непосредственно к дому, имел форму прямоугольника или квадрата и был обнесен плетнем, иногда прерывавшимся бревенчатым или саманным забором. С улицы во двор вели односторонние, реже — двухсторонние ворота. Много места во дворе занимал навес. Ширина двора по фасаду обычно достигала 22 м, длина — 15 м [6, л. 191, 210].

В сомкнутой застройке двор и надворные постройки — одно и то же понятие, тогда как в приведенных выше типах они различаются. При этом типе застройки дом и хозяйственные постройки располагаются смежно в два параллельных ряда и имеют общую или отдельные крыши. Г-образная слитная застройка характеризуется примыканием хозяйственных построек к тыльной стороне дома. Слитная однородная застройка характеризуется таким расположением жилого дома и надворных построек, при котором последние примыкают к дому с задней стороны, образуя вытянутую в одну линию застройку усадьбы [2, с. 30].

Все хозяйственные постройки можно разделить на две категории: для хранения продуктов и хозяйственного инвентаря (амбары, кладовые, подвалы-выходы, погреба, клетки и т. д.); для содержания скота (конюшня, хлев, калда — летние помещения для скота под навесом с плетневыми стенами, другие постройки) [3, с. 99]. Хозяйственные постройки имели односкатные, двускатные и четырехскатные крыши, в прошлом покрытые соломой и тесом, позднее — шифером и железом.

Постройки русских, как правило, располагались как на усадьбе, так и вне ее. Амбары, кладовые и подвалы (выходы) чаще всего располагались на улице перед домом. Амбар находился на передней линии застройки параллельно жилой избе и представлял собой бревенчатую постройку с двускатной крышей и обитой железом дверью. Амбары служили в основном для хранения хлебных припасов — зерна и муки, которыми заполняли лари и сусеки с запасом на несколько лет. Их ставили на сухом месте, в стороне от других построек, чтобы продукты, хранившиеся там, не портились, а в случае пожара не сгорели. Например, в Краснослободском районе в с. Ефаеве большинство амбаров делали из самана и ставили позади дома [5, л. 283]. В с. Новый Усад у многих жителей амбары расположены цепочкой перед домами и имеют четырехскатные крыши, а в с. Старая Авгура амбары чаще всего имеют трехскатную крышу. В с. Старая Качеевка Теньгушевского района в целях пожарной безопасности амбары располагали в конце огорода. В прошлом амбары имелись в каждом доме, с течением времени из-за их ненужности их количество резко сократилось. Так, еще в 1940 — 1942 гг. в с. Енгальчеве Дубенского района в 85 хозяйствах насчитывалось 32 амбара, а в 1973 г. осталось только 4 амбара [8, д. 1, л. 48; д. 3, л. 86].

Следует отметить, что амбары, кроме того, что в них хранили продукты питания, использовались и в обрядовой жизни русских. Так, в некоторых районах Мордовии брачную постель для молодых устраивали в амбаре, чтобы жизнь их была богатой и счастливой (ПМА: Сотова). Для защиты от нечистой силы амбар кропили «святой» водой, а на Крещение на его дверях рисовали углем или мелом крест. Считалось, что амбарный (домовой, живущий в амбаре) может предсказать будущую семейную жизнь молодым людям. Для этого нужно было подойти к амбару в святочную ночь и сказать: «Суженый-ряженный, приходи рожь мерять». Если девушке суждено выйти замуж в богатую семью, то она должна в ответ услышать звук тяжело падающих зерен. Если же судьба выйти замуж за бедного, то в амбаре раздастся звук, похожий на звук подметающей метлы (ПМА: Рожкова).

Кладовую — место хранения ценных вещей — ставили также перед домом. В с. Новая Авгура, Красная Подгора Краснослободского района часто встречаются кирпичные кладовые с двускатными крышами, покрытые железом. Их обычно ставили перед домом, так как там хранились продуктовые запасы (мука, зерно).

Наиболее распространенными были два вида вспомогательных построек — мазанка и подвал. Мазанки строили из мелкого леса или плетня и обмазывали снаружи и внутри толстым слоем глины. Ее функции те же, что и у подвала. Крышу делали из соломы на четыре ската.

Подвал представлял собой полуземлянку, углубленную в землю на 70 см (иногда до 1 м), размером 3 x 4 м. В подвал вели земляные ступени. Дверь была двойная: наружная — железная с тяжелым засовом, внутренняя — деревянная в виде решетки. Здесь хранили от пожара наиболее ценное имущество, постельные принадлежности, кадушки с зерном и лари с мукой [3, с. 100]. Подвалы иногда ставили на самцы и на столбы [6, л. 186].

Обязательная принадлежностью двора — погреб. Ранней весной его набивали льдом или снегом, и все лето здесь хранились картофель, различные соленья, молоко и другие продукты. Погреб представляет собой небольшое помещение из досок, чаще с двускатной крышей, под железом. В некоторых усадьбах его располагали в саду, во дворе и др. Например, в с. Старая Качеевка Теньгушевского района погреба располагали в саду; а в с. Куликово — во дворе или напротив дома.

Ко второй группе относятся — конюшни, хлева, летние помещения для животных, курятники, которые сверху были защищены от дождя и снега навесом, а по бокам — плетневыми стенами.

В настоящее время делают летние кухни для приготовления корма домашним животным, там располагают железную или кирпичную печь.

Необходимой принадлежностью каждого селения являются колодцы. Особенное значение они имели там, где селение находилось далеко от речек, прудов или других естественных водоемов. Для строительства колодцев повсеместно использовали липу, березу, клен для тех венцов, которые находятся в воде, а для верхних венцов — дуб. В населенных пунктах обычно имелись специалисты по рытью колодцев. Они же определяли место для их возведения. Устройство колодца было трудоемким делом, часто непосильным для отдельного крестьянского хозяйства, поэтому обычно один-два колодца обслуживал водой одну или две улицы. Там, где грунтовые воды проходили близко, колодцы устраивались почти в каждом крестьянском дворе. Колодцы представляли собой ямы, вырытые до уровня грунтовых вод, стенки которых

укреплялись срубом из дерева. Верхняя часть колодца выступала из земли до уровня одного метра; благоустроенные колодцы во избежание засорения закрывали крышей.

Таким образом, многие традиции, возникшие в далеком прошлом, на современном этапе развития обогатились как по содержанию, так и по форме.

Литература и источники

1. **Байбурин А. К.** Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. М., 1983. 192 с.
2. **Вавилин В. Ф.** Традиции и новации в современном сельском жилище МССР / В. Ф. Вавилин // Вестн. Мордов. ун-та. Саранск, 1991. № 4. С. 28 — 31.
3. **Лузгин А. С.** В тесном соседстве / А. С. Лузгин. Саранск, 1987. 188 с.
4. **Лузгин А. С.** Жизнь промыслов: Промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX — начале XX в. (этнокультурные аспекты) / А. С. Лузгин. Саранск, 2001. 228 с.
5. НА НИИГН. И-196. Полевые тетради Б. А. Васильева за 1952 г. Тетрадь № 1.
6. НА НИИГН. И-268. Карточки историко-этнографической экспедиции 1952 г., составленные Б. А. Васильевым и др.
7. Подворная перепись крестьянского хозяйства. Пенза, 1913. Вып. 5.
8. ЦГА РМ. Ф. Р-1349. Д. 1, 3.

Полевой материал

- Бакайкина Зинаида Ивановна, 1942 года рождения, с. Русское Маскино Краснослободского района Республики Мордовия, запись 2005 г.
- Безрогов Тимофей Михайлович, 1934 года рождения, с. Русская Лашма Ковылкинского района Республики Мордовия, запись 2003 г.
- Золотов Василий Петрович, 1941 года рождения, с. Слободские Дубровки Краснослободского района Республики Мордовия, запись 2005 г.
- Киреева Анна Семеновна, 1922 года рождения, с. Селище Краснослободского района Республики Мордовия, запись 2005 г.
- Косынкин Ефим Яковлевич, 1925 года рождения, с. Апраксино Чамзинского района Республики Мордовия, запись 2008 г.
- Кузьмичев Алексей Никитович, 1940 года рождения, с. Русское Маскино Краснослободского района Республики Мордовия, запись 2005 г.
- Липасова Валентина Александровна, 1941 года рождения, с. Красиное Дубенского района Республики Мордовия, запись 2008 г.
- Лосева Анна Федоровна, 1936 года рождения, с. Никольское Торбеевского района Республики Мордовия, запись 2009 г.
- Маслов Виктор Михайлович, 1933 года рождения, с. Ханинеевка Ромодановского района Республики Мордовия, запись 2003 г.
- Милехин Василий Ефимович, 1930 года рождения, с. Барашево Тенгушевского района Республики Мордовия, запись 2003 г.
- Пазина Валентина Николаевна, 1938 года рождения, с. Тургенево Ардатовского района Республики Мордовия, запись 2008 г.
- Рожкова Елена Федоровна, 1928 года рождения, с. Новая Федоровка Старошайговского района Республики Мордовия, запись 2006 г.
- Селантьева Римма Петровна, 1949 года рождения, с. Маколово Чамзинского района Республики Мордовия, запись 2008 г.
- Смирнов Иван Дмитриевич, 1942 года рождения, с. Спасское Большеигнатовского района Республики Мордовия, запись 2009 г.

Сотова Татьяна Алексеевна, 1938 года рождения, с. Лопатино Торбеевского района Республики Мордовия, запись 2006 г.

Тюлюков Николай Митрофанович, 1942 года рождения, с. Воеводское Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2008 г.

Уляшина Мария Тихоновна, 1929 года рождения, с. Воеводское Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2008 г.

Шачнева Маргарита Ивановна, 1940 года рождения, пос. Потьяма Zubovo-Полянского района Республики Мордовия, запись 2009 г.

Поступила 15.07.2009 г.

УДК 398.341(470.345)(=161.1)

Т. В. Аксенова

T. V. Aksenova

ОБРЯДЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЛЫМИ И ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ПОСТРОЙКАМИ*

rites of Russian Population of the Republic of Mordovia, Connected with Dwellings and Household Buildings*

Ключевые слова: русское население, Республика Мордовия, обряды, хозяйственная деятельность, жилые и хозяйственные постройки.

Обрядность русского населения Республики Мордовия, связанную с хозяйственной деятельностью, можно разделить на две группы: обряды и поверья, связанные с жилыми и хозяйственными постройками; земледельческие и животноводческие обряды. Обычаи и обряды, связанные с жилыми и хозяйственными постройками, относятся к индивидуальным обрядам, регламентировавшим жизнь отдельной семьи. От их соблюдения зависели личное благополучие, безбедное существование.

Key words: Russian population, the Republic of Mordovia, rites, household activity, dwellings and household buildings

The ritualism of the Russian population of the Republic of Mordovia, connected with the household activity, is possible to divide into two groups: rites and popular beliefs, connected with dwellings and household buildings; agricultural and cattle-breeding rites. Customs and rites, connected with dwellings and household buildings, relate to the individual rites regulated the life of an individual family. Personal prosperity and wealthy life depended on the observance of rites of this cycle.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Народы Республики Мордовия», № 08-01-23101 а/В.

В средней полосе России относительно благоприятные условия земледелия обусловили большую плотность населения, поэтому здесь населенные пункты крупнее, чем, например, на севере России; количество дворов в них составляет от 20 до 80, а иногда более 100 [1, с. 302]. В селах Мордовии, территория которой располагается в средней полосе России, количество домов также различное. По переписи населения 1926 г., в Саранском уезде Пензенской губернии насчитывалось: в Александровке — 11 хозяйств, в Алексеевке — 31, в Елховке — 67, в Ивановке — 78 хозяйств; в Рузаевском уезде: в с. Старое Акшино — 148, Краснополье — 212, Ново-Федоровский — 248, Акшенас — 78 [5, с. 37].

В Мордовии существовала тенденция рядом с домом (избой) ставить отдельные хозяйственные постройки, предназначавшиеся для содержания скота и птицы (хлев), хранения сельхозинвентаря, орудий труда, корма для скота, топлива (сарай), хранения продуктов питания и бытовых вещей (амбар), соблюдения гигиенических норм (баня и нужник) [7]. По данным подворной переписи 1910 — 1911 гг., из 32 745 хозяйств Ардатовского уезда Симбирской губернии имели надворные постройки 30 836 хозяйств (90,9 %). Среди хозяйственных построек преобладали конюшни (27 217), сараи (31 932), амбары (25 037). Такие постройки, как погребицы, хлевы, половни, риги (овины), в начале XX в. имелись далеко не во всех хозяйствах [6, с. 32]. Хозяйственные постройки группировались вокруг открытого пространства, которое называется двором. Проход и проезд во двор осуществлялись через калитку и двухстворчатые ворота. К жилому комплексу примыкали огород, сад, иногда гумно. В начале XX в. постройки занимали всего около 10 % наделной земли, остальная земля была занята пашней, покосом, кустарником, выгоном и др. Например, в Ардатовском уезде под усадьбами было занято 8,1 % земли, под пашней — 80,7, покосом пойменным — 2,7, покосом непоиленным — 3,3, кустарником — 0,6, выгоном и др. — 4,6 % [Там же, с. 12]. Границами усадьбы служили стены построек, изгороди, межи и просто естественные рубежи — ручьи, берег реки, край болота.

Крепостью каждой семьи был дом. Дом был средоточием жизненных сил человека, здесь он был защищен от непогоды и врагов, от опасностей внешнего мира. Здесь сменяли друг друга поколения предков, здесь человек продолжал свой род; столетиями формировался традиционный быт, который включал в себя множество обрядов и обычаев.

Особые обряды существовали при строительстве дома. Выбор места будущего строительства сопровождался особыми приметами: предпочтительнее было место старого жилья, причем такое, где жизнь текла спокойно и размеренно. Аналогичные обряды и поверья существуют не только у русских Мордовии, но и у всех народов, проживающих на территории республики. У мордвы счастливым считалось то место, где играли дети или пасся скот [2, с. 63]. У татар-мишарей Республики Мордовия жилище нельзя строить там, где раньше проходила дорога или стояла баня, на спорном участке земли, на перекрестке, где кто-нибудь поранил руку, ногу, на месте, где был пожар [8, с. 55]. У русских не рекомендовалось строить дом на перекрестке дорог, так как дорога — это символ переменчивости и изменений. Не строили дома на месте построек, сожженных молнией. В Торбеевском районе это было связано с поверьями о пророке Илье, который поражал нечистую силу и место, ею облюбованное (ПМА: Шляхтин).

Заготовка материала для строительства дома также определялась особыми поверьями. Например, практически нигде в Мордовии не строили дома из осины, которая считалась нечистым деревом (ПМА: Чижов). Для постройки дома использовали сосну, липу, березу, дуб в основном применяли для нижних венцов и подоконников. В XIX в. в русских селах Мордовии крыши в основном крыли «под глину». О таком способе покрытия рассказал житель с. Маколова Чамзинского района: «Рыли яму. Завозили глину. В яме готовили раствор. Вязали снопы из соломы. Затем эти снопы опускали в яму, чтобы они пропитались глиняным раствором. После этими снопами крыли крышу» (ПМА: Тюрин).

Строили дом искусные мастера-плотники, от них зависела жизнь в будущем доме. Они могли построить дом, где жить будет спокойно и счастливо, а могли сделать несчастливый дом. У всех народов считалось, что плотники имеют дело с нечистой силой и могут навлечь на не угодивших им хозяев неприятности. Поэтому старались всячески задобрить плотников. Угощение выставлялось по каждому случаю. Так, в Ельниковском районе, когда были положены два нижних бревна, приходил хозяин, приносил водку: пить «закладочные» (ПМА: Анисимов). В Zubovo-Полянском районе при закладке матицы пили «стропильные» (ПМА: Фомин). В Ичалковском районе под передним, «святым», углом по желанию хозяев закладывали монету на богатство, и плотники сами от себя кусочек ладана для святости (ПМА: Андронов). В Теньгушевском районе на первый венец обязательно клали медные деньги, а в сруб ставили срубленную березку, а после этого гуляли — обмывали будущий дом (ПМА: Машутин). Аналогичные обряды отмечены у мордвы и татар, проживающих в Мордовии [8, с. 56]. Как отмечают информаторы Мордовии, дома обычно строились сообща, и называлось это «помочь» (ПМА: Саушкин).

Важное событие в жизни каждой семьи — новоселье, поэтому оно сопровождается особыми обрядами. Отмечается, что для переезда важен даже день. Например, в с. Енгальчеве Дубенского района в субботу и понедельник, как правило, в новый дом не вселялись, считалось, что эти дни несчастливы для переезда (ПМА: Ганаева). Обряды, связанные с переездом в новый дом, разнообразны. Обязательно служили молебен, впускали кошку, реже петуха. Например, в с. Воеводском Кочкуровского района считалось, что «кошку пустят — домовой тихо живет, а петуха — домовой шуметь будет, так как петух громко кричит» (ПМА: Ерочкина). Перед переездом в последний день в печи варили кашу, кормили ею кошку, оставшуюся часть брали с собой для обеда в новом доме. Иногда подметали пол, и часть мусора также брали с собой (ПМА: Машутина).

Много примет и обычаев у русских связано с домовым. Каждая крестьянская изба имеет такого невидимого жильца, который является сторожем не только самого дома, но и, главным образом, всех живущих: и людей, и скотины, и птицы. Величают его хозяином, дедушкой, называют «он», «сам» (ПМА: Колыженкова, Морозкина). Обязательно приглашали с собой домового. «Хозяюшка-господин! Пойдем в новый дом, на богатый двор, на житие-бытие, на богатство», — так звали с собой домового жителя с. Слободские Дубровки Краснослободского района (ПМА: Жадобина М. И.). При переходе в новый дом жители с. Красина Дубенского района говорили: «Домовой, домовой, приди, охраняй мое жилище» (ПМА: Жалмина). Хозяйки, поставив в «красный» угол икону, отрезали от каравая кусок и клали его под печку домовому-доможилю.

Изучением нечистой силы и отражением ее в обрядах занимался С. В. Максимов [3]. Многие обряды, записанные им у русских Пензенской области, аналогичны обрядам русских, проживающих на территории Мордовии. По общему мнению, домовый — бестелесный дух, увидеть его нельзя, но можно услышать его голос. Он не делает зла, иногда шутит, иногда оказывает услуги, если любит хозяев. Перед кончиной кого-нибудь в семействе он воеет, иногда показывается кому-нибудь из членов семьи, хлопает дверями. Если домовый полюбил домашних, то он предупреждает о несчастье, караулит дом и двор, в противном же случае бьет и колотит посуду, кричит и топает. Хозяева боятся обидеть домового. Еще в середине века отмечены обычаи ставить миску с молоком для его угощения. Домовой может наваливаться во сне на грудь и давить. Проснувшись, человек должен спросить его: «К худу или к добру?» (ПМА: Жадобина А. И.). Как рассказывает В. В. Машутина из д. Кочеевки Теньгушевского района, «мать во сне давил домовый. Бабка ей посоветовала спросить к худу или к добру. Мать так и спросила домового. Он засмеялся, а вскоре отец без вести пропал» (ПМА: Машутина). Если он временами стучит в избе, возится за печью или гроыхает посудой — он это делает от скуки, забавляется. Каждый домовый привыкает к своей избе, его трудно, почти невозможно переселить или выжить.

Дом был местом, которое должно быть безопасным и уютным. Особое место придавалось дверному проему, это была граница между своим миром и чужим. Ее всячески старались обезопасить. До сих пор на двери дома в Чамзинском, Большеберезниковском и других районах Республики Мордовия на Крещение ставят кресты, а в Дубенском, Краснослободском районах также вешают куст можжевельника над дверью, «чтобы колдун не вошел» (ПМА: Кузенькова). Во многих районах Мордовии в селах на домах и сейчас можно увидеть в качестве оберега подкову на счастье. Этот обычай ведет свою историю испокон веков, когда лошадь в хозяйстве была кормилицей, что обеспечивало достаток в крестьянской семье.

Входная дверь как бы разделяла мир на две части: пространство дома — там, где живут свои, и остальной мир — где чужие. Но это была условная граница, защищавшая пространство дома от потусторонней силы. Основой менталитета русского человека была коллективность: деревня жила сообща, была у всех на виду. Замок на дверях не было, поэтому дверь часто не запиралась, и граница между домом и улицей обозначалась символически: у двери ставили палку, как бы, сообщая, что в доме никого нет. И сейчас в некоторых селах Большеберезниковского района можно увидеть палку, стоящую у двери.

Именно с порогом — границей между мирами — было связано много поверий, примет, обрядовых действий. Так, при входе в чужой дом нужно было обязательно остановиться у порога и прочесть краткую молитву, т. е. попросить защиты у бога. Русские крестьяне говорили: «Вот Бог, а вот порог» (ПМА: Прокина). В Старошаиговском районе до сих пор запрещается здороваться через порог, разговаривать друг с другом, передавать через порог деньги (ПМА: Рожкова). Называются информаторами и обряды жизненного цикла, связанные с порогом. В родильном ритуале обрядовые действия у порога рассматривались как приобщение новорожденного к дому. В Кочуровском районе отмечен обычай класть ребенка на порог (ПМА: Рябова). Также считалось, что если пуповину захоронить под порогом, то

человека всегда будет тянуть в родной дом, а связь его с матерью будет неразрывной. В Старошайговском районе пуповину закапывали в подпол, завернув в тряпочку [4]. Эти обрядовые действия сегодня не сохранились, так как роды происходят в больнице.

В свадебном обряде с порогом также связаны определенные действия. Во многих селах Мордовии существовал обычай, по которому жених и поезжане, приехавшие за невестой в день венчания, должны были перешагнуть через порог ее дома, не наступая на него ногами (ПМА: Щенникова, Юртаева). Порог в данном случае воспринимался как граница, через которую надо перескочить, чтобы навсегда увести девушку из дома. В с. Судосеве Большеберезниковского района невеста же, входя в дом жениха, где ей предстояло жить, должна была постоять на пороге (ПМА: Савоськина). Этот обычай воспринимался как приобщение девушки к новому для нее дому.

В погребальном обряде гроб с покойником при выносе из избы три раза ударяли о порог, что всеми воспринималось как прощание умершего с домом (ПМА: Шумкина).

Планировка крестьянской избы на протяжении длительного времени оставалась традиционной. Каждый угол дома выполнял определенные функции. Значительную часть жилого помещения занимала русская печь. Функции русской печи многочисленны. Она обогревала жилище, в ней готовили еду, пекли хлеб, на печи спали в холодное время; горячие кирпичи были незаменимым средством при лечении простудных заболеваний; в подпечке в сильные морозы держали кур и маленьких поросят (ПМА: Аниченкова, Рыжов). Наконец, в печи парились. Такая печь сохранилась в с. Воеводском Кочкуровского района (ПМА: Прудскова). Сведения о том, как парились в печах, сохранились в памяти жительницы с. Маколова Чамзинского района Л. И. Тюриной: «Печки делали огромные в полизбы. В них мылись. Печку топили жарко, выгребали угли, выметали и устилали под (внутреннее пространство печи) соломой. Парились все по очереди. Кипятком заваривали веник. Брали ковшик с водой, залезали в устье печи обязательно вперед ногами, закрывали заслонку, затем брызгали водой на свод. Печка отдавала жар. Из печи вылезали все в саже, но распаренные. Зимой мылись в корыте, которое стояло у печи, а летом во дворе. Иногда внутрь печи ставили свечки» (ПМА: Тюрина).

С печью было связано множество обрядов жизненного цикла. Домашний очаг считался в старину священным. В огне видели силу, не только дававшую человеку тепло и пищу, но и отгонявшую нечистую силу. Очаг был первым жертвенником славянина-язычника; пылавшее в нем дерево — первой жертвой Перуну-громовнику. Очаг по верованию славян сохранял родственные связи; переселяясь из отцовского дома, молодые непременно брали с собой горящие угли домашнего очага. У русских и у мордвы Кочкуровского и Рузаевского районов сохранился обычай — знакомить молодую с печкой (ПМА: Ерочкина, Таурина). У мордвы предполагалось наличие божества печи, которое представляли в женском облике, ему молились при приготовлении пищи [2, с. 58].

Огонь в печи также являлся символом благополучия. Плюнуть в очаг считалось большим грехом. По огню пытались угадать будущее. Если огонь в очаге угасал, это сулило всякие беды и угасание семьи (ПМА: Пронина). Даже высыпавшиеся из очага дрова не предвещали ничего хорошего для хозяев дома. По огню определяли и

погоду: дрова горят с треском и красным огнем — к морозу; с белым — к оттепели (ПМА: Дергунова). Погоду также определяли по дыму из трубы: если дым идет столбом, то будет ясная погода (ПМА: Володина).

Золой лечили разные болезни. В с. Петровка Дубенского района уголек значарки клали в воду, шептали молитву и этой водой лечили заболевших (ПМА: Кузенькова). У русских повсеместно известен обряд «перепекания»: слабого ребенка на хлебной лопате засовывали в отверстие печи, как бы допекая его [1, с. 302]. Чтобы предохранить новорожденного ребенка от сглаза, брали из печки уголек и, выйдя на перекресток, перебрасывали его через себя. С печным углем и сегодня связан обычай предохранения от сглаза. Информаторы Краснослободского района рассказывают, что до сих пор маленьким детям угольком натирают подошвы и локотки, чтобы предохранить младенцев «от дурного глаза» (ПМА: Пшеничникова).

В XIX в. был отмечен обычай, отдавать под защиту очага домашних животных, прикладывая к печи только что народившихся телят. В мордовских и русских селах до сих пор иногда держат народившихся поросят и телят поближе к печи (ПМА: Ерочкина, Таурина). В Старошайговском районе, возвращаясь с похорон, дотрагиваются рукой до печи, что предохраняет якобы от смерти (ПМА: Пронина). Золой из печи в некоторых селах Темниковского района предохраняются от мышей, подкладывая ее под стог сена или скирду (ПМА: Родионова). Хозяйки с. Сивинь Краснослободского района золой посыпают пол в курятнике, считая, что от этого куры будут нестись лучше (ПМА: Лисина). Огородники Торбеевского района золу подсыпают на грядки с капустой для уничтожения червей и насекомых (ПМА: Скопина). Мордва золой обсыпала порог, чтобы в дом не могла проникнуть «нечистая сила» [2, с. 66].

Множество обрядов было связано у русских с хозяйственными постройками. В обрядовой жизни русской деревни использовался амбар. Так, в некоторых районах Мордовии брачную постель для молодых устраивали в амбаре, чтобы жизнь их была богатой и счастливой (ПМА: Сотова). Для защиты от нечистой силы амбар кропили святой водой, а в Крещение на его двери рисовали углем или мелом крест. Считалось, что амбарный (домовой, живущий в амбаре) может предсказать будущую семейную жизнь молодым людям. Для этого надо подойти к амбару в святочную ночь и сказать: «Суженый-ряженый, приходи рожь мерить». Если девушке суждено выйти замуж в богатую семью, то она должна в ответ услышать звук тяжело падающих зерен. Если же судьба выйти замуж за бедного, то в амбаре раздастся звук, похожий на звук подметающей метлы (ПМА: Рожкова).

Хозяйственные постройки, по представлениям русского крестьянства, имели своих духов. Когда домовый поселяется на вольном воздухе, зовется «дворовым»; в банях — живет «банник», «баенный»; на гумнах — «овинный», «овинник» [5, с. 28]. От дворового зависит здоровье скота — лошадей и коров. Дворовые обычно «любят» лошадей и коров только одной масти. Если дворовый, например, «не любит» чалых лошадей, то у хозяина лошади этой масти не будут жить в хозяйстве. В пос. Кемля Ичалковского района пожилые люди говорят, что дворовый может загнать такую лошадь, скавав на ней всю ночь (ПМА: Горбунов). В с. Софьине Ельниковского района считают, что дворовый может также ухаживать за лошадью, расчесывая и заплетая ей гриву (ПМА: Журавлев).

Овинник — дух овина. В представлении информаторов Ельниковского района, овинник похож на огромного кота, черный и лохматый, а глаза его горят, «как каленные угли» (ПМА: Харитонов). По поверьям хозяину необходимо было дружить с этим духом, тогда он будет увеличивать количество хлеба в закромах. Часто в овинах, чтобы уберечь их от пожара, вешали иконы, рисовали кресты на стенах и дверях (ПМА: Чижов). В Васильев вечер (в ночь на 1 января по новому стилю/14 января по старому стилю) девушки гадали у овина на замужество, для чего спрашивали у овинника: «Суждено ли мне в этом году выйти замуж?». Считалось, что если овинник погладит мохнатой рукой, то выйдет замуж, если не погладит — будет в девках сидеть (ПМА: Сигачева).

Банник — существо, которое живет в банях. С ним также связано множество поверий. Русские приписывают баннику более суровый нрав, чем домовому, поэтому в баню обязательно ходили с нательным крестом (ПМА: Пронина), не шумели, громко не разговаривали, мылись по определенным дням (ПМА: Переведенцева). В с. Муравлянка Ельниковского района, например, как и домовому, баннику приносят угощение: кусок ржаного хлеба, посыпанный солью (ПМА: Саушкин). В Чамзинском районе считается, что банник моется после всех, поэтому всегда в кадучках оставляют немного воды и маленький кусочек мыла, веники никогда не уносят в избу (ПМА: Фанакина).

Таким образом, обряды и поверья русских, связанные с жилищем и хозяйственными постройками, имели магический и практический смысл и были направлены на защиту дома и хозяйства от несчастий и стихийных бедствий. Цикл жилищной обрядности русских Мордовии идентичен не только аналогичным обрядам всего русского населения, но и схож с жилищными обрядами таких народов Мордовии, как мордва и татары, что объясняется взаимозаимствованием культурных традиций.

Литература и источники

1. Бузин В. С. Этнография русских : учеб. пособие / В. С. Бузин. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2007.
2. Корнишина Г. А. Традиционные обряды и обычаи мордвы: исторические корни, структура, формы бытования / Г. А. Корнишина ; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2000.
3. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. СПб. : ТОО «Полисет», 1994.
4. НА НИИГН. И-1686. Мордовский этнографический вопросник: полевые материалы этносоциологической экспедиции, проводимой ИЭ АН СССР и НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. 1973 г. Старошайговский район.
5. Перепись населения 1926 г. Поволостные и алфавитные списки населенных мест Пензенской губернии. Пенза, 1928.
6. Подворная перепись Симбирской губернии 1910 — 1911 гг. Ардатовский уезд. Симбирск : Изд. Симбир. Губерн. Земства, 1913. Вып. 3.
7. Похозяйственная книга с. Софьино Софьинской сельской администрации Ельниковского района; Похозяйственная книга с. Бабеево Бабеевской сельской администрации Темниковского района.
8. Щанкина Л. Н. Региональные особенности традиций татар-мишарей, проживающих в Мордовии: на примере поверий и обрядов, связанных с жилищем / Л. Н. Щанкина // Этнокультурное образование: опыт и перспективы : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Саранск, 2007.

Полевой материал автора

Андронов Андрей Иванович, 1929 года рождения, пос. Кемля Ичалковского района, запись 2007 г.

Анисимов Петр Иванович, 1932 года рождения, с. Муравлянка Ельниковского района, запись 2006 г.

Аниченкова Мария Серафимовна, 1928 года рождения, с. Токмово Ковылкинского района, запись 2006 г.

Володина Анастасия Григорьевна, 1925 года рождения, с. Тетюши Атяшевского района, запись 2008 г.

Ганаева Мария Николаевна, 1945 года рождения, с. Енгальчево Дубенского района, запись 2006 г.

Горбунов Павел Трофимович, 1934 года рождения, пос. Кемля Ичалковского района, запись 2007 г.

Дергунова Наталья Сергеевна, 1928 года рождения, с. Урей Темниковского района, запись 2007 года.

Ерочкина Людмила Ильинична, 1954 года рождения, с. Воеводское Кочкуровского района, запись 2008 г.

Жадобина Анастасия Ильинична, 1932 года рождения, с. Дубровки Краснослободского района, запись 2006 г.

Жадобина Мария Ивановна, 1933 года рождения, с. Дубровки Краснослободского района, запись 2006 г.

Жалмина Нина Николаевна, 1936 года рождения, с. Красиное Дубенского района, запись 2008 г.

Журавлев Федор Иванович, 1924 года рождения, с. Софьино Ельниковского района, запись 2006 г.

Колыженкова Татьяна Павловна, 1936 года рождения, д. Масловка Лямбирского района, запись 2007 г.

Кузенькова Александра Тимофеевна, 1932 года рождения, с. Петровка Дубенского района, запись 2008 г.

Лисина Антонина Николаевна, 1934 года рождения, с. Сивинь Краснослободского района, запись 2006 г.

Машутин Иван Алексеевич, 1928 года рождения, пос. Барашево Теньгушевского района, запись 2008 г.

Машутина Валентина Васильевна, 1930 года рождения, д. Кочеевка Теньгушевского района, запись 2008 г.

Морозкина Надежда Евдокимовна, 1918 года рождения, с. Енгальчево Дубенского района, запись 2006 г.

Переведенцева Мария Сергеевна, 1927 года рождения, с. Урей Темниковского района, запись 2007 г.

Прокина Мария Ивановна, 1933 года рождения, д. Шимаревка Торбеевского района, запись 2007 г.

Пронина Елена Николаевна, 1915 года рождения, с. Новая Федоровка Старошайговского района, запись 2006 г.

Прудскова Римма Васильевна, 1956 года рождения, с. Воеводское Кочкуровского района, запись 2008 г.

Пшеничникова Мария Ивановна, 1939 года рождения, с. Сивинь Краснослободского района, запись 2006 г.

Родионова Александра Дмитриевна, 1929 года рождения, с. Подгорные Селищи Темниковского района, запись 2006 г.

Рожкова Елена Федоровна, 1928 года рождения, с. Новая Федоровка Старошайговского района, запись 2006 г.

Рыжов Иван Васильевич, 1920 года рождения, д. Константиновка Ромодановского района, запись 2008 г.

Рябова Анастасия Ивановна, 1934 года рождения, пос. Заречный Кочкуровского района, запись 2008 г.

Савоськина Анна Тимофеевна, 1915 года рождения, с. Судосево Большеберезниковского района, запись 2007 года.

Саушкин Михаил Егорович, 1929 года рождения, с. Муравлянка Ельниковского района, запись 2006 г.

Сигачева Мария Федоровна, 1914 года рождения, пос. Рузаевка Рузаевского района, запись 2006 г.

Скопина Александра Федоровна, 1932 года рождения, д. Шимаревка Торбеевского района, запись 2006 г.

Сотова Татьяна Алексеевна, 1938 года рождения, с. Лопатино Торбеевского района, запись 2006 г.

Таурина Лидия Ивановна, 1936 года рождения, с. Архангельское Галицино Рузаевского района, запись 2008 г.

Тюрин Владимир Владимирович Константинович, 1931 года рождения, с. Маколово Чамзинского района, запись 2008 г.

Тюрина Лидия Ивановна, 1932 года рождения, с. Маколово Чамзинского района, запись 2008 г.

Фанакина Лидия Павловна, 1937 года рождения, с. Апраксино Чамзинского района, запись 2006 г.

Фомин Афанасий Никифорович, 1938 года рождения, с. Прушанка Потьма Зубово-Полянского района, запись 2007 года.

Харитонова Мария Матвеевна, 1923 года рождения, с. Муравлянка Ельниковского района, запись 2006 г.

Чижов Александр Сергеевич, 1934 года рождения, с. Резоватово Ичалковского района, запись 2006 г.

Шляхтин Иван Васильевич, 1933 года рождения, д. Шимаревка Торбеевского района, запись 2006 г.

Шумкина Светлана Григорьевна, 1941 года рождения, пос. Жуково Зубово-Полянского района, запись 2006 г.

Щенникова Анастасия Илларионовна, 1933 года рождения, с. Горки Большеигнатовского района, запись 2008 г.

Юртанова Мария Яковлевна, 1913 года рождения, пос. Тургенево Ардатовского района, запись 2008 г.

Поступила 07.08.2009 г.

УДК 271.2-788(470.345):641

И. В. Комарова

I. V. Komarova

**МОНАСТЫРСКАЯ ПИЩА В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОНАСТЫРЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)***

**CLOISTER FOOD IN THE LIFE-SUPPORT SYSTEM
(BASED ON MATERIALS OF MONASTERIES
OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA)***

Ключевые слова: жизнеобеспечение, монастыри, пища, пост, кухня, трапеза, приготовление, рецепт.

В статье на основании собранного материала рассказывается о монастырской пище. Показывается, из чего состоит монастырская трапеза. Рассматриваются рецептура блюд, их виды, особенности, общие принципы приготовления.

Key words: life-support, monasteries, food, fast, cookery, meal, cooking, receipt

The cloister food in the monasteries life-support system is characterized in this article on the basis of materials collected by the author. It is described what cloister meal consists of. The receipt of dishes, their kinds, features and common principles of cooking are considered as well.

Саранская и Мордовская епархия включает в себя 13 монастырей, среди них 8 мужских: Рождество-Богородичный Санаксарский (г. Темников), Иоанно-Богословский (с. Макаровка Октябрьского района г. Саранска), Спасо-Преображенский (пос. Преображенский, Краснослободский район), Свято-Троицкий (с. Чуфарово, Ромодановский район), Казанская Ключевская пустынь (пос. Тургенево, Ардатовский район), Покровский монастырь (с. Дракино, Торбеевский район), Александро-Невский (с. Кимляй, Ковылкинский район), «Живоносный источник» (с. Журавкино, Zubovo-Полянский район) и 5 женских: Параскево-Вознесенский (с. Пайгарма, Рузаевский район), Свято-Варсонофиевский (с. Покровские Селищи, Zubovo-Полянский район), Свято-Тихвинский (с. Курилово, Ромодановский район), Свято-Ольгинский (г. Инсар), Свято-Троицкий (с. Старый Ковыляй, Темниковский район) [1].

Система жизнеобеспечения составляет ту часть культуры, которая непосредственно направлена на поддержание жизнедеятельности ее носителей. Монастыри имеют свой уклад жизни, который включает в себя ряд компонентов, связанных с хозяйством (поселение и хозяйство), материальной (священные и жилые постройки, одежда, пища и утварь) и духовной (библиотеки, самообразование, чтение молитв и др.) культурой.

* Статья основана на полевых материалах автора, собранных в результате этнографических экспедиций по монастырям Республики Мордовия (2008 — 2009 гг.).

На основе собранной нами информации в монастырях Республики Мордовия попытаемся рассмотреть пищу в системе жизнеобеспечения монастырей.

Монастырскую пищу условно можно разделить на постную и непостную, праздничную и ритуальную. Постная и непостная пища в монастырях Республики Мордовия состоит из холодных блюд, закусок (салаты, свежие овощи, фрукты и т. п.), супов, вторых блюд и напитков.

Постная трапеза в монастырях состоит из овощных салатов, безмолочных каш, иногда с фруктами, растительное масло в которые добавляется в разрешенные дни, овощных или грибных супов, немолочных напитков, киселей.

В Иоанно-Богословском мужском монастыре салат из овощей готовят следующим образом: в холодной воде моют огурцы и помидоры. Если салат готовят летом, то овощи приносят с собственного огорода. У огурцов, если кожица горчит, ее снимают. У сладкого болгарского перца отрезают плодоножку и удаляют семена. Очищают репчатый лук от кожуры и ополаскивают его холодной водой. Все режут кольцами, укладывают на блюдо, посыпают рубленой зеленью, солят. Заправляют, если разрешается подсолнечным маслом. В Покровском мужском монастыре делают салат из перца с овощами. Перец нарезают соломкой, затем смешивают с нарезанными огурцами, нашинкованной капустой, нарезанными помидорами. Измельчают репчатый лук, добавляют его в полученную смесь. Затем добавляют соль, если разрешено, постный майонез или масло, посыпают зеленью петрушки.

Довольно часто в Макаровском монастыре делают салат из капусты: капусту мелко шинкуют, перчат и солят, мнут руками, затем добавляют болгарский перец, томаты, репчатый лук и зелень. В разрешенные дни салат заправляют подсолнечным маслом. Такой же салат готовят в Свято-Варсонофиевском женском монастыре. Вначале шинкуют капусту, затем добавляют соль, сахар или мед, яблочный уксус (который делается в самом монастыре), разминают до мягкости. Добавляют свежий огурец, томат, болгарский перец, репчатый лук. Подсолнечным маслом также заправляют во время поста в строго разрешенные дни.

В Свято-Троицком мужском монастыре в этот салат шинкуют капусту, кладут соль, сахар, уксус (исключительно яблочный) по желанию, разминают, добавляют свежее яблоко, огурцы, тертую морковь. Так же в разрешенные дни заправляют постным маслом (подсолнечным). Принцип приготовления салата из капусты во всех монастырях один, но существуют некоторые различия из-за ингредиентов.

Во многих монастырях стали делать салат «Морковь по-корейски». Возможно, здесь сыграли свою роль наемные повара, решившие разнообразить постный стол. Следует заметить, что этот салат несколько видоизменился в монастырских стенах в связи с тем, что монастырская пища не приемлет большого количества специй и приправ, и сегодня является частью монастырских трапез.

Первые блюда многообразны. В Свято-Тихвинском женском монастыре в пост варят овощные постные щи и грибной суп. В Свято-Троицком мужском монастыре во время поста готовят постные щи: в кастрюлю с водой кладут нашинкованную капусту, варят до полуготовности, добавляют картофель, болгарский перец, пассерованные лук, морковь и томат, добавляют зелень и лавровый лист. В других монастырях овощной суп готовится так же, незначительные отличия состоят лишь в добавляемых овощах и приправах.

Монастырская постная трапеза включает в себя большое количество каш. Их готовят по-разному. Например, в Иоанно-Богословском мужском монастыре повара горох для гороховой каши не замачивают. Варят его 3 ч на слабом огне и, если разрешено, добавляют постное масло. Готовят в монастырях пшеничную и рисовую каши, добавляют в них фрукты или тыкву.

В Свято-Тихвинском женском монастыре в качестве второго блюда готовят картофель, тушеный с грибами и луком. Несмотря на простоту блюда, оно вкусно и питательно, последнее особенно важно во время поста.

В Свято-Троицком мужском монастыре в дни, когда разрешено есть рыбу, готовят рыбную солянку. Берут копченую рыбу, две свежие тушки минтая, лимон, банку оливок или маслин, 3 столовые ложки томатной пасты, соленые огурцы, 0,5 кг репчатого лука, картофель. Рыбу отделяют от костей, доводят до кипения в воде, вынимают. Филе режут и обжаривают на растительном масле. Одновременно лук шинкуют и обжаривают с томатной пастой, огурцы шинкуют, обжаривают и пассеруют до полуготовности. Все смешивают, добавляют оливки, соль, специи.

Популярны у монахов в качестве праздничной закуски блинные рулеты с сельдью. Для этого готовят полусладкое тесто без яиц, из которого выпекают тонкие блины. Берут 2 — 3 крупные сельди, отделяют филе, пропускают через мясорубку, добавляют лук, чеснок и S объема сливочного масла, черный перец. Блин полностью смазывают маслом, скручивают в рулетик и острым ножом нарезают поперек.

В Иоанно-Богословском мужском монастыре готовят рыбный суп: отваривают рыбу, добавляют картофель, пшено, поджарку из моркови и лука, перчат. Также делают рыбные котлеты: берут два вида рыбы, отделяют филе от костей и пропускают его мясорубку, затем добавляют пропущенный через мясорубку лук, вливают яйцо и растительное масло.

В праздничные дни в монастырях готовят молочные каши, едят сыр, рыбу, молочные продукты. Мясо в пищу не употребляют.

Готовят и сладкие десерты. Например, в Свято-Троицком мужском монастыре делают вкусное, но простое в приготовлении фруктовое заливное. В яблочно-сливовый компот добавляют желатин, доводят до кипения. Берут небольшие миски, на дно которых выкладывают фрукты: яблоки, курагу, сухофрукты и т. д. Затем в миски заливают остывший компот с желатином и оставляют в холодильнике для застывания.

К ритуальной пище относятся куличи, кутья, крашеные яйца, пасха. Количество рецептов только пасхи трудно подсчитать. Во многих монастырях готовят блюда нескольких видов. В Свято-Троицком мужском монастыре делают пасху «царскую»: протирают через сито 1 кг свежего творога, смешивают его с 5 сырыми яйцами, сливочным маслом. Затем добавляют около $1/2$ килограмма сметаны. Все складывают в кастрюлю и ставят на огонь. Когда закипает, снимают с плиты, ставят на лед для того, чтобы остыло, периодически помешивая. Когда все остынет, добавляют сахар, ванилин, изюм, перемешивают, раскладывают в формы и ставят под пресс. Украшают посыпкой из толченых орехов. Делают и обычную монастырскую или «простую» пасху: творог протирают через сито, смешивают со сметаной и сливочным маслом, растертым с сахаром, добавляют соль, перемешивают и кладут в форму. Делают пасху со сваренными вкрутую яйцами: перетирают творог с желтками от сваренных вкрутую яиц, добавляют сливочное масло, взбитые с сахарной пудрой

сливки, все перемешивают и кладут в форму. В Иоанно-Богословском мужском монастыре пасху делают так: сладкий творог пропускают через мясорубку, добавляют ванилин, толченые орехи, сметану. Затем все тщательно перемешивают и кладут в форму для пасхи (пасочнице) под пресс.

Пасхальные куличи отличаются приготовлением глазури и незначительно приготовлением теста. В тесто для кулича всегда добавляется изюм.

Такое ритуальное (поминальное) блюдо, как кутья традиционно готовилось из пшеницы, но со временем на смену пшенице пришел рис. Кутья готовится из риса, меда и изюма.

В пост и в праздники в монастырях готовят кисель, компот и чай. В чай добавляют травы, например в Иоанно-Богословском мужском монастыре — мяту. Когда нет поста, пьют какао, молоко, ряженку, кефир.

На зиму монахи делают заготовки: консервируют огурцы, помидоры, овощные салаты.

Для хранения продуктов в монастырях имеются холодильники, погреба, шкафы, стеллажи. Посуда покупная: кастрюли, чашки, ложки, блюда, корзины и т. п. Имеется бытовая кухонная техника, разделочные доски, моющие средства. Практически все продукты, используемые в салатах, выращиваются в самих монастырях либо собираются монахами и послушниками в лесных угодьях близ монастырей. Монахи питаются в основном тем, что сами и производят, иногда ловят рыбу. Следовательно, если при монастыре есть земля, то он в состоянии обеспечить себя пищей — пусть простой, но многообразной благодаря сохранению старинных рецептов и способов приготовления многих блюд, а также привнесению новых (в основном наемными поварами и послушниками).

Таким образом, исходя из собранного материала, можно сделать следующий вывод: монастырская пища проста, но многообразна. Несмотря на большое количество рецептов, монахи редко используют большое количество специй, масла и т. д. Обилие постных блюд и процесс их приготовления говорят о выработавшейся внутри монастырей стройной системе здорового и рационального питания. Многие традиции приготовления пищи отражают нравственный уклад жизни монастыря. В пищу употребляются только натуральные продукты, в основном выращенные собственными силами.

Литература

1. Монастыри Мордовии. URL: <http://www.srn.ru/ordis/mon.htm>

Поступила 22.06.2009 г.

УДК 398:391.2

Л. А. Гурьянова
L. A. Gurjanova

**«...ЦВЕЛИ МОРДОВСКИЕ ЦВЕТЫ
НА РУССКОМ САРАФАНЕ...»**

**«...MORDOVIAN FLOWERS WERE
IN BLOSSOM ON RUSSIAN SARAFANS...»**

Ключевые слова: культура, народ, литература, перевод, оригинал, язык, стихотворение, анализ.

В статье дается анализ переводных стихотворений А. К. Мартынова.

Key words: culture, people, literature, translation, original, language, poem, analysis.
The analysis of translations of poems by A. K. Martynov is made in the article.

Мордовский народ издавна привлекал внимание ученых своеобразием своего быта, языка и поэзии. В сочинениях авторов прошлых столетий содержатся обширные сведения об особенностях материальной и духовной культуры мордвы.

Давнее сходство мордовского и русского народов, их постоянные контакты в течение длительного исторического периода не могли не привести к взаимопроникновению культур, к сложным и многообразным отношениям между этими культурами. «Как много ценного для мировой культуры дают народы Поволжья, — писал академик Д. С. Лихачев, — ...сколько мы, русские, получили культурных ценностей от других народов именно потому, что сами давали им много» [3, с. 467 — 468].

В современных условиях в свете изучения национальных и межнациональных отношений на передний план выдвинулась разработка проблем возрождения культурных традиций народов России. Согласно М. М. Бахтину, культура народов не может существовать в замкнутом состоянии, она нуждается в общении с культурами других народов и «только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» [1, с. 56].

В становлении и обогащении жанрового, стилевого и художественно-эстетического потенциала мордовской литературы особая роль принадлежит переводной литературе. Перевод — это передача определенной информации или пересоздание определенной системы художественных образов одного языка в соответствующую систему другого языка. Он не буквально заменяет слова одного языка семантическим

эквивалентом другого, а перевыражает текст, все элементы произведения средствами другого языка. Для того чтобы это перевыражение единого и уникального целого, каким является оригинал, оказалось верным, переводчик должен отобрать наиболее подходящие языковые средства [2, с. 256].

Сегодня проводятся дискуссии между приверженцами лингвистических и литературоведческих направлений в области теории перевода. Литературоведы, исследуя лишь художественный перевод, не выходят за рамки эстетических и литературоведческих принципов, социально-психологических и исторических сопоставлений и закономерностей. Они защищают свое понимание предмета теории перевода, рассматривая перевод как творческий процесс, в котором лингвистические закономерности играют подчиненную роль, и поэтому лингвистическую теорию перевода считают формальной. Конечно, нельзя не признать важную роль таких экстралингвистических факторов, как стиль, эмоциональная среда того или иного произведения, но нельзя не считаться и с тем, что любое произведение независимо от видовой принадлежности существует на языке оригинала и — пересозданное — на языке перевода. Язык представляет собой не только средство осуществления и существования абстрактного мышления. Поэтому специфика художественного перевода выражается через язык.

Лингвисты, рассматривая все формы и виды перевода как языковые явления, подчиняют их лингвистическим закономерностям, т. е. исследуют языковые проблемы перевода, применяя метод лингвистической интерпретации переводческой деятельности. Лингвистическая теория перевода, выдвигая на первый план задачу описания эквивалентных отношений между двумя языками, уделяет внимание и упомянутым экстралингвистическим факторам, которые находятся вне языковой структуры. Лингвисты призывают учитывать функциональный смысл, с особым вниманием они относятся к форме оригинала и ее составным элементам, таким, как ритм, стилистические средства и др., рассматривая их как созидательные элементы содержания, а их сохранение в переводе — как условие его адекватности оригиналу.

На рубеже XIX — XX вв. мордовская тема закрепились в русской литературе. Выросло количество переводов с мордовских языков на другие языки. Поэзия в мордовской литературе раньше других жанров поднялась на высокий уровень подлинного, художественного звучания и стала известна российскому читателю. На многие языки переводились лирические произведения Н. Эркайя, И. Девина, А. Моро, А. Мартынова и др.

Мы попытаемся показать, как в процессе развития переводческое творчество мордовских мастеров слова достигает уровня, где выявляются типичные художественные средства, к которым обращаются переводчики с целью осмысления и отображения действительности. Материалом для исследования стали несколько стихотворений из сборника А. К. Мартынова «Жаворонок» [4]. Начнем с названия сборника «Жаворонок» («Норовжорч»). Здесь перевод дословный и полностью раскрывает смысл того названия, которое было дано автором. В сборнике А. Никифоров перевел таким образом названия многих стихотворений: «Ава» — («Мать»), «Мон сайтян эсь мартон, кизэ» — «Я возьму с собою лето», «Эйкакш пингень лей» — «Речка детства», «Эйкакшчим» — «Годы моего детства», «Тонеть — седей валлон» — «Тебе — сердечные слова», «Дай листяно» — «Давай выйдем». Кроме дословного перевода встречаются более расширенные переводы: «Мон веньберть

сокинъ» — «В поле» (перевод Н. Старшинова), «Почётной караулсо» — «Пятеро в почетном карауле», «Болдинань вирьсэ» — «Видение в болдинском лесу» (перевод Ю. Кузнецова), «Пасиба теть» — «Спасибо» (перевод В. Павлинова).

На примере двух последних стихотворений рассмотрим, насколько перевод соответствует оригиналу. У А. К. Мартынова в «Болдинань вирьсэ» читаем:

Тундонь чокшнесь сэнь валдонзо
Вирень чувтнэнь пачка явсь.
Вирьсэнтъ Пушкинэнь валонзо
Теке монь пилес каявсть.

Мон молян...
Икелем яносъ
Таргавсь, прок сеелень кись.
Ванан —
Сонсь ашти Татьяна, —
Састо покш кужонтень лиссь.

Ашти сон нейгак монь мельсэ —
Лангсонзо мазый руцят,
Копачазь чокшнень сулейсэ,
Кедензэ, теке курсят,
Рунгонзо вакска кайсевить
Лембе коштсонть тей ды тов.
Теке ковонь ведьс навсевить,
Прок те ведьстэнтъ кундыть ков.

Сеске лоткась монь неемстэ
Ды ашти сон, прок чувтомсь...
Мон а содан, кода тестэ
Весе неезентъ стувтомс.
Мон кувать веседе теде
Эзинь ёвтне киненьгак.

Мон пелян ютаздентъ, седе
Валонь ёвтамо нейгак.
Мон пелян, сон таго туи
Апак учне киньгак мельс,
Мон пелян, те вирьстэнтъ туи
Ды сови лиянь седейс.

На русский язык это стихотворение перевел Ю. Кузнецов, дав более расширенный перевод названия «Видение в болдинском лесу». На наш взгляд, переводчик удачно добавил уточнение «видение», тем самым более достоверно передав смысл всего текста:

Пустынен лес в шестом часу
Осеннего рассвета.
Сквозило в болдинском лесу
Молчание поэта.
Дышала влагой тишина,

И близко из тумана
 Возникла девушка одна.
 — Как вас зовут?
 — Татьяна.

Я видел бледные черты,
 Я слышал голос странный.
 Цвели мордовские цветы
 На русском сарафане.

В лице ее читал я след
 Глубоких изменений,
 И сердца горестных замет,
 И трезвых наблюдений.

И долго, долго на весу
 Качалась ветка эта.
 Сияло в болдинском лесу
 Видение поэта.

Сравнивая начало оригинала и перевода, мы выясняем, во-первых, что автор и переводчик говорят о разных временах года: автор — о весне, переводчик — об осени; во-вторых, о разных временах суток: у автора — вечер (закат), у переводчика — рассвет. Дальше, если автору показалось, что все напоминает о поэте, «доносятся слова Пушкина», то у переводчика наоборот: «сквозило молчание поэта».

В следующем четверостишии автор и переводчик по-разному излагают мысли: А. К. Мартынов избрал сначала «ступенчатый» рассказ: «Мон молян... Икелем янось», дальше — сравнение: «Таргавсь, прок сеелень кись» и основная часть: «Ванан — сонсь ашти Татьяна». У переводчика вначале мы видим описание природы (чего нет в оригинале), затем — видение: «Возникла девушка одна» и основной момент излагается в виде диалога: «— Как вас зовут? / — Татьяна».

В следующем отрывке автор описывает внешний вид Татьяны: «Ашти сон ней-как монь мельсэ — / Лангсонзо мазый ружят, / Копачазь чокшнень сулейсэ, / Кедензэ, теке курсят, / Рунгонзо вакса кайсевить / Лембе коштсонть тей ды тов. / Теке ко-вонь ведьс навсевить, / Прок те ведьстэнтъ кундыть ков». Переводчик, избрав такой вид работы, как сокращение, по-своему изложил мысль. Здесь, на наш взгляд, ему ярко удалось показать видение мордовского поэта в русском лесу в такой форме, как «Цвели мордовские цветы на русском сарафане». Концовка тоже по-разному видится автору и переводчику: автор размышляет о том, что будет с увиденной красотой после того, как он покинет лес; переводчик, сохранив основную мысль автора, сократил концовку. Несмотря на то, что переводчик не раз использовал сокращения, главное, что ему удалось передать — образ Татьяны в болдинском лесу.

Другое стихотворение А. К. Мартынова «Пасиба тетъ» перевел В. Павлинов. В оригинале читаем:

Мон юган лымбиця паксяват,
 Эйсэст арасть ортат ды кенкшть.
 Мон уян лажныця волнават,
 Оймень седеень апак кекшть.

Мон ютан сэтъме лей чиреват,
Косо коцтокс нурьгить тумант,
Ютан сюпав эмеж-пиреват,
Косо капстатне — эень пандт.

Мон совинь вирьс...
Тесэ уш талнан...
Вай, зяро тесэ горницят!
Мон эрва кенкшкнтъ крайга ваннан, —
Неян лисицят-совицят.

Монгак совинь, прок ялгань кудос,
Кавто тумотне —
Монень кенкш.
Каявсь цецянь коштось монь судос,
Хоть сайтъ коршнемензэ покш пенч.

Тердить килеень кенкштне жойсэ.
Совак, а кольстясак мелеть.
Тесэ пангинеть рядсек ойсестъ,
Прок тейтерть, штердеме суреть.

Учить монь эйсэ кенкштне — пекшетъ,
Тошкить лопинесэс — совак!
Тесэ тонь туртов — пиже экше,
Пиже тарадонь тетъ гамак.

Панжизь монень кенкшест укшторот,
Тесэ вакансо — жар инзейть.
Тесэ киштемат,
Тесэ морот,
Тесэ оймсить ойметь-седейть.

Мон бу ютавлинь кенкштэ кенкшес,
Мон бу озавлинь венчстэ венчес,
Ансяк, природа, арась петъ.
А ютават...
Пасиба тетъ!..

На русский язык перевели:

Иду к тебе, как гость, природа.
О, тень лесов! О, свет долин!
Мы одного с тобою рода,
Хотя я твой не лучший сын.
Вот в лес вхожу.

Уж так плутаю!
Лес отзывается на крик.
Я мысли всех жильцов читаю,
И мне понятен их язык.

А в чей я дом вошел? В дом друга!
 Дубовый стол.
 Ветвей накат.
 Цветы переплелись так туго,
 Так густ медвяный аромат!

Прохладно, сыро, как в пещере.
 Раскрыл березовые двери.
 Грибы рядком уселись тут —
 Как девушки, узоры шьют.
 Вот липы распахнули двери
 И шепчут:
 — Заходи сюда!
 Забудь тревоги и потери.
 Здесь ждет тебя постель всегда.

Опять глухая дербь открылась:
 Орешник лапу тянет сам,
 Орехи в ней. — О, божья милость!
 Хвала лесам, полям, лугам!

Из двери в дверь,
 Из света в свет
 Всю жизнь с тобой, природа, ибо
 Тебе конца и края нет, —
 Непреходящее спасибо!

Между оригиналом и переводом наблюдаются некоторые расхождения. Во-первых, при переводе изменилось количество слов в названии; во-вторых, в первом предложении, хотя в обоих вариантах идет обращение к природе — «Мон сын инжек тонеть, природа» — «Иду к тебе, как гость, природа», отмечается несовпадение во времени глагола. В оригинале глагол «сынъ» находится в прошедшем времени, в переводе «иду» — в настоящем. В следующем предложении мысль выражается разными формами предложений: в оригинале читаем: «Хоть мон монськак тонь цела пелькс» — повествовательное предложение, в переводном варианте наличествуют восклицательные предложения: «О, тень лесов! О, свет долин!». Возможно, таким образом В. Павлинов показал внутреннее состояние главного героя, обращающегося к природе.

Далее мысль выражается разными конструкциями слов и словосочетаний, причем на наш взгляд, не совсем точно: «Минь вейке семиянь ды родонь — / Ловсосто апак сае велькс» — «Мы одного с тобою рода, / Хотя я твой не лучший сын». «Ловсосто апак сае велькс» подразумевает нечто целое, в переводе — «Хотя я твой не лучший сын» предполагается деление на «лучших» и «не лучших». А. К. Мартынов обращается: к полям — «Мон ютан лымбиця паксяват, / Эйсэст арасть ортат ды кенкшть, / Мон уян лажныця волнават, / Оймень-седеень апак кекшть»; лугам — «Мон ютан сэтме лей чиреват, / Косо коцтокс нурьгить тумант, / Ютан сюпав эмежпиреват, / Косо капстатне — эень пандт»; лесам. Однако в переводе мы находим подробное описание богатств леса и только в одном предложении сказано: «Хвала лесам, полям, лугам!». Такой стиль работы (выражение мысли разными конструкциями

слов, словосочетаний и даже предложений) наблюдается у переводчика на протяжении всего текста.

Мордовская переводная литература играет важную роль в развитии национальной культуры. «Создание высокой культуры перевода способствует росту данной национальной литературы и осознанию своего национального характера» [2, с. 93]. Если говорить о данных переводах, то в них, как и в других видах работы, есть положительные и отрицательные стороны. Каждый переводчик выбирает верный вариант работы. Главное при этом — сохранить авторский сюжет.

Литература и источник

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М., 1979. 424 с.
2. Лилова А. Введение в общую теорию перевода / А. Лилова. М., 1985. 308 с.
3. Лихачев Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избр. работы : в 3 т. Л., 1987. Т. 2. 620 с.
4. Мартынов А. Жаворонок / А. Мартынов. М., 1972. 78 с.

Поступила 03.09.2009 г.

УДК 81'367.335

И. П. Соколова
I. P. Sokorova

СЕМАНТИКА МОТИВАЦИИ В КОНСТРУКЦИЯХ ВЫВОДА— ОБОСНОВАНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФОРМОЙ БЕССОЮЗНОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА)

SEMANTICS OF MOTIVATION IN CONCLUSION—SUBSTANTIATION CONSTRUCTIONS, REPRESENTED WITH THE CONJUNCTIONLESS COMPOUND SENTENCE SYNTACTIC FORM IN THE MORDOVIAN (MOKSHA) LANGUAGE

Ключевые слова: мотивация, элемент субъективности, бессоюзная конструкция.

В статье исследуются основные средства формирования семантики мотивации в конструкциях вывода—обоснования в форме бессоюзного сложного предложения. Среди них выделяются такие, как оформление первой части конструкции в виде отрицательного предложения, значение несостоявшегося действия, глаголы, выражающие различные эмоции, модальные слова.

Key words: motivation, the subjective element, conjunctionless construction.

The main methods of motivation semantics forming in the conclusion-substantiation constructions represented with the form of conjunctionless compound sentence are analyzed in the article. Such types as the making of the first part of the construction in the form of the negative

sentence, the meaning of the cancelled action, verbs expressing various emotions, modal words are emphasized among them.

Бессоюзное сложное предложение (БСП) представляет собой одну из подсистем языка, не имеющую собственно грамматических средств. В такой подсистеме единственным средством формирования и способом представления семантики становятся грамматические сигналы, которые имплицитно содержатся в синтаксических сочетаниях и семантике слов.

Анализ конструкций вывода—обоснования (КВО) в форме БСП показал, что основным средством связи между компонентами *вывод* и *обоснование* является семантика мотивации.

Н. В. Кирпичникова, исследуя бессоюзные конструкции со значением мотивации, считает, что семантика мотивации в данных конструкциях «возникает на основе соотносительности информативного содержания ее компонентов. Она формируется сочетаемостью смыслов, содержащихся в первой и второй частях конструкции: что мотивируется и чем мотивируется. Ведущим при этом оказывается смысл первой части — именно он создает условия для мотивации» [3, с. 35]. Господствующий смысловой компонент — мотивируемая первая часть бессоюзной конструкции — обладает, по Н. В. Кирпичниковой, семантическим инвариантом — значением «несоответствия», которое и приводит к появлению второго, мотивирующего, сообщения [Там же, с. 36].

Эта точка зрения получила развитие в труде Е. С. Ярыгиной [8]. Автор указывает, что «семантика мотивации формируется *взаимодействием субъективных смыслов*, содержащихся в первой и второй предикативных частях БСП». При этом она сомневается в правомерности семантического доминирования первой предикативной части, так как «говорящий строит выводное суждение на основе непосредственного восприятия или знания, но предъявляет эти основания после сделанного *вывода* в качестве его аргумента». Кроме того, по ее мнению, статус *мотивируемого* и *мотивирующего* компонентов предикативные части получают только относительно друг друга, составляя коррелятивную пару: без мотивирующего невозможно мотивируемое. Далее Е. С. Ярыгина отмечает, что «семантика мотивации формируется коррелятивной сочетаемостью субъективных (модусных) смыслов предикативных частей БСП» [Там же, с. 192].

На наш взгляд, общей чертой содержания мотивируемой части КВО, оформленных в виде БСП в мокшанском языке являются его информативная недостаточность, смысловая незавершенность. Это подтверждается невозможностью ограничить высказывание лишь предъявлением *вывода* без представления его *обоснования*. Например, во 2-м предложении фрагмента «Сарагай цѣрашаба ялганзон мархта и пеккедь лангса шаштсь, и кусторксень ёткс кяшендсь, и коматкя ласьксь. *Полицейскяйхне, шять, приметазь — вирнять лисемок ляцсть лангозост*» [7, с. 110] — «Сарагай с друзьями-мальчишками и на животе полз, и в кустах прятался, и бежал, согнувшись. *Полицейские, возможно, увидели их — выходя из леса, они в них выстрелили*» компонент *вывод*, несмотря на ясность содержания и способность к самостоятельному употреблению, все же обладает определенной степенью смысловой незавершенности. Он несет в себе некоторый не известный для слушающего элемент смысла, который приводит его к вопросу *почему?* Смысл

таких предложений нуждается в мотивации. Поэтому говорящему необходимо объяснить, что является причиной его суждения, иначе его высказывание воспринимается как недоговоренное, неполное.

Как указывает Н. В. Кирпичникова, в семантике первой части рассматриваемых конструкций существует некий общий инвариант, который определяется как «значение необычности, индивидуальности, субъективности, несовпадения с привычным, ожидаемым, как отклонение от нормы» [3, с. 36]. Этот смысловой элемент «несоответствия» в первой части ведет к появлению второй, мотивирующей части.

В КВО в форме БСП в мокшанском языке одним из самых употребительных способов создания такого несоответствия является оформление первой части конструкции в виде отрицательного предложения, например: «Улема, кодамовок валхт *ашельхть* аф прясон, аф кяльбрясон — сембонь солафтозень эсь лямбонцты Люсясь» [5, с. 101] — «По всей видимости, у меня *не было* никаких слов ни в голове, ни на языке — все растопила своим теплом Люся».

По мнению Д. И. Изаренкова, любое отрицание какого-либо действия (события) или любого из составляющих компонентов события (субъекта, объекта, признака или обстоятельства) является неожиданным для слушателя, читателя, так как оно оказывается контекстуально или ситуативно не мотивированным, ибо сообщение-отрицание передает обычно или отказ лица от совершения какого-то уже намеченного, ожидаемого действия, или сообщает о том, что участником этого действия будет не то лицо, о котором шла речь ранее, или действие будет протекать не в тех условиях, которые ранее предполагались. Все это требует разъяснения, дополнительной мотивации, что и находит выражение в форме сложного предложения [2, с. 12]. Приведем примеры: «Сяда тов урядникти *ашель мествь* прясъ синнемс: аф преступниксь кяшендема аф кармай» [6, с. 162] — «Дальше уряднику *ничего* было голову ломать: не преступник прятаться не станет»; «Виде, шорсемска, пяк *ашель кинди*, сонцень бабадонза да идень ванни стирьшабада башка, сембе квартирантне шить работасотольхть» [1, с. 178] — «Правда, и мешать особо было *некому*, кроме его собственной бабушки и девочки-няньки, все квартиранты днем были на работе».

Н. В. Кирпичникова считает, что одним из распространенных значений в случаях противопоставления содержания первой части бессоюзной конструкции предыдущему контексту — значение «несостоявшегося» действия [3, с. 37]. В таких случаях в предшествующем контексте сообщается о желании, намерении что-то сделать, в первой части бессоюзной конструкции — о неосуществлении этого действия, а во второй части обосновывается, почему это действие не осуществилось: «Завьялов нльне потмова кяжиякшнесь лангозонза, ёразень азомс эльбятксонзон, но изь сменда: *пяк ни пелькс сельмованфоц, ёфси ёньда лисьф ломанень*» [4, с. 23] — «Завьялов даже обижался про себя на него, хотел указать на его ошибки, но не решился: *уж очень страшным был его взгляд, как будто у сумашедшего*».

Значение несоответствия, противопоставления может создаваться также либо сочетаемостью таких слов, смысл которых с точки зрения привычных представлений несочетаем, либо несоответствием всего содержания предложения фоновым знаниям [3, с. 38]. На материале мокшанского языка приведем следующий пример: «Эста ванды тердине Парьхци ляйнять тона шири. *Тячи, улема, Шкайсь ванфтомань повжиресонза — Люсясь макссь вал*» [5, с. 102] — «Тогда на завтра я пригласил ее на тот берег речки Парьхци. *Сегодня, наверное, Бог хранил меня за пазу-*

хой — Люся дала слово». Смысл фоновых знаний в данном примере заключается в том, что в другие дни ему не везло с девушкой, она не принимала его приглашений.

Значение несоответствия привычному, ожидаемому формируется в первой части нетипизированного БСП определенными подклассами слов, занимающих позицию предиката или его коммуникативно необходимых распространителей. В качестве таких слов могут использоваться различные части речи со значением психического состояния. Если принять за «норму» состояние, когда человек спокоен, то слова со значением психического состояния представляют собой большее или меньшее «отклонение от нормы» [3, с. 38 — 39]. В мокшанском языке это глаголы, выражающие отрицательные, реже — положительные эмоции. Сюда же относятся слова и сочетания, в том числе фразеологические, обозначающие внешние признаки эмоций или их последствий: *лажнамс* «беспокоиться», *кяжиямс* «сердиться», *эводемс* «испугаться», *пелемс* «бояться», *кенярдемс* «обрадоваться», *дивандамс* «удивляться», *виздемс* «смущаться» и т. д.: «Сон шумбрактсь мархтонк и *визделгодсь*: якстергодсть щека пакаренза и нолдазень алу сенем сельмонзон» [6, с. 10] — «Он поздоровался с нами и *засмуцался*: покраснели щеки и опустил вниз свои синие глаза»; «Вася варжаксть Проса щакань пильгонзон лангс и *седиец аццегодсь*: авась аськолясь нуфтолхнень ланга кяпе» [7, с. 203] — «Вася взглянул на ноги тети Прасковьи и его *сердце сжалось*: женщина шагала по жниве босиком».

Как справедливо отмечает Н. В. Кирпичникова, значение «несоответствия норме» создается с помощью эксплицитно представленных элементов субъективности в содержании первой части, которые могут исходить от говорящего или быть связанными с субъектом предложения [3, с. 39]. В мокшанском языке это, в первую очередь, вводно-модальные слова, выражающие предположение, уверенность / неуверенность (*улема* «наверное», *роди* «вроде», *роди ба* «вроде бы», *пади* «возможно», *шять* «может быть, наверное», *тейне-арам* «мне кажется», *конешна* «конечно», *маряк* «видно», *бльшем* «наверное» и т. д.), частицы *бъта*, *бута*, модально-волеутигативный глагол *эряви* «надо»: «Федя, *улема*, шарьхкодсь, мезе ёрайхть ширденза, — матозе фталдонь фарать...» [1, с. 93] — «Федя, наверное, понял, что от него хотят, — выключил заднюю фару...»; «Тя кулясь *бта* пря ланга эрьхтезе Чуклаевть: шаваманза етась равжа цильф, лафтувонза лафчемсть, и сонць кати-мезьда бта пелезевсь» [6, с. 82] — «Эта новость *как будто* по голове стукнула Чуклаева: по его лицу пробежала черная тень, плечи обвисли, и сам как будто чего-то испугался»; «Кяжиста сась Каготкин колхозу. Пьцтай сутка юмафтсь ки лангса, а тейнза *эрявсь* эряскодомс: ялгац Саранскяйса ървьай, свадьбас кенерема» [Там же, с. 257] — «Злой приехал Каготкин в колхоз. Почти сутки потерял в дороге, а ему *надо* торопиться: его друг в Саранске женится, надо успеть на свадьбу».

Таким образом, смысловые элементы несоответствия, необычности, субъективности формируют семантику мотивации в конструкциях вывода—обоснования в синтаксической форме бессоюзных сложных предложений.

Литература и источники

1. Девин И. М. Кочкаф произведеният. Колма томса. 3-це томсь : повесть, азкет, лятфнемат, очеркт, пеегькт / И. М. Девин. Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 2002. 400 с.
2. Изаренков Д. И. Бессоюзное сложное предложение: система языка и обучение иностранцев русской речи / Д. И. Изаренков. М. : Рус. яз., 1990. 168 с.

3. **Кирпичникова Н. В.** К изучению семантики сложного предложения современного русского языка: На материале бессоюзных конструкций со значением мотивации / Н. В. Кирпичникова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1987. № 2. С. 35 — 39.
4. **Макулов Л. Ф.** Мокшень стирь; Кранч : повесть / Л. Ф. Макулов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1997. 336 с.
5. **Пинясов Г. И.** Давай вернемся в молодость : рассказы; Эрька мрдатама одксшизонк : азкст / Г. И. Пинясов. Саранск, 2006. 160 с.
6. **Радин В. Н.** Минь — мирнеряйхтяма / В. Н. Радин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1986. 300 с.
7. **Тяпаев А. П.** Тяште лангонь алашат : повесть, азкст / А. П. Тяпаев. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1991. 208 с.
8. **Ярыгина Е. С.** Конструкции вывода—обоснования в синтаксической системе современного русского языка / Е. С. Ярыгина. М., 2002. 296 с.

Поступила 17.08.2009 г.

УДК 811.511.152.1'367.335.2

О. Ю. Цыплякова
O. Yu. Tsypljakova

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМИ ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ*

COMPOUND SENTENCES WITH ADVERBIAL CLAUSES OF CAUSE AND RESULT IN THE ERZYA LANGUAGE*

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, структура, семантика, союз, союзное слово, эрзя-мордовский язык, синтаксис, причина, следствие.

В статье рассматриваются структура и отличительные черты сложноподчиненных предложений с придаточными причины и следствия в эрзянском языке.

Key words: compound sentence, structure, semantics, conjunction, connective word, Erzya-Mordovian language, syntax, clause, result.

Compound sentences with adverbial clauses of cause and result in the Erzya language, their structure and distinguishing features are considered in the article.

Причинная обусловленность, как и другие виды обусловленности, предполагает такую связь двух ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой. В предложениях, выражающих причинную зависимость, носителем значения достаточного основания является придаточная часть: ее содержание выполняет роль мотивирующего фактора (аргумента) по отношению к сообщаемому в главной части, которая информирует о следствии.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-04-23405 а/В.

Причинные придаточные, выполняя функции обстоятельств причины главных компонентов, указывают на причину или обоснование проявления их действия. Типовое значение данных предложений — в придаточной части названа ситуация, обуславливающая то, о чем говорится в главной.

Модальная специфика причинных сложноподчиненных предложений (СПП) заключается в следующем: 1) основная модальная квалификация (характеристика сообщаемого с точки зрения соответствия действительности) главной части всегда самостоятельна, т. е. не зависит от модальной квалификации придаточной части; 2) придаточная часть лишена гипотетичности: содержание этой части предоставлено как реальный факт, как ситуация, соответствующая действительности. Это предопределено причинным союзом, в семантике которого отсутствует элемент гипотетичности.

СПП с придаточными причины семантически двучленные. Это обусловлено наличием двух пропозиций, состоящих в причинно-следственной связи: та, что находит выражение в придаточной части, является аргументом для второй, выраженной в главной части: «Мейле Петя сонськак янксезевсь, *мекс* истямо кежей валсо абунгавтызе аванть» [15, с. 53] — «Потом Петя и сам переживал, *почему* такими злыми словами расстроил женщину» — аргумент, обоснование, порождающий фактор назван в придаточной части; следствие, результат — в главной.

По грамматическим особенностям (средствам связи) придаточные причины делятся на две группы. Придаточные первой группы присоединяются к главным компонентам при помощи союзного слова *ков* «куда», простого союза *мекс* (*мейс*) «почему»: «Сон (Проска) сеске жо содызе ашо ус плотникенть ды апаркстомсь, *мекс* истя позда чокшне вастовсь тесэ сонзэ марто» [17, с. 44] — «Она (Проска) сразу же узнала белоусого плотника и расстроилась, *почему* так поздно вечером встретила здесь с ним»; «Пургаз натой налкставсь вайгельдензэ (Азаматонь) ды эськанзо мурнесь Изяронь, *мейс* эрявсь тензэ кортазевемс тейтерденть тень пингстэ» [2, с. 172] — «Пургазу даже надоел голос (Азамата), и про себя ругал Изяра, *почему* надо было ему заговорить о девушке при нем». Особенностью этой группы предложений является то, что соотносительное слово *тов* «туда» употребляется только с союзным словом *ков* «куда», а в предложениях с союзами не употребляется: «*Ков* седе ламо кортась Семён Андреевич, *тов* седе паро теевсь эстензэ» [6, с. 132] — «*Чем* (буквально «куда») больше говорил Семен Андреевич, *тем* (буквально «туда») ему самому становилось лучше».

Ко второй группе относятся придаточные, присоединяемые к главным компонентам составными союзами *секс што* «потому что», *секс мекс* «потому что, ибо, так как» (дословно «потому, почему»), придающие речи книжный характер.

Составные союзы употребляются двояко.

А. Первая часть союза (указательная) *секс* «потому» находится в составе главного компонента в качестве соотносительного слова — обстоятельства причины главного компонента. В этих конструкциях, в условиях разделения указательной и относительной частей составных союзов между главной и придаточной частями, придаточная выполняет функции отношения к указательной части и раскрытия ее содержания: «Сонгак (Вера) неть казямо валтнэнь каршо казямот кармась анокстамо *секс, што* Валя сонзэ тантей арсеманзо колынзе» [4, с. 32] — «И она (Вера) против этих грубых слов грубые стала готовить *потому, что* Валя ее сладкие мысли перебила»; «Воеводась а вечксы Полянскоень *секс, мекс* тона кенерсь сонзэ, Никитань,

самодонзо икеле нельгеме эрзятнень ды мокшотнень пельде ламо мода» [1, с. 39] — «Воевода не любит Полянского *потому, что* (буквально «почему») тот успел перед его, Никиты, приходом отнять у эрзян и мокшан много земли».

Расчленение союзов *секс, што* «потому, что», *секс, мекс* «потому, что; так, как» предопределено логико-семантической установкой, задачей актуального членения высказывания: субъективным намерением говорящего акцентировать внимание собеседника на причинном компоненте в сообщаемом. Это достигается за счет логического ударения в первой части средства связи и паузы перед второй частью — собственно союзом: «Наста учизе Яхимень *секс, / што* эсензэяк ульнесь мелезэ кортнемс мартонзо» [8, с. 145] — «Настя подождала Ефима *потому, что* и у самой было желание поговорить с ним» — подчеркивается причина данного действия.

Расчленению союза также способствует актуализация элемента *секс* «потому» средствами акцентирующих модально-оценочных слов и частиц: *ансяк* [секс] «только [потому]», *буто* [секс] «будто [потому]» и т. д. В этих случаях непосредственным объектом модальной квалификации является элемент *секс* «потому».

Придаточные компоненты, выражающие причинные отношения, связанные расчлененными союзами *секс, што* «потому, что», *секс, мекс* «потому, что» (дословно «потому, почему»), располагаются как в постпозиции, так и в интерпозиции по отношению к главному компоненту.

Б. Оба компонента союзов *секс што, секс мекс* «потому что» употребляются только в составе придаточного компонента как единый сложный союз: «Симсть сынъ (Яхим ды Иван Денисович) апак капша, *секс што* кияк сыненст тесэ эзь меша» [Там же, с. 31] — «Пили они, Яхим и Иван Денисович, не спеша, *потому что* здесь им никто не мешал»; «Ракшась мольсь ней састыне, *секс што* панцт ведьметне ульнесь нолдазь» [5, с. 49] — «Животное шло теперь медленно, *потому что* поводья были отпущены»; «Сонзэ (леенть) ведезэ верде неяви раужокс, *секс што* берёконзо вельтязь ловсо» [15, с. 31] — «Её (реки) вода сверху кажется черной, *потому что* берега покрыты снегом».

По мнению И. С. Бузакова, «употребление обеих частей составных причинных союзов в составе придаточных компонентов — явление довольно позднее, так как образование нерасчлененного составного союза связано с окончательной утратой знаменательности указательным наречием *секс* „потому“» [6, с. 134].

В силу позиционной специализации нерасчлененного союза *секс што* «потому что» предложения с этим союзом характеризуются фиксированным соположением частей: придаточная часть либо находится в интерпозиции, либо следует за главной: «Минек (Депцовтнэнь) ули покш меленек саемс трямс эйкакш, *секс што* эсенек эйкакшонок арасельть ды а улитькак» [16, с. 124] — «У нас (Депцовых) есть большое желание взять на воспитание ребенка, *потому что* своих детей у нас не было и не будет». В эрзянском языке преобладают СПП с постпозитивным положением придаточной части.

В СПП с придаточными причины структурный признак расчлененности/нерасчлененности зависит от того, в каком виде представлен формальный квалификатор подчинительной связи: если союз находится в структуре придаточной части, то предложение относится к расчлененному типу. Если же средство связи расчленено (один компонент находится в главной части, второй — в придаточной), то предложение относится к нерасчлененному типу.

При составных расчлененных (как и при простых) союзах зависимость между главной и придаточной частями сильнее, чем в предложениях с теми же нерасчлененными союзами.

Что касается СПП с придаточными следствия, отметим: следственные компоненты выражают факты, явления, события, являющиеся следствием действия или результатом качества, о котором идет речь в главном компоненте. Таким образом, типовое значение данных СПП — ситуация, названная в придаточной части, вытекает из того, о чем говорится в главной части: «Паволонь ды Кукинэнь ломантне седе ламотне мольсть ялго, *секс* Харитонов эсензэтнень марто кадынзе васов Удалов» [1, с. 177] — «Большинство людей Павла и Кукина шли пешком, *поэтому* Харитонов со своими (людьми) оставил их далеко позади»; «Кись тия кепедезь верев, *секс* сонзэ лангсто зярдояк а неят лов — пувсесы вармась» [15, с. 39] — «Дорога здесь поднята вверх, *поэтому* на ней никогда не увидишь снега — сносит ветер».

СПП с придаточными следствия имеют двучленную семантическую структуру: в них названы две пропозиции, находящиеся в отношении обусловленности, т. е. эти СПП являются двучленными. По структурному признаку данные СПП — расчлененного типа, т. е. придаточная относится ко всему составу главной части.

Придаточные следственные присоединяются к главным компонентам подчинительным союзом *секс* «потому», *секскак* «поэтому»: «Слюдань вальматне вельтязельть кизэнь сумбура сувсо, *секс* кудонть потсо аштесь певтеме сэтъмечи» [7, с. 200] — «Окна из слюды были покрыты хмурой летней пеленой, *поэтому* внутри дома была бесконечная тишина»; «Истямо шкасто лишменть а эряви аштеветемс ве таркасо, *секскак* цёрась Баягинень ветнесь кардованть» [14, с. 64] — «В такое время лошадь нельзя держать на одном месте, *поэтому* мужчина водил Колокольчика по конюшне».

Порядок следования предикативных частей в СПП с придаточным следствия фиксированный: придаточная часть всегда находится в постпозиции: «Вень чоподась кекшсь венченть эйсэ, *секс* леенть печкицясь сынст (цёратнень) апак редя ютась овсе малаваст» [5, с. 93] — «Ночная темнота прятала лодку, *поэтому* переходящий реку не замечая их (мужчин) прошел совсем рядом»; «Цёратне весе шумбрат, допрок эрвантень савкшнось вастневемс ят марто, *секс* Чемай тердинзаяк сынст» [Там же, с. 25] — «Мужчины все здоровые, почти каждому доводилось встречаться с врагом, *поэтому* Чемай и позвал их».

В эрзянском языке большое количество СПП с придаточными следствия встречается как в поэзии: «Од эрямось иневедекс чады, / *Секс* нать коштось цветсэ качады» [12, с. 56] — «Новая жизнь разливается как океан, / *Поэтому*, видимо, воздух цветами пахнет»; «Шлязелить (килейне) ловсо ды ведьсэ, / Пелень анеявикс кедьсэ, / *Секс* аштить ашо ды сэрей» [9, с. 24] — «Умыта была (березка) снегом и водой, / Невидимой рукой тучи, / *Поэтому* стояла белой и высокой»; так и в прозе: «Захаронь козьякazo Зина саезь те велестэнтъ, *секскак* тесэ весень икеле сон (Захар) арсесь пряно невтемс ансяк вадря ёндо, дивавтомс тесэнь эрицятнень» [10, с. 94] — «Жена Захара Зина взята из этой деревни, *поэтому* здесь перед всеми он (Захар) пытался показать себя только с хорошей стороны, удивить здешних жителей»; «Монь киска левксэськак ульнесь раужо ды пек понав, *секскак* путынь лем Бобо, Бобик» [11, с. 32] — «Мой щенок был черным и очень лохматым, *поэтому* назвал (его) Бобо».

С учетом изложенного, представим данные СПП схематически:

— причины: [...±Pron corr], (Pron rel...);
 [...±Pron corr], (Conj ...);
 [...±Pron corr, (Pron rel...)...];
 [...±Pron corr, (Conj...)...];

— следствия: [...], (Conj ...),

где **Pron corr** — местоимение соотносительное; **Pron rel** — местоимение относительное, **Conj** (*лат. conjunction*) — союз; [] — главная предикативная часть, () — придаточная предикативная часть.

В заключение отметим: придаточные следствия, как и придаточные причины, указывают на взаимодействие причины и следствия. Разница между ними заключается в том, что если придаточное причины указывает на отношение причины к следствию: «Сон (Стёпа) аварди аволь ансяк *секс, мекс* Фима ютась ваксканзо ды кадызе Удалов» [3, с. 143] — «Он (Степа) плачет не только потому, *что* (буквально «почему») Фима прошла мимо и оставила позади», то придаточное следствия указывает на отношение следствия к причине: «Кемень чинь ки лангонь перть весе пулиясть-пангиясть, *секс* весень мельсэ ней ашти пси банясь» [5, с. 56] — «За десять дней дороги все запылились-испачкались, *поэтому* у всех в мыслях теперь стоит горячая баня»; «Истят покшт кардазт зярс арасельть, *секс* саразтнэнь ды вишка ракшатнень аламос каднызь кудова» [13, с. 140] — «Таких больших сараев пока не было, *поэтому* кур и мелких животных ненадолго оставили по домам».

СПП причины и следствия в целом употребительны в эрзянском языке и используются во всех стилях речи.

Литература и источники

1. **Абрамов К.** Олячинть кисэ : роман / К. Абрамов. Саранск, 1989. 416 с.
2. **Абрамов К.** Пургаз : роман / К. Абрамов. Саранск, 1988. 480 с.
3. **Абрамов К. Г.** Эрзянь цёра : роман / К. Г. Абрамов. Саранск, 1971. 332 с.
4. **Брыжинский И. С.** Моронть полатксозо : ёвтнемат ды повесть / И. С. Брыжинский. Саранск, 1968. 192 с.
5. **Брыжинский М. И.** Половт : исторической повесть / М. И. Брыжинский. Саранск, 1983. 148 с.
6. **Бузаков И. С.** Сложное предложение в мордовских языках / И. С. Бузаков // Тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1973. Вып. 46. 180 с.
7. **Доронин А.** Баягань сулейть : роман / А. Доронин. Саранск, 1996. 480 с.
8. **Коломасов В.** Лавгинов : роман / В. Коломасов. Саранск, 1996. 240 с.
9. **Любаев П.** Сюкпря : стихть / П. Любаев. Саранск, 2000. 76 с.
10. **Мартынов А.** Розень кши : роман / А. Мартынов. Саранск, 1977. 216 с.
11. **Митякин Д.** Эрямонь ёнкст : ёвтнемат, раксемкат / Д. Митякин. Саранск, 1992. 72 с.
12. **Моро А.** Кочказь стихотвореният / А. Моро. Саранск, 1952. 182 с.
13. **Нуянь Видяз.** Янгамо : келей ёвтнема, ёвтнемат, тешкст / Видяз Нуянь. Саранск, 2006. 260 с.
14. **Сидоров В.** Сулейть : ёвтнемат / В. Сидоров. Саранск, 1996. 88 с.
15. **Щеглов А.** Свадьбадо икеле : ёвтнемат / А. Щеглов. Саранск, 1974. 112 с.
16. **Щеглов А.** Тесэ весе мазыйть : повесть / А. Щеглов. Саранск, 1963. 176 с.
17. **Эркай Н.** Килей ведь : повесть / Н. Эркай. Саранск, 1969. 124 с.

Поступила 03.09.2009 г.

УДК 821.511.152-31

И. И. Шеянова

I. I. Shejanova

**РОМАН-СКАЗАНИЕ К. Г. АБРАМОВА «ПУРГАЗ».
ВЛИЯНИЕ СКАЗОВЫХ НАЧАЛ***

**NOVEL-LEGEND «PURGAZ» BY K. G. ABRAMOV.
INFLUENCE OF THE SAGA BEGINNINGS***

Ключевые слова: фольклор, литература, сказ, сказовые формы повествования, роман-сказание.

Народные формы повествовательности оказали заметное влияние на возникновение в письменной мордовской литературе особых сказово-жанровых форм. В мордовской литературе из сказовых форм повествования широкое распространение нашел жанр сказания. В 1988 г. был опубликован роман-сказание «Пургаз» К. Г. Абрамова.

Key words: folklore, literature, saga, saga forms of the narration, novel-legend.

The popular forms of narrativity had a remarkable impact on the origin of special saga-genre forms in the written Mordovian literature. Among the saga forms of narration the genre of legend became widespread in the Mordovian literature. The novel-legend «Purgaz» by K. G. Abramov was published in 1988.

Интенсивное развитие сказовых форм в мордовской литературе, даже в условиях, когда в ней уже сложились развитые традиции художественных реалистических форм (вплоть до традиций многопланового романа), неизбежно влечет постановку ряда литературоведческих проблем, связанных с литературно-фольклорными аспектами формирования и развития сказовых форм повествовательности. На первый план при этом выдвигаются аспекты жанрово-функционального характера, т. е. вопросы, зависящие не только и не столько от истолкования непосредственного влияния фольклора на литературу, но и от совокупности социально-общественных и культурных факторов, которые управляют национальным литературным процессом.

Богатейший материал для изучения и исследования сказовых форм повествовательности дает прежде всего сама литература, особенно ее разновидности поэтических и прозаических форм различных периодов развития: поэма-сказка «Эрьмезь» (1935) Я. Я. Кулдуркаева, поэма-баллада «Звени, бандура» («Гайкстак, бандура», 1944) А. Щеглова, эпические поэмы «Сияжар» (1960), «Пенза и Сура» (1972) и «Тюштя» (1991) В. К. Радаева, повесть-легенда «Гурьян» (1978) В. М. Левина, стихотворный роман «Яблоня у большой дороги» («Покш ки лангсо умарина», 1958) А. Куторкина, роман-сказание «Пургаз» (1988) К. Абрамова) и др.

В мордовской литературе из сказовых форм повествования широкое распространение нашел жанр сказания. Обратимся к роману-сказанию К. Г. Абрамова «Пургаз»

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-04-23407 а/В.

(1988), повествующему об истории Мордовской земли на рубеже XII и XIII вв., неразрывно связанной с именем инязора Пургаза, который благодаря своему таланту и энергии смог объединить множество враждовавших между собой родов и тем самым спасти свой народ от уничтожения и сохранить его духовные ценности.

Роман рассказывает о борьбе Пургаза с владимирскими князьями за господство на Волге и Оке; о том, как простые люди, бежавшие от княжеских тягот оседали рядом с мордовскими селениями. Особое место в романе-сказании уделено изображению мордовской культуры, быта, нравов и экономического положения мордвы того времени.

В романе-сказании «Пургаз» К. Г. Абрамов обратился к образу инязора Пургаза — выдающейся фигуры мордовского средневековья. Всего три упоминания о нем в русских летописях составили историческую базу данных. Автору же удалось решить сложную задачу методами искусства, благодаря знанию истории, языка, быта, нравов, духовного мира своего народа. Борьбу с экспансией половецких ханов, объединение мордовских племен, образование мордовского государства и его гибель под натиском батыевых орд вместила эта книга.

К. Г. Абрамов на широком общественно-политическом фоне истории Руси дает художественную хронику борьбы мокшанского и эрзянского народов против монголо-татар, выделяя при этом события, в которых особенно ярко проявлялись единство мокшан и эрзян, а также их единение с русскими в борьбе против общего врага.

Соединив в содержании и поэтике романа историческую хронику и народную легенду, писатель предложил один из оригинальных путей сопряжения истории и современности. Особо привлекает внимание многообразие характеров, каждый из которых несет отчетливую и простую художественную идею, а все вместе представляют историю.

Примечательным в этом повествовании является то, что при обрисовке быденной жизни через большую галерею персонажей (Обрана, Пургаза, Пурейши, Промзы, Кемая, Ушмая, Литовы, Руши, Тюгая, Шугура, Азара) автору удалось создать целостную картину социального мира. Исторический фон, сюжет, художественное осмысление событий и фактов, образы — не выдумка писателя, не навязанная им схема желаемого, а специфическое отображение действительности далекого прошлого в судьбе народа. Основой романа, его исторической базой являются летописные и фольклорные материалы, архивные документы, что позволило автору достичь художественной достоверности произведения.

К. Г. Абрамов, используя богатейший материал, воспроизвел важный период в истории мокши и эрзи — формирование феодальной государственности. Он изображает этот процесс на фоне русско-мордовских исторических, культурных и прочих отношений XII — XIII вв., что придает повествованию сюжетную разнолинейность, или полифоничность. Многоплановость романа обеспечивается также введением в действие представителей различных социальных слоев общества. Здесь представлены мордовские главы родов, русские князья и дружинники, болгарские ханы и асхабы, купцы, работорговцы, священнослужители, наемные убийцы. Типические явления социально-бытовых отношений показаны на примере судеб Вежавы, Промзы, Елены, Афросиньи, Тюгая, Миянзы, Ариса, Руши и других персонажей. Все имеют особые судьбы и характеры, оставаясь людьми своего времени.

Большое внимание в «Пургазе» уделено описанию разносторонних межэтнических контактов: мордовско-половецких, мордовско-булгарских, мордовско-татарских,

мордовско-русских. Качественное отличие мордовско-русских отношений от других в том, что они способствовали социальному, этническому и культурному сближению народов.

К. Г. Абрамову в романе-сказании «Пургаз» удалось передать драматизм происходящего, который заключается в противоположно направленных идеях созидания и разрушения. В эпицентре повествования стоит реальная историческая фигура Пургаза как олицетворение творческой мысли и обновления жизни. Пургаз — целая эпоха в жизни мордовского народа. Его назначением было ввести в мир мокши и эрзи элементы нового, передового, поднять их на более высокий уровень.

В романе Пургаз проходит все ступени развития, изображаются его детство, юность и зрелые годы. Пургаз показывается как выразитель созревших в недрах общества тенденций, направленных на объединение мокши и эрзи [4].

В «Пургазе» последовательно проводится идея преемственности поколений. Она выражается у К. Г. Абрамова через образ старика-отшельника, благословляющего князя на трудную работу. В его словах, обращенных к Пургазу, основной является мысль о преемственности поколений. В Пургазе он видит объединителя и защитника мордовского народа, сравнивает его с Тюштей — первым мордовским инязором, ставшим национальным эпическим героем: «Маринь, эрзятнень ды мокшотнень пурныть вейс. Вельть покш тев теить... Ней, зярдэ ломантнень пурныть ве кудос, эряви тенст вейке азор. Ванстыцявтомэ ракшатне срадыть вирень келес ды мейле одов а пурनावить... Покштянь покштызо ёвтнелизе ёвкс ладсо, келя, эрзятне теи эрямо састь вельть васолдо, кияк а содасы... Ветинзе теи виев азор. Теш атя. Кезэрень пингень моротнесэ лемдязь Тюштыкс. Эрзятне срадсть тесэнь виртнень потмова ды Тюштынь куломадо мейле явность башка-башка... Ней тон пурныть вейс, сынест таго эряви вейке азор. Тонень, Пургаз, сынест туртов улемс ине азоркс» [1, с. 286] — «Слышал, эрзян и мокшан собрал вместе. Очень большое дело сделал... Теперь, когда людей собрал в один дом, нужен им один хозяин. Без пастуха лошади разбредутся по лесу и потом обратно не соберешь... Дед моего деда рассказывал как сказку, будто эрзяне пришли сюда жить издалека, никто не знает... Привел сюда сильный хозяин. Старик Теш. В старинных песнях его называют Тюштей. Эрзяне разбрелись по здешним лесам и после смерти Тюшти отделились друг от друга... Теперь ты собрал вместе, им опять нужен один хозяин. Тебе, Пургаз, быть им дальнейшим большим хозяином» (здесь и далее подстрочный перевод наш. — *И. Ш.*).

Образно К. Г. Абрамов описал мордовские моляны, как «в старину водилось», они сопровождаются обилием мельчайших подробностей. Само перечисление деталей как бы выражает сожаление, что теперь этого нет. За описанием мордовского обряда читатель не может не почувствовать авторского любования национальным обрядом: «Озатятне колмонест стясть вачказь сывеленть ваксс, рунгост ды чамаст велявтызь чилисемав. Ломантне весе састь малав. Цёратне стякшность озатятнень перька, аватне ды эйкакштне — удалост. Весень чамаст ваныть чилисемав. Кедест путнезь кавалалов. Озномась ушодсь... Сынть вешить Ине Шкаенть пельде паро ие, сэтьме эрямо, сюронь чачома, ракшань раштамо. Кортыть аламось — суюконить... Истя моли кувать, зярс а прядовить Ине Шкаентень весе энялдоматне» [Там же, с. 53] — «Жрецы втроем встали около уложенного мяса, повернувшись лицом к востоку. Люди все подошли к ним. Мужчины встали вокруг жрецов, женщины и дети — сзади. Лица у всех смотрят на восток. Руки

скрестили. Моление началось... Они просят у Ине Шкая хорошего года, спокойной жизни, урожая, умножения скота. Немного поговорят — поклонятся... Это длится долго, пока не кончатся все прошения у Ине Шкая».

Все равны в радости. Рассказчику импонируют простота, искренность поведения: «Од тейтеретне яксесь кужонть малава вирьганть, кочкасть панжовкст, кодасть каштазт. Од цёратне тейнестъ вешкемат, сёрмалезь мандынетъ. Эйкакштне чарастъ ды чийнестъ тетяст-аваст вакссо. Ознома таркаса ламо а коргнить, чатьмонить» [Там же] — «Девушки ходили вокруг лесной поляны, собирали цветы, плели венки. Молодые парни делали свистульки, вырезали палочки. Дети кружили и бегали вокруг родителей. На месте моления много не говорят, молчат».

В романе-сказании описываются многие старинные обряды и обычаи мордвы (например, обряд похорон, свадебный обряд, обычай брать в жены вдову брата и заботиться о ее детях как о собственных, умыкание невесты, обычай изгнания из рода убийцы и др.).

В описываемый период мордовская женщина-мать в семье играла значительную роль. Вот как об этом пишет автор: «Ансяк ней аволизе тока, мирдень кисэ мелявтома шкастонть. Теде сон кортазевсь Кижеват марто. Кижеват апаркстомозь носкозевсь...»

— Таго Промзанень, — музгордезь пшкадсь Кижеват ды поладсь кежевстэ: — Тонстемаяк содаса, мезе теема.

Тетянь пингстэ авазо марто истя кежевстэ эзь кортне. Ней мари прянзо азоркс. Сыре нись ацирьгадозь каице вановтонзо покшкавтница цёранть лангс ды мерсь:

— Тетядот мейле азоркс кудонтень кадовинь мон. Кода мерян, истя теят!

Кижеват мезеязь эзь ёвта тень каршо» [Там же, с. 127]. — «Только теперь не трогал бы, когда жива еще память о муже (о вдове старшего сына). Об этом и заговорила с Кижеватом:

— Опять Промзе, — заворчал Кижеват и зло добавил: — Без тебя знаю, что делать.

При отце он так зло никогда не разговаривал с матерью. Теперь почувствовал себя хозяином. Старая жена взволнованно взглянула на бахвалившегося сына и сказала:

— После отца хозяйкой в доме осталась я. Как скажу, так и будет!

Кижеват на это ничего не ответил».

Большую роль играет в романе тот момент, где автор высказывает мысль о том, что когда люди долгое время живут вдали от родного дома и обзаводятся на чужбине семьями, новыми знакомыми, у них постепенно притупляется чувство ответственности за свою малую родину, за ее будущее. Вот как тонко пишет об этом автор: «Обран ошонть вакссо венчень аштема тарканть сынъ эзь лотксе, ютасть вакса. Арис ве пельде вансь пандонть прясо ошонть пирявтонть лангс. Сон эзь сода, кить тосо — эрзят эли князень ломанть. Кудонть кисэ седеезэ талнось а пек, сон эзь тонадо кудосо эрямо. Низэ ней Ине ошсо, нама, седе паро модемс тов, нинть ваксс» [Там же, с. 334] — «У пристани Обранова городка они не остановились, проплыли мимо. Арис смотрел на городские стены, расположенные на горе. Он не знал, кто там — эрзяне или княжеские люди. О доме сердце болело не очень, он не привык жить дома. Жена его теперь живет в Большом городе, знать, лучше идти туда, к жене».

Итак, повышенная субъективность повествования — первая стилистическая тенденция сказовой прозы в целом и романа-сказания К. Г. Абрамова, в частности.

Но в художественной действительности, как и в реальной, единичного нет без всеобщего. Диалектическое равновесие их проявляется в каждом из родов словесного искусства неодинаково. В эпосе обобщенные знания о людях и истории заключены в развитии действия, между тем как в лирике связь общего и единичного осуществляется через изображение общих моментов эмоционально-психического человеческого бытия. В сказовом повествовании рассказчик — такой же художественный тип, как и герой во всех родах и жанрах: в качестве единичного он опредмечивает всеобщее. Но это всеобщее предстает в речевой форме, резко отличной от нормы литературной, которая воспринимается читателем как традиционная «правильная». Поэтому в сказании момент общего ощущается как бы за пределами повествования, через позицию автора (хотя формально он устранен из монолога рассказчика) [5].

Тем не менее в сказовом повествовании налицо стремление сохранить иллюзию «объективного» повествования. «Взаправдашность» происходящего оговаривается рассказчиком: «дед моего деда рассказывал...», «в далекие времена... стояло поселение...» и др.

Сфера индивидуального восприятия действительности рассказчиком может быть расширена за счет количественного увеличения подобных сфер: слушателей-персонажей и слушателей, в качестве которых согласно стилизации под устно-разговорный тип общения должны выступать читатели. Рассказчик в процессе повествования с равной легкостью апеллирует и к слушателю, и к читателю. Сближение рассказчиком читателя и слушателя, а также то, что рассказчик выражает свое мнение с ориентировкой на общее, сохраняет эпическую основу сказового повествования.

Сочетание лирического пафоса, определяющего специфику сказового повествования, с активным стремлением автора воссоздать типологические основы эпического повествования можно считать второй стилистической тенденцией романа-сказания К. Г. Абрамова.

Необходимо заметить, что сказовое повествование не повторяет признаки того явления, которое принято называть лирической прозой. Мы имеем в виду лирическую прозу как разновидность лиро-эпической формы. В лирической прозе движение направлено от внешних событий к внутренней жизни героя. В повествовании сказового характера познание действительности идет через понимание и оценку внешних связей, ведущих от рассказчика к миру, к людям.

Система отношений в сказовой форме повествования всегда четырехступенчатая (*автор — рассказчик — слушатель — читатель*) и может меняться количественно только в пределах каждого из составных элементов. Например, может быть увеличена сфера слушателей. В лирической прозе это соотношение трехчленно (*автор — повествователь — читатель*) и все части его взаимопроникают.

Четырехступенчатость расширяет театрально-импровизационные возможности сказа. Стратегия приема остается прежней, меняется тактика: рассказчик передает несобственно-прямую речь персонажа, но в данном случае персонаж сам проявляет склонность к театрализованному воспроизведению чьей-то речи, причем вновь в качестве несобственно-прямой речи. И трех-, и четырехступенчатое лицедейство выражает сущность сказовой театральности как стилизации под «чужую» речь. Специфика здесь в том, что с одной стороны, рассказчик стремится подчинить «чужую»

речь собственной, а с другой — сквозь восприятие рассказчика проступает индивидуальная манера персонажей говорить, думать, чувствовать [3].

Повышенная субъективность и наличие лирического пафоса при соблюдении норм эпического повествования проявляют себя в ряде стилистических приемов. Каждый из этих приемов имеет свои лексико-грамматические признаки. Мы обратимся лишь к тем особенностям стиля, в которых прежде всего реализуются выделяемые нами стилистические тенденции сказовой формы.

Изложив читателю разговор Пуресья с Обраном, автор изображает реакцию оскорбленного гостя: «...Пуресь кувать чатьмонсь. Тюжа чамасонзо пейзаласкатне лыкасть, мерят, чевели курго потсонзо коське кснав» [1, с. 32] — «...Пуресь долго молчал. На его смуглых щеках перекатывались крутые желваки, будто он переживал высушенный горох».

Эта немая сцена тем выразительнее в оценочном смысле, чем неторопливее ее описание. Подробности снижают и гнев гостя, и его самого. В рассказе важны не эмоциональная характеристика рассерженного Пуресья, не анализ его психологических реакций. Главное — его оценка от имени той социальной группы, представителем которой является Пуресь и у которой свой социальный опыт в отношении к окружающему. Несоответствие между описанием события и его значимостью определялось внутренней логикой повествования.

Также художественно мотивирована алогичность, часто встречающаяся в романе-сказании. Монолог в сказании строится как устная речь, не подготовленная заранее, что предполагает появление известной логической неорганизованности. Но это внешнее обоснование. Есть и внутреннее: чем сильнее отступление от нормы (речевой и повествовательной) в речи рассказчика, тем яснее характер самого рассказчика и та «норма», уже не столько речевая, сколько эпическая, социальная, которая и отражает точку зрения автора.

Герой-рассказчик в сказании не анализирует события, а изображает их: «Вирень покш кужо. Кужонть куншкасо колмо сыре пекшеть. Вельть эчть, сюрдовт-сюрдовт. Алце тарадост венствясть эрва пелев келей латокс. Пекшетнень ало лисьмапря. Ведезэ ванькс, пачканзо неявить ашо кевтне ды тюжа човорнэ» [Там же, с. 50] — «Большая лесная поляна. В центре поляны старые липы. Очень толстые, раскидистые. Нижние ветки протянулись во все стороны широким навесом. Под липами родник. Вода чистая, сквозь нее видны белые камни и коричневый песочек».

Детали пейзажа возникают как бы по мере поворота головы героя, состояние его обнаруживается через последовательность поступков, жестов.

Жест в сказе присутствует не только при описании рассказчиком событий, но и в самой речи. Частицы, междометные словосочетания («куда?», «экая чертовщина!», «глядь»), вводные слова и предложения, характерные для речи рассказчика, и есть словесное обозначение мимики, жеста («*Экая чертовщина!* Будто выходец с другого света перед ним встал Изяр» [2, с. 115]; «все искал своего Кемая, так и не нашел, *куды* делся» [Там же]; «Промза резко выпрямился, *глядь* — перед ним девушка» [Там же, с. 51]. Это и понятно: устная речь, по законам которой строится сказание, невозможна без мимики. Особенность сказовой «театральности» заключается в том, что рассказчик только жестикулирует, только играет, внутреннюю же (смысловую) оценку дает автор [3].

Жест как мельчайшая изобразительная единица подготавливает особый лексико-грамматический строй фразы. Ее отличает обилие однородных глагольных сказуемых, динамизирующих повествование: «Мартост саезь рузось стясь сэрсьэ, ладинзе кавто коморонзо кургонзо перька ды сьрьгедсь виренть пелев. Вирьстэнтъ лиссть кавто ломанть, састь венченть малав... Рузось коргась кежевстэ, улема, мурнесь эйсэст саламонть кисэ. Обран ноцковтызе кувака панардонть ды таго-мезе мерсь. Рузонть вайгелезэ аламодо чевтемсь...» [1, с. 17] — «Взятый с ними русский встал в полный рост, прижал ладони ко рту и крикнул в сторону леса. Из леса вышли два человека, подошли к лодке... Русский заговорил сердито, пожалуй, ругал их за кражу. Обран дернул его за длинную рубаху и еще что-то сказал. Голос русского немного смягчился...».

Так создается интонационное разнообразие звучащей речи. Это связано, конечно, с повышенной восприимчивостью рассказчика к «чужой» речи. Иными словами, происходит «монологизация» диалогов при помощи глаголов говорения с интонацией, соответствующей тону диалогической речи: «крикнул», «заговорил», «ругал» и т. д.

Социально-психологическая конкретизация рассказчика в романе-сказании приводит к качественным изменениям в самой структуре повествования. Интерес писателя к человеку, его нравственно-психологическим и социальным потенциям обусловил то, что общее в романе-сказании К. Г. Абрамова проявляется в индивидуальной форме — в обрисовке героя-рассказчика — характере исключительном и глубоком. Внимание слушателей, читателей, автора сосредоточено на внутренней жизни героев. Личность рассказчика К. Г. Абрамова такова, что вмещает в себя «тысячу жизней», и уже по одному этому не может быть не интересна.

Говоря о романе-сказании как о структурно-типологическом образовании; мы еще раз должны подчеркнуть, что для него характерна определенная устойчивость ряда основополагающих признаков и примет. Вместе с тем в пределах того или иного жанра (повести, романа) в творчестве разных авторов оно обогащается новыми стилистическими приемами, а сохраняющиеся стилистические свойства могут наполниться новым содержанием.

Литература и источник

1. **Абрамов К. Г.** Пургаз : кеззрень пингедэ евтнема / К. Г. Абрамов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1988. 480 с.
2. **Абрамов К. Г.** Пургаз : роман-сказание / К. Г. Абрамов ; авториз. пер. с мордов.-эрзя яз. К. Евграфова. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. 445 с.
3. **Кройчик Л. Е.** Возникновение сказовой формы повествования. Народный характер и сказовая форма повествования / Л. Е. Кройчик // Поэтика сказа. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. С. 6 — 13.
4. **Федосеева Е. А.** Кие сон, Пургаз?: К. Г. Абрамовонь «Пургаз» романсонь исторической образонь невтемась. = Кто он, Пургаз? Изображение исторического образа в романе К. Г. Абрамова «Пургаз» / Е. А. Федосеева // Сятко. 1998. № 8. С. 87.
5. **Федь Н. М.** Литературный сказ в соотношении с фольклорной традицией / Н. М. Федь // Фольклор. Поэтическая система. М. : Наука, 1977. С. 242 — 276.

Поступила 12.06.2009 г.

УДК 821.511.1.091

Т. Д. Кирдяева

T. D. Kirdjaeva

ОБЩНОСТЬ ФИННО-УГОРСКИХ ЛИТЕРАТУР И ПУТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

COMMONNESS OF FINNO-UGRIC LITERATURES AND WAYS OF ITS STUDY

Ключевые слова: финно-угроведение, литературоведение, фольклор, уралистика, беллетристика, традиция, концепция, общность, культура, наука, исследование.

В статье рассматриваются мордовское литературоведение, а также общие духовно-культурные начала литератур финно-угорских народов Поволжья и Приуралья.

Key words: Finno-Ugric studies, literary criticism, folklore, Uralic studies, belles-lettres, tradition, conception, commonness, culture, science, research.

Mordovian literary criticism is considered in the article, as well as common spiritual and cultural origins of literatures of the Finno-Ugric peoples of Volga and the Urals Region.

В науке еще не сложилось единого мнения о существовании «финно-угорского литературоведения» как комплексной межнациональной научной дисциплины (в отличие от давно уже функционирующих в этом качестве славянского, германского, романского, тюркского и другого литературоведения). Причина этого не только в исторической молодости литератур и литературоведения большинства финно-угорских народов, но и в том, что до недавнего времени финно-угроведение традиционно оставалось преимущественно языковедческой межнациональной дисциплиной.

Чтобы выяснить возможности, целесообразность и реальные аспекты финно-угроведения как общей и сравнительной литературоведческой дисциплины, следует обратиться к трудам П. Домокоша. В течение многих лет он изучает фольклор и литературу финно-угорских народов, в том числе мордвы. П. Домокош — автор многочисленных публикаций по вопросам финно-угорского литературоведения, составитель разных сборников и хрестоматий произведений фольклора и литературы данных народов, активный пропагандист их художественной культуры в Венгрии, Финляндии, Франции, Англии, организатор переводов произведений финно-угорских писателей России на венгерский язык.

Наиболее подробно и разносторонне проблема общего и сравнительного финно-угорского литературоведения поднята П. Домокошем в его обобщающей работе «Формирование литератур малых уральских народов», представляющей собой историко-теоретическое введение в финно-угорское литературоведение.

Поставив вопрос о том, обоснованно ли говорить об уральских (по терминологии П. Домокоша), т. е. о финно-угорских, литературах как о некой общности, учитывая их столь значительные различия в генетическом и типологическом планах, П. Домокош приводит различные аргументы, вырабатывая собственную концепцию.

П. Домокош обращается к широкому кругу явлений культуры финно-угорских народов для обоснования противоположной точки зрения. В ряду его аргументов — «тесные взаимоотношения уральских литератур с уралистикой как целым научным направлением (т. е. с комплексной уралистикой)» [6, с. 11], включая столь необходимые, по мнению ученого, для их изучения данные смежных наук: истории, этнографии, фольклористики, лингвистики и т. п. Комплексное изучение смежных наук привело П. Домокоша к мысли, что несмотря на историческую разбросанность финно-угров и различия в путях их развития, есть многое в словесном творчестве этих народов, обнаруживающее черты общности, и что может «служить материалом для исследования прапоззии, мифологии или же просто духовной культуры конкретных финно-угорских народов» [Там же, с. 21].

Суть концепции П. Домокоша составляет его расширенное понимание литературы как включающей не только письменные, но и бесписьменные устно-поэтические произведения данного народа, представляющие эстетическую ценность (если их авторство индивидуально по характеру и научно установлено). Это позволило ученому отнести к числу финно-угорских двадцать литератур. Хотя он делает оговорку — термин «национальная» применим лишь к тем литературам, чей создатель — этнос — достиг в своем развитии уровня нации (к таковым он относит, в первую очередь, литературы венгров, финнов и эстонцев). По отношению к литературам других финно-угорских народов он предпочитает говорить лишь о «литературе данного народа» или литературе данного языка.

Таким образом, своим пониманием «литературы» и определений, относящихся к ней, П. Домокош стремится расширить сферу компетенции финно-угорского литературоведения применительно к каждой из изучаемых им литератур и ко всему сообществу в целом. Свое видение «целостности» он формулирует следующим образом: «Должны быть обнаружены взаимосвязи между отдельными уральскими литературами...», «могут быть подняты переводческо-филологические вопросы...», «могут быть установлены параллели и различающиеся явления и, наконец, эти литературы смогут быть дифференцированы и классифицированы — последовательно и полностью — в историческом и типологическом отношении»; смогут быть далее раскрыты «взаимоотношения между отдельными национальными литературами и литературой мировой», а в перспективе станет возможным расположить и «весь блок уральских литератур — согласно его ценности — на табло мировой литературы в соответствии с координатами универсальной всемирной литературы» [Там же, с. 25 — 40].

В основе отбора исследуемых литератур в работе П. Домокоша лежит генетическое родство народов, их культур. Автор выделяет семь типологических групп, при этом сознательно отказываясь от подробного рассмотрения в этой книге таких литератур, как венгерская (первая группа), финская и эстонская (вторая группа), имея в виду, что они наиболее изучены. Пристальное внимание ученый уделяет третьей (мордовская, марийская, удмуртская, коми, коми-пермяцкая литературы), четвертой (мансийская, хантыйская, ненецкая, селькупская литературы), пятой (карельская литература), шестой (саамская литература) и седьмой (ижорская, вепсская, водская и ливская литературы), считая, что каждая из них заслуживает такого же внимательного изучения, как венгерская, финская и эстонская.

Автор справедливо указывает, что предмет его исследования относится, с одной стороны, к такой комплексной науке, как уралистика в целом, с другой — к всеобщему

литературоведению. Он не ограничивает себя чисто литературоведческим материалом, связывает его с языкознанием, фольклористикой, этнографией, открывая при этом богатые возможности выявления общего и особенного в исследуемых литературах, их тесных связей с историей, культурой народов в широком смысле слова.

П. Домокош утверждает систему новой дисциплины — уралистского литературоведения. «Самой молодой отраслью уралистики является исследование литературы, — пишет он во «Введении». — ...История этих литератур как научная дисциплина возникла только в 1960 году во время работы I Международного конгресса финно-угроведов... а затем все более и более развиваясь...» [Там же, с. 11]. Трудности утверждения литературоведения в уралистике заключались прежде всего в необходимости преодоления инерции монополии языкознания, издавна установившейся в этой отрасли науки.

Свои трудности утверждения уралистического литературоведения есть и во всемирной литературе. «Составлять труд по предмету уральских литератур — неблагодарная задача. Большинство литературоведов с недоверием смотрят на уралистские темы, и лишь немногие включают литературы уральских народов, особенно малых, в состав мировой литературы» [Там же, с. 8]. Ученый указывает и причину такого предвзятого отношения. Это прежде всего — незнание фактов. «Рассуждения о литературах уральских, равноязычных, в которых коллега иногда не знает даже названия отдельного народа или возмутительным образом перевирает его и путает, оставляет неприятный осадок» [Там же].

Решая одну из главных задач, П. Домокош делает краткий обзор исследования уральских литератур до него, рассматривает связь литературоведения с языкознанием, фольклористикой, вопросами диалектов и разговорной речи, литературного языка и языка литературы, билингвизма и национальной письменности. Определяя место литературы в культуре малых уральских народов, он обращается к некоторым вопросам социологического характера — книгоиздание (тираж и читаемость), значение учебников и школ, прессы, театра, состояния национальной науки для развития общей культуры народов и такой значительной части ее, как художественная литература. При этом справедливо и с искренним сожалением отмечает, что даже в среде интеллигенции этим вопросам уделяется незаслуженно мало внимания.

В своей книге ученый рассматривает такие вопросы, как место исследования уральских литератур в мировом литературоведении, взаимосвязи уральских литератур (с привлечением венгерских, финских, эстонских данных), практика взаимного перевода с родственных языков и литератур, развитие национального и общечеловеческого в уральских литературах и их место в мировой культуре.

К наиболее выдающимся личностям мордовской культуры П. Домокош относит таких деятелей, как М. Евсеев, З. Дорофеев, И. Девин, Д. Морской, П. Кириллов, В. Радаев, К. Абрамов; марийской — В. Васильев, С. Чавайн, М. Шкетан, Олык Ипай, В. Колумб, М. Казаков, К. Васин; удмуртской — Г. Верещагин, Кедр Митрей, Кузубай Герд, Ашальчи Оки, М. Петров, Г. Красильников, Ф. Васильев; коми — И. Куратов, Г. Лыткин, К. Исаков, В. Савин, В. Юхнин, Г. Юшков; коми-пермяцкой — М. Лихачев, С. Караваев, И. Минин; мансийской — П. Еврин, Ю. Шесталов, Ю. Рытхэу; хантыйской — Г. Лазарев, В. Волгин, Е. Айпин; ненецкой — Т. Вылка, А. Пырерка, И. Истомин; селькупской — Т. Пыршина; карельской — Я. Виртанен, Хело Лея, И. Яккола, А. Тимонен, Я. Ругоев, Т. Сумманен; саамской —

И. Тури, П. Утси, К. Палтто и др. Среди всех названных личностей он особо выделяет четырех — И. Куратова, С. Чавайна, Кузубая Герда, З. Дорофеева, считая их представителями малых уральских литератур в мировой литературе.

Подчеркивая сравнительно-типологический метод исследования в своей книге, ученый отмечает, что включить литературы уральских народов в систему всемирной литературы возможно лишь при условии, если их рассматривать в сравнении не только между собой, но и с соседними восточно-европейскими, прибалтийскими и сибирскими литературами, сформировавшимися в одинаковых или сходных исторических и культурных условиях, так как ясно, что «наряду с субъективными особенностями (традиции, язык, сознание, творческие индивидуальности), они определены и географическо-экономической и политической «зоной». Например, как считает ученый, может быть объяснена и истолкована чувашским и татарским окружением марийская культура, в свою очередь ненецкую помогает понять палеосибирский ареал. Кроме того, в отношении их всех нельзя не принимать во внимание связь с русской культурой, имеющую глубокие корни» [Там же, с. 28].

Создав систему изучения литературы уральских народов, П. Домокош внес свой вклад в мировое литературоведение, открыв для него новую область исследования — проблемы развития уральских литератур. С другой стороны, изучение истории каждой национальной литературы в таком широком диапазоне типологических связей является новым словом в науке о каждой из них.

Чтобы выяснить возможности, целесообразность и реальные аспекты сравнительного исследования литератур финно-угорских народов, соотнесенного с их изучением в контекст исторически сложившихся общностей (зональных и региональных), представляется необходимым рассмотреть существующие на этот счет точки зрения некоторых ученых.

Так, авторы предисловия к финно-угорскому сборнику «Неогеликон» отмечают, что своеобразие литературы не обусловлено языковой семьей. Литература — это историко-культурный продукт. Концепции этнических групп народов, созданные филологией XIX в., которые были построены на базе лингвистики и которые и сегодня группируют отдельные литературы по языкам их происхождения и говорят о германских, неолатинских, славянских и других литературах, неприемлемы как с теоретической, так и с литературно-типологической точки зрения. Между финно-угорскими литературами имеются едва ли какие-либо исторические отношения. И далее речь идет о «малых» и, с другой стороны, о «больших» финно-угорских литературах (венгерской, финской, эстонской).

Противоположную точку зрения высказал эстонский фольклорист и литературовед И. Шётер: «Финно-угорские литературы показывают — вопреки их изолированному развитию — определенные сходства. Так, могут быть установлены взаимные аналогии в области общественного положения венгерской, финской и эстонской литературы. Неоспоримые типологические параллели наблюдаются в истории этих литератур в минувшие два столетия... Открытие сродства между финно-угорскими языками открывает новые возможности для исследования» [8, с. 56].

Подобную концепцию выдвинул венгерский академик Б. Кёпеци в докладе на VI Международном конгрессе финно-угроведов в Будапеште (1975). Он отмечал, что в одной группе финно-угорских народов (оказываются) венгры, финны и эстонцы, историко-социальное их развитие показывает во времена феодализма и капитализма

аналогичные черты, литературное отражение которых следует изучать. Эти поиски могут быть успешными — что касается феодализма — в народной поэзии. Также — в отношении литературы в широком понимании, не ограничивающейся беллетристической. Развитие капитализма способствовало пробуждению национального сознания — у народов возникла необходимость в создании национальных литератур, которые с этого момента следуют генеральным линиям развития других европейских литератур. Следовательно, компаративистика может основываться не только на сходстве их социально-исторического развития, но и считаться с крупными литературными тенденциями.

В своем докладе Б. Кёпечи предложил и концепцию сравнительно-типологического изучения литератур Поволжско-Приуральского региона, отдельно выделив финно-угорскую общность, ибо схожесть социально-политических, этнических и многих иных условий жизни, проживающих здесь народов, способствовала близости, а иногда и идентичности путей становления и развития их литератур.

Следует сказать, что в современной литературоведческой науке существует ряд концепций финно-угорской общности литератур и возможных путей ее изучения. Первым значительным шагом в этом направлении стало издание шеститомной «Истории советской многонациональной литературы» (1970 — 1974), где в отдельную группу выделены литературы народов Поволжья и Приуралья, предпринята попытка определить своеобразие и общие закономерности их развития. Однако в издании подобного рода довольно сложно раскрыть специфическую природу каждой из них. Кроме того, в «Истории...» в названную группу отнесены, кроме финно-угорских, башкирская, татарская и калмыцкая литературы, тяготеющие к эстетике восточных народов. Здесь пока учтена преимущественно общность территориальная, объединяющая литературы с сильно разнящимися историческими путями и традициями.

В мордовском литературоведении комплексное изучение литератур впервые предпринял Н. Черапкин в книгах «В братском содружестве» (1969), «Притоки» (1973). Говоря о своеобразии развития марийской, мордовской и чувашской литератур, он определил границы литературно-эстетического региона в пределах Поволжья. «Исторический подход к опыту и характеру национальных младописьменных литератур дал бы возможность объективно классифицировать их по родственным группам и типам — или на основе общих и давних традиций, или на базе языкового сходства и близости других национальных особенностей, или, наконец, в сочетании этих условий, — писал ученый. — Такой принцип значительно облегчил бы выявление закономерностей в творческих взаимосвязях» [7, с. 174 — 175].

Исследования Н. Черапкина вызвали многочисленные дискуссии в литературоведении. Ученый из Удмуртии В. Ванюшев отмечал: «...почему он (Черапкин) в данный регион не включает такие литературы... как татарская и башкирская, понять... можно. Эти литературы имеют более давние традиции, и пути их развития несколько иные, чем марийской, мордовской и чувашской. Но автор не включил в регион Поволжья и удмуртскую литературу, что объяснить уже труднее» [3, с. 36 — 37]. Вслед за В. Ванюшевым коми-исследователь Г. Беляев, отдавая должное наблюдениям Н. Черапкина, писал: «Такой выбор объясняется легко: мордовская литература для Н. Черапкина — родная, а с марийской и чувашской литературой она имеет давние корни взаимодействия, хотя последняя в языковом отношении не является финно-угорской... Тут не без оснований во главу угла ставятся общие закономерности, почти

равный уровень художественного мышления веками соседствующих народов, одинаковая степень освоения их искусством слова исторического опыта своих народов и достижений мировой художественной мысли» [2, с. 13].

Отдавая должное наблюдениям ученых, отметим, что Н. И. Черапкин одним из первых в литературоведении Поволжья и Приуралья предложил концепцию сравнительно-типологического изучения литератур региона [7].

Несколько по-иному исследует поднятую проблему коми-пермяцкий критик М. Пахомова в книге «Эпос молодых литератур» (1977). Следуя принципу не эстетической или географической, а лингвистической общности, она относит к региону Поволжья и Приуралья карельскую литературу и исключает чувашскую. Следовательно, она считает, что по сравнительно-типологическому подходу лингвистический признак в современных условиях становится неопределяющим, второстепенным. Карельская литература, например, тоже относится к финно-угорским. Однако у нее эстетическое восприятие действительности другое. Национальная литература Карелии развивается на одном языке с литературой Финляндии. На нее значительное влияние оказали финские писатели, иммигрировавшие в Карелию после поражения революции 1918 г. Сильно также влияние на карельскую литературу народного героического эпоса «Калевала». Поэтому допустим (но не обязателен) вывод финноязычной литературы из рассматриваемого единства. В то же время типологическая общность тюркоязычной чувашской литературы с финно-угорскими литературами региона, и прежде всего с мордовской, значительна, что дало возможность Н. Черапкину рассмотреть их вместе [Там же].

По-иному обстоит дело с коми-пермяцкой литературой. О ее слабой сравнительно-типологической изученности говорит, например, тот факт, что она до последнего времени выпала из изданий даже академического характера. О ней и ее писателях не упоминается и в шеститомной «Истории советской многонациональной литературы». Сегодня усилиями, прежде всего, В. Пахоруковой немало сделано по исправлению несправедливости. Ею изданы монографии «Пути и проблемы развития коми-пермяцкой прозы» (1977), «Коми-пермяцкая литература» (1982), «Предвоенная проза пермских народов» (1981). Тем не менее до последних лет в литературоведении, в том числе в трехтомной «Истории коми литературы», встречаются случаи, когда коми и коми-пермяцкую литературы путают, упускают из виду, рассматривают то как две, то как единую. Это лишний раз убеждает в необходимости более подробно разобраться в типологической и эстетической общности финно-угорских литератур. В. М. Ванюшев считает, что «есть необходимость изучить, не являются ли типологически сходными с этими литературами не только коми и коми-пермяцкая, но и калмыцкая» [3, с. 45].

Сравнительно-типологический подход к исследованию литератур Поволжья и Приуралья нашел немало приверженцев как в российских финно-угорских республиках. Например, А. В. Алешкин, автор монографии «Эпос дружбы: типология жанра поэмы в литературах народов Поволжья», объектом своих научных поисков взял только один литературный жанр — поэменный, ибо «в поэзии эпической гораздо отчетливей, чем в прозаическом эпосе, проявляется как национально-специфическое, так и типологическое, обусловленное и сходством исторических судеб поволжских народов, и межнациональным взаимодействием их культур» [1, с. 3]. В отличие от Н. И. Черапкина к этому региону автор относит и удмуртскую литературу.

Интересен замысел книги Г. В. Беляева «От вечно живого корня», затрагивающей ряд актуальных проблем современного развития коми прозы [2]. Она исследуется в типологическом сопоставлении с марийской, мордовской, удмуртской и чувашской литературами, которые Г. В. Беляев относит вместе с коми к поволжско-приуральской региональной общности. В. Н. Демин, анализируя соотношение лирического и эпического в коми литературе, прибегает к сопоставлениям с подобными процессами в финно-угорских удмуртской, марийской и мордовской литературах Поволжья [5].

В качестве сопоставимого материала явления литератур финно-угорских народов Поволжья и Приуралья фигурируют в трудах многих исследователей. Здесь, прежде всего, следует назвать историко-литературный очерк К. К. Васина «Творческие взаимосвязи марийской литературы», где на примере одной (марийской) литературы прослежены вопросы взаимодействия художественной культуры финно-угорских народов на основе общности исторических и экономических условий. Ученый отмечает, что «творческое взаимообогащение чаще всего возникает там, где есть общность исторических судеб» [4, с. 7].

Проблемы творческого взаимодействия финно-угорских литератур обстоятельно анализируются в исследованиях В. Макушкина «Обретение зрелости» (1984), Е. Чернова «Годы и конфликты» (1981), Л. Тингаевой о дореволюционных русско-мордовских связях, статьях о мордовско-украинских литературных связях М. Сусорева, мордовско-венгерских Т. Кубанцева и др. В работах подобного типа водино слились литературная история, теория и критика, образовав своеобразный сплав и метод изучения процессов взаимодействия национальных финно-угорских литератур.

Так шаг за шагом исследователи определяли рамки территориальной и историко-эстетической общности финно-угорских литератур народов Поволжья и Приуралья.

Обозначив наиболее этапные моменты в истории межлитературной общности поволжско-приуральского региона и поддерживая сравнительно-типологический принцип исследований, мы преследуем гораздо менее масштабные цели: рассмотреть в таком аспекте творчество зачинателей литератур: коми — И. Куратова, марийской — С. Чавайна, удмуртской — Кузубая Герда, мордовской — З. Дорофеева, а также венгерской литературы — Ш. Петефи, чье творчество и идейно-эстетические взгляды типологически сходны с указанными литераторами. Кроме того, в смысле демократического характера его произведений, он вполне вписывается в общероссийский культурологический контекст, оказываясь в зоне пересечения его с европейским.

Здесь и сформировалось то общее «культурное пространство», в сфере воздействия которого оказались, с одной стороны, Ш. Петефи, а с другой — представители литератур Поволжья и Приуралья. В частности, у них оказалось много общего в поэтике, в обстоятельствах возникновения сюжетов и образов и т. д. Но в то же время отсутствие тесного территориального соседства придало данным литературам значительное своеобразие, базирующееся не только на языковом родстве, но и на общности исторических судеб. Такое расширение рамок сопоставления способствует, на наш взгляд, более углубленному выявлению общего и особенного в творчестве классиков национальных литератур.

Литература

1. Алёшкин А. В. Эпос дружбы: Типология жанра поэмы в литературах народов Поволжья / А. В. Алёшкин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1985. 182 с.
2. Беляев Г. В. От вечно живого корня / Г. В. Беляев. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1983. 192 с.
3. Ванюшев В. М. Расцвет и сближение. О типологии соотношения национального и интернационального в удмуртской и других младописьменных литературах / В. М. Ванюшев. Ижевск : Удмуртия, 1980. 252 с.
4. Васин К. К. Творческие взаимосвязи марийской литературы / К. К. Васин. Йошкар-Ола : Марий. кн. изд-во, 1969. 216 с.
5. Демин В. Н. Коми поэма / В. Н. Демин. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1978. 144 с.
6. Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / П. Домокош. Йошкар-Ола : Марий. кн. изд-во, 1993. 288 с.
7. Черапкин Н. И. Притоки / И. И. Черапкин. М. : Современник, 1973. 170 с.
8. Шётер И. Эстонский фольклор / И. Шётер. Таллин : Ээсти раамат, 1980. 280 с.

Поступила 11.08.2009 г.

УДК 821.511.152.1-13

А. М. Шаронов

A. M. Sharonov

О СВОЕОБРАЗИИ ЭРЗЯНСКОЙ ЭПИКО-ГЕРОИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

ABOUT THE UNIQUENESS OF THE ERZYA EPIC-HEROIC POETRY

Ключевые слова: эпос, героика, герой, миф, песня, Конь, Сокол, Сэняша, Миняша, Тюштян, Тюштянский век.

В статье рассматриваются становление и развитие эрзянской эпико-героической поэзии, сюжеты о Коне и Соколе, Сэняше и Миняше, Тюштяне.

Key words: epos, heroics, hero, myth, song, the Horse, the Falcon, Senyasha, Minyasha, Tyushtyan, Tyushtyan century.

The formation and development of Erzya epic-heroic poetry, plots about the Horse and the Falcon, Senyasha and Minyasha, Tyushtyan are considered in the article.

В фольклоре эрзянского народа большое место занимают произведения, содержащие признаки мифа, сказки и эпической песни. Древние по происхождению, они восходят к идеологическому и жанровому синкретизму устной поэзии. Этот синкретизм характерен для народной поэзии вообще на всех этапах ее исторического развития, но в позднейшие эпохи в связи с историзацией сознания певцов и сказителей принимает форму взаимодействия между различными жанрами. Основными

персонажами древности являются божества, мифологические существа и герои, борцы за народ, выразители его нравственных и социальных идеалов.

Становление героя занимает большой исторический период, так как обусловлено объективными причинами, экономическими и социальными процессами, протекавшими в первобытном и раннеклассовом коллективе. Произведением, отразившим процесс рождения героя, в эрзянском фольклоре является песенное сказание «Сэняша», получившее название по имени трехголового дракона. Сэняша обладает большой физической силой и, будучи женского рода, умеет обольщать парней («од церань маньямо»). Поэтому она опасный и коварный противник. На ее земли проникает молодой парень с саблей, застаёт ее спящей и отрубает ей две головы. Проснувшись и растерявшись от неожиданности змея на весь лес кричит от боли и страха и просит не рубить ей последнюю голову, обещая за это все свои богатства, сказочного коня и самую красивую из трех дочерей: «Хороший парень, тебя молю, добрый молодец, к тебе обращаюсь: не руби моей последней головы, не лишай меня последнего языка! Все добро свое я тебе отдам, коня-ветер тебе обещаю...» [16, с. 211]. Парень знает, что и без этого все достанется ему и убивает змею. В варианте песни «Сэняша» под названием «Миняша» изображается семиголовая змея. Миняша отправляется осматривать свой луг и родник, замечает следы парня и хочет достать его. Однако в пути устает, садится отдохнуть и засыпает. Парень застаёт ее спящей и отрубает ей вначале шесть голов, а потом — седьмую. Поведение Сэняши (растерянность, просьба пощадить ее за выкуп) свидетельствует о ее незрелости как врага человека, она еще не осознает себя им в полном смысле, и ее враждебность к нему заключается в родовой и видовой противоположности ему. На это указывает и то, что ее владения простираются не на эрзянской земле, а охватывают только луг, раскинувшийся среди леса: «Вай, сэрейть Миняшань пандонзо! Панднэде сэрейть Миняшань вирензэ. Виренть куншкасо Миняшань лугазо, Луганть куншкасо Миняшань лисьмазо. Пиже ленточка Миняшань лугазо» [11, с. 116] — «Ой, высокие у Миняши горы! Выше гор у Миняши леса. Посреди леса у Миняши луг, Посреди луга у Миняши родник. Зеленая лента у Миняши луг». Из этого факта следует вывод о том, что Сэняша и Миняша не являются этническими врагами эрзи как народа. Они владеют ничейной землей, небольшим лугом на лесной поляне. И только за то, что кто-то посмел заявиться на этот луг, принадлежащий ей, змея, она хочет наказать нарушителя ее покоя. Сэняша и Миняша — силы, враждебные людям, но не направленные против них, так как свою агрессивность в отношении человека проявляют лишь после его вторжения в их владения.

Эпический противник формируется параллельно с формированием образа эпического героя, будучи взаимосвязанным с ним. В данной песне он еще не определился, не принял необходимые для художественного персонажа содержательные и формальные очертания. Он только наметился, так же, как наметился герой. Однако, если герой развился в классический образ в царе Тюштяне и встал в один ряд с выдающимися персонажами мирового эпоса (Вяйнямейнен, Калевипоэг, Микула Селянинович, Илья Муромец и др.), то эпический противник в образе змеи в героическом эпосе эрзи не получил дальнейшего развития. Им стало не мифологическое фантастическое существо, а человек, имеющий временное и пространственное определение.

Конфликт между многоглавым драконом, фантастическим существом, и молодым парнем придает песне сказочный колорит, подобный тому, который присущ рус-

ским былинам о Вольге и о Добрыне и змее. Однако в русских былинах герои имеют этническую, историческую и географическую приуроченность, чего нет в эрзянской песне, что объясняется более ранним временем ее происхождением, в период распада первобытнообщинных отношений. А. И. Маскаев предположил, что песня о Сэняше могла быть героической песней присурских эрзян, так как в других местах неизвестна, а сложилась она уже в период оформившихся песенно-эпических традиций, переплетающихся в ней с эпическими традициями сказки и баллады. В Сэняше А. И. Маскаев видит олицетворение враждебных человеку сил природы или иноплеменного противника. Парень, убивающий Сэняшу, по его мнению, указывает на начало формирования образа эпического героя, борца за общенациональные интересы [6, с. 169 — 170]. В художественном образе олицетворяются не только люди, явления и мысли, но и чувства, ощущения и настроения, возникающие на подсознательном уровне. Поэтому о его содержании и о том, что он выражает, судить весьма трудно. Антропоморфность Сэняши-Миняши позволяет предполагать, что за ней создатели песни видели и людей, непонятный и чуждый им мир, в какой-то степени враждебный.

В песнях о Сэняше и Миняше красочно описывается окружающая природа, луг и лес, где происходит действие, свидетельствуя о высоком уровне поэтической фантазии создателей и исполнителей пороизведений, что было возможно на относительно зрелой стадии общественного развития.

Песня о Сэняше и безымянном парне, убивающем ее, сюжетно не развернута, не содержит информации о парне: кто он и откуда. Парень с неизвестной целью проникает во владения дракона и, не испытывая страха, вступает с ним в борьбу. Он появляется не просто как обыкновенный человек, а как некий сакраментальный боец, которому на роду написано быть победителем змеи. В этом отношении он похож на героя, выполняющего мироустроительную функцию, очищающего землю от врага, отнявшего ее у людей. Однако для того чтобы стать полноценным героем, ему нужно определиться этнически и социально, так как герой выражает и защищает интересы конкретного этноса с его социально-политическими тенденциями развития. Героизм парня в песне «Сэняша», убивающего змею, относится к так называемому раннему героизму, связанному с уничтожением мифологических существ. Наличие у Сэняши трех дочерей-красавиц и сказочного коня указывает на присутствие признаков антропоморфности в ее образе, на наличие в нем тенденции к развитию в сторону человека, к его социологизации, к слиянию с миром людей.

Сюжетом, предваряющим героико-эпическую поэзию, является также песня о споре Коня и Сокола о том, кому из них быть кормильцем народа и властителем страны [11, с. 29 — 31]. Спор выигрывает Конь, и на его долю выпадает почетная обязанность нести бремя забот о людях, об их благополучии. Миф в символической форме воспроизводит эпоху перехода от охоты к земледелию. Победа Коня, главной рабочей силы земледельца, над Соколом, олицетворявшим охоту, означает победу земледельческого уклада жизни над охотничьим как менее надежным и жестоким по отношению к живой природе. Сокол предстает в мифе как кровожадный хищник, питающийся мясом и кровью убиваемых им птиц. Конь же ест траву и пьет родниковую воду. Он — мирное животное, основное занятие которого — труд. Миф начинается повествованием с величественной картины. Среди бескрайнего поля возвышается холм. На холме растет белая береза. Под березой пасется белокопый Конь.

На макушке березы сидит ясный Сокол. Конь и Сокол затеяли спор. На краю земли стоит серебряный столб. К столбу прибито золотое кольцо. К кольцу привязана золотая лента. Кто первым успеет к серебряному столбу с золотым кольцом, решают они, тот будет властителем страны, кормильцем народа. Сокол полетел поздно вечером по высокому небу, под самыми звездами. Конь поскакал рано утром между гор и болот. Он первым примчался к серебряному столбу с золотым кольцом. На его вопрос, где летел проигравший спор Сокол, Сокол ответил, что он летел высоко по небу под частыми звездами. На пути ему встретилась журавлиная стая. Журавля, вожака стаи, он задушил и растерзал. Затем встретилась утиная стая. Он и старую утку задушил и растерзал. Потому не поспел к серебряному столбу. Сокола мало заботит судьба страны и народа, ему не присущи героические черты, им руководит случай и инстинкт хищника. Конь же, наоборот, всецело подчиняет себя поставленной цели, чтобы заслужить право быть кормильцем народа, властителем страны. Он выступает как герой, основной персонаж новой наступающей эпохи. Как герой Конь идеализируется, он во всех отношениях прекрасен: как серебряные чаши у него копыта, как ржаной сноп — хвост, как шелковая — грива, как вода переливается спина, как две свечи торчат уши, как молнии сверкают глаза.

В некоторых вариантах мифа предметом спора является вопрос, что величественнее — земля или небо. Где земля — место действия коня-пахаря, небо — сокола-охотника. То есть суть проблемы не меняется. А. В. Марков русскую песню о состязании Коня и Сокола считает заимствованной у эрзи, так как в эрзянском фольклоре песня на этот сюжет более распространена, чем в русском [5]. В пользу такого утверждения говорит и территория бытования русской песни — Поволжье и Курская область. По П. Г. Любомирову, бывшая Курская губерния была населена когда-то эрзянами или этнически близкими им племенами [4].

Параллельные сюжеты с одними и теми же персонажами являются результатом фольклорно-исторической типологии и культурного взаимодействия, когда у контактирующих сторон созревают социальные и духовные предпосылки для бытования близких по форме и содержанию произведений. Другой причиной может быть то обстоятельство, на которое указывает П. Г. Любомиров: родственная этническая среда, трансформировавшаяся в другую народность, но сохранившая некоторые элементы прежней культуры.

Миф о Коне и Соколе решает социально-мировоззренческую проблему, которая может созреть только в недрах данного общества и никак не может быть заимствованной у другого народа. Мировоззрение и образ жизни не заимствуются. Заимствуются сюжеты и мотивы, не затрагивающие основы национального бытия.

В песнях о Сэняше-Миняше и о Коне и Соколе мы видим ранний тип героического образа, в котором намечается мироустроительная функция.

Классический тип героического образа сформировался в песнях о царе Тюштяне, имеющем все основные признаки эпического героя: он сын земного человека и божества, демиург нового общества, царь, пользующийся покровительством богов. Героика его образа заключается в создании им эрзянской государственности, в ходе которого он проявляет свои незаурядные интеллектуальные, нравственные и физические данные. Тюштян упорядочивает жизнь народа на основах справедливости, меры, закона, отторгает ее от доисторического хаоса и стихийности. Помогает ему в этом великом деле верховный бог Инешкипаз и бог грома и дождя Пурьгинепаз,

поддерживающие с ним связь при помощи чудесных вестников: Белого Лебедя, Иненармунь (Великой Птицы), трех ласточек, Мекшавы (пчелиной матки), Черного Ворона. Тюштян имеет титул инязора (ине — «великий», азор — «хозяин», т. е. инязор — «великий хозяин»). Инязор — название высшей должности правителя народа, страны. Этот титул возникает с формированием государственности в рабовладельческо-феодальную эпоху и соответствует понятиям князь, царь. Тюштян — всенародно избранный правитель, олицетворяет народную идею о справедливом и мудром государе. В XVIII — XIX вв. в мифолого-эпический образ проникают некоторые признаки реальных русских царей, вследствие чего происходит частичная его деидеализация. Появление должности инязора как государственно-политического института указывает на относительно высокий уровень развития общественных отношений у эрзи, о зарождении объединительных тенденций среди эрзянских племен в конце I — начале II тыс. н. э.

Тюштян — основной эпический герой. До избрания царем он обыкновенный человек, после избрания получает качества богочеловека, способного творить чудеса, и перевоплощается в классического героя. В народном сознании он мыслится как реально существовавший царь. Его историчность подтверждается пространственно-географической атрибутикой: в песнях о нем действие происходит в бассейнах рек Ра (Волга), Сура, Ока, Мокша, Клязьма. На реальное существование Тюштяна указывают города Копарц, Владимир, Москва, Наровчат, в районах которых происходит действие, и его грозный противник — русский царь, иногда именуемый Иваном Грозным. Упоминание Грозного отчасти историзует время в эпосе. Однако в целом оно не обладает таким признаком и подразделяется на мифологическое время первотворения и эпическое время «Тюштянь пинге» («Век Тюштяна»). Темп времени и его длительность зависят от развития действия в сюжете и структуры пространства. Тюштян, как герой, не богатырь. Он — царь, богатырство — не его предназначение. Он призван организовать эрзянское общество, внести в него закон и порядок. Тюштян выполняет и воинские функции, иногда совершает богатырские подвиги, однако это в его образе второстепенное. Подобно героям классического эпоса Тюштян, выполнив свою миссию на земле, либо возносится на небо, либо уходит умирать в неведомое место по просьбе соплеменников. Окончание века Тюштяна также должно свидетельствовать о нем как об исторической фигуре.

Тюштян, изображаемый как исторический царь, обладает божественными свойствами: трижды в течение месяца меняет возраст: при новолунии — юноша, в полнолуние — зрелый муж, на исходе месяца старец; мановением руки останавливает течение рек; взмахом платка строит над водой мосты; как по суше скачет на коне по воде; живет неопределенно долго — несколько человеческих поколений; по окончании земной жизни возносится на небо [11]. Божественные и человеческие черты в Тюштяне обусловлены идеологией эпоса: земной царь есть отражение небесного царя.

Эволюция образа Тюштяна происходила от божества к земному правителю. Спускаясь с небес на землю, он приобретал человеческие свойства. В молениях, записанных в конце XIX — начале XX в. он изображается как царь, вознесшийся на небо и ставший божеством. В эпических песнях он преимущественно человек, имеющий божественное происхождение. Мотив божественного происхождения эрзянского царя развивается в песне о чудеснорожденном младенце: нового тюштяна от непорочного зачатия по воле Инешкипаза рождает 70-летняя вдова. У ее мальчика на лбу

солнце, на макушке месяц, на кончиках волос звезды. Став взрослым, сын вдовы прогоняет старого Тюштяна и становится царем [12, с. 248 — 251]. В мокшанской песне чудеснорожденного младенца, в колыбели матери говорящего о своем предназначении стать тюштяном, убивает правящий Тюштян, из чего следует, что божественное происхождение не всегда приводит к желаемой цели. Тюштян — классический эпический образ, типологически близкий Вяйнямейнену, Калевипоэгу, отчасти — Микуле Селяниновичу, Илье Муромцу. В своем развитии он прошел мифологическую, эпическую и историческую стадии. На мифологической стадии он божество, на эпической — богочеловек, на исторической — правитель с признаками реального царя. В сохранившихся мифах-песнях названные стадии перемешались, и Тюштян выступает как целостный образ в трех ипостасях.

Героический эпос эрзи формировался как многосюжетное и многогеройное повествование с циклизацией произведений вокруг имени того или иного персонажа, что содержало в себе предпосылки появления эпопеи с возможностью ее перевоплощения в книжную форму с возникновением необходимых условий для этого, а именно развитой письменной литературы и высокого уровня научных исследований по фольклору и истории народа. Первым опытом создания книжной формы героического эпоса является «Мордовская история» Т. Е. Завражнова и С. А. Ларионова, содержащая некоторые черты героического повествования.

«Масторава» (Саранск, 1994) есть авторская концепция аутентичного героического эпоса, созданная в соответствии с требованиями книжной (литературной) формы, к которой относятся произведения, написанные на основе подлинного фольклорного материала, мифов, песен и сказаний. Такого рода эпосы не есть возрождение в современных условиях древних фольклорных форм, они их литературные версии, изложенные на языке поэта, увиденные сквозь призму его мировидения и таланта. Как невозможно выдумать историческую эпоху, так невозможно сочинить эпос о прошлом, который всегда есть порождение конкретных событий и идей. Передаваясь изустно от поколения к поколению, он изменяется в языке и поэтической форме, а отчасти и в содержании. Смещение времен, перенесение эпохи Грозного в век Тюштяна, эпохи Золотой Орды в русских былинах в век Владимира Святославовича или наоборот — перенесение Тюштяна в век Грозного, Владимира Святославовича — в эпоху Золотой Орды свидетельствует об идеологической трансформации эпоса: новые социальные потрясения оказываются такими переломными, что укладываются в один ряд с процессами первотворения. Происходит «архаизация» настоящего для его предельной актуализации.

Время в героическом эпосе имеет постоянную величину — век Тюштяна. Но в этом замкнутом времени происходят события, образуя потоки движущегося времени, имеющего сюжетное измерение, которое может идти в любом направлении, вбирая в себя события разных эпох, меняя их местами. В идеальном мире, каковым является эпос, все субъективно: события, люди, время. Движение понятий и мыслей подчиняется другой логике, чем движение вещей. В русских былинах богатыри неизменно побеждают ордынцев, и тем не менее золотоордынская сила остается непобедимой. В эрзянском эпосе Тюштян всемогущ, пользуется помощью богов, однако бессилен перед русским царем. На подобного рода логические изломы способно только многослойное фольклорное мышление. Поэтому попытка того или иного автора, даже гениального, создать «народно-героический эпос» заведомо несостоятель-

на. Книжные эпосы типа «Калевалы», «Калевипоэга», «Масторавы» — плод глубочайших научных разысканий и талантливой поэтической идентификации, но не результат только литературной обработки.

Сюжеты, герои и события в эпических произведениях суть олицетворенные идеи и понятия, чувства и переживания, ставшие наиболее актуальными в народном сознании и поэтому передающие направление его развития. Сюжет заключает в себе квинтэссенцию исторически назревшей проблемы и способ ее разрешения, герои выступают как средство и орудие реализации проблемы, события показывают, как сюжет реализуется в действиях героев. Сюжет и составляющие его мотивы — «не только категория художественной формы». Как поэтическое явление сюжет есть «система развернутых в словесное действие метафор», выступающих «системой иносказаний основного образа» [14, с. 223]. В сюжетах обобщаются способы и формы разрешения конфликтов движущейся истории. Сюжет есть «концепция действительности, воплощенная в событиях, конфликтах, отношениях, в комплексе значений, явных и скрытых» [9, с. 148].

Собирание произведений героической поэзии эрзи берет начало в XIX в. Особенно интенсивно оно осуществлялось во второй его половине. В это время появились «Очерки мордвы» П. И. Мельникова-Печерского [7], воплотившие ее фольклорно-этнографический образ. В них изложены мифы о сотворении мира и человека, описаны наиболее важные божества: Чам-Пас, верховный бог нижегородских эрзян; Анге-Патяй, мать-богиня, жена Чам-Паса, богиня красоты; Пурьгинепаз, бог грома и дождя; Масторава, богиня эрзянской земли, и др.

В 1889 г. вышла в свет книга В. Н. Майнова «Остатки мордовской мифологии» [18], содержащая мифы об эрзянских божествах (Инешкипазе, Анге-Патяй, Пурьгинепазе, Мастораве, Ведяве и др.), о сотворении земли и человека, песни и сказания о царе Тюштяне. Информация об истории и художественной культуре эрзи содержится в историко-этнографическом очерке И. Н. Смирнова «Мордва» (1895) [10]. Неоценимый вклад в собирание и публикацию эрзянского эпоса внес финский ученый Х. Паасонен, совершивший в 1889 — 1890, 1898 — 1902 гг. поездки в эрзянское Поволжье. Им записаны героические мифы и песни о сотворении мира и человека, о брачных отношениях богов и людей, об избрании эрзянами инязора (царя) и его правлении. Материалы Х. Паасонена опубликованы в восьми книгах «Mordwinische Volksdichtung» [19] в 1938 — 1981 гг. Много текстов мифолого-эпического характера представлено в «Мордовском этнографическом сборнике» А. А. Шахматова (1910) [15], «Образцах мордовской народной словесности» (1882) (Вып. 1. Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии) [8], в сборнике М. Е. Евсевьева «Эрзянь морот» (1928) [3], составленном по результатам фольклорных экспедиций, в серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» (1963 — 1987) [11].

Теория эрзянского героического эпоса, принципы и методы изучения его сюжетов и текстов стали предметом всестороннего осмысления в трудах П. Домокоша («Формирование литератур малых уральских народов»), М. Dugantsy («Eposet Sijzjag»), А. И. Маскаева («Мордовская народная эпическая песня»), Н. Г. Юрченковой («Мифология в культурном сознании мордовского этноса»). Наиболее активным и плодотворным периодом в теоретическом осмыслении героического эпоса стала вторая половина XX — начало XXI в.

Вплоть до конца XX в. подходы к героическому эпосу не были определены. Наряду с аутентичным героическим эпосом некоторые литературоведы (А. В. Алешкин,

П. Домокош) относили к нему поэму В. К. Радаева «Сияжар» [1, с. 164; 2, с. 78]. Аналогичной точки зрения придерживалась М. Дуганчи, посвятившая этой поэме монографическое исследование [17]. В действительности «Сияжар» не является не только народным «героизированным» эпосом, но и его литературной версией, ибо не имеет с ним связи ни в сюжетах, ни в персонажах, ни в поэтике и эстетике. А. И. Маскаев среди эпических песен выделил «песни героического содержания» [6, с. 54 — 267], к которым отнес песни о борьбе человека со смертью, о построении города, о девушке Литове, становящейся женой божества, о борьбе с чудовищем и об избрании племенного вождя, песни об охотнике, рыболове и коне. Из них героическими, т. е. повествующими о мироустройстве, можно признать песни о Литове и о Тюште. До 2007 г., когда вышла в свет монография Е. А. Федосеевой, посвященная исследованию мифологии и книжных форм героического эпоса [13], космогонические сюжеты и герои вообще не подвергались анализу.

Литература и источники

1. **Алешкин А. В.** Эпос дружбы: (Типология жанра поэмы в литературе народов Поволжья) / А. В. Алешкин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1985. 184 с.
2. **Домокош П.** Является ли «Сияжар» третьим финно-угорским эпосом / П. Домокош // Аспект — 1989. Исследования по мордовской литературе. Саранск, 1989. С. 68 — 79.
3. **Евсеев М. Е.** Эрзянь морот / М. Е. Евсеев. М. : Центриздат, 1928. 186 с.
4. **Любомиров П. Г.** О важности изучения мордвы / П. Г. Любомиров // Саратовский этнографический сборник / под ред. проф. Б. М. Соколова и М. Т. Маркелова. Саратов, 1922. Вып. 1. С. 244 — 245.
5. **Марков А. В.** Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии в связи с вопросом о происхождении великорусского племени / А. В. Марков. Тифлис, 1914.
6. **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня / А. И. Маскаев. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1964. 440 с.
7. **Мельников П. И.** Очерки мордвы / П. И. Мельников. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. 136 с.
8. Образцы мордовской народной словесности. Вып. 1. Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии. Казань : Тип. губерн. правления, 1882. 232 с.
9. **Пугилов Б. Н.** Героический эпос и действительность / Б. Н. Пугилов. Л. : Наука, 1988. 226 с.
10. **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк / И. Н. Смирнов. Казань, 1895. 300 с.
11. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1. Эпические и лиро-эпические песни. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. 400 с.
12. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1. Кн. 2. Исторические песни XVI — XVIII веков. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1977. 352 с.
13. **Федосеева Е. А.** Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция / Е. А. Федосеева. Саранск, 2007. 212 с.
14. **Фрейденберг О. М.** Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. М. : Лабиринт, 1997. 448 с.
15. **Шахматов А. А.** Мордовский этнографический сборник / А. А. Шахматов. СПб., 1910. 848 с.
16. Эрзянь фольклор. Саранск, 1939.
17. **Dugantsy M.** Eposet Sijzjar / M. Dugantsy. Uppsala, 1999. 112 s.
18. **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine / W. Mainof // Journal de la societe Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889.
19. Mordwinische Volksdichtung. Gesammelt von H. Paasonen. Herausgegeben und ubersetzt von Paaavo Ravila. Helsinki, 1938 — 1981.

Поступила 04.08.2009 г.

УДК 398.3(470.341-22)(=511.152)

С. В. Пивкина

S. V. Pivkina

ВЕЛЕНЬ ОЗКС В ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДНОСТИ МОРДВЫ

VELEN OZKS IN TRADITIONAL RITUALISM OF MORDVINS

Ключевые слова: озкс, молян, кереметь, паз, жертва, старейшина, озатя, сборщики.

Дохристианские религиозные мордовские озксы-моляны, подобно религиозным праздникам многих других народов, ведут происхождение со времени первобытно-родового строя. Базой для возникновения мордовских озксов служили основные хозяйственные занятия мордвы, в первую очередь ее земледельческая деятельность. Озксы способствовали идеологическому сплочению общины, консолидации усилий на успешное выполнение ее хозяйственных и социальных функций.

Key words: ozks, molyan, keremet, paz, sacrifice, the elder, ozatyа, collectors.

Pre-Christian religious Mordovian ozks-molyans, like the religious holidays of many other peoples, had their origin in the time of primitive tribal system. The foundation for beginnings of Mordovian ozks was basic household occupations of the Mordvins and their agricultural activity first of all. Ozks made for the ideological rallying of the community, consolidation of efforts for the successful fulfillment of its economic and social functions.

В обрядовой поэзии мордвы большое значение имело почитание божеств — покровителей различных природных стихий, жилых и хозяйственных построек, держательниц земли, поля, леса. Чтобы привлечь к себе их благоволение, люди устраивали моления. Носителями традиционных обычаев и обрядов выступала чаще всего сельская община. Общинная народная традиция лежит в основе многих молений (*озксов*) мордвы. *Велень озкс* («сельское моление») был коллективным молением, и в нем участвовали все члены общины. П. И. Мельников выделяет у эрзян и мокшан пять видов молений: 1) общественные, волостные — эрз. *велень молян*, мокш. — *вель озкс* (буквально «мирское богомолье»); 2) деревенские — *пециона молян*; 3) полевые, совершаемые на полях — *пакся молян*; 4) совершаемые в домах — *кудо молян*; 5) совершаемые на кладбищах — *атят молян* («молебствие предкам») [8, с. 66]. При описании велень озкса П. И. Мельников отмечает, что пользовался запиской священника с. Сивухи, сведениями о быте и преданиях мордвы, доставленными из разных мест Императорскому Русскому Географическому Обществу следственным делом о Кузьке-боге и другими следственными делами. Кроме того, ему самому пришлось производить формальное следствие о мордовском общественном молении, проходившем в 1848 г. в Нижегородской губернии, когда свирепствовала холера. «Панический ужас распространился в народе. В городах и селах совершались молебствия, крестные ходы. Приготовляясь к смерти, и

старые и молодые говели, исповедовались и причащались. Июля 8-го, близ села Сарлей, в роще деревни Сескина, почти все население приобщилось св. тайне, а вечером в тот же день человек пятьдесят из причастившихся совершили в роще мордовский молян, принеся в жертву теленка, пиво, яичницы и проч.» [Там же].

П. И. Мельников дает подробное описание волостного моляна. Мирские старшины всех деревень известной волости, посоветовавшись между собой, отправлялись в числе пяти — шести человек к прявту (волостному голове) и стояли перед его домом с непокрытыми головами. Извещенный об их приходе прявт велел отворить ворота настежь, а сам становился среди двора у камня богини двора *кардо-сярко*. Подойдя к прявту, старики трижды кланялись ему молча, а потом говорили, что надо справить молян, назначить день моления и сделать нужные приготовления. Прявт, назначив пятницу, ближайшую к празднику в честь того божества, которому собирались молиться, шел к себе в избу и становился у печки. Вынув из загнетки уголь, он вздувал огонь и зажигал хранящийся у него священный штатол (восковую свечу), оставшийся от предыдущего моляна. Прежде, в язычество, горящий штатол прявт ставил на шестке печи, по принятии христианства начал зажигать его перед иконами. Старики повторяли свою просьбу с такими же поклонами, как и на дворе, и прявт, взяв в руку штатол, снова объявлял им, в какую пятницу надо совершить молян.

Старикам отводилась особая роль в проведении обрядов. Они были хранителями традиций всего этноса. «Часто именно старые люди, знающие молитвы, ход того или иного ритуала, выбирались руководителями общественных и семейных молянов, похоронных и поминальных церемоний, их приглашали для участия на свадьбе, в родинах и т. п. Главам обрядов (озкс атя, озкс баба) приписывались сверхъестественные способности. Они якобы знали язык богов, могли призвать и использовать потусторонние силы, управлять погодой, излечивать болезни или, наоборот, насыпать мор, эпидемии, пожары. Недаром на многих молениях старые люди, сидя на священных деревьях, изображали богов» [7, с. 77].

Моления проводились в наиболее важные моменты хозяйственной деятельности крестьян. Одним из самых торжественных, многолюдных и архаичных обрядов осеннего цикла был трехдневный праздник *велень озкс*. По-другому его называли *паронь пандома* («плата за добро»). Он проводился с целью отблагодарить богов за полученный урожай и добиться от них содействия в будущем. Готовились к озксу обстоятельно. Избирали *возатят* (руководителей), жрецов и их помощников, которые варили пиво и суп из мяса (*париндяит, янбедт*). Прежде чем начать сборы, «обсуждалось сколько надо собрать денег, хлеба, меду и прочих припасов для совершения моления и кому быть возатей. Каждому пивовару прявт давал по священной *парке* (кадке) для сбора муки и меду и каждому янбеду — по жертвенному ножу. После того сборщики расходились в три стороны, в каждую париндяит с янбедом, и на другой день начинали сбор продуктов.

С почитанием богов и предков тесно связаны такие обрядовые элементы, как дары и жертвы, среди которых пищевые продукты и блюда занимали значительное место. Как дар, так и жертва имели целью установление доброжелательных отношений между людьми или людьми и божествами. Жертвы приносились по принципу: я даю тебе, чтобы ты дал мне. П. И. Мельников отмечает, что в деревне, куда отправлялись сборщики, уже заблаговременно знали о дне, в который они приедут собирать, и женщины накануне делали приготовления. Шили три, четыре холщовых

мешочка и более и к ним пришивали по две длинные тесемки. В один мешок хозяйка насыпала фунт, два или более муки в зависимости от количества молельщиков на предстоящем моляне, в другой клала бурачок с медом, в третий — несколько гривен денег, в четвертый — бурачок с маслом, в пятый — бурачок с яйцами и т. д. Все приготовления делались только женщинами, мужчины в это время отсутствовали. К приходу сборщиков в домах было все готово к их встрече. «Когда янбед отворял избу, в ней горел штатол на шестке печи, перед которой стоял стол с мешками и мешочками. Перед ним становились замужние женщины семьи, задом к дверям; плечи и грудь у них по пояс были обнажены. Девушки стояли подле них также задом к двери, но не были обнажены. Париндяит и янбед, войдя в избу, останавливались у самой двери, один — держа палку, другой — жертвенный нож, и громко читали молитву Чам-пазу, Анге-патяй и Юргава-озаису. В это время старшая замужняя женщина брала обеими руками за тесемки мешок с мукой, закидывала его через голову назад, на голые свои плечи и, не оглядываясь, ибо нельзя было женщинам видеть в лицо сборщиков, пятилась задом к дверям. Когда она подходила к сборщикам, париндяит подставлял к ее спине священную парку, а янбед, взяв в одну руку мешок, другой рукой пять раз слегка колот ножом подошедшую в обнаженные плечи и спину, читая молитву, обращенную к Анге-патяй, а потом перерезывал тесемки; мешок падал в парку, а концы тесемок оставались в руках женщины. Она отходила к столу, не оглядываясь; за нею другая таким же образом подходила к сборщикам с другим мешком, третья с третьим и т. д. Если же в семье была одна замужняя женщина, она одна относила к сборщикам приготовленные мешки один за другим [8, с. 67 — 69].

Ритуальная нагота использовалась и в апотропеических обрядах, которые должны были защитить посеvy, людей, скот от какого-либо несчастья, болезни. Например, для сохранения здоровья, излечения от бесплодия и других недугов женщины нагими бегали по росистой траве в Духов день. Во время *таста озкс* («изгнание саранчи») две или три молодые девушки, изображавшие саранчу, должны были обнаженными прятаться в посевах. Нагими были и участники обряда опахивания (мокш. — *перьф керям*, эрз. — *пирь керямо*), совершаемого во время эпидемий [16, с. 92 — 93]. При посеве льна участники работ также не надевали штаны. Они просили Паксяву (богиню поля) уродить побольше льна — «на штаны» [10, с. 116]. Обнажение имело, видимо, продуцирующее значение: идея оплодотворения земли связывалась с плодovitостью самого человека, его воспроизводящими способностями. П. И. Мельников упоминает летописца Нестора, у которого есть описание подобного обычая [8, с. 70].

Собрав нужное количества хлеба, меда и прочих продуктов, париндяиты с янбедами привозили их к прявту, который выдавал им священные парки и приказывал варить пиво из собранного хлеба и делать *пуре* — сыченое медом пиво. Тогда же, назначив трех человек в *позанбунаведы*, давал им собранные деньги, на которые они покупали для принесения в жертву быка или овцу, или гусей и др., смотря по тому, по какому случаю назначался волостной молян и какому божеству хотели молиться. Позанбунаведы через восточные ворота кереметя вводили назначенное для жертвоприношения животное и привязывали его к одному из трех столбов (*терь-жигать*), находящихся у этих ворот: быка — к одному столбу, овцу — к другому и т. д. Потом животное проводили с одного конца керемети на другой и привязывали к одному из столбов *юба*. Позанбунаведы здесь закалывали его, спускали кровь в землю

под камень, снимали шкуру и, отнеся на восточную сторону, развешивали ее на тержигатях. В то время, как резали животное, янбеды проносили через северные ворота в священных парках воду, наливали ее в пивной котел, подвешенный под сарайчиком в поварне (*хорай-жигать*), и разводили под ним огонь, зажигая дрова священными штатолами. Тогда же *туросторы* по приказанию прявта прилепляли горящие штатола к задним сторонам парек, стоящих перед священным деревом. Очистив животное, вынув из него требуху и зарыв ее в яму под камень, позанбунаведы клали мясо в котел, где уже кипела вода, приготовленная янбедами. Животных закалывали практически на всех молянах. На мирских торжествах обычно забивали сразу несколько голов. Во всех случаях жертва должна была быть определенного цвета. Мордва Симбирской губернии в честь божества урожая Норов авы и божества поля Пакся авы резала обычно пестрого быка [2, с. 383].

Во время жертвоприношения нередко сдирали шкуру с живого животного. Считалось, что боги радуются, слыша голос предназначенной им жертвы [6, с. 574]. Жертвам воздавались всевозможные почести: животному кланялись в ноги, просили у него прощения и молили передать богам нужды людей. Некоторые исследователи полагают, что эти проявления свидетельствуют о существовании в далеком прошлом человеческих жертвоприношений. И. Н. Смирнов приводит молитву к Ведяве, в которой говорится: «На твое имя надо бы колоть двух баб, а мы режем двух овец» [14, с. 233]. Оставшиеся от принесенного в жертву животного рога, кости, копыта и прочее иногда сжигали на жертвенном огне по окончании пира, а иногда зарывали в землю на керемети.

Животных жертвовали и умершим предкам. Считалось, что они будут нужны в потустороннем мире. Жертвоприношения усопшим совершались в день похорон, в 40-дневные поминки или в годовщину смерти. Обычай закалывания животных существует у марийцев, удмуртов, чувашей. Например, марийцы закалывали курицу или петуха во время выноса гроба со двора [3, с. 53].

В качестве даров богам приносили и изделия из муки. Они составляли значительную часть пожертвований. Это были караваи, их куски и даже крошки. Париндяиты раскладывали по земле печеный хлеб. Полагали, что магические свойства обрядового хлеба перейдут на все и всех, кто получал его как часть ритуального каравае, поэтому каждый участник той или иной церемонии обязательно съедал освященный кусок. Мордва перед каждым приемом пищи обязательно вырезала из каравае *ознома пель*, предназначавшийся в жертву богам и предкам. И. Н. Смирнов сообщал: «На общественных и семейных озксах ознома пель вместе с другой едой кидали в огонь, чтобы он вместе с дымом поднялся к богам» [14, с. 6].

Яйца относились к числу распространенных пищевых даров. *Каишнгороды* готовили на печных заслонах «мирские яичницы». «Яичницы делались так называемые выпускные, или глазуньи, в каждом доме из стольких яиц, сколько людей было в семействе. Они приносились на сковородах, а сковороды лычными веревками привязывались к священным рычагам, укрепленным в ветвях священного дерева. Кроме того, на самом мольбище делались большие яичницы из яиц, собранных париндяитами и янбедами при обходе волости пред молянном. Большие, или мирские, яичницы делались на печных заслонах: их бывало не менее четырех... Возатя, взяв в руки заслон с мирскою яичницей и положив на него пирог с кашей, влезал, под священным деревом, на кадку, поставленную вверх дном, и кричал: „сакмеде!“, а потом, приказав всему народу кланяться, произносил молитву, подняв яичницу и пирог над голо-

вой: „Чам-паз, Нишке-паз, Свет-Вирь-Нешке-паз, помилуй нас, Анге-патяй-паз, матушка Пресвятая Богородица, умоли за нас, Анге-озаис, помилуй детей наших. Анге-патяй-паз, дай нам больше детей, хорони (сохрани) кур, гусей, уток. Анге-патяй-паз, матушка Пресвятая Богородица, Нишкенде-тейтерь, дай нам много пчел“. Проговорив эту молитву, возатя слезал с дерева и, взяв от мирской яичницы кусок, подходил к „хорай-жигати“ (поварне), становился возле нее на кадку, приказывал народу стать на колени, и, поднимая яичницу кверху, говорил: „Чама-паз, гляди, бери! Анге-патяй-паз, матушка Пресвятая Богородица, гляди, бери! Анге-озаис, гляди бери!“, и с этими словами бросал яичницу в огонь, а народ оставался на коленях и, кланяясь в землю на восток, к жертвенному огню, пел молитву. Дудники подыгрывали на дудах. Яичницы и пироги раздавались всем присутствовавшим на моляне; женщины, съев часть их, остальное уносили домой для маленьких детей» [8, с. 77].

Яйца служили дарами во время многих праздников и обрядов. Так, во время пожара богине ветра Вармаве жертвовали окрашенное в красный цвет яйцо. Таким образом старались задобрить ее, чтобы ветер не раздувал огонь [2, с. 487]. Крашеные яйца давали колядовавшим, их раздавали во время пасхальных праздников, до сих пор яйца и яичницу носят на кладбище во время общих поминок. Яйца использовали и в обрядах, посвященных началу посевных работ. Их клали на стол во время домашнего моляна, проводившегося перед севом. Хозяин просил богов, чтобы колосья были такими же полными, как желтки яиц. После этого их куски распределялись между всеми членами семьи. Яйца употреблялись и во время женских братчин. Яичницу готовили в последний день Пасхальной недели, когда провожали Пасху. Как средство продуцирующей магии яйцо использовалось у многих народов. Так, марийскую невесту перед свадьбой родственницы и соседки угощали яичницей [1, с. 68]. У коми всем пришедшим на свадебный пир сваха раздавала яйца [11, с. 93]. Русские, чтобы роды прошли благополучно, окатывали роженицу водой, которой предварительно обмывали яйца [5, с. 141].

Каша также являлась непременно блюдом всех ритуальных трапез эрзи и мокши. Обычно на озксах при обращении к богам просили даровать столько добра и богатства молящимся, сколько крупинок или зерен в горшке с кашей. Каша была главным блюдом на специальном женском молении — *бабань каша*. Обрядовую кашу в качестве жертвы богам зарывали в землю, бросали в воду, клали в дупло или вешали в лукошко на священные деревья. Мордовское население Городищенского уезда Пензенской губернии считало, что чем выше подвесить это лукошко, тем выше вырастут хлеба. Саратовская мордва, обращаясь к богам, просила: «На какую высоту я подниму горшок с кашей, на такую высоту пусть вырастет просо» [15, с. 134]. Большую роль играла каша и в обрядовой культуре других народов. Так, у марийцев овсяная и ячменная каши являлись обязательным блюдом во время праздника урожая. А на молян, проводившийся по случаю засухи, варили ржаную крупу [13, с. 110].

Причины обрядового употребления каши объясняли по-разному. Ф. В. Плесовский считал кашу воплощением жизненного начала, из-за чего, по его мнению, она использовалась как магическое средство для обеспечения плодovitости [11, с. 145 — 146].

В состав жертвенных блюд обязательно входили напитки. У мордвы есть даже праздники, в названии которых присутствует наименование напитка: *авань поза* («женский квас»), *авань брага* («женская брага»), *авань пуре* («женское пуре»), *атянь пуре* («пуре стариков»). В день моляна париндяиты расставляли под священным дубом или липой парки и наливали в них пуре и пиво. Два или три бочонка пуре перво-

го сула ставили под священным деревом по сторонам опрокинутой вверх дном кадки, или иным образом сделанного возвышения, на которое впоследствии, при совершении обряда, становился возатя. По одну сторону этого возвышения (обыкновенно стол или опрокинутая вверх дном кадка) ставился бочонок с пуре — *государева бочка*, т. е. жертва, приносимая за благоденствие государя. По другую сторону бочонок с сулом — *мирская бочка*, приносимая в жертву за всех людей. После коленопреклоненного чтения молитв, где смешались названия языческих богов с христианскими, совершалось жертвоприношение — *вознапалом*.

Ознома пель, как правило, вырезал руководитель моления. «Возатя, сойдя с своего возвышения, брал священный ковш из рук прявта и, положив в него хлеба и соли, подходил к котлу, где варилось мясо. Взяв у одного из янбедов жертвенный нож, он отрезал кусок мяса и язык животного и клал в тот же ковш. Затем, стоя подле „хорай-жигати“, на возвышении поднимал ковш к небу и кричал: „Чам-паз, гляди, бери! Назаром-паз, гляди, бери!“ и т. д., пересчитывая божества одно за другим и к имени каждого прибавляя „гляди, бери!“ Во время этого все предстоящие, обратясь к востоку, где стоял возатя, стояли молча, поднимая руки к небу. Кончив возношение жертвы, возатя все, что было у него в ковше, бросал в огонь. При этом все молельщики становились на колени, обратясь к огню, в „хорай-жигати“, и долго, пока не сгорит жертвенное подношение, молились, то поднимая руки к небу, то отпуская их вниз и призывая Чам-паза и других богов. Возатя с янбедами стояли у огня, наблюдая, как горят мясо, хлеб и соль, туда брошенные. Когда все сторало, он взлезал опять на возвышение у священного дерева и три раза кричал на три стороны: „сакмеде!“ Все умолкало. И начиналась вторая часть жертвоприношения. В жертву приносились „государева бочка“, „мирская бочка“, и, если была, „бочка за начальство“. После принесения каждого бочонка, возатя, приняв священный ковш от прявта, черпал пуре, отойдя к жертвенному огню, становился на кадку и, поднимая ковш вверх, кричал: „Чам-паз! гляди, бери!“ и т. д. Затем выливал пуре на огонь, а народ, обратясь на восток, стоя на коленях и поднимая глаза и руки к небу, пел молитву, произнесенную возатей. С таким же обрядом приносилось в жертву пиво из второго и третьего бочонков. Затем разливали пиво и пуре по паркам, кадкам, буракам и в них разносили по домам. Когда пуре и пиво разбирались, один из париндяитов становился с ковшом на дверь, стоявшие подле поднимали ее, а париндяит, держа в правой руке длинный еловый кол, а в левой ковш, кричал: „дур-дур-дур паре Мастор-паз“, то есть: „вот, вот, вот ковш Мастор-паза“ (бога, сидящего внутри земли и дающего земле силу плодородия), и затем, набрав полон рот пуре, брызгал им в народ на три стороны. Это делалось для того, чтобы был хороший урожай хлеба» [8, с. 73 — 74]. Практически на каждый праздник мордва готовила пуре и брагу. Их пили участники церемонии, часть отделяли богам, выливая на землю около священных деревьев или в воду, а во время домашних молений — под порог двери. Во время многих обрядов проводилось магическое действие — обливание людей, животных, посевов ритуальными напитками. Руководитель моления, которое происходило после окончания сева, обрызгивал собравшихся пуре, сидя на дереве [9, с. 827]. Таким способом старались обеспечить здоровье и плодovitость животных и людей, а также урожайность полей.

Продуцирующую «силу» пива широко использовали на свадьбе. Закваску от свадебного пуре никому не давали из-за опасения сделать невесту бесплодной. Ее выливали в укромное место, приглашая для этого несколько уважаемых стариков [4, с. 314]. Пиво и брагу до сих пор готовят на семейные поминки и в дни поминовения всех

родственников. Их носят на кладбище, льют на могилы, «угощая» таким образом покойных. Напитки эти готовили и марийцы. Так, на Кугечэ (марийская Пасха) парни поили женщин, особенно молодущек, пивом из «ковша деторождения», желая им большого потомства [12, с. 70].

Жертвенное пиво в первую очередь выливалось на священные деревья, на их корни. В. Майнов отмечает, что «в ходе обрядовой церемонии пищевая жертва, как правило, съедалась ее участниками, а боги получали лишь часть ее. Божью долю (ознома пель) составляли обычно горбушка хлеба или часть его крошки, куски жертвенных блюд, а также кости, голова, хвост, шкура животного и его кровь. Жертвы вешали в специальном кузовке на ветви почитаемого дерева, зарывали в землю, бросали в реку или сжигали. Особенно тщательно уничтожались кости жертвенных животных, чтобы никто (ни человек, ни зверь) не мог их достать. Считалось, что в противном случае умрет кто-то из участников моления» [16, с. 125].

Описывая сельское моление, П. И. Мельников упоминает о жертвенных священных песнях — *пазморот*. «Из девок для пения жертвенной песни *позморо* выбирались владеющие громкими, сильными голосами; они выходили на середину мольбища по призыву туростора. Затем он кричал: „пулама!“ (пувамо) (то есть пузырь); на этот зов являлись дудники, и пение *позморо* начиналось» [8, с. 79]. Это делалось с целью отблагодарить богов и добиться от них содействия в будущем.

Литература

1. Багин С. Свадебные обряды и обычаи вотяков Казанского уезда / С. Багин // Этногр. обозрение. 1897. № 2.
2. Бутузов Ф. Верования и культ мордвы (эрзи) села Сабанчеево Алатырского уезда Симбирской губернии / Ф. Бутузов // ИОАИЭ. Казань, 1893.
3. Васильев В. М. Верования и обряды мари / В. М. Васильев // ИОАИЭ. Казань, 1920.
4. Евсеев М. Е. Избр. тр. Т. 5. Историко-этнографические исследования / М. Е. Евсеев. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1966. 552 с.
5. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. М., 1991. 522 с.
6. Иванцев С. Из быта мордвы деревни Дюрки Паранеевской волости Алатырского уезда Симбирской губернии / С. Иванцев // ИОАИЭ. Казань, 1893.
7. Корнишина Г. А. Традиционная обрядовая культура мордвы : учеб. пособие / Г. А. Корнишина. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 116 с.
8. Мельников П. И. Очерки мордвы / П. И. Мельников. Саранск, 1981.
9. Милькович К. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Тамбовские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 12.
10. Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы / Н. Ф. Мокшин. Саранск, 1998. 248 с.
11. Плесовский Ф. В. Свадьба народов коми / Ф. В. Плесовский. Сыктывкар, 1968. 198 с.
12. Попов Н. С. Марийский народный праздник «Кугечэ» / Н. С. Попов // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов. Йошкар-Ола, 1981.
13. Сепеев Г. А. Традиционная пища луговых марийцев / Г. А. Сепеев // Материальная и духовная культура марийцев. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1981.
14. Смирнов И. Н. Мордва / И. Н. Смирнов. Казань, 1895. 300 с.
15. Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник / А. А. Шахматов. СПб., 1910. 315 с.
16. Mainof W. Les restes de la mythologie Mordwine / W. Mainof // Journal de la societe Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889.

Поступила 14.09.2009 г.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2:338.124.4

Е. Н. Бикейкин, А. В. Захаров
E. N. Bikejkin, A. V. Zakharov

СТАБИЛЬНОСТЬ И КРИЗИС КАК СОСТОЯНИЯ В РАЗВИТИИ СИСТЕМ

STABILITY AND THE CRISIS AS STATES IN THE SYSTEMS DEVELOPMENT

Ключевые слова: кризис, стабильность, системный подход, общая теория систем, динамические системы, точка бифуркации.

Статья посвящена актуальной проблеме анализа стабильности и кризиса как равноправных и взаимозависимых состояний динамических систем (в том числе социальных, техногенных и антропогенных). Особое внимание обращено на анализ общественных кризисов в рамках общей теории систем.

Key words: the crisis, stability, system approach, the general systems theory, dynamic systems, the point of bifurcation.

The article is devoted to the relevant problem of the analysis of stability and the crisis as equal and interdependent states of dynamic systems (including social, technogenic and anthropogenic ones). Special attention is paid to the analysis of the public crises in the context of the general systems theory.

Исследование кризисов, рисков, конфликтов, катастроф становится все более и более актуальным в современных условиях, причем практически во всех сферах человеческой жизни: от экономических исследований до исследований природных и антропогенных катастроф. На наш взгляд, одним из перспективных подходов в таких исследованиях является системный, когда объектом исследований является динамическая система. Выгоды такого подхода обуславливаются разработанностью его категориально-понятийного аппарата, готовыми разработками кризисных исследований высокого уровня абстракции, логичностью и последовательностью анализа. Основной объект подобных научных исследований — различные типы систем, их иерархия, принципы классификации, характер их целостности, структуры. Категории элементов и системы, целого и части, структуры относятся к числу тех философских категорий, которые выдвигают на передний план сами процессы развития. Они формируются в недрах частных наук, удовлетворяя потребности их развития, но в своем применении выходят далеко за пределы любой отдельной науки. Философский ана-

лиз этих категорий имеет большое значение для конкретных научных и технических разработок, для развития моделирования, для решения проблем кризисных ситуаций и безопасности или выживания человека.

Главным свойством системы является включенность элементов в систему. Сама целостность системы определяется изнутри взаимодействием ее членов, сил и процессов. В любой из этих динамических систем протекают взаимно влияющие друг на друга процессы, составляющие структуру данной системы и обуславливающие общее сложное движение целого. Динамические системы всегда возникают в результате какого-либо процесса: например, комплексные молекулы — в результате химического процесса синтеза, итоги выборов — в результате политической борьбы, пожар — в результате действия природных и антропогенных факторов. С другой стороны, уже возникшие динамические системы определяют новые процессы: атомы — химические реакции, свободные рыночные отношения — потребность в дешевом и удобном кредите, возможность чрезвычайных происшествий и ситуаций — возникновение специальных служб по борьбе с их последствиями и их предупреждению.

Различаются относительно самостоятельные естественные динамические системы и искусственные, сконструированные человеком. Последние не являются ни естественными, ни самостоятельными образованиями, если они замыкаются на человеке, который их эксплуатирует; в данном случае речь идет об эргатических системах. Особое место занимают социальные системы, в которых речь идет о политике, экономике, культуре, демографии и т. д. Социальные системы полностью сконструировать невозможно, все попытки такого рода заканчивались фиаско. В таком случае речь идет о насильственном установлении каких-либо режимов, репрессиях, диктате, самоуправстве, беззаконии, силовом давлении с целью достижения сконструированных моделей, утопий, мифов, ошибочных решений против воли подавляющего числа населения и разумного подхода к социальным явлениям. Но и полностью свободных от искусственности социальных моделей не бывает. Социальные динамические системы располагаются между естественными и искусственными. Занимая промежуточное положение, социальные системы втягивают в свою орбиту и ряд других систем, как природных, так и технических. Так возникают понятия ноосферы, техносферы, экосферы и т. д. Иначе говоря, например, техносфера приобретает относительно самостоятельный статус системы, поскольку порождает относительно самостоятельные образования [2].

Стабильность для динамических систем — одно из основных их проявлений. Наиболее стабильными оказываются в природе не самые большие образования; они также не являются высшими образованиями. Примером может служить космос как целое: он построен из немногих динамических основных моментов. Земля по сравнению с космосом исчезающе малая по своим размерам, имеет более сложную структуру. На ее поверхности существуют высокоорганизованные системы еще гораздо более малого порядка величины. Наименьшие по размерам системы — атомное ядро — имеют высокую стабильность, но они не являются поэтому высшими системами. Высшие формы природы — системы среднего порядка величины, живые существа, которые, однако, уже нельзя определять только как динамические системы. Уже из изложенного видно, что в природе существует своеобразная иерархичность систем. Иерархичность состоит в том, что системы являются не только простыми системами, но также сложными системами систем: их элементы сами являются

системами низшего порядка, и наоборот, низшие системы составляют элементы высших систем. Внешние силы меньших систем выступают одновременно внутренними силами больших систем, по существу — их строительным моментом. Системы, в которых внешние силы их элементов не были бы гармонично включены в целое, не были бы стабильными.

Устойчивость динамических систем зависит от перевеса внутренних сил над внешними. Даже внешняя форма этих образований определяется их внутренним сопротивлением внешним воздействиям и сохраняется, несмотря на деформирующие влияния. Динамическая система разрушается только тогда, когда освобождаются внутренние силы или когда внешние силы превосходят внутренние силы. В общем, сохранение динамических систем происходит не на основе инертного постоянства энергии, не за счет неизменного равновесия, а на основе динамического подвижного равновесия, внутреннего выравнивания процессов и сил, т. е. за счет саморегуляции, хотя и автоматической [6, с. 193].

Категория целостности в результате своего применения в истории науки стала многозначной категорией, имеющей разные наслоения, в том числе мистического характера. Может быть, в этом и есть определенный смысл. Однако нам важно выделить эту категорию лишь для того, чтобы сопоставить ее с категорией системы, а также подчеркнуть, что в целостности действует особая форма детерминации, высшая по отношению к другим ее формам. Эта форма, или тип, детерминации радикально отличает категорию динамической системы от категории общего взаимодействия. Необходимо подчеркнуть еще одну важную деталь при подходе к динамическим системам. Если мы упоминали о противоположных системах — естественной и искусственной — и промежуточной — социальной, то это не означает, что в реальности сегодня можно выделить такие три вида динамических систем с лабораторной чистотой, да еще при анализе любой ситуации. Как правило, в современном мире мы наблюдаем смешанные системы, сочетающие в себе элементы естественных, искусственных и социальных систем.

Уже развитие кибернетики выдвинуло новые требования, новые принципы классификации систем. По-новому ставится проблема и в бионике, медицине при создании искусственных органов и их вживления в организм. Особое значение приобретает система «человек—машина» и связанные с ней системы «человек—ноосфера», «человек—техносфера», эргатическая система. Более того, сегодня все большую роль начинает играть система «наука—техника—искусство». Но эти сложные системы — не просто сложны, они еще и неустойчивы, открыты, диссипативны. В изучении таких систем большую роль сыграли идеи И. Пригожина, согласно которому все системы содержат подсистемы, которые постоянно флуктуируют. Иногда отдельная флуктуация или комбинация может стать — в результате положительной обратной связи — настолько сильной, что существовавшая прежде организация не выдерживает и разрушается. В этот переломный момент — который И. Пригожин называет особой точкой, или точкой бифуркации, — принципиально невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности или организации [4, с. 216].

Вместе с тем последние достижения в области компьютерной технологии позволяют ставить вопрос о предсказании в момент бифуркации. Если перенести поня-

тие бифуркации в область общественных наук, то речь будет идти о ключевых моментах истории, переходных периодах, кризисах, катастрофах. Понятно, что разработанные И. Пригожиным идеи представляют значительный интерес, тем более, что речь идет отнюдь не об абстрактном значении философии в современном мире, что особенно наглядно выявляется при изучении взаимоотношений естествоиспытателей и философов.

В общем виде теоретические основы теории точек бифуркации применительно к общественным наукам можно представить следующим образом. Системы постоянно испытывают давление со стороны окружающей среды. Как правило, преодолевать это давление они могут только за счет энергии (либо вырабатываемой самой системой, либо получаемой извне). Жизнеспособная система вырабатывает количество энергии, необходимое для преодоления этого давления, либо немного большее (в этом случае появляются резервы для развития). Однако надо учитывать, что при избытке энергии, также как и при ее недостатке, происходит разрушение системы. При равенстве потраченной и полученной энергии говорят о равновесной системе.

Однако системы существуют и во временном потоке, и с течением времени накапливаются как противоречия внутри систем, так и несоответствие свойств системы окружающей среде. Если не происходит постоянного изменения, приспособления системы к окружающим условиям, с течением времени накапливается угроза кризиса. То есть системе, чтобы прийти в равновесие с внешней средой, необходимо быстро и качественно измениться. Существует несколько возможных исходов. В первом случае не способная к изменениям система полностью разрушается. Изменяться система может двояким образом: 1) повысить количество вырабатываемой и используемой энергии (обычно это происходит или из внешних источников, или путем усложнения системы); 2) путем траты энергии, накопленной в предыдущее время [1].

В настоящее время наиболее адекватным, на наш взгляд, определением является следующее: кризис — тяжелое переходное состояние, ведущее или к гибели какой-либо системы, ее разрушению (негативный исход), или к переходу в качественно новое состояние, характеризующееся более высоким уровнем устойчивости (позитивный исход).

Характеризуя общие закономерности динамики систем, И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают: «Траектория, по которой эволюционирует система при изменении управляющего параметра, характеризуется чередованием устойчивых областей вблизи точек бифуркаций, где перед системой открывается возможность выбора одного или нескольких вариантов будущего» [5, с. 227 — 228].

На наш взгляд, при определении причин перехода социальной системы в кризисное состояние важно органическое единство внутреннего и внешнего аспектов, которые связаны с необходимостью адаптации к новым условиям. Процесс адаптации представляет собой перестройку структуры и функций социальной системы таким образом, чтобы была обеспечена ее целостность. Т. Парсонс, разработавший теорию социального действия, исходит из того, что социальная система характеризуется четырьмя функциональными требованиями: воспроизводство сложившихся форм, интеграция составляющих ее подсистем, достижение цели, адаптация. Развитие системы в сторону повышения энтропии может начаться с утраты ею одной из своих функций. По мнению ученого, весьма важной здесь является функция адаптации, отражающая гибкость системы. Ее Т. Парсонс определяет как

«процесс, в результате которого социальные единицы обретают больший выбор ресурсов, высвобождаясь в своем функционировании от некоторых ограничений, присущих их предшественникам» [3, с. 44].

Противоположным кризисному развитию является системная стабильность. Само понятие стабильность предполагает признание некоторой целостности, нерушимости системы, что, конечно, не исключает ее развития, изменения, допускающего предсказуемость, определенность, возможность ее регулирования. Иными словами, в объекте могут происходить изменения, саморегуляция, но объект остается устойчивым и неизменным как целостность.

Таким образом, воспринимая общество как динамическую систему, кризисы и катастрофы предстают теми самыми точками бифуркации, которые разграничивают стабильные, устойчивые состояния системы (природной, социальной, технической). Однако нельзя не учитывать тот факт, что кризис не протекает линейно и упорядоченно, в ее развитии есть «островки стабильности», так называемые аттракторы. Это можно представить следующим образом: за счет потраченной энергии система на какое-то время приобретает устойчивость и стабильность, однако при дальнейших изменениях обрушивается на уровень ниже.

Таким образом, дихотомия «напряженность — стабильность» общей теории систем сохраняется как важная проблема всех более или менее значительных теоретических построений в области изучения кризисов и катастроф. На наш взгляд, необходимо учитывать диалектическую взаимосвязь этих понятий при анализе какого-либо кризисного процесса, т. е. не может быть как абсолютно стабильной системы (обязательно есть какие-либо внутренние или внешние напряжения, предпосылки к развитию кризиса), так и абсолютно кризисной системы (в большинстве случаев сохраняются как островки стабильности, так и предпосылки для стабилизации системы). Также необходимо учитывать, что кризис как точка бифуркации представляет собой момент резкого повышения степени свободы системы и дает определенные шансы на повышение стабильности системы путем выхода на качественно иной уровень. В случае систем, тесно связанных с антропогенным фактором (социальных и антропогенных), решающую роль играют своевременные и продуманные действия по преодолению кризиса.

Литература

1. **Арнольд В. И.** Теория катастроф / В. И. Арнольд. М., 1990. 126 с.
2. **Добронравова И. С.** Динамический хаос в социуме как среда социальной самоорганизации / И. С. Добронравова, Л. С. Финкель. URL: www.synergetics.org.ua
3. **Парсонс Т.** Система современных обществ / Т. Парсонс. М., 1995.
4. **Пригожин И.** От существующего к возникающему / И. Пригожин. М., 1985.
5. **Пригожин И.** Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. М., 1986.
6. **Рачков В. П.** Человек в современном технизированном обществе: проблемы безопасности развития / В. П. Рачков, Г. А. Новичкова, Е. Н. Федина. М., 2003.

Поступила 07.09.2009 г.

УДК 130.2:378(470.345)

Г. А. Куршева

G. A. Kursheva

СТАНОВЛЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОРДОВИИ И КУЛЬТУРА РЕЧИ*

FORMATION OF PEDAGOGICAL EDUCATION IN MORDOVIA AND STANDARD OF SPEECH*

Ключевые слова: культура речи, грамотность, система образования, подготовка учителей, педагогическое образование.

В статье рассматриваются вопросы культуры речи в условиях становления педагогического образования в Мордовии.

Key words: standard of speech, literacy, education system, teachers training, pedagogical education.

Problems of the standard of speech under the conditions of the pedagogical education formation in Mordovia are considered in the article.

Одной из составляющих культуры является культура речевого общения. Под понятием «культура речи» традиционно подразумевают отрасль языкознания, в которой устанавливаются и обосновываются нормы устного и письменного языка. «Культура речи в лингвистическом понимании имеет две ступени — **правильность** речи и речевое **мастерство**: уместность, точность, выразительность, чистота, оригинальность. По культуре речи определяют уровень образованности, культуры человека. В основе культурно-речевого выбора лежит синонимика: лексическая, фразеологическая, грамматическая» [3, с. 116]. В содержание понятия «культура речи» входит также соблюдение норм литературного языка, умение личности передавать свои мысли в соответствии с назначением и целью высказывания правильно, логично, выразительно. Это понятие достаточно многогранно и имеет большое количество составляющих.

Вопросы культуры речи привлекали внимание ученых с давних пор. Исторический фактор четко прослеживается в культуре речи. Оформлялись ее функции, накапливался опыт, возникали споры и дискуссии, языковой аспект культуры речи определялся стабилизацией литературного языка.

Становление литературного языка породило понятие и правила нормы: в области произношения, словообразования, словоупотребления, формообразования (морфология), сочетания слов и их связи в предложении. В культуре речи как отрасли языкознания М. Р. Львов выделяет три уровня [4, с. 65 — 66]:

* Статья подготовлена в рамках конкурса РГНФ «Волжские земли в истории и культуре России», проект № 08-01-23102 а/В.

1. Практический уровень для всех и каждого носителя языка — владение нормами устного и письменного вариантов языка.

2. Умение использовать выразительные средства языка в различных ситуациях в соответствии с целями говорящего, умение выбрать стилистический ключ для ситуации, жанра речи, характера контакта. Эстетический аспект культуры речи не менее важен, чем нормативный.

3. Предположения научных решений на основе изучения литературных текстов о допустимости той или иной формы, того или иного значения слова.

Мы рассматриваем первый уровень, т. е. владение нормами устного и письменного варианта языка.

После 1917 г. в российской системе образования произошли коренные изменения. Были упразднены учебные округа, дирекция и инспекции начальных народных училищ, школа отделена от церкви, закрыты духовные учебные заведения. Руководство образованием было передано в ведение Наркомпроса и его органов на местах (губоно). В 1917 — 1934 гг. функционировала единая трудовая школа, состоявшая из школ 1-й (для детей 8 — 11 лет) и 2-й (12 — 14 и 15 — 16 лет) ступеней. Значительное внимание уделялось национальным школам. В Наркомпросе был создан Совет по просвещению национальных меньшинств (Совнацмен), при котором с 1919 г. действовало Мордовское бюро, выполнявшее организационно-педагогические задачи по созданию мордовских школ, других образовательных учреждений и подготовке национального учительства на территории РСФСР.

Просветительные функции возлагались и на Мордовский отдел Наркомпроса. В организации школьного дела важную роль сыграли всероссийские съезды мордовских учителей, которые проходили в Москве в 1924 — 1925 гг., и конференции по просвещению мордвы. В республике был взят курс на ликвидацию неграмотности населения, обеспечение всеобщего начального обучения и расширение неполного среднего образования. Для подготовки учителей родного языка и литературы были организованы педтехникумы в Инсаре, Краснослабодске, Ардатове, Саранске; для мордовских школ — в Мачкассах, Малом Толкае; для смешанных школ — в Лукоянове; для татарских — в Лямбуре. В повышении квалификации важную роль сыграли Центральные курсы повышения квалификации мордовских учителей, проходившие в Москве в 1926 — 1928 гг. Сеть таких курсов была организована во многих губерниях и уездах. В 1928 г. открылся Мордовский рабочий факультет [5, с. 56 — 57]. Но культура речи была еще невысокой, что было обусловлено как уровнем преподавания, так и составом педагогов.

Данная проблема была поднята на первом республиканском совещании словесников, которое проходило в Саранске 11 — 13 января 1936 г. На совещании с докладом «О повышении грамотности» выступил заместитель наркома по просвещению Мордовской АССР И. С. Лавров. В докладе анализируется состояние грамотности в школах Мордовии. Силами Наркомпроса республики было проведено выборочное обследование состояния грамотности в школах, полученные результаты были сопоставлены с показателями по РСФСР. Результаты оказались неутешительными, что и отметил докладчик: «Надо прямо сказать, что в отношении грамотности наши школы отстают как по русскому языку, так и по эрзянскому и мокшанскому языкам... По приведенным показателям можно утверждать, что наши школы по состоянию грамотности далеко отстают от уровня современных требований и в них царствует безграмотность» [6, с. 5].

Основной причиной неутешительных результатов называлась низкая грамотность учителей. Указывалось, что плакаты, лозунги, стенные газеты не содержат ни точек, ни запятых. Учителя в контрольных работах сами допускают ошибки. «В школе № 1 допускались ошибки в расписании, которые висят на стенке, имеются ошибки в приказах, которые подписаны директором Иваницкой. При чтении ученики делают массу ошибок, но учительница этого не замечает. Степень грамотности такова, что приводит к убеждению, что наши требования о ликвидации безграмотности среди учащихся навряд ли будут выполнены, если немедленно не ликвидировать в первую очередь безграмотность самого учителя» [Там же, с. 7].

Основные претензии высказывались в адрес учителей-предметников. «Беззаботность самих учителей относительно своей грамотности. При всем желании они не могут добиться от своих учеников грамотного письма, если сами писать без ошибок не могут и имеют к тому же безобразную каллиграфию и если пишут на доске, то нечего разобрать нельзя. Преподаватели математики и физики, надо прямо сказать, пишут сравнительно лучше, а что касается биологов, химиков и т. д., то они пишут безобразно, не борются за свою каллиграфию, и ученики берут с них пример» [Там же, с. 16].

Особенности мордовских языков накладывали отпечаток на овладение грамотностью. В мокшанских и эрзянских школах недостатком выступало то, что перевод делался механически, и если в русском тексте было 20 слов, то старались переводить так, чтобы в переводе было такое же количество слов. Мало обращалось внимания на содержание и стиль статьи [Там же, с. 7]. Уровень грамотности в национальных школах находился на порядок ниже, хотя были разработаны специальные программы для преподавания мокшанского и эрзянского языков в начальной и средней школе. Причем в эти программы включались объяснительные записки, в которых предлагались методические разработки для помощи в преподавании. В докладе подчеркивалось, что необходимо обмениваться положительным опытом: «А между тем не плохо было бы взять хороший опыт у школ, которые его имеют, поехать в ту школу, где есть эти образцы и посмотреть, что нужно взять для себя и изучить методическую сторону дела. Наркомпрос настоятельно рекомендует заимствовать хороший опыт, который имеется в других школах, хотя бы даже в другом районе» [Там же, с. 17].

Особое внимание докладчик уделил непосредственно культуре речи: «Я считаю, товарищи, что учитель своим поведением должен быть образцом для ученика: каждое его движение, каждое слово, внешний вид (одежда) должны быть образцом. Если ученики некультурно говорят, то их надо поправлять, это элементарное правило. Культура речи школьникам прививается всей правильно поставленной учебно-воспитательной работой в школе... Особая роль и ответственность возлагаются на преподавателей литературы, от умения которых организовать дело многое зависит. Для привития культуры речи школьникам они должны особенно помочь, организуя литературные кружки, литературные викторины, с художественным чтением произведений, с составлением литмонтажей, систематическим выпуском литературной газеты и т. д. Не говоря уже о самом преподавании литературы, значение которой в развитии культуры речи огромное, тут наряду с содержанием можно оттенять все мелочи и детали» [Там же, с. 21].

Такое состояние дел было характерно не только для Мордовии, но и для всей страны в целом. По мнению Е. М. Балашова, общий уровень грамотности в первую

очередь был вызван неблагоприятными экономическими условиями, нерегулярными занятиями в холодных классах, при свете коптилок, с огрызками карандашей в озябших руках, что, разумеется, не способствовало усвоению грамматических навыков. Не могли способствовать ему и сами учителя, значительную часть которых к середине 1920-х гг. составляли не слишком грамотные люди, не имевшие специального учительского образования и не способные к педагогическому осмыслению своей работы. Однако и выпускники педагогических учебных заведений не отличались высоким уровнем грамотности. «На смену старому грамотному учителю идет недостаточно грамотный новый учитель... — писал педагог словесник. — И не только краткосрочные курсы, наспех подготавливающие потребные кадры учительства для массовой школы, дают таких, не вполне постигших грамотность учителей, но и наши педтехникумы, ставящие своей задачей подготовку квалифицированного учительства...» [1, с. 14]. Основная причина повсеместного падения уровня грамотности, как подчеркивает Е. М. Балашов, заключалась в том, что произошло общее снижение требований к изучению русского языка, и в частности грамматики [2, с. 138].

Культура речи, культура грамотности общества неразрывно связаны с историческими и социальными факторами. «Школа в России всегда ставила на первый план государственную задачу и, в соответствии с этим, всегда стремилась формировать новое поколение в духе государственной идеологии» [2, с. 186].

Развитие культуры речи в условиях становления образования в Мордовии проходило те же этапы, что и в стране в целом. Образование мордовской автономии активизировало этнокультурные процессы, способствовало развитию национальной школы, возрождению национальной культуры и потребности обучения на родных языках, усилилась программно-методическая работа, создавалась учебная литература для мордовских школ. Все это давало хорошую почву для развития культуры речи и речевого общения.

Литература

1. **Афанасьев П. О.** Об орфографической грамотности учителя / П. О. Афанасьев // Народный учитель. 1926. № 5.
2. **Балашов Е. М.** Школа в российском обществе 1917 — 1927 гг.: становление «нового человека» / Е. М. Балашов. СПб., 2003.
3. **Львов М. Р.** Основы теории речи / М. Р. Львов. М., 2002.
4. **Львов М. Р.** Риторика. Культура речи / М. Р. Львов. М., 2003.
5. Мордовия : энцикл. Саранск, 2003. Т. 1.
6. Первое республиканское совещание словесников. Саранск, 1936.

Поступила 25.09.2009 г.

УДК 322(470.345)

А. К. Моисеев

A. K. Moiseev

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

MODERN ETHNIC AND RELIGIOUS SITUATION IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: конфессии, религии, религиозная ситуация, межконфессиональный паритет, толерантные взаимоотношения, конфессиональный постулат, экстремизм, терроризм, этноконфессиональный конфликт, ислам, ваххабизм, нетрадиционные религиозные организации.

Статья посвящена анализу состояния межконфессиональных отношений в Республике Мордовия и предпринимаемых мер по противодействию этноконфессиональным конфликтам и экстремистских проявлений. Автор рассматривает проблему координации и взаимодействия органов власти республики, правоохранительных и иных заинтересованных органов в совершенствовании межконфессиональных отношений. Особое внимание уделено взаимодействию властных структур РМ с нетрадиционными конфессиями.

Key words: confessions, religions, religious situation, inter-religious parity, tolerant interrelations, confession postulate, extremism, terrorism, ethnic and religious conflict, Islam, Wahhabism, nontraditional religious organizations.

The article is devoted to the analysis of the relations between different religions in the Republic of Mordovia and the measures taken by the government to prevent ethnic and religious conflicts, as well as extremists actions. The author touches upon the ways of coordinating and interacting of the authority organs of the republic, law machinery and other institutions involved in the process of perfecting the relations between different confessions. Special attention is paid to the relations of the government bodies of the Republic of Mordovia with nontraditional religious organizations.

В Послании Главы Республики Мордовия Н. И. Меркушкина Государственному Собранию РМ на 2009 г. подчеркивалось, что одной из основных задач для органов государственной власти республики должна быть деятельность, направленная на сохранение сложившихся традиций межнационального согласия, мира и дружбы между людьми разного вероисповедания [2].

Проблема межконфессиональных отношений для республики имеет очень важное значение, так как исторически она является многоконфессиональным регионом и необходимо поддерживать толерантность в отношениях между представителями различных религий.

Общепризнано, что возникновение межрелигиозных противоречий в поликонфессиональных регионах неизбежно. Любой религии свойственно естественное стремление к расширению своего влияния, что приводит к сужению сфер влияния других конфессий. Подобные ситуации несут в себе потенциал конфликтности и порождают некоторые политические дискуссии. Все это отражает культурное богатство

российских регионов, но одновременно чревато возможностью возникновения и обострения этнорелигиозных противоречий.

Согласно Закону РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» все конфессии в России равны перед законом, имеют одинаковый статус религиозных организаций [1]. Однако это обстоятельство не может ликвидировать особенностей системы ценностей и религиозного действия, присущих различным типам конфессий. В целях стабильности религиозной ситуации необходимо соблюдение сложившегося межконфессионального паритета, отказ от некорректного насаждения каких-либо идей и конфессиональных постулатов. Именно на таких принципах и происходит развитие религиозной ситуации в Республике Мордовия.

Подавляющее большинство верующих в республике придерживаются православного вероисповедания и относится к самой многочисленной религиозной организации России — Русская православная церковь (далее — РПЦ). К Саранской и Мордовской епархии относится самое значительное количество религиозных организаций — 288.

Большое значение в конфессиональной политике республики придается сотрудничеству государственных структур с Саранской и Мордовской епархией. В Мордовии действуют более 277 приходов, 13 монастырей, для подготовки кадров священнослужителей создано Саранское духовное училище, в Саранске постоянно работают Православные катехизаторские курсы, открыты детско-юношеские воскресные школы при храмах [3]. Плодотворный диалог органов государственной власти РМ с Русской православной церковью благоприятно отражается на обеспечении социального согласия и стабильности межконфессиональной ситуации в республике. «Во-первых, мы строго придерживаемся принципа светского государства и невмешательства во внутрицерковные дела. Но, с другой стороны, мы рассматриваем церковь как важнейший социальный институт, духовно-нравственную опору общества. Сотрудничество государства и церкви — важнейший фактор обеспечения согласия... Поэтому мы будем делать все от нас зависящее для укрепления авторитета церкви, возвращения ее имущества, возрождения деятельности храмов и монастырей», — объясняет свою позицию по данному вопросу Глава РМ Н. И. Меркушкин*.

В православии руководство Мордовии видит религию, способную заполнить ценностный и идеологический вакуум, объединить общество на основе традиционных ценностей: «В первые постперестроечные годы большая часть нашего общества просто потеряла ориентиры. Многие люди не смогли приспособиться к бурной рыночной жизни. И в такой сложной обстановке надо было хотя бы чем-то привязать этих людей к непреходящим ценностям, например к высокому чувству патриотизма, любви к истории своей Родины, культуре, традициям. Исконная религия многих россиян — православие — несет в себе возможности единения людей, помогает преодолевать ощущение их отчужденности от общества, настроить на позитивные, созидательные дела и в социально-экономической жизни республики», — заявляет Глава Республики Мордовии. Ряд мероприятий в рамках государственно-церковного сотрудничества — визиты Патриарха Алексия II в Саранск, канонизация адмирала Ф. Ф. Ушакова в Санаксарском монастыре, открытие кафедрального

* Здесь и далее использованы материалы Справки к коллегии по вопросам безопасности при Главном федеральном инспекторе по Республике Мордовия.

Святофеодоровского собора и Центральной соборной мечети Саранска — направлены на формирование привлекательного имиджа республики, создание символов новой региональной идентичности, способных объединить население Мордовии.

Государственный комитет Республики Мордовия по национальной политике является исполнительным органом государственной власти, осуществляющим в пределах своей компетенции комплекс мер по совершенствованию этноконфессиональной ситуации в республике. Он совместно с Министерством культуры Республики Мордовия, Поволжским центром культур финно-угорских народов, национально-культурной автономией татар «Якташлар», Исполкомом межрегионального Совета общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» проводит культурно-массовые мероприятия организует научно-практические конференции, направленные на гармонизацию межнациональных отношений и профилактику религиозного экстремизма.

В республике зарегистрированы 44 мусульманские религиозные организации, в том числе 3 централизованные: Региональное Духовное управление мусульман РМ (далее — РДУМ РМ), Духовное управление мусульман РМ (ДУМ РМ) и Центральное духовное управление мусульман РМ (ЦДУМ РМ). Татары Мордовии традиционно исповедуют ислам суннитского толка.

В Мордовии зарегистрирована Еврейская община г. Саранска (председатель — А. И. Дробин). Богослужения проводятся нерегулярно, в основном в здании Саранского Дома науки и техники. Организация насчитывает около 30 членов, проповедующих иудаизм.

Кроме того, зарегистрированы 3 организации евангельских христиан-баптистов, 3 — христиан веры евангельской («пятидесятников»), 1 — свидетелей Иеговы, 3 — лютеранской евангелической церкви Ингрии, 1 — адвентистов Седьмого дня, 1 — общества Сознания Кришны.

Сегодня совершенствование взаимоотношений между православием и другими конфессиями в республике является ключевым и определяющим. Важно, чтобы установилось межконфессиональное взаимопонимание.

В Мордовии отсутствуют исламские движения, способные оказать существенное влияние на региональную религиозно-политическую ситуацию. Однако исламский фактор в политике будет играть заметную роль. Необходимо считаться с тем обстоятельством, что численность мусульманского населения под воздействием демографических и миграционных процессов в России увеличивается.

За постсоветский период в республике резко выросло количество верующих (данные Научного центра социально-экономического мониторинга РМ, 2008 г.). К таковым отнесли себя 80,0 % опрошенных русских, 72,0 — мордвы, 84,6 % татар. На приверженность к православию указали 93,0 % опрошенных, в том числе 98,0 — русских, 97,8 — мордвы и 9,1 % татар. К мусульманам причислили себя 5,6 % опрошенных, в том числе 0,8 — русских, 0,7 — мордвы и 90,9 % татар. В последователи других конфессий зачислили себя 1,4 % респондентов, в том числе 1,2 — русских и 1,5% мордвы. Предложенный в анкете вариант «языческие верования» не выбрал никто.

Респонденты выразили солидарное мнение, что не сталкивались с фактами ущемления их личных прав из-за вероисповедания (92,9 %, в том числе 93,4 — русских, 94,5 — мордвы, 78,0 — татар, 100,0 % лиц иных национальностей).

Определенную позитивную роль в развитии толерантных взаимоотношений между основными этническими группами населения республики играет деятельность духовных образовательных учреждений, к числу которых относятся Саранское духовное училище, православные детско-юношеские воскресные школы (около 120), мусульманские курсы по основам ислама, Корану и арабскому языку.

С целью возрождения традиционных религиозных культур подготовлены и успешно используются в образовательном процессе пособия «Основы православной культуры» и «Основы исламской культуры».

Важное значение для РМ имеет работа в рамках ежегодных соглашений о сотрудничестве между Госкомнацем РМ, республиканскими министерствами здравоохранения, образования, труда и социальной защиты населения, МВД России по РМ, Главным управлением МЧС России по РМ, УФСИН России по РМ и организациями традиционных религий по широкому спектру взаимодействия, прежде всего — по оказанию нуждающимся социально-психологической помощи, нравственному воспитанию граждан.

В республике реализуется проект Госкомнаца РМ и муфтиев о проведении в селах с преимущественно татарским населением совместных акций культурно-просветительного плана, направленных на недопущение распространения идей ваххабизма.

Особое место в деятельности ДУМ РМ, РДУМ РМ и ЦДУМ РМ занимает борьба с наркоманией, пьянством, разъяснительная работа о несовместимости религии и терроризма. В места лишения свободы направляется религиозная литература. В дни мусульманских праздников (Ураза-байрам, Курбан-байрам) с мусульманами, отбывающими наказание в местах лишения свободы, проводятся беседы.

Ценности православной и мусульманской культуры успешно пропагандируют в республике Союз православной молодежи Мордовии и Союз исламской молодежи Мордовии.

На начало 2009 г. в республике зарегистрированы следующие религиозные организации.

1. Саранская поместная церковь евангельских христиан-баптистов «Новая жизнь» (пресвитер — В. Е. Высоцкий).

2. Религиозная организация Церковь евангельских христиан-баптистов «Возрождение» г. Саранска (пресвитер — А. В. Ботнар).

3. Религиозная организация «Свидетели Иеговы» (руководитель — С. С. Колесников). Организация имеет антихристианскую направленность, ее члены проводят активную пропагандистскую деятельность по привлечению граждан в свои ряды путем распространении литературы.

4. Поместная церковь христиан адвентистов Седьмого дня г. Саранска (пастор — Н. И. Власик).

5. Местная религиозная организация «Евангелическо-Лютеранский Христианский приход «Вельмема» (настоятель — А. С. Алешкин).

6. Религиозная организация «Общество сознания Кришны» (руководитель — М. В. Маслов).

7. Религиозная организация церкви христиан веры евангельской «Саранский Христианский Центр» (руководитель — И. Д. Абрамов).

8. Мордовский христианский центр «Добрая Весть и Милосердие» христиан веры Евангельской (пятидесятники) (директор — П. А. Матюхов). Центром создан реабилитационный центр.

литационный центр для алкоголиков, наркоманов и лиц без определенного места жительства, расположенный в д. Нерлей Большеберезниковского муниципального района республики, выпускается газета «Путь Веры» тиражом 7 000 экземпляров.

9. Саранская поместная церковь евангельских христиан «Благодать» Российского Союза евангельских христиан-баптистов (первый пресвитер — Б. Е. Захаров).

10. Библейский центр Республики Мордовия христиан веры евангельской (пятидесятники) (директор — М. М. Пантелейкин).

11. Евангелическо-лютеранский приход Мокша-эрзянской церкви г. Саранска (председатель приходского Совета — В. Н. Мишин).

12. Ковылкинский Евангелическо-Лютеранский приход Мокша-эрзянской церкви (председатель приходского Совета — В. Н. Мишин).

13. Саранская поместная церковь евангельских христиан-баптистов Российского союза евангельских христиан-баптистов (пастор — П. А. Козлов).

В республике действуют также представители общественных организаций религиозной направленности, зарегистрированных в других субъектах Российской Федерации:

— общественно-религиозная организация «Звенящие кедры России», цель деятельности — создание «родовых поместий» в «деревенской глуши» (например, в с. Булгакове Кочкуровского района) для ведения натурального хозяйства, с отказом от благ современного общества (лидеры — Г. Е. Романова, О. В. Солуянова);

— МОО «ПЛЛАСТ и НМ», созданная на основании доверенности «Академии развития С. Пеуновой» (г. Самара) (руководитель — О. Т. Еремина). Организация занимается оказанием психологической помощи путем проведения семинаров на компенсационной основе;

— «Радастея» (основатель — жительница г. Миас Е. Марченко, изобретшая новую науку — ритмологию).

Особенно активно в республике действуют представители протестанских деноминаций (лютеране, баптисты, пятидесятники, и т. д.) Некоторые из них возникли в республике в постперестроечный период (Мокша-эрзянская церковь), другие обрели новую жизнь в результате либерализации конфессиональной политики, после прибытия ряда миссий из-за рубежа (евангельские христиане-баптисты). Причем, если лютеране не пользуются особым влиянием в РМ, то евангельские христиане-баптисты создали влиятельную организацию. Они поддерживают связи с единоверцами за рубежом, располагающими значительными средствами и ведут миссионерскую работу среди молодежи и т. д.

Активно развивается в последнее время в г. Саранске религиозная организация Свидетели Иеговы. Благодаря активной миссионерской работе ее ряды пополняются. Залогом успеха миссионерства, как правило, являются неустроенность судеб, непонимание и безразличие окружающих, неуверенность в завтрашнем дне. Обязательным условием убеждения служит непосредственный эмоциональный контакт с человеком. Для одиноких людей, находящихся в состоянии депрессии одобрение, которое их окружает в общине, безусловно, является привлекательным: «верь наставнику», «влейся в семью», «мы знаем ответ, истинный путь».

Однако за внешней привлекательностью и доброжелательностью Свидетелей Иеговы трезво мыслящий человек может увидеть все те противоречия и агрессивные настроения, которые порождают это учение. В своей деятельности иеговисты

стремятся монополизировать право на истинность вероучения, считая другие религии заблуждением. Поэтому вполне объяснима агрессивность других церквей в отношении Свидетелей Иеговы. Их действия часто противоречат Конституции РФ, сложившимся в республике традициям. Отказываясь, например, от службы в армии без всяких на то оснований, а также выражая открытое презрение государственным институтам, иеговисты пренебрегают исторически сложившимся традициям общества, которые формировались столетиями. Их деятельность нередко ведет к разобщению людей на религиозно-духовной почве, тоталитарному подавлению личного мнения членов общины иеговистов.

В республике имеются и незарегистрированные религиозные организации — Белое братство, «обливанцы» (последователи Порфирия Иванова), сатанисты.

Сегодня межконфессиональное взаимодействие в Мордовии отличается относительной стабильностью, что объясняется, в частности, исчерпанностью резерва для дальнейшего роста уровня религиозности населения и проведением активной профилактической работы. Вместе с тем проявляемая в отдельных случаях активность различных конфессий может вызвать возрастание напряженности на межрелигиозной почве. Поэтому необходимо постоянное совершенствование взаимодействия властных структур региона, органов местного самоуправления с общественными, религиозными объединениями, политическими партиями по вопросам, связанным с профилактикой экстремизма и этноконфессиональных конфликтов.

Литература

1. Закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант плюс».
2. Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию РМ от 25.11.2008 г. // www.e-mordovia.ru/main/glava/pos2008/php
3. Шилов Н. В. Религиозная жизнь / Н. В. Шилов // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2001. № 31, 16 — 30 июня. С. 12.

Поступила 26.08.2009 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айзатов Руслан Рустамович — аспирант отдела теории и истории культуры НИИГН,

e-mail: 89271821840@mail.ru

Аксенова Татьяна Виктровна — научный сотрудник отдела археологии и этнографии НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Афониная Вера Михайловна — аспирант отдела общественно-политических исследований НИИГН,

e-mail: vero26@rambler.ru

Бибина Наталья Михайловна — аспирант отдела социально-экономического развития Мордовии НИИГН,

e-mail: flashart09mail.ru

Бикейкин Евгений Николаевич — кандидат философских наук, заведующий отделом истории НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Булавин Антон Викторович — кандидат философских наук, научный сотрудник отдела общественно-политических исследований НИИГН,

e-mail: bulavin-anton@mail.ru

Ведяйкин Сергей Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Гераськина Инна Николаевна — кандидат экономических наук, преподаватель кафедры экономики и управления на предприятии Мордовского государственного университета,

e-mail: geraskina82@mail.ru

Гусева Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, заведующий отдела теории и истории культуры НИИГН,

e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Гурьянова Любовь Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Задкова Татьяна Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Захаров Алексей Витальевич — аспирант кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета,

e-mail: guniign@list.ru

Ивлиев Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Инюткина Лилия Викторовна — младший научный сотрудник отдела социально-экономического развития Мордовии НИИГН,

e-mail: liliyain@yandex.ru

Ишаева Екатерина Васильевна — аспирант отдела социально-экономического развития Мордовии НИИГН,

e-mail: ikatinka@mail.ru

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом социально-экономического развития Мордовии НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Кирдяева Татьяна Дмитриевна — соискатель отдела литературы и фольклора НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Кириллова Елена Александровна — соискатель отдела археологии и этнографии НИИГН,

e-mail: kirilka1979@mail.ru

Комарова Ирина Владимировна — аспирант отдела археологии и этнографии НИИГН,

e-mail: ira-kom13@yandex.ru

Куришева Галина Александровна — доктор исторических наук, заместитель директора НИИГН по научной работе,

e-mail: guniign@list.ru

Липатова Людмила Николаевна — доктор социологических наук, профессор кафедры экономики кооперации и предпринимательства Саранского кооперативного института (филиала) АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации»,

e-mail: 11n@saranskpribor.ru

Моисеев Александр Константинович — заместитель директора СВФ РПА Минюста России,

e-mail: A.Moiseev60@mail.ru

Пивкина Светлана Васильевна — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Рузавин Лев Николаевич — аспирант отдела общественно-политических исследований НИИГН,

e-mail: lev_ruzavin@rambler.ru

Сальникова Элеонора Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела общественно-политических исследований НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Самуйлова Ирина Николаевна — аспирант отдела истории НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Сафонова Нина Васильевна — учитель истории Саранской средней школы № 9,

e-mail: school9_13@mail.ru

Сокорова Ирина Павловна — аспирант отдела языкознания НИИГН,

e-mail: sokorova@yandex.ru

Спицина Ольга Викторовна — аспирант отдела археологии и этнографии НИИГН,

e-mail: spicina_olga@mail.ru

Тингаева Мария Владимировна — аспирант отдела социально-экономического развития Мордовии НИИГН,

e-mail: tin-mariya@yanex.ru

Цыплякова Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Шаронов Александр Маркович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН,

e-mail: sharon.ov@mail.ru

Шеянова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Шкердина Надежда Олеговна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН,

e-mail: shnadejda@bk.ru

Юрченков Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, директор НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Юрченков Роман Валерьевич — студент 5-го курса юридического факультета Мордовского государственного университета,

e-mail: guniign@list.ru

АРХИВЫ

ГАПО — Государственный архив Пензенской области.

НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия.

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 1 (11) 2009

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*
Редактор *Т. И. Кильдюшкина*
Макет *Л. А. Челкановой*

Подписано в печать 20.11.2009. Формат 70 x 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №

ГУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430000 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.